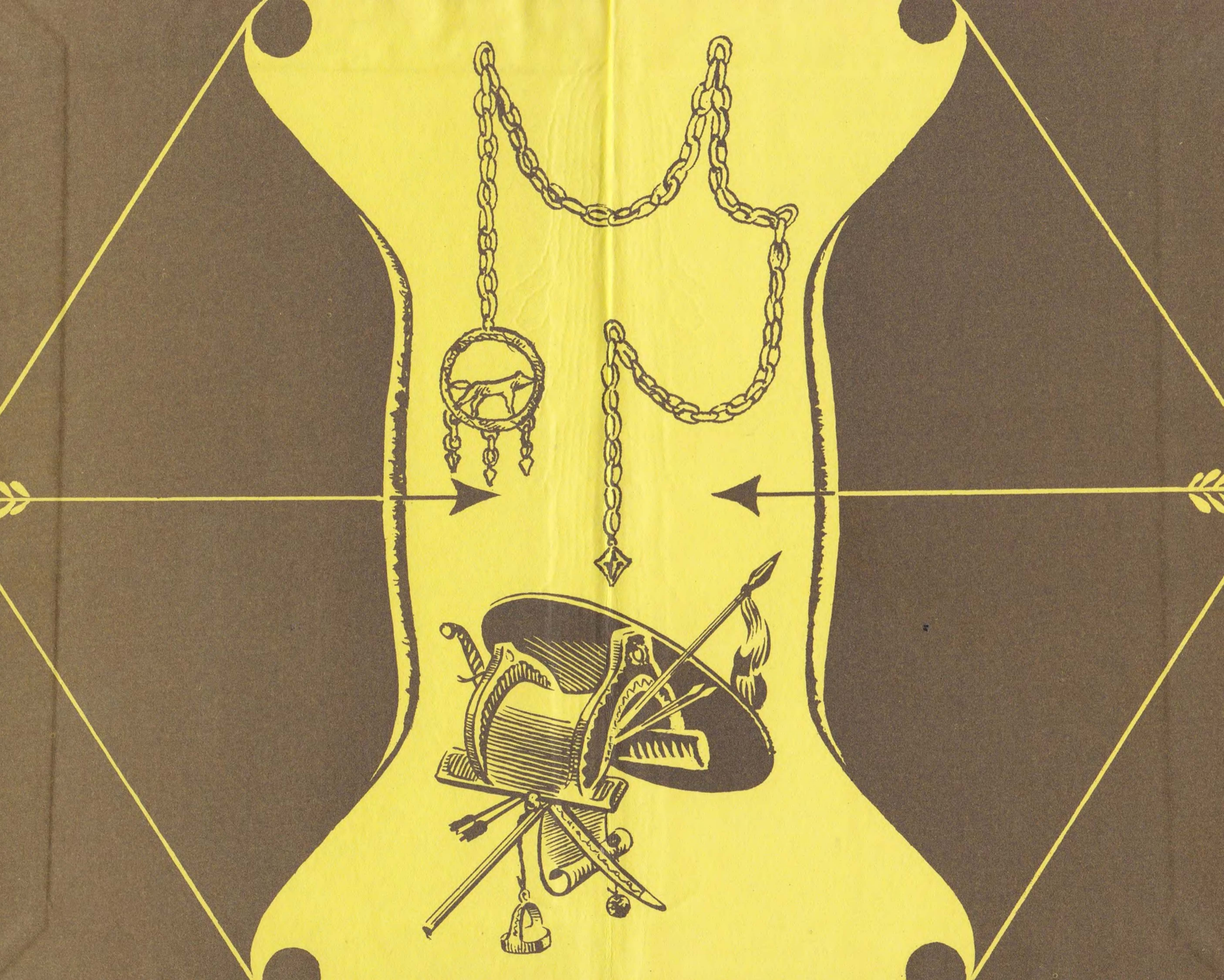

БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЭПОС

Scan Kreyder - 17.03.2019 - STERLITAMAK

БАШКОРТ ХАЛЫК ИЖАДЫ

---

10 ТОМ

Тарихи хикәйттәр, кобайырҙар

ӨФӨ
«КИТАП»
1999

БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ТОМ 10

Исторический эпос

УФА
«КИТАП»
1999

ББК 82.3 Баш
Б—33

Редакционная коллегия:

Н. Т. ЗАРИПОВ — главный редактор,
Н. В. БИКБУЛАТОВ, С. А. ГАЛИН, Р. Г. КУЗЕЕВ,
Ф. А. НАДРШИНА, А. М. СУЛЕЙМАНОВ, З. Г. УРАКСИН,
А. П. ФИЛИППОВ, Г. Б. ХУСАИНОВ.

Составитель, автор вступительной статьи
и комментариев НУР ЗАРИПОВ.

Ответственный редактор тома Р. Г. КУЗЕЕВ.

Б—33 Башкирское народное творчество. Т. 10. Исторический эпос. — Уфа: Башкирское издательство «Китап». 1999. — 392 с.

В настоящем томе свода публикуются героические сказания, созданные на основе исторических событий XIV—XIX вв.

Б 4102110500—179 26—99
М 121 (03)—99

ББК 82.3 Баш

ISBN 5-295-01590—4
ISBN 5-295-00637—9

© Текстологическая подготовка, составление,
вступ. ст., коммент. Н. Т. Зарипова, 1999 г.
© Башкирское книжное издательство «Китап», 1999 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ.

Представленные в этом томе эпические сказания, в отличие от мифологического героического эпоса (см. том 1), относятся к средневековому и новому периодам истории. Разнообразны они по форме повествования, сюжетостроению и особенностям изображения героев. Не всегда ясна конкретно-историческая основа отображаемых событий. Объединяет их тема защиты родной земли, борьбы за социальную справедливость.

Отечественная фольклористика ныне располагает значительными исследованиями соотношения эпических сюжетов с исторической действительностью¹. Но башкирский фольклорный материал в данном аспекте еще не подвергался целостному изучению. Можно сослаться лишь на отдельные статьи последних лет, главным образом об эпосе «Идукай и Мурадым»².

Исторические сказания (не только башкирские) отражают, как правило, феодальную действительность, когда усиливается противостояние народов на основе возрастающих чувств государствен-

---

¹ Путилов Б. Н. Типология фольклорного историзма // В кн.: Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975; он же. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1975; он же. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1888; Азбелев С. Н. Эпос и история (один из теоретических аспектов) // Русский фольклор. Т. XX: Фольклор и историческая действительность. Л.: Наука, 1981; он же. Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982; он же. Народный эпос и история (К изучению национального своеобразия) // Русская литература, 1983. № 2. С. 104-117; Петросян А. М. История народа и его эпос. М.: Наука, 1982; Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени. М.: Наука, 1989.

² Нур Зарипов. «Изеүкэй менән Моразым» эпосына қарата (Предисловие к публикации эпоса «Идукай и Мурадым» на башкирском языке) // Жур. «Агидель». 1989. № 1; он же. Эпостың тарихка мөнәсәбәте (Отношение эпоса к истории) // Там же. 1989. № 2; он же. Тарих һәм эпос (История и эпос) // Газ. «Башкортостан». 1992. № 49-52; он же. Отражение национального самосознания в народном творчестве // Башкирский фольклор: Исследования и материалы. Уфа, 1993. С. 7—25.

ной самостоятельности и патриотизма, укрепления их национального самосознания, самоутверждения. Вместо прежних героев с чудесными свойствами выдвигаются памятные исторические личности, которые в эпосе получают окраску, соответствующую чаяниям народа, его социальным и нравственным устремлениям. Эти герои превыше всего ставят интересы своего народа, вступают в бой не только во имя защиты своей родины от посягательств, но, нередко, и ради расширения обетованной земли или преумножения богатств. «Феодальная» действительность тюркских народов средневековья была сильно окрашена проявлениями героической эпохи с ее родоплеменной атрибутикой. Так сложившаяся в глубине веков традиция народного эпического творчества формировала героический образ известных исторических личностей, что, конечно, не совпадало с идеологизированной схемой официальной исторической науки. В условиях сталинизма, когда укоренился вульгарно-социологический подход к художественным ценностям, произведений, отражающие историческое прошлое с точки зрения народного понимания истории, расценивались как националистические, реакционные.

Такая участь постигла общетюркский эпос «Идиге» (так принято называть исторические сказания об известном золотоордынском военачальнике Едигее), кубаиры «Мэргэн и Маянхылу» о борьбе башкир против Ногайского ханства, «Карасакал» об одном из крупных восстаний башкир XVIII века против колониальной политики царизма, «Юлай и Салават» о сподвижниках Емельяна Пугачева в Крестьянской войне 1773-1775 гг. В постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. эпос «Идиге» был расценен как «ханско-феодальный», в другом постановлении, принятом спустя шесть месяцев (27 января 1945 г.) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы Башкирской партийной организации», в числе литературных произведений был осужден сборник «Эпос о богатырях», в котором были опубликованы названные кубаиры. В них якобы «не проводится разграничение между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодальное прошлое башкир»³.

Эпос об Идиге, упомянутые кубаиры о предводителях башкирских восстаний были преданы забвению. До середины 1980 гг. в отношении этих произведений высказывались противоречивые суждения. Крупные ученые, обращая внимание на эпос «Идиге», подчеркивали, что эпос — не летопись, он не является прямолинейным отражением исторической действительности⁴. Теоретические вопро-

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Изд-во полит. лит.-ры. 1985. Т. 7. С. 540.

⁴ Боровков А. К. Вопросы изучения тюркского эпоса народов Средней Азии и Казахстана// Вопросы изучения эпоса народов СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 77.

сы эпоса рассматривались и в других исследованиях⁵. Особенно много труда вложил в изучение тюркского эпоса В. М. Жирмунский⁶. Изучая казахский и ногайский эпический репертуар в историко-сравнительном аспекте, он показал, что кажущийся «историзм» эпических произведений далеко не всегда является непосредственным отражением исторической действительности. По его утверждению, «в казахских богатырских песнях» выступают самые разнообразные «языческие» ханы калмыков или кизилбашей, которые, подобно татарам в русских былинах, являются здесь стереотипными врагами казахского народа, и войны с этими врагами нередко приписываются историческим персонажам, которые (как, например, Нуреддин, сын Едигея) жили задолго до первых столкновений с этими врагами»⁷. Фольклористам в республиках, занимавшимся изучением национальных вариантов эпоса, просто не давали ходу, пугая упомянутыми постановлениями ЦК ВКП(б). Именно по этой причине эпос об Идукае и Мурадыме и кубайры о башкирских восстаниях XVIII в. выпали из свода «Башкирское народное творчество» в 18 книгах, изданного в 1972-1985 гг.

О башкирских вариантах эпоса «Идиге» было известно еще в конце XIX в., благодаря публикациям фрагментов в записи историка и писателя-просветителя Мухаметсалима Уметбаева (1841-1907). Устное бытование песен об Идукае и Мурадыме среди башкир в начале XX столетия подтверждалось в статьях Ахметзакия Валиди-Тугана (1890-1970)⁸. Однако относительно цельные тексты записаны лишь в 20—30-ые годы XX в., а две записи сказочного варианта «Изиге» сделаны в 1959 и 1967 гг. Всего зафиксированных текстов — 15. В том числе: фрагментарных — 6, цельных — 9. Кроме того имеются свободный текст в двух вариантах и его рабочие экземпляры. (Подробности см. в комментариях и приложениях к ним).

По основным мотивам башкирские варианты относятся к трем версиям.

1) Варианты, записанные в южных и юго-восточных районах Башкирии (в приложенном описании вариантов — 8-й, 9-й, 10-й, а

---

⁵ Чичеров В. И. Вопросы изучения эпоса народов СССР // Там же. С. 5—23; Петросян А. А. Указ. соч.

⁶ Жирмунский В. М. Итоги и задачи изучения эпического творчества народов Средней Азии // Материалы Первой Всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4-11 июня 1957 г. — Ташкент, 1958; Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР; Сравнительное изучение героического эпоса народов Средней Азии. М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР); П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» // Тюркологический сборник. 1972. — М., 1973; Тюркский героический эпос. Л., 1974.

⁷ Жирмунский В. М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии. С. 48.

⁸ Валиди З. Жырларымыз хакында (О наших песнях) // Шура, 1911. № 10, 14, Бөржән башкортлары арасында (Среди башкир-бурзянцев) // Там же. 1913. № 19—20.

также сказочные варианты «Изиге») составляют одну версию, близкую к ногойско-казахской в записях Ч. Валиханова, М. Османова, А. Диваева и др.

2) Другую, совершенно отличную от всех (в том числе иноязычных) вариантов версию представляет текст А. Г. Бессонова «Богатырь Едиге», записанный также в юго-восточном регионе Башкирии (3-й). В нем Туктамыш и Сатмыр-хан совмещены в лице одного персонажа под именем Тимур-хан или Тимер-хан (записано двояко). Рассказанная в стиле богатырских сказок, версия изображает Едиге необычайно сильным и добродушным батыром, напоминающим своим незлобным отношением к хану-обидчику Таргын-батыра, героя одноименного сказания.

3) Публикуемый текст М. Бурангулова, реконструированный из его же записей, сделанных в юго-западной части Башкирии, и рукописи 1762 года, представляет третью версию.

Фрагментарные варианты (1-ый, 2-ой, 4-ый и 5-7-ые) отражаются как в первой, так и третьей версиях.

Собиранием вариантов эпоса «Идукай и Мурадым» особенно активно занимались двое из ревнивых поклонников народного творчества: Наки Исанбет (1899—1992) и Мухаметша Бурангулов (1888—1966).

Н. Исанбет, уроженец дер. Малояз нынешнего Салаватского района Башкортостана, впоследствии известный татарский поэт и драматург, в 1923—1929 годах будучи учителем в школах г. Уфы увлеченно собирал версии эпоса. Сводную запись, сделанную на основе текстов, полученных от башкирских сказителей и других собирателей в юго-восточных районах Башкирии (9-й вариант в нашем описании), Исанбет подготовил к изданию, снабдив текст обстоятельной вступительной статьей и комментариями. В 1930 г. текст был представлен в Научное общество по изучению культуры и быта башкир, преобразованное в том же году в Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры. В 1930 г. Н. Исанбет переехал в Казань. Собранный в Башкирии материал он использовал при составлении сводного текста «Идегей» (опубликован под названием «Татар халык дастаны Идегей»⁹).

М. Бурангулов родился в дер. Верхне-Ильясово, что находится на берегу р. Тук в Оренбургской области. В 1911 г. окончил высшее Медресе «Хусаиния» в Оренбурге, до 1938 г. работал учителем башкирского языка и литературы в средних школах и техникумах. Параллельно занимаясь сбором фольклорного материала и драматургическим творчеством на их основе (написал 11 пьес), он слыл знатоком башкирского фольклора и языка. За большие заслуги в деле сохранения и продолжения традиций сказительского искусства

---

⁹ О фольклористической деятельности Н. Исанбета см.: Надилов И. Н. Итоги и проблемы изучения татарского фольклора // Фольклористика Российской Федерации. Л., 1975; его же. Татарская фольклористика // 50 лет поисков и открытий. Казань, 1989. С. 99—100.

ва ему было присвоено в 1944 г. почетное звание «Народный сэсэн Башкирской АССР»¹⁰.

Начиная с 1907 г., М. Бурангулов собрал много материала, в том числе архаического эпоса «Урал-батыр», «Акбузат», «Шестилетний Алпамыша», «Кара-юрга», но крайне мало заботился о публикации своих записей. Желая заполучить для науки тот клад, который М. Бурангулов носил в своей памяти, или хранил в личном архиве взаперти, его принимают в 1938 г. в штат Башкирского научно-исследовательского института языка и литературы им. Мажита Гафури. Впервые здесь он занялся упорядочением своих фольклорных записей, накопленных за 30 лет. В результате фольклорный фонд института пополнился бесценными поэтическими текстами названных героических сказаний, а также ряда эпических сюжетов, известных по другим вариантам, множества старинных народных песен с их легендами, обрядового фольклора и других жанров.

В 1940 г. М. Бурангулов составил сборник «Идукай и Мурадым. Башкирские народные кубаиры» (130 с. машинописи), в который было включено четыре варианта этого эпоса. Но сборник не вышел в свет и был расформирован...

Публикации помешала не только начавшаяся Отечественная война. Литературная общественность желала видеть не отдельные, разрозненные варианты эпоса, а единое монументальное эпическое произведение, которое художественной целью отвечало бы возросшим идейно-эстетическим запросам времени. В этих целях с 1939 г. по поручению Башкирского обкома ВКП(б) поэты Рашит Нигмати и Баязит Бикбай при участии историка Абубакира Усманова работали над составлением сводного текста «Идукай и Мурадым». К ним впоследствии присоединился и Мухаметша Бурангулов. Работа была завершена в 1940 г., но тоже не издана (описание текста см. в приложении).

Подобную работу провели и в Казани (в приложении — 3-й татарский, «научно-критический текст», составленный по решению Института языка, литературы и истории в Казани).

Сборник М. Бурангулова содержит наиболее старинный вариант эпоса. Среди машинописных листов, использованных М. Бурангуловым для рукописи публикуемого в настоящем томе текста «Идукай и Мурадым», обнаружены титульный лист и некоторые страницы сборника, в том числе его оглавление с указаниями источников подготовленных к публикации вариантов. По ним можно установить, что вторым вариантом была представлена запись, сделанная в Баймакском районе (она составила 21 страницу сборника, л. 82—112; 15 из них можно восстановить). Видимо, это — вариант, записанный С. Мирасовым, — в нашем описании 6-ой; третьим (л. 113—122) — вариант Ч. Мусина (в описании — 8-ой); чет-

---

¹⁰ О жизненном пути и творческом наследии М. Бурангулова см.: Сказительское и литературное творчество Мухаметши Бурангулова (Сб. материалов научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения сэсэна в 1988 г. в Уфе). Уфа: БНЦ Уро РАН, 1992. 120 с.

вертым (л. 123—130) — К. Ульябаева (в описании — 9-ый). О первом варианте сказано, что он был получен в 1910 году от Гимадия Галаутдиновича Каскынова, жителя дер. Нижне-Ильясово Бузулукского уезда Самарской губернии (ныне в Оренбургской области). «Дедом этого человека был Гумер. Дедом Гумера — Каскын. Им записан (текст сказания) в 1762 году. В шежере — родословной, сохранившийся у них, Каскын указан внуком Мурадыма»¹¹...

Текст этого варианта занимал 81 страницу сборника.

Данные свидетельствуют о том, что эта запись была сделана еще в XVIII столетии, т. е. более, чем за полувек до первой публикации эпоса об Идиге в «Сибирском Вестнике» Спасского. Она, по утверждению А. Чанышева (ученого секретаря Башкирского НИИЯЛ), была самым большим вариантом из тех, что имелись в 1940 г. в фольклорном фонде института¹².

В таком случае откуда и как появились варианты, опубликованные М. Бурангуловым в 1940 году в газете «Кызыл Башкортостан» и журнале «Октябрь»?

Ни рукопись, ни машинопись текста, опубликованного в журнале, не сохранились. Газетный текст появился после расформирования названного сборника из четырех вариантов эпоса. Об этом свидетельствует тот факт, что сохранившаяся рукопись этого варианта (Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 220) сделана на оборотной стороне машинописных листов, в числе которых оказались титульный лист и отдельные страницы данного сборника. Среди них обнаружены многие машинописные листы из журнального текста. Значит, он существовал до появления газетной публикации. Сличение этих двух текстов убеждает, что они представляют одну и ту же версию сказания. Причем журнальный текст полностью вошел в текст газетной публикации.

Мы полагаем, что в основе журнального текста (следовательно, и в первооснове газетной публикации) лежит запись 1762 года (не могла же столь ценная запись быть просто отброшенной). Прямым подтверждением этого служат, во-первых, совпадение паспортных данных журнального текста и записи 1762 г.; во-вторых, текст в отличие от других вариантов завершается перечислением потомства Мурадыма, в числе которого называется и Каскын — имя автора записи 1762 г. И, в-третьих, небольшая разница в их объеме: в сборнике запись 1762 г. занимала, как сказали, 81 страницу машинописи на латинской графике (на странице, судя по обнаруженным частям II варианта, — от 29 до 32 строк), объем журнального текста — чуть больше 93 страниц машинописи на русской графике (на странице — 28 строк).

Что касается публикуемого текста, то он составлен М. Бурангуловым на основе записи 1762 года и других вариантов, включенных

---

¹¹ Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 220.— Обратная сторона листов 116 и 231 (второй экз.).

¹² Чанышев А. Башкорт халкының гениаль ижады (Гениальное творчество башкирского народа) // Газ. «Кызыл Башкортостан». 1940, 26 апреля (на башк. яз.); то же // Газ. «Коммуна». 1948, 28 апреля (на тат. яз.).

в названный сборник 1940 г. В развитие сюжета внесены мотивы-эпизоды, извлеченные им из бытовавших и бытующих до сих пор устных рассказов-преданий о борьбе башкир не только в защиту своих земель от пришлых ханов-захватчиков, но и против родовых биев, ведших междоусобие за верховенство внутри страны. Так М. Бурангулов, прошедший сказительскую школу у знаменитых башкирских сэсэнов и имевший достаточный опыт по записи и восстановлению полузабытых фольклорных произведений (см. об этом в последнем разделе статьи), создал версию эпоса, значительно отличающую от других версий.

* * *

Ни одно из эпических сказаний тюркских народов не получило столь широкое распространение, как эпос «Идиге» — от Иртыша и Алтая до Крымского полуострова, от Сырдарьи до верховьев р. Яик (Урал) и устьев Камы. Вся эта обширная территория с многоэтничным, преимущественно тюркским составом населения находилась с 1236 г. почти до конца XIV в. под пятой монгольских завоевателей. География бытования башкирских вариантов эпоса — Башкирское Зауралье (нынешние Баймакский и Абзелиловский районы республики Башкортостан), вся южная и юго-западная Башкирия и Оренбургская область (долина рек Тук и Соран) — территория, которая после распада Золотой Орды вошла во владение Ногайского ханства.

В основе эпоса лежат исторические события, относящиеся к концу XIV — началу XV в. — периоду политического кризиса и распада Золотой Орды и утверждения в Средней Азии на Востоке в целом новой мировой державы Тимура. Политические отношения Золотой Орды с Западом (известная битва на Ворскле, походы на Москву и др. русские города) полностью выпали из поля зрения как башкирских, так и других тюркоязычных сказителей. Историческое содержание эпоса во всех его версиях очерчивается междоусобицей и борьбой между Токтамышем, Идиге и Тимуром. Политические мотивы борьбы, соперничество династий и интриги претендентов на престол заменены «личными отношениями между Токтамышем, несправедливым и жестоким ханом, и Идиге, его мудрым вельможей и храбрым военачальником, на стороне которого народные симпатии». А личные противоречия между несправедливым ханом и его честным вассалом являются «типичным конфликтом для эпоса феодальной эпохи»¹³.

Общность исторических основ обусловила и общность действующих лиц эпоса. Они различаются в национальных версиях лишь фонетическими особенностями выражения их имен (что отмечено в комментариях). Это не только центральные герои (Идукай, Мурадым, Туктамыш, Кадирбирде, Сатмыр-хан), в образе которых подразумеваются известные исторические личности (Едигей, Нуреддин, Токтамыш или Тохтамыш, Кадырбирде, Аксак-Тимур — Та-

---

¹³ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. С. 378.

мерлан)¹⁴, а также легендарные персонажи, происхождение которых зачастую остается неясным. Но отождествлять персонажи эпического сказания с известными историческими лицами нет оснований. Даже в том случае, когда имя персонажа прямо коррелируется с именем известной личности, например, Туктамыш — Токтамыш. Эпос не представляет полномерный образ исторического Токтамыша — хана Улуса Джучи, который настойчиво пытался в 80-90 гг. XIV века возродить могущество Золотой Орды. Напротив, эпический Туктамыш напоминает больше сказочного царя-простака, который только тем и занимается, что выслушивает советы везиров и жены, дает трудные поручения герою.

Такое же принципиальное отклонение от исторической реалии просматривается в образах Идукая и Мурадима, других персонажей, а также героев и их противников в последующих кубаирах.

О Едигее известно, что он происходил из племени Мангыт (Мангут), пришедшего из Монголии в составе войск Чингизхана. На исторической арене он появляется почти одновременно с Токтамышем. Характеризуется талантливым военачальником (темником, эмиром), но человеком двуликим, ненадежным и коварным. Академик В. В. Бартольд, изучив исторические источники и легенды о нем, пришел к выводу: «Исторический Едигей столько же мало походил на своего отца, как и на Едигея легенды, рассматривающей все события с точки зрения личных отношений между Едигеем и Токтамышем»¹⁵.

В эпосе он изображается в рамках традиций эпического творчества.

Эпический сюжет чаще всего воспроизводит три периода жизни героя: удивительного детства, богатырской зрелости, периода высшего его могущества как правителя, заканчивающегося гибелью героя. Версии и варианты эпоса об Идиге при всем их различии имеют такое же развитие действия. Мы ограничимся обозрением главным образом башкирских версий. Существенная особенность башкирских версий связана с образом главного героя.

В других национальных версиях эпоса вначале повествуется о родителях Идиге. Рассказ этот имеет многовариантность, но суть одна: Идиге — человек необычного происхождения. Во многих вариантах его отцом является старец Баба Тукляс, а мать — водяная девушка (или девушка-лебедь, дочь пери), встреча и женитьба которых носят сказочно-фантастический характер. В башкирских версиях этого рассказа или нет вовсе, или отцом Идукая лишь упоминается Тукляс, сын Бабы Газиза, «одаренного богом (Тәңре) святостью» (9-ый вариант — запись Н. Исанбета). В восьмом варианте (запись С. Мирасова) упоминается и мать Идукая — дочь морского царя. Но в данной башкирской версии по записи Исанбета чудесное путешествие в подводное царство совершает не Баба

---

¹⁴ Во избежание путаницы здесь и дальше имена персонажей называются по башкирскому варианту, а имена их прототипов — по тому, как приняты в исторической литературе.

¹⁵ Бартольд В. В. Отец Едигея // Его же. Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. 1. С. 804.

Тукляс, а Идукай. С этим связано и другое отличие варианта Исанбета: не Идукай, а Мурадым родился от русалки, на которой Идукай женился на тех же условиях, что и в ногайских и казахских вариантах (см. 9-ый вариант). В других башкирских вариантах Идукай — ребенок-найденый, которого приносят к хану его пастухи (версия по записи Бессонова), или юноша-сирота, который приходит к хану Туктамышу в поисках работы и нанимается пастухом (один из традиционных мотивов в эпосе и сказках). А в вариантах третьей версии он — сын знаменитого охотника. Отсутствие мотива чудесного рождения — характерная особенность всех башкирских народных эпических сказаний.

Принципиальное значение для определения места эпоса «Идиге» в эволюции эпического творчества тюркских народов имеет наделение героя высоким умом. Главной чертой Идукай является неординарность ума, которую он начинает проявлять еще в детстве, мудро решая споры между людьми (см. 38-ое примечание). Проявление в судах юным Идукаем сомоновой мудрости — это, конечно же, лишь образное представление той желанной справедливости, к которой извечно стремился и стремится народ. Но это означало приближение эпоса к реальной действительности.

В вариантах С. Мирасова и Н. Исанбета, также в публикуемом тексте, суды перенесены на зрелые годы героя, когда он назначен Туктамышем главным или старшим судьей, или главным бием. Обратим внимание: в эпосе Идиге-Идукай — не темник Золотой Орды, как это было в исторической действительности, а справедливый судья. Это давало сказителям большую возможность для реалистического изображения умственного превосходства героя над Токтамышем и его везирами.

Характерно, что «дворцовые» события в башкирских вариантах развертываются примерно в тех же ситуациях, что и в других национальных вариантах. Главным мотивом заговора Туктамыша против Идиге является боязнь хана своего загадочного пастуха: каждый раз, когда он появляется, тот вздрагивает, или неволью встает с места. Чувство страха хана подогревается словами его жены: «Этого наемника предназначение выше вашего предназначения»¹⁶. Этот мотив рока с незначительными отличиями в деталях присутствует и в башкирских вариантах А. Бессонова, К. Ульябаева и в публикуемой сказочной версии «Изиге». В записи Н. Исанбета завязка конфликта подкрепляется зловещим сном Ханбики. Этого нет в ногайских, казахских и других версиях, но несколько в иной редакции повторяется в 4-ом, 8-ом вариантах (см. примечание 45) и во второй записи варианта «Изиге» (7-ое примечание). Этот общий мотив в тексте М. Бурангулова сплетается с любовными интригами (гл. VIII), имеющими место и в некоторых казахских вариантах (39-ое примечание).

О сказочных формах стремления уничтожить Идукай подробно сказано в комментариях (примечания 46-48). Это тот конфликтный

---

¹⁶ Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова // ЗИРГО по отделению этнографии. СПб., 1904. Т. XXIX. С. 239.

узел, который разрешается в рамках распространенного в мировом фольклоре сюжета, называемого «изгнание несправедливо оклеветанного героя»: оскорбленный Идукай уходит к Сатмыр-хану и, получив от него помощь, возвращается и разрушает ханское гнездо Туктамыша.

Фольклорно-национальная определенность образа Идукая, вместе с тем и социальная целенаправленность его богатырских деяний, ярко выражаются в повествованиях о переживаниях молодого героя после ухода пяти родовых батыров к Туктамышу, доверившись его лживым обещаниям (гл. III), о сплочении им вокруг себя стойких единомышленников и создании войска во главе с батырами, о кровавых битвах с предателями Дамми-бием и Ыршак-бием, грабящими заодно с ордынцами собственный народ (гл. IV и V).

Здесь, равно как и в последних главах (XXIII и XXIV), в которых повествуется об объединении башкирских племен и окончательном разгроме как внешних, так и внутренних врагов, конечно, нельзя усматривать прямое отражение исторических фактов и событий, связанных будто с деятельностью некоей «политической организации». Но это и не домысел сказителя. Эпизоды войны с биями Дамми и Ыршак извлечены из легенды «О батырах Илукае, Келяйле и Яике» (см. 10-ый вариант), другие основаны на многочисленных преданиях о настойчивой борьбе башкир против монгольских завоевателей. Подобного рода устные рассказы поныне бытуют в различных районах республики. Напомним лишь некоторые.

Известно, что поход Батый-хана против Булгарского государства в Поволжье (1236 г.) проходил через Южный Урал. Согласно воспоминаниям современников, когда подвластные Батыю войска соединились «в пределах Булгара», от их множества «земля стонала и гудела», от шума полчищ «остолбенели дикие звери и хищные животные»¹⁷. Но войско Батыя встретило упорное сопротивление местных племен. Об этом свидетельствует «Рассказ о Бачмане и уничтожении его»¹⁸, в котором обрисован трагический образ кыпчакского батыра. Бачман собрал в горных лесах отряд из беглых «кыпчакских удалцов». Оказываясь каждый день на новом месте, отряд нападал на захватчиков, не давал им покоя. Рассказ дошел до наших дней и в устной бытовании среди башкир западных районов Башкирии (см. БНТ. Т. 2. № 190: «Бошман-кыпсак-батыр»).

В памяти народа сохранилось немало подобных героических преданий. Так, в 1924 г. стошестилетний старец Мухаммади-бабай из племени усерган поведал Мукиму Рахматуллину такую «исто-

---

¹⁷ Тизенгаузен В. С. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений. М.-Л., 1941. Т. II. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 24. Повторяется в извлечении из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина. С. 35-36. В сноске на странице 23 назван вариант этого рассказа в китайских источниках, в котором «почти буквально изложено то же», но герой назван «Бацимак» («История первых четырех ханов из дома Чингизова». СПб., 1829. С. 272, 303-304), а в сб. E. Bretschneider «Mediaeval Reserches» (1.p.312)-Ba-ch-i-man.

рию»: «Семьсот лет назад башкиры организованно противостояли пришлым врагам. Башкирские племена были воинственные и храбрые. На войне бывали и поражения. Башкирские племена были одолены ханами Золотой Орды». И старик пропел песнь о том времени:

Золотой Орды ханство
Пришло в страну храбрецов,
Долины Узени и Яика
Залило кровью удальцов.
Славную страну захватив,
Натворило много бед¹⁹.

О таком же трагическом исходе рассказывается в преданиях «Усерганы», «Бурзяне во времена ханов» и «Биксура» (БНТ. Т. 2. № 136, 188 и 189). Особенно драматичен сказ «Последний из сартаева рода» (там же, № 195) о судьбе Джалыка (Ялыка), от имени которого ведется повествование, и его сыновьях Кармасане и Сермасане, наделенных поистине богатырским духом и непреклонной волей отстоять «свои леса, свои степи» от барласов Са-Темира (т. е. Тамерлана). Сказ отражает события, связанные с войной Тимура с Токтамышем в 1391 г. Маршрут Тимура на эту войну пролегал через всю Центральную Башкирию: «Форсировав Яик в его верховьях без помех, войско Тимура дошло до р. Ик (приток Камы)»²⁰. Да и знаменитое сражение 1391 г. между многочисленными войсками Тимура и Токтамыша происходило у речки Кондурча — опять же на территории обитания башкирских племен. В той же книге Л. Н. Гумилева читаем: «Однако вопреки трактовке события Шериф ад-Дином победа Тимуру досталась дорого. Это видно из того, что он не стал развивать успех, не переправился на правый берег Волги, а ограничился собиранием разбежавшихся татарок и скота. Видимо, резня на Кондурче унесла в мир иной столько победителей, что уцелевшие были рады увезти добычу на захваченных у местных жителей телегах» (С. 649). О грабежах местного населения, которые совершало тимуровское войско и на обратном пути, пишут также и другие историки. (См.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 360-361).

Итак, социальные мотивы в башкирском кубаире «Идукай и Мурадым» связаны с нестирающейся памятью народа о своей драматической истории в период татаро-монгольского владычества. Эту память хранили, передавая из поколения в поколение, башкирские сэсэн-сказители, которым была свойственна в силу традиции эпического творчества идеализация героев исторического прошлого.

¹⁹ Материалы фольклорной экспедиции ИИЯЛ 1967 г. // Научный архив. Ф. 3, оп. 65, д. 2. Л. 273-274.

²⁰ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 649.

Своеобразие башкирской версии эпоса об Идиге связано также с героическим образом Мурадыма. В отличие от других вариантов, в версии М. Бурангулова он — внебрачный сын Идукая от рабыни Туктамыша Ганаки. Этим обусловлено то, что Мурадым (а не Идиге как в большинстве вариантов) растет под чужим именем (гл. XVI). Проявляя еще в детстве особый нрав («вспыльчив нравом, силой могуч, в драке жалости не знал...»), он напоминает сказочных богатырей из сюжетных типов о юном силаче, змеборчестве и др. (башкирские варианты — БНТ. Т. 3. № 10, 14-16, 21, 22, 24, 25, 28, 31).

Узнав от приемной матери о своих родителях, гонимых Туктамышем, Нуретдин-Мурадым вынужден скрыться на Урале — родине отца. Скитаясь из аймака в аймак, он оказался в яйляу — летовке Шагали-бия в тот момент, когда верноподданный Туктамыша лукаво оповещал своих сородичей о злодее Сатмыр-хане, идущем якобы войной на Урал. Такая весть не могла оставить истинных мужей в равнодушии. Так и Нуретдин, не удержавшись, стал искать тут же на майдане батыра, равного себе. Восхищенный богатырской удалью Мурадыма Шагали-бий ставит его во главе пяти тысячного войска и отправляет на войну против Сатмыр-хана. Возможно, здесь отражается исторический факт. По сообщению Шараф-ад-дина Йезди (XV в.), в этой войне 1391 г. участвовали и «башкирды» в составе многотысячной армии Токтамыша, которую он «собрал со всего улуса Джучи»²¹. Но в кубаире «Идукай и Мурадым» этот факт переосмыслен в русле эпоса.

Примечательна в этом ряду событий эпическая картина боя, в которой центральное место занимает единоборство неузнанного сына с отцом:

...И вот на тарпане, сером коне,
С шлемом прочным на голове,
Щит в могучей руке сжимая,
Появился Мурадым
Напротив отца своего — Идукая,
Сабли со звоном заиграли,
Искры из щитов высекали,
Разыгрался жестокий бой;
Грозный возглас Идукая,
Многих батыров в трепет вгоняя,
Бежать с позором заставляя;
И на голос его тогда
На мощные взмахи его меча
В отчаяньи ринулась Ганака.
Крикнув первому: «Это — твой отец!»
Второму: «Это — твой сын!»
«Вас не вяжет кровная месть,
Для вражды у вас нету причин!» —
Бросилась между ними она...

---

²¹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 156.

Во всех национальных версиях эпоса об Идиге наиболее яркие эпизоды связаны с конфликтом, возникшим между отцом и сыном после разгрома Туктамыша из-за ханской дочери. Связанный с горячим характером Мурадыма, в данном случае подогреваемый подстрекательством Янбая и Кадирбирде сына против отца (или наоборот), этот конфликт решается в большинстве вариантов с позиции патриархальной этики: хулить отца, наносить ему обиду, вред и т. п. — большой грех. Именно этим объясняется широкое распространение этой части сказания с наслоением в некоторых вариантах исламистских идей об искуплении греха паломничеством Мурадыма в Мекку (см. 91, 92, 100-ое примечания к «Идукай и Мурадым» и 23-е — к «Изиге»). В изложении М. Бурангулова сюжет заметно усложнен последующими противоречивыми поступками отца и сына. Мурадым, например, поверив наговору жены на Идукаю (якобы он изнасиловал ее, когда тот погнался за Салахием в Крым), высказывает отцу слова, полные негодования и укоризны, и уходит на Урал.

Уйдя от отца, он не отказывается от борьбы с врагами — напротив, намерен «на Урале день-деньской на коне скакать, злой дух Орды Золотой нещадно искоренять!»

А Идукай «Сатмыр-хану решил подчиниться». И, назначив сына Туктамыша Кадирбирде «бием страны своей» (т. е. оставив его, по сути, ханом Золотой Орды вместо убитого отца²²) — «так завершив свои дела», он со множеством захваченного скота ушел к тестю как бы на покой. Выходит, он бросил свой народ, родного сына и первую жену Ганаку на произвол судьбы, самоустранился от дальнейшей борьбы? Ведь это явно противоречит характеру эпического героя, его конечным целям. Но с выводами не будем торопиться.

На Урале (гл. XX) Мурадым перед старейшинами всех родов обвиняет отца в том, что он, «отняв Орду у медведя, отдал ее волку».

Обвинение, как видно, не без основания, но оно приводит весь собравшийся народ в недоумение. Батыры «устраились от мурадымовских затей», а старейшины решили «к Идукаю тотчас идти и расспросить его обо всем». Мурадым, оскорбившись тому, что ему не поверили (значит, опять обидевшись сгоряча!), уходит к Нарысбию и, приняв от него бийство, вступает в дружественные связи с ногойским мурзой Тора-бием — заклятым врагом отца.

Важное значение в развитии сюжетной линии, связанной с образом Мурадыма в башкирской версии, имеет раскрытие его переживаний, полных драматизма (гл. XX). Эти эпизоды отсутствуют в других версиях, но во всех вариантах подчеркивается крутой характер Мурадыма.

---

²² Это не соответствует исторической действительности. После поражения в войне 1391 г. Токтамыш еще долго скрывался то в Литовском королевстве, то в Крыму, не раз пытался вернуться на трон Золотой Орды и, наконец, был убит в Сибири ханом Шадибеком в 1406 г.

Пылкости Мурадыма, его опрометчивым поступкам противопоставляются рассудительность Идукая, его хитроумие и сообразительность — интеллектуальные свойства, проявляемые с детства в отгадках сложных загадок и, особенно, в его мудрых решениях житейских споров. В этом отношении показателен спор, навязанный герою Сатмыр-ханом (гл. XXI).

Затаив умысел, Сатмыр-хан ставит перед Идукаем три загадочных условия. Они напоминают задачи, предложенные сватам царской дочери в богатырских сказках типа «Шесть чудесных товарищей» (АТ 513 А). Условия Сатмыр-хана нацелены на то, чтобы в конечном счете обезоружить Идукаю. Это воочью проступает в предложении хана обменяться мечами «на память». Ясно, в желании Сатмыр-хана заполучить грозное оружие Идукая сказывается захватническая политика азиатского владыки Тимура, который, как известно, действовал в этих целях не хуже своего золотоордынского соперника. Собственно, на это и намекает Идукай, говоря вначале:

Сам ты не из тех мужей,
Кто в битву коня не горячил,
Кто за просто так от отца
Ханство в наследство получил...

(См. стр. ... — ... кн.)

Поэтому, каким бы безобидным ни казалось предложение Сатмыр-хана, оно не приемлемо для Идукая. Ибо «подарить» свое оружие не менее коварному, чем Туктамыш, завоевателю чужих стран — значит, предать интересы своего народа, оставить его в зависимости от пришлых ханов. Спор кончается поражением коварных замыслов хана.

Выяснение отношений с сыном (гл. XXII) является кульминацией конфликта между Идукаем и Мурадымом. В числе прочих грехов сына Идукай обвиняет Мурадыма в том, что он, не согласовав с отцом и Сатмыр-ханом, поставил во главе «усмиренной» Орды батыра незнатного происхождения:

Орду, что лиственницей сделать я сумел,
Куда б и сокол спуститься не смел,
Ты гуся посадил, что шпор не имеет,
Беспомощных целую стаю
Один чеголок забивает —
Такой оказался ты батыр!

Это обвинение имеет место и в некоторых других версиях сказания. Например, в варианте «Токтамыш-кан», записанном у сибирских татар в устье р. Ишим, оно выражено не завулированно, как здесь, а вполне открыто: «Кас кондырдың», т. е. врага посадил²³.

---

²³ Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен... СПб., 1872. Ч. IV. С. 200.

Конфликт, возникший между отцом и сыном по недоразумению, осложнен противоречивыми их поступками, обусловлен различием характеров и социальных позиций героев. Вместе с тем здесь раскрывается историческая ограниченность героев, которые на последнем этапе борьбы сблизилась с аристократической верхушкой. Вероятно, в сказании в какой-то мере отражается противоречивость личности исторических прототипов. Известно, что после поражения Токтамыша в битве на Кондурче Едигей, как и Темир-Кутлук и Койричаг-оглан — сыновья поверженного раньше Токтамышем Урус-хана, сражавшиеся в этой битве также на стороне Аксак-Тимура, дали слово быть верными ему, но не исполнили обещания. Едигей оказал прямое содействие Темир-Кутлуку занять престол и возродить Белую орду²⁴.

Башкирские сэсэн по-своему решили конфликт между главными героями. Они не только примирили их на почве признания сыном своих «грехов» перед отцом, но придумали еще и целую серию эпизодов о совместных действиях по очищению страны от продажных биев и объединению башкирских родов, чтобы отстоять независимость родной земли. Полагаем, что такая развязка конфликта продиктована плачевными уроками башкирских восстаний XVII—XVIII вв., когда историческая реальность вынуждала башкир вновь и вновь выступать против русского царизма за обещанную Иваном Грозным волю, за национальное равноправие и справедливость.

Итак, эпизоды, связанные с рассмотренным конфликтом, составляют важную часть кубайра. Именно в этой части мы видим становление цельного характера героев через преодоление внутренних и внешних противоречий — воплощение диалектического единства положительных и отрицательных, традиционно-общих и индивидуальных проявлений героического характера. Следует подчеркнуть это как новшество, поскольку в образах героев раннего эпоса недоставало такого единства.

Вместе с тем вся деятельность Идукая и Мурадыма овевана чаяниями народа, его извечной мечтой о свободной от вражды, независимой стране. Кубайр заканчивается трагической смертью героев, защитников родной земли, но это не создает впечатления безысходности. Символический смысл имеет взволнованный рассказ смертельно раненного Идукая о долгой истории булатного меча Урал-батыра и передаче его в надежные руки сына.

Сказители издавна пользовались особым уважением народа. Не только потому, что «знали» о славных делах предков, но и потому, что они выступали справедливыми судьями при решении спорных вопросов, мудрыми советчиками при сложных обстоятельствах, когда угрожала опасность мирной жизни страны, ее независимости. Примеров этому немало, в том числе — публикуемые кубайры «Ерэнсэ-сэсэн» и «Баик Айдар-сэсэн». А в эпосе «Идукай и Мурадым» много повидавший на своем веку сэсэн Хабрау является высоким авторитетом даже для господствующей элиты.

---

²⁴ Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 652.

На первый взгляд, Хабрау напоминает часто встречающихся в фольклоре персонажей — умудренных долгим житейским опытом стариков или святых (аулия), оказывающих помощь герою в достижении его цели. Существенно отличаясь от них, а также от своих крайне пассивных тезок в других версиях, Хабрау в башкирском кубаире «Идукай и Мурадым» играет активную роль в движении сюжета. Он, «прославленный на всем Урале и Алтае певец», появляется в минуту жизненного выбора, когда необходим мудрый совет аксакала, чтобы рассеять недоумения народа и найти верный путь при особо сложных обстоятельствах; оказывается всегда рядом, когда нужно пламенное слово сэсэн, чтобы вдохновить батыров на ратные подвиги во имя родной земли, во имя освобождения народа от порабощения и насилия. Хабрау предстает перед нами как духовный вождь народа, как неутомимый идейный наставник главных героев эпоса.

Для понимания социальной значимости характера Хабрау и его духовного облика особое значение имеет рассказ безымянного старца в пещере, куда попадает Идукай по пути к Сатмыр-хану. Этот старик и Хабрау были в молодости наперсниками святого Баба-Тукляса: вместе строгаали стрелы в дни иноземных нашествий, вместе ходили в Мекку на паломничество. Но вот однажды богобоязненный Баба-Тукляс, вняв гласу Аллаха, поставил старика-рассказчика стражем потайного сундука с заветами всевышнего, Хабрау повелел странствовать по миру с повязкой на левом глазу (см. 71-ое примечание) и беспрекословно исполнять его наказания. Но:

Хабрау глаза не закрывал,
Языка не придержал,
Аулией сказанные слова
Во внимание не принимал.

За это Хабрау был проклят Туклясом на бессмертие в страшной нищете. С этим проклятием связаны его фантастический возраст и невообразимая дряхлость (См. 55 и 59-ое примечания).

Отсутствующий в других вариантах, этот рассказ созвучен с рассказом также бессмертного старика в эпосе «Урал-батыр» о своем младшем брате, который за нарушение завета предков был изгнан сородичами из страны (см.: БНТ. Т. I. С. 72-73).

Сопоставление этих рассказов открывает два существенных различия в поведении персонажей, обусловленных разным уровнем общественного развития и этапами эволюции народного эпического творчества.

Первое. Старика из древнего эпоса «Урал-батыр» отличает эгоистический характер (он попирает «клятву всей страны», т. е. определенные порядки и обычаи родовой общины, в личных целях), за что «люди, поднявшись заодно, на чужбину изгнали» его. Своей жалкой судьбой в одиночестве этот старик напоминает отверженного соплеменниками за высокомерие и крайний эгоизм Ларры из рассказа М. Горького «Старуха Изергиль», написанного по мотивам молдавской легенды. В поведении же Хабрау отчетливо про-

стует забота о народе. Его «преступление» — в инакомыслии, в деяниях, противоречащих наставлениям Баба-Тукляса. Поэтому Хабрау наказывается за «своеволие» не самим обществом, а духовным лицом. Такая оценка человеческой деятельности могла возникнуть в пору подъема феодализма, когда господствующей идеологией становится религия.

Второе. В первом случае наказание старика за попрание законов «вольготной страны» соответствует народному сознанию на ранних стадиях общественного развития. И эпос тому решению несколько не противоречит, а приводит рассказ как бы в назидание другим. Но во втором случае чувствуется явное расхождение между пристрастиями святого и позицией создателей поэмы: кубаир не только не одобряет проклятия Хабрау Баба-Туклясом, а наоборот, рисуя легендарного сэсна в противовес святому, воплощает в его образе идеально чистого в нравственности аксакала, чей ум вобрал большой жизненный опыт, измеряемый деяниями многих поколений, патриота, у которого нет иных интересов, кроме забот и мыслей о святости земли предков, о счастливой жизни народа. Такие контрасты в изображении традиционно «вспомогательных» эпических персонажей являются, на наш взгляд, не столько свидетельством роста социального сознания в феодальную эпоху, сколько художественным выражением демократического отношения последующих сказителей к памяти о легендарном сэсне, приподнято поэтическим изображением героического прошлого своего народа.

На других персонажах, коих немало, не будем останавливаться. Все они носят эпизодический характер, изображаются в рамках эпических традиций.

Сложнее дело с вопросом о генезисе и истории формирования различных национальных версий об Идиге, известные прототипы героев которого нелестно оцениваются многими историками.

П. М. Мелиоранский допускал, что «родиною этой былины были ногайские, а не киргизские (т. е. казахские — Н. З.) степи»²⁵. Того же мнения придерживался В. В. Бартольд. Он считал данное сказание произведением ногайского эпоса, имевшего влияние на творчество некоторых тюркоязычных народов²⁶. А. Н. Самойлович высказал предположение, что данное сказание возникло «в среде господствующего класса феодального общества ногайской части Золотой Орды в целях поднятия и поддержания на высоком уровне авторитета власти ногайских феодалов и белой и черной кости среди эксплуатировавшегося ими населения и среди соседних народов»²⁷.

Казахский писатель и литературовед Сакен Сейфуллин, высказываясь против теории заимствования казаками сказания об Иди-

---

²⁵ Мелиоранский П. М. Сказание об Едиге и Токтамыше // ЗИРГО по отделению этнографии. Приложение к т. 29. СПб., 1905. С. 5.

²⁶ Бартольд В. В. Соч. Т. II, ч. 1. С.

²⁷ Самойлович А. Н. Вариант сказания о Едиге и Токтамыше // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 191.

ге и других богатырских песен от ногайцев, подчеркнул «внутренние связи» истории казахов и ногайцев и их эпоса²⁸.

В. М. Жирмунский, учитывая внутреннюю связь истории многих тюркских народов, считал, что «сказание об Идиге сложилось, по всей вероятности, среди тюркских кочевых племен, входивших в состав так называемой Ногайской Орды. Из племен, составивших эту Орду, на первом месте называются мангыты, к которым принадлежал Идиге»²⁹.

Предположение А. Н. Самойловича об аристократическом происхождении данного сказания (по нашему мнению, первоначальной его редакции), нельзя признать лишенным оснований. В истории ногайского фольклора известны предания и песни-дифирамбы, которые слагались приглашенными на поминки сказителями об умерших ханах или других «видных» личностях. Несколько таких песен, посвященных памяти мурзы Мамайя, опубликовано в «Ногайско-кумыкской хрестоматии» М. Османова (1883, с. 62-64). Святость рода Едигея и его потомков утверждается в дастане об Идиге-беке, в котором родоначальником Идиге (Едигея) утверждается Абу-Бакир-праведный — один из первых четырех халифов, сподвижников пророка Мухаммеда. По этому поводу историк А. Усманов отметил, что освященная именем святого генеалогия эпического героя могла быть создана еще при жизни самого Идиге, происхождение которого для науки остается довольно темным³⁰.

О том, что такие эпические песни-кубаиры слагались, вероятно, и в башкирской среде, говорит сохранившееся до наших дней в памяти стариков причитание по поводу смерти Шагали Шакмана, известного бия XVI в. башкирского племени тамъян³¹. Да и сам термин «кубаир», состоящий из прилагательного «коба» (славный) и существительного «йыр» (песня), которым обозначались песни в честь прославленных героических личностей.

Безусловно, «историческим зерном» героической эпической песни о Едигее была его борьба против Токтамыша. Первые песни об Идиге, попав в иную эпическую среду через представителей ногайцев, участвовавших в формировании ряда тюркоязычных народов, в том числе и башкир, постепенно теряли конкретное историческое содержание, переосмысливались и обрастали фольклорными мотивами, подсказанными как установившимися эпическими традициями, так и общественно-национальными потребностями народа-аборигена, его социальными устремлениями и идеалами. Но неизменными во всех национальных версиях остались основные действующие лица и типичный для эпоса феодальной эпохи кон-

²⁸ Сейполла улы Сакен. Казак әдебиете (Казахская литература). Алматы, 1932. С. 154-179.

²⁹ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. С. 374.

³⁰ Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972. С. 83.

³¹ Материалы археографической экспедиции в Белорецком районе под руководством проф. Г. Б. Хусаинова. 1985. Л. 367 // Рукописный фонд ИИ-ЯЛ УНЦ РАН.

фликт, развернутый в одних — более подробно, эпически широко, в других — кратко в стиле сказочного повествования.

Идейно-тематический анализ приводит к следующему выводу.

Подобно южнославянским юнацким песням о Марке Королевиче, восточнославянским былинам и армянскому эпосу о Давиде Сасунском, воспевающим героическую борьбу с иноземным нашествием и гнетом, мало в чем совпадающими с историческими фактами, эпическое сказание башкир «Идукай и Мурадым» сложилось под влиянием насущных исторических потребностей национального развития. Оно — поэтическое творение многих поколений сэсэнов в русле давней эпической традиции, пронизанное идеями объединения башкирских племен в борьбе за свою свободу, независимость.

* * *

Кубаир «Муйтэн-бий», публикуемый в двух вариантах, носит родословно-легендарный характер. Первый вариант повествует о четырех древних башкирских племенах (бурзян, кыпсак, тангаур и тамьян), которыми «славно управлял» Муйтэн-бий, об их владениях и родственных связях.

Второй вариант посвящен самому Муйтэн-бию.

Муйтэн-бий известен по шежере-родословной башкир племени усерган, записанной еще в 1900 г., и по многочисленным преданиям, бытующим поныне среди башкир-усерганцев на Южном Урале. Согласно шежере, Муйтэн — «сын бия Ток-саба», родоначальника одного из крупных кипчакских племен. Он ездил к самому Чингиз-хану с подарками, нагруженными на пяти парах верблюдов. «Хан оказал ему почести. Посадил его рядом с собой... Везиrom сделал его... Вернувшись оттуда, Муйтэн-бий в своей стране стал бием». Далее повествуется о потомстве его старшего сына Усергана, именем которого названо данное башкирское племя³².

Р. Г. Кузеев обратил внимание на упоминание в шежере о Муйтэне как «прадеде башкирского народа» (башкорт халык бабасы). Такое упоминание «весьма интересно с точки зрения древних этнических связей башкир-усерганцев. Башкирское племя усерган во второй половине I тысячелетия нашей эры в этническом отношении было связано с племенем Муйтэн, наиболее древним этническим пластом в составе каракалпакского народа. Муйтэны занимали территорию по побережью Аральского моря и некоторые острова»³³.

По утверждению сказителя, «Муйтэн-бий подчинил себе нашу родину. После этого нашим ханом стал Чингиз-хан». Это означает, что Муйтэн пришел на Южный Урал еще до монгольских походов и завоевал («подчинил») земли башкирских родов. Эту мысль уси-

---

³² Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960. С. 81-84 (текст на языке оригинала) и 84-87 (перевод на рус. яз.). Примечательно, что шежере составлено в стихах.

³³ Там же. С. 200 (2-ое примечание).

ливают то, что кубаир, в отличие от шежере и предания, опубликованного во 2-ом томе настоящего свода (№ 193), считает Муйтэна сыном Мангута, а его современника Майки-бия — сыном Тумена. «Мангут» или «Мангыт» является названием монгольского рода, из которого, согласно персидским источникам, вышел исторический Идиге (Едигей). Что касается Майки-бия, то он, по утверждению Р. Г. Кузеева, «довольно известная личность в истории монголов. Уйшин-майки-бий был одним из военачальников монгол в XIII—XIV вв.». (Башкирские шежере. С. 213).

Такова историческая основа анализируемого кубаира. Но в воссоздании образа героев получил традиционный принцип изображения народного батыра — предводителя, вождя в масштабах героической идеализации. Перечисляются «великие дела», которые Муйтэн-бий совершал: «подчинил себе нашу родину»; «разорив и разогнав болгар, калмыков, киргиз и ногайцев, он подчинил себе побережье всей Сакмары»... (См. 9-ое примечание к тексту). В характере его проявляются черты эпического богатыря: «он и в темноте дорогу находил, в куфии тайны слов открыл»; «как коршун, издавал свой дикий крик», или: «взобравшись на гору и крикнув, как лев, победил он десятитамговых ногайцев». Особенно подчеркивается, что Муйтэн-бий «справедливо правил» народом, его справедливость «превышла ханскую». Потому «все башкиры подчинились» Муйтэн-бию. Выражается восхищение родственными взаимодействиями древних племен, мудростью их вождей, богатырской удалью батыров и грусть от того, что смерть не обошла и Муйтэн-бия, и Майки-бия. «Кто же остался на этом свете?» — спрашивает сказитель и отвечает:

Земля объята поганой водой,
Все оказались в сетях.
Остались лишь мы, земные черви.

Это уже не ностальгия по прошлому, а укор современникам.

Вместе с тем следует отметить то, что как в упомянутом шежере и опубликованных преданиях о Муйтэн-бие, так и в данном кубаире отражаются представления тюркского мира тех времен, когда все великое, могущественное связывалось с именем Чингизхана.

Не поддается раскрытию конкретно-историческая основа кубаира «Идель-юрт». В художественном отношении он производит впечатление незавершенности. Возможно, это фрагмент, осколок не дошедшего до нашего времени полностью сюжета. Первая строфа, созвучная кубаиру «Уралтау», прославляющему природные богатства родного края, воспринимается как лирическая экспозиция — пролог. Вторая строфа, представляющая взволнованное обращение некоего старца к сородичам по поводу опасности надвигающихся вражеских сил «кяуров», — это своеобразная лирическая завязка. Третья, четвертая и пятая строфы — «опорные» драматические эпизоды, передающие нарастающее чувство безысходности семьи, оставшейся без мужской защиты в окружении врага (диа-

лог встревоженной матери с безразличной к своей судьбе дочерью и сновидение, предвещающее драматический исход). Последняя строфа выражает скорбь, вызванную разорением страны врагами.

Кто эти враги? Судя по всему, речь идет о расчленении Башкирии ханствами, возникшими после распада Золотой Орды: южные и юго-восточные части захватила Ногайская Орда, северо-восточные — Сибирское ханство, северо-западные — Казанское ханство. Так данный кубаир отражает возрастающее сознание некоего единства башкир и общей родины, необходимости консолидации народа, чтобы отстоять свою независимость.

Защита родины — одна из центральных тем народного эпического творчества во все времена. Она всегда связывалась с именем определенного батыра, с его героической деятельностью. Ярко выражается эта тема в кубаирах, названных обычно именем героя: «Сукем-батыр», «Баязит-батыр» и др. В таких кубаирах, созданных, вероятно, по следам исторического события, не повествуется подробно о самом событии, а лишь в связи с ним выражаются волнующие чувства и настроения.

Так, например, в кубаире «Егет-кыпсак и девушка-башкирка» по поводу дорожной встречи егета из кыпсакского рода, отправляющегося на войну, с девушкой-башкиркой из другого рода на берегу реки, образно выражены патриотические чувства двух молодых сердец, возгоревших симпатией друг к другу «с первого взгляда». Девушка дарит егету «серебряное колечко, завернутое в вышитый платочек», после того, как узнала, что он отправляется на исполнение своего священного воинского долга. И егет принимает девичий подарок, придав ему значение талисмана:

Защитой будет мне подарок твой,
Ты пожелай, чтоб я живой пришел домой;
Краса моя, любовь навек, теперь прощай,
Звездой судьбы в моем пути быть обещай.

Сказитель относит эту версию к «далеким, стародавним временам», когда существовала еще «большая страна Кыпсак» («Дешти-Кыпчак» — в арабских и персидских источниках XI—XV вв.), простиравшаяся от верховий Сыр-Дарьи и западных отрогов Тянь-Шаня до устья Дуная. Отступая под монгольским натиском в XIII в., отдельные кыпчакские группы обосновались на Южном Урале в соседстве с башкирскими племенами усерган, бурзян, тангаур, юрматы, тамьян³⁴. Егет встречается с девушкой на берегу реки Танып, что на северо-западе Башкирии. Там, в верховьях этой реки, разместился одноименный башкирский род. (Кубаир записан от представителя этого рода). Значит, маршрут кыпсакского егета на войну пролегал с юга на север почти через всю Башкирию. Это наводит на предположение о том, что кубаир связан с «казанской

³⁴ См.: Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. С. 47-57; его же. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. С. 464—465.

войной», окончившейся в 1552 г. захватом Казани Русской армией. Тем более Казанское ханство на протяжении более чем 100-летнего периода своей истории не только сохранило культурные связи с мусульманскими центрами Средней Азии, книжные традиции, но и придало им новый импульс развития³⁵. Очевидно, этим объясняется то положение, что мотивы защиты Казани от иноверцев отражаются и в других фольклорных произведениях, например, в общетюркском эпосе о батыре Сура (Шора, Чура)³⁶.

Согласно преданию, приведенному после поэтического текста, Сукем-батыр, герой одноименного кубаира, — вполне конкретная личность; под его предводительством башкиры рода сальют, живущие по бассейну реки Ай на северо-восточной стороне Башкирии и западной части современной Челябинской области, долго противостояли грабительским нашествиям царевичей Сибирского ханства. Однако кубаир не содержит ни подробностей происходивших событий, ни индивидуально-личностной характеристики героя. Мотивы и традиционные поэтические краски кубаира могут быть отнесены к любому эпическому герою. То же можно сказать о кубаирах «Баязит-батыр» и «Акшам-батыр».

Следует обратить внимание на два общих момента, характерных для этих кубаиров.

1. Герои являются местными батырами. Казалось бы, сэсэнам-сказителям данной местности известна их героическая биография, но они создают песни о близко знакомых батырах по общему шаблону: все конкретное, личное отсеивается, оставляется только то, что однозначно выражает желаемое (традиционно-идеальное) отношение батыра к своему роду, племени, народу. Значит, и в данном случае действует характерный принцип эпического творчества — возвышение, идеализация личности героя, чтобы по его образу и подобию строили свои отношения последующие поколения.

2. В каком бы богатырском облике ни представляли батыров эти кубаиры, — они отличаются от монументального героического эпоса не только малой формой, эпизодичностью сюжета, но и лирической тональностью содержания. Это явилось основанием для обозначения подобных произведений лиро-эпическими песнями. В наших примерах это: недосказанная грусть, сожаление по поводу гибели славного батыра и связанные с ней чувства обреченности или безысходности в этом тленном мире. Последнее, по-видимому, и сыграло решающую роль в том, что эти небольшие стихи-песни сохранились в памяти и пелись в назидание потомкам.

Ногайский период истории оставил в исторической памяти ногайцев, казахов и башкир больше следа, чем, скажем, Сибирское и Казанское ханства. Примечательны в этом отношении сказания о Мамай-хане и Таргын-батыре, являющиеся общими для названных народов, и кубаир «Мэргэн и Маянхылу», который дошел до нас только в одном башкирском варианте.

³⁵ См.: Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., Наука, 1992. С. 106.

³⁶ БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 62. О вариантах — С. 303.

В истории ногайский хан Мамай известен под именем Ших-Мамай. Жил он в первой половине XVI в. — в то время, когда происходили ожесточенные распри между многочисленными сыновьями Мусы-хана за центральную власть. В ногайском и казахском вариантах сказания вначале излагается генеалогия рода Мусы, начиная от Едигея³⁷.

В башкирском варианте нет генеалогической подробности. Здесь в центре повествования — только два сына Мусы-хана — Мамай, который, по утверждению сказителя, «больше всего на свете любил войны», и «верный спутник» его Урак. Они вдвоем исколесили «весь свет вдоль и поперек, круша и уничтожая все, что попадается на пути». Башкирский сказитель в их лице представляет ханов-грабителей, которым в конце-концов приходится держать перед народом отчет за совершенные злодеяния.

По общности темы и сходству характеристики героев «Мэргэн и Маянхылу», «Таргын-батыр» или «Таргын и Кужак» — фольклорные произведения одного типа. Созданные, как и «Ек-Мэргэн» (БНТ, т. I), на легендарной основе, они отражают историческую борьбу башкирского народа за независимость. Мотивы борьбы за свободу, сплетаясь с мотивами свободной любви, развиваются здесь в романтическом плане. Изображая любовные взаимоотношения Мэргэна и Маянхылу на фоне героической борьбы, завершающейся победой над ногайским ханом, сэсэн-сказители стремились воплотить в образах героев эстетические идеалы народа, его представления о прекрасной и желанной национальной независимости.

Сложнее обстоит дело со сказанием о Таргыне и Кужаке. Его содержание также носит легендарный характер. Но вполне историчен и более конкретен лежащий в его основе конфликт — противоречие между ханом и народным батыром на почве их социального неравенства.

Психологически обстоятельно разработан этот конфликт в казахском варианте, записанном еще в 1859 году со слов акына Марабая из рода табын (есть такой род и у башкир) и многократно опубликованном до и после Октябрьской революции. Отправившийся из родной страны во избежание кары за убийство одного из везиров хана (это соответствует традиционному мотиву изгнания героя за своеволие), Таргын-батыр приходит вначале в Крым к Акшахану, затем — к ногайлинскому хану на Идели (Волге) Ханзаде, оказывает тому и другому богатырские услуги, разгромив вражеские войска, с которыми эти ханства никак не могли справиться. Поистине сказочным богатырем предстает Таргын-батыр в сражении с калмыками, продолжавшемся 12 суток без передышки. Но ни Акшахан, ни Ханзаде не признает его своим: первый отказывается выдать ему, киргизу (то есть казаху), свою дочь Акжунус, полюбившую несравненного батыра, а второй повинен перед своим спасителем дважды: первый раз оставил его одного с вывихом по-

---

³⁷ Пересказ наиболее полного казахского варианта см.: Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. С. 400-402.

звоночника, второй раз не исполнил, как и Акшахан, обещание выдать ему свою дочь...

В башкирских вариантах сказания нет развернутого изображения воинской доблести героя. Здесь за основу взят сюжет поисков батыром достойной его девушки. Конфликт решен с точки зрения защиты свободы личности, а еще точнее — свободной взаимной любви молодых.

Отправление героя на поиски прекрасной девушки — традиционный мотив, многократно встречающийся в различных вариациях и в героическом эпосе, и в богатырских сказках (башкирские примеры — БНТ, т. 1, № 2, 3, 5, 7, 8; БНТ, т. 3, № 2, 3, 4, 14, 15, 32—38, 54, 55 и др.). Но в сказании «Таргын-батыр» герой находит ее не в подводном царстве или в государстве за семью морями, куда путь сопряжен с большими трудностями, а в соседнем ханстве в обычных обстоятельствах кочевой жизни тюркских народов. А девушка — не русалка, не какая-нибудь красавица демонического происхождения, а дочь обычного хана. И встреча-знакомство с ней происходит очень просто:

«— Зовут меня Таргыном, а ишу я достойную меня девушку.

— А я — дочь Аксахана Акъюнус. Если я тебя достойна, то и ты мне подходишь.»

В варианте «Таргын и Кужак» встреча героев происходит в иных, но также в естественных условиях. Как знакомство молодых на народных праздниках (джинах, сабантуях и т. п.) испокон веку вошло в национальные обычаи башкир, так и выдача замуж дочери богатея за победителя состязания является традиционным мотивом в фольклоре тюркоязычных народов. В эпосе «Алпамыша» это условие ставит даже сама героиня, сама же борется с претендентами. В рассматриваемом же варианте сказания о Таргыне и Кужаке этот мотив, утратив древние эпические краски, сплетается с собственным (весьма реальным!) желанием назначенной «на приз» девушки: она сама выбирает победителя и выражает свою готовность выйти за него без каких-либо условий. Таким образом, здесь отдается предпочтение чувству взаимности молодых.

Но во всех вариантах это, казалось бы, вполне правомерное с точки зрения гуманизма чувство встречает категорическое несогласие отца девушки. Почему Акса (или Акша)-хан не хочет выдать дочь за Таргына? Мотив один и тот же: по оценке хана, Таргын — «распутный» пришелец, «кара кеше», т. е. человек низкого происхождения. В этом противоречии и заключена сюжетная завязка.

Если в архаическом эпосе и богатырской сказке вопрос решается «просто» физической силой антагонистов (кто сильнее, тот и берет девушку), то здесь решение спора значительно осложнено нравственными мотивами. За девушку борются не только два батыра — молодой Таргын и пожилой Кужак, — а сталкиваются еще и противоположные идеологические тенденции, остро наметившиеся в феодальную эпоху: с одной стороны, реакционные взгляды, связанные с устоявшимися патриархальными обычаями в быту, и своеволие молодых, претендующих на свободу любви, — с другой.

Бросается в глаза не идентичность эстетической оценки этих тенденций в вариантах, что, конечно, связано с идейной позицией самих сказителей.

Предыдущими исследователями придавалось слишком большое значение образу Кужак-батыра. А. Н. Киреев, например, основываясь только на одном варианте, записанном им самим, писал: «За беглецами соглашается ехать в погоню старый батыр Аксахана Кужак. В этой детали отражается очень важный момент: старый батыр предстает как образ, воплотивший в себе мудрость, опыт, жизненный уклад местного населения, который уходит своими корнями в древность. Противопоставление иноземному молодому батыру старого опытного Кужака нужно понимать, как желание подчеркнуть превосходство местного жизненного уклада над тем, что несут с собою пришельцы, чужеземцы»³⁸.

С такой оценкой можно согласиться лишь частично на основании первого варианта, в котором старый Кужак, уязвленный словами Акъюнус, сам разрывает себе нос и, поручив судьбу девушки Таргыну, отправляется восвояси. Вернувшись, заявляет хану как бы о своем поражении. В данном башкирском варианте, как и в казахском Марабай-акыне, однозначно выражен положительный облик старого батыра, его понимание аморальности претендовать на молодую девушку. Что касается других вариантов сказания, то в них он воплощение злой силы, исполняющий волю неблагодарного Аксахана, ревнивый приверженец патриархальных обычаев. Поэтому в варианте, записанном от М. Баширова, его настигает жестокая кара от руки молодых. (см. соответствующие примечания в комментариях).

Не лучшим образом выглядит и другой хан (по первому варианту татарский, по другим — ногайский), который, используя необыкновенного богатыря в целях захвата чужих земель, проявляет еще большую несправедливость, чем Аксахан: покинув Таргына в тяжелом состоянии, берет красавицу Акъюнус (Акъюндуз) себе в жены.

Так на фоне кровавой междоусобицы в ханствах, возникших после распада Золотой Орды, ярко раскрываются не только социальные противоречия между ханами и представителями простого люда, но и нравственные устремления молодого поколения против господства патриархальных обычаев в быту. Образ героя эпически выпукло воплощает представления народа о батыре, его достоинствах и чести.

Примечателен также образ красавицы Акъюнус-Акъюндуз. Активным характером в борьбе за свою любовь она сопоставима с героинями эпического сказания «Кузыкурпяс и Маянхылу», романтических дастанов «Бузьегет», «Тахир и Зухра» и др., которые жертвуют собою в знак протеста против тех же реакционных порядков в семье.

Весьма сложно складывались в эпоху феодализма взаимоотношения между башкирами и казахами сопредельных территорий.

---

³⁸ Киреев А. Н. Башкирский народный эпос. С. 192.

С одной стороны, их сближали родственные связи по языку и культуре, общность жизненного уклада и религии. На этой почве они щедро обменивались духовными ценностями, о чем свидетельствуют общие эпические сказания об Алпамыше, Кузукурпясе и Маянхылу, Идиге, Таргыне и Кужаке, произведения других устнопоэтических жанров о популярных героях, например, о легендарном Ерэнсэ-сэсэне. Но с другой стороны, взаимные набеги (барымта), традиционно свойственные отношениям кочевников, борьба за пастбища, стремление казахов перегонять стада на правобережье Яика или предгорья Южного Урала, создавали напряженность между ними. «Карымтаға карымта, барымтаға барымта» (Кровь за кровь, набег на набег) считается нормой кочевников. Удачный набег, тем более ответный, возвышал участников в глазах сородичей. Этот обычай получал в фольклоре впечатляющее отражение. Не только в преданиях и легендах (см. БНТ. Т. 2. № 188, 197, 206-214, 329), но и в эпических сказаниях «Кузукурпяс» и «Ек-Мэргэн» (БНТ. Т. 1. № 10, 13). Этой же теме посвящены «Карас и Акша», «Билал и Дусян».

В начале этих произведений дается введение об обстоятельствах происшедшей барымты. Но по характеру содержания и стилю изображения они значительно отличаются друг от друга. «Билал и Дусян» — это элегия, проникнутая глубокой скорбью старика, потерявшего сына и зятя в ответном набеге. «Карас и Акша» — законченное историческое сказание. Оно последовательно воспроизводит само событие — то кровавое столкновение, которое произошло, согласно предпосланной «справке», в 1750 г. между башкирами аула Науруз и соседями-казахами, угнавшими табун лошадей. Повествование выдержано в эпическом стиле.

Традиционная самохарактеристика батыров и их взаимное препирательство перед схваткой. Например, препирательство, полное взаимных оскорблений между Таргыном и Кужаком, — героями одноименного сказания. То же видим здесь: «Ты — еще малец сопливый», — говорит Акша Карасу. Но самохарактеристика Караса и Акши — это емкая эпическая форма выражения богатырского самосознания героев, противостояния двух одинаково сильных, храбрых и гордых, но совершенно разных по натуре батыров. Карас — батыр, одерживающий победу в соперничестве лучников на майдане, и защитник благополучия своего аула, рода. Акша же прославился в разбойничьих набегах. Карас — гуманист, мудрый сэсэн, что засвидетельствовано в предании «Карас и Карасакал» (см. БНТ. Т. 2. № 236). Уверенный в своей правоте, он предлагает мирное решение спора. Но кичливый Акша-батыр отвергает справедливое предложение хозяина угнанных лошадей.

Для исследователей тюркского эпоса представляет интерес заговаривание стрелы перед пуском ее в противника. Подобное имеет место и в казахском варианте сказания о Таргын-батыре, записанном со слов Марабай-акына. При этом не должно ускользнуть из виду и то, что Карас сам же хоронит поверженного противника со всеми богатырскими почестями.

Рассмотренные в этом разделе сказания осуждают не только грабительские войны, но и устаревшие обычаи и нормы патриархального общества, выражают обновление нравственных отношений и идеалов, связывая подлинное богатырство со справедливостью деяний батыра.

* * *

С середины до конца XVI в. происходило присоединение Башкирии к Русскому государству. Этот сложный и противоречивый исторический процесс достаточно убедительно освещен в упомянутой книге Р. Г. Кузеева «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала» (Раздел 2 главы IV). Здесь отметим лишь то, что в прежних работах «добровольное» вхождение окраинных народов в состав Русского государства сильно приукрашивалось. Уточняя понятие «мирное присоединение», которое «всегда вытекало из сложного сочетания политических и других факторов», Р. Г. Кузеев называет причины, предопределившие нелегкий выбор башкирскими племенами принять русское подданство³⁹. Одна из них — обещания Ивана Грозного сохранить за башкирами «землю, воду, веру, обычаи», а «ясак платить» в казну как прежним государям» — оказывал на психику многострадального народа, должно быть, особенное воздействие. Обещания «белого царя» глубоко засели в памяти народа.

Разумеется, принимая «инородцев» под свое крыло, царское правительство преследовало далеко идущие цели: расширять границы России, глубоко интегрировать богатые ресурсами новые регионы в состав Русского государства в политическом, экономическом и культурно-идеологическом отношениях. Но на практике осуществления этой стратегии этнические интересы местного населения игнорировались, в том числе и прежние царские обещания. Уже с начала XVIII в. «берется курс на разрушение традиционных социально-политических структур, устранение или размывание влияния и власти старой аристократии, на создание социальной опоры царизма путем формирования новых сословных групп, приближение верховной власти на места путем введения более мелких административных образований и т. д.»⁴⁰. Получает всё больший размах колонизация края: создается сеть крепостных сооружений и опорных пунктов-форпостов, которые использовались не только в оборонительных функциях, но и в карательных действиях и операциях против местного населения; увеличиваются военные и почтовые повинности, поборы в виде всевозможных налогов и пошлин; расширяется изъятие земель под строительство городов и заводов, переселение крестьян из центральных губерний и Поволжья, строительство церквей и монастырей с отводом для последних крупных земельных наделов; усиливается идея христианизации и русификации народов края. Особую роль в осуществлении колони-

---

³⁹ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 115.

⁴⁰ Там же. С. 117.

альной политики Русского государства сыграл указ императрицы Анны Иоановны от 11 февраля 1736 г., согласно которому разрешалась продажа земель в Башкирии дворянам, офицерам и другим служилым лицам. Так данный указ придал захвату земель «законный» характер в форме «купли-продажи», а по существу открыл дорогу для злоупотреблений и произвола местных властей⁴¹. Раскрывая политическое содержание этой части указа, И. Г. Акманов пишет: «Командиры экспедиции (имеется в виду Оренбургская экспедиция 1734—1736 гг., которую возглавлял обер-секретарь Сената И. К. Кириллов. — Н. З.) могли основать крепости в любом уголке Башкирии. Земли вокруг них раздавались офицерам, солдатам, драгунам, казакам и другим жителям. В указе правительство одобрило предложение И. К. Кириллова о строительстве 3 казенных заводов в Башкирии, что было как бы приглашением частным лицам — купцам и дворянам — интенсивнее заняться горным делом. Наконец, указ всячески поощрял переселение в край из центральных районов, вплоть до поселения ссылочных людей, которых вместо Сибири подлежало селить здесь, определить годных в службу, негодных — на пашню. Все переселенцы обеспечивались надеждами за счет башкирских вотчин»⁴².

В указе от 11 февраля 1736 г. предусматривалось также укрепление идеологических позиций правительства дальнейшим расширением сети православной церкви и сокращением численности мусульманского духовенства. Серьезным ударом по мусульманской религии и духовенству было решение «без указов мечетей и школ не строить». А в 1744 г. указом Сената вовсе запрещалось строительство мечетей в Уфимской провинции⁴³.

Все это вызывало массовое недовольство, протесты и волнения, которые нередко перерастали в вооруженное сопротивление башкир. Самыми крупными выступлениями башкирских масс были восстания 1735-1740 гг. под предводительством Кильмяка Нурушева, Акая Кусюмова и Миндигула Юлаева, известного по прозвищу Карасакал, и потрясшая самодержавие Крестьянская война 1773-1775 гг. под водительством Емельяна Пугачева.

Ни одно из башкирских восстаний XVII-XVIII вв. не было направлено против русского или какого-либо другого народа. Напротив, как отмечают историки, они в большинстве случаев носили многонациональный характер⁴⁴. «Они под общими социальными целями сопротивления гнету, произволу и злоупотреблениям, защиты своего права жить на своей этнической территории, пользоваться ресурсами, богатствами своей исконной земли объединили все народы региона, как тюркские, так и финно-угорские»⁴⁵...

---

⁴¹ См.: Там же. С. 116-119; Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1, часть первая. С. 139-154; Акманов И. Г. Башкирские восстания в XVIII в. Учебное пособие. Уфа, 1987. С. 11—25.

⁴² Акманов И. Г. Указ. соч. С. 19-21.

⁴³ Там же. С. 22.

⁴⁴ См.: Акманов И. Г. Указ. соч. С. 45, 50-54 и дальше; его же. Башкирские восстания. Уфа: «Китап», 1993.

⁴⁵ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 120.

Все восстания подавлялись с невиданной жестокостью (см. об этом 20-е примечание к тексту «Юлай и Салават»). Карались не только непосредственные участники, а преследовались и последующие поколения даже за упоминание главарей «бунтовщиков». Но сколько бы ни старались царское правительство и властные органы на местах, им не удалось выветрить из памяти народа имена бесстрашных борцов за свободу, за землю свою родную. О них тайно распевали задушевные песни, пересказывали легенды и предания (см. БНТ. Т. 2. № 232, 235, 236, 245—319). На их основе талантливыми сэсэнами XIX в. сложены поэмы-кубаиры «Карасакал», «Юлай и Салават».

Характерна для этих эпических произведений общность стиля повествования событий. В прежних кубаирах («Идукай и Мурадым», «Мэргэн и Маянхылу») герои ведут борьбу непосредственно с ненавистными ханами и их сторонниками, представляющими военную силу этих ханств. В кубаирах XVIII в. главные субъекты зла — царь и его наместники — отодвинуты на задний план, упоминаются лишь нарицательными именами. Главное внимание сказителей сосредоточено на воссоздании героического характера батыров-борцов за народную волю, они изображают их жизненный путь в близких и понятных сэсэнам внутренних коллизиях национальной действительности.

Характерно, в эпосе сыновья всегда выступают продолжателями героических дел отцов. На этой почве у киргизов, например, создана монументальная эпопея о Манасе и его сыне Семетее. О том же свидетельствуют древние башкирские сказания «Урал-батыр» и «Акбузат». Продолжение этой эпической традиции мы видели в эпосе «Идукай и Мурадым», видим также и в анализируемых кубаирах. Но уже на новом уровне художественного осмысления традиционной связи поколений: сыновья (Мурадым, Карасакал, Салават) выходят на арену героической борьбы не после смерти отцов, а действуют заодно с ними в защиту интересов народа. Все они, и отцы (Идукай, Нияз-батыр и Юлай), и названные их сыновья, наделены высокими духовными качествами и организаторским талантом народного вождя. Особенно показательны в этом ракурсе речи героев, с которыми они обращаются к народу в особо трудных, критических обстоятельствах. Исполненные глубокой любовью к родной земле и горечью за вековые страдания народа вначале от тирании пришлых ханов-захватчиков, потом от русского самовластия речи героев оживляют героическую память народа об истинных батырах прошлого, пробуждают мужскую совесть тех, кому дорога независимость страны. Так они несут большую идейно-эстетическую нагрузку, выполняют одновременно и композиционную роль в развертывании сюжета.

Напомним встречу молодого Салавата на охоте с беспалым стариком, скрывающимся от властей в горах. Растроганный песнями-раздумьями Салавата о родном крае, седой старик рассказывает ему о двух путях-дорогах: по одной «захватчики злые являлись сюда», по другой батыры «век за веком на битву шли», чтобы защитить страну свою. Эта встреча явилась поворотным пунктом в жиз-

ни героя. Слова старца настолько подействовали на душу молодого батыра, что он, прервав охоту на дичь, напал со своими друзьями на «боярский люд» и натворил сгоряча большую беду: «Усадьбу боярскую подожгли за разоренье родной земли».

Стычку Салавата с отцом и дедом, произошедшую после этого события, нельзя рассматривать как проявление принципиального противоречия между ними. «Пощечины и оплеухи», которыми отец и дед «на пару» награждают Салавата за его бунтарство, психологически оправданы: Юлай, авторитетный волостной старшина, заслуживший царскую награду за храбрость в походе русской армии в Польшу (см. 9-е примечание к тексту), не мог поступить иначе, тем более — перед боярами-заводчиками, пришедшими к нему с жалобой на его сына. Собственно с этим должностным положением Юлая связаны и психологические противоречия в его образе в целом. Он, мудрый защитник интересов своего народа, не приемлет бунтарство отдельных личностей, — он за организованное выступление масс в защиту своих прав. Об этом свидетельствует речь, которую Юлай произносит на созванном им сходе после того, когда ни царь, ни генералы-наместники не дали ответа на его письменные жалобы по поводу беззаконий, творимых заводчиками и подкупленными ими начальниками в Башкирии. Полная метафорических выражений философского и нравственного смысла, она кончается словами, звучащими как прямой призыв на новое вооруженное восстание. В то же время Юлай остается верным царю старшиной: во исполнение приказа генерала отправляет башкирский отряд во главе с сыном на подавление мятежа, который поднял «некто Емелька, назвавшись царем, против нашей царицы». И когда Салават вернулся в отцовскую волость с воззванием Пугачева, вселявшим в душу народа надежду о том, что он, наконец, обретет желанную свободу, Юлай вначале колеблется, но потом решительно становится на сторону сына.

Такая реалистическая мотивированность противоречивого характера Юлая — явление новое в народном героическом эпосе.

В образах же Карасакала и Салавата конкретно-исторические мотивы окрашены легендарно-эпическими чертами героического характера. Ярко выражается это и в изображении богатырского детства Салавата: «Рос Салават день за днем»; «С детства своенравным был, самым дерзким из детей»; «А семи достигнув лет, мог любого скакуна оседлать» и т. д. (Ср. образ Мурадыма). В этом ряду особое значение имеет эпизод встречи молодого Салавата на охоте с матерой медвежьей парой, которую он уложил в единоборстве. Традиционно повествование о воинской доблести Салавата в битве с отрядами царской армии.

Наиболее ярко по эпическим краскам картины, отображающие Карасакала в бою на легендарном вороном коне. Здесь обращает на себя внимание тот момент, когда герой решающим сражением приходит к могиле Кусюм-батыра и, взяв горсть земли с могилы, осыпает ею круп коня, «чтоб он неуязвимым стал». И происходит нечто невообразимое:

И Вороной печальный взгляд
Свой на батыра устремил,
И будто дрогнула земля,
Где славный воин крепко спал.

Мотив, как видно, новый, весьма символический как в смысле исторической связи поколений, так и в значении духовного единства батыра и его боевого коня: тот и другой обретают богатырскую силу, неуязвимость от родной земли.

Эпически размашисто рисуются эпизоды боя, где они, конь и батыр, друг другу под стать, выступают как единое целое:

...Там, где конь Карасакала
Наступал, — крошились скалы,
Сильный ветер поднимался,
Лес дремучий пригибался;
Видя войско пред собою,
Конь бросался в гущу боя,
Насмерть врага топтал.
Сабля острая батыра,
Как коса, врагов косила...

Такое слияние боевого коня и батыра не обнаруживается ни в одном историческом сказании, но можно найти сколько угодно примеров в архаическом греческом эпосе и богатырских сказках.

Как сказано, в башкирских восстаниях участвовали и другие народы края. А в Крестьянской войне 1773—1775 гг. «впервые в широких масштабах произошло единение и сотрудничество между русскими, башкирами, татарами и другими народами Поволжья на базе социальных лозунгов и призывов русского казачества»¹⁶. Единение и сотрудничество народов в борьбе против царизма совершенно новая и очень сложная для народного эпического осмысления тема не могла получить развернутую разработку. Но связанная с ней идея о братстве угнетенных масс нашла в анализируемых кубаирах довольно четкое выражение. Примером этому служит эпизод, в котором изображается братское отношение Карасакала к русскому беглецу Антону. Более ощутимо свойское отношение башкир к Пугачеву. В восприятии Салавата он — «тот батыр, который желает даровать всем народам свободу, великую справедливость». Вернувшись домой от Пугачева как раз в тот день, когда здесь собирались провожать многих мужчин на войну против мятежников, Салават тут же произносит пламенную речь с разъяснением личности главного «возмутителя», его воззвания к народам. Представленный очевидцем яркий образ крестьянского вождя, обещающего не только русским, но и башкирам, татарам, чувашам — всем и всем, не различая их веру, «землей и водою наделять», настолько пришелся по душе большинству башкир, что они без колебаний встали на сторону желанного «царя».

¹⁶ Там же. С. 121.

Примечательно и другое — исторически верное отражение социальной ограниченности крестьянской психологии:

Когда ряды [повстанцев] заполнил враг,
Когда у мужей, что шли на войну,
Не осуществлялись цели никак,
Когда боярей рабы подневольные
Решили: хозяева ушли, и довольно!
А башкиры: мол, с нашей земли
Мы коварных бояр отмели, —
Вместе не желая держаться,
Хотели домой лишь к себе возвращаться,
Покидать не желая свой край,
Воротился в свой стан и Юлай, [тогда]
Рассеялась сила Пугачева,
Кончилась сила Пугачева.

С этой ограниченной крестьянской идеологией связано как полное поражение Пугачевского движения, так и грустное завершение кубаира. Сэсэну-сказителю ничего не оставалось, кроме как выразить неистребляемую надежду народа, испытанную в веках его уверенность в том, что пропитанная кровью земля предков «вновь батыров взрастит таких, что смогут страну от врагов защитить, за все злодеяния им отомстить!»

«Баик Айдар-сэсэн», которым завершается настоящий том, — своеобразный как по содержанию, так и по форме кубаир. В отличие от других исторических сказаний здесь изображается не героическая деятельность батыра, а лишь четыре развернутых эпизода из долгой жизни известного народного сэсэна Баика. Эти эпизоды, озаглавленные нами как части, составляют стройную поэтическую композицию, в которой последовательно раскрывается одна сложная тема — личность и общество, свобода народа и независимость государства. И на фоне этой темы образ героя вырисовывается в идейном и психологическом развитии.

В первой части повествуется о преследовании Баика башкирскими и казахскими феодалами за его бескомпромиссность и острый язык. То, что Баик-сэсэн берет верх над придворным казахским акыном, — это не просто обычная победа более талантливо-го сэсэна над менее искусным в поэтическом состязании, а победа того сэсэна, который метким словом разит коварные замыслы противника. Этим Баик сближается с легендарным Ерэнсэ-сэсэнном, который в одноименном кубаире, пренебрегая опасностью для своей жизни, отважно разоблачает сделки казахского хана Абулхаира с башкирским тарханом Акмамбетом.

Во второй части мотивы свободы личности перерастают в мотивы национальной независимости народа. Вынужденный скрываться в горах от преследователей, Баик, встретившись с молодым Салаватом, рассказывает будущему сподвижнику Пугачева о подвигах прежних батыров и тем самым воодушевляет его на борьбу за справедливость. Здесь образ Баик-сэсэна сливается с образом того безымянного беспалого старца в кубаире «Юлай и Салават», ко-

торый неотступно следит за каждым шагом Салавата и, когда тот оказывается на перепутье, подсказывает ему точный выбор. Так, и в первом, и во втором кубаире Байк-сэсэн предстает духовным наставником Салавата подобно старцу Хабрау, чьими советами руководствуется Идукай в башкирских вариантах об Идиге.

Третья глава является кульминацией сюжета. Здесь кубаир подводит нас к событиям 1812 г. В те тяжелые для России дни царь обратился к башкирам за помощью. По этому поводу и собрался народ на совет. Хотя в поэме прямо о том не говорится, но в подтексте чувствуется напряженная психологическая обстановка. Кажется, весь сход подавлен вопросом: «Что делать? Стоит ли помогать тому царю, кто не раз палил огнем башкирские деревни, отбирал землю и скот, вешал батыров, ссылал их на каторги?» Многие будто уже готовы крикнуть: «Нет, братцы, не пойдем на войну за такого царя!»

В этот момент появляется столетний старец Байк-сэсэн и начинает свою речь, полную глубокого философского смысла. Нет, он не оправдывает былых злодеяний царя, но не раздувает и чувств национального эгоизма. Руководимый трезвым умом много повидавшего аксакала, для которого царь и Россия — не одно и то же, Байк-сэсэн напоминает о клятве верности, данной прадедами Москове, и призывает к защите общей Родины. Потому что, по глубокому мнению Байка, родными являются не только дети от одной матери, но и те, кто из одного источника воду пьют, на одной земле живут, связанные одной судьбой:

Мужчина ли тот, женщина ли,
Царь иль кто-то еще другой, —
Пусть род плодит свой на той
Земле, которую бережет,
На ней и славу обретет, —
Тот и будет тебе родной!

А тот, кто пришел с мечом, «блага не жди от него стране, как Чингиз-хан, будет он псом». Это уже не что иное, как отражение новой политической ориентации народа после войны 1773—1775 гг.

Последняя часть кубаира, повествующая о снаряжении и проходах мужчин на войну (примечательно, что здесь личность центрального героя как бы растворилась в народной массе, охваченной общим порывом), примыкает к собственно историческим песням и байтам об Отечественной войне 1812 г., в которых наиболее ярко отразились патриотические чувства башкир и героизм их конных полков, дошедших в составе Русской Армии до Парижа¹⁷.

---

¹⁷ См.: Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Исторический очерк. Оренбург, 1962; Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964; «Любезные вы мои...» Сб. статей, документов, преданий и легенд, исторических песен и отзывов современников о боевых действиях башкир, мишарей, тептярей и русских казаков / Составление, выявление документальных и других материалов, комментарий и науч. ред. А. З. Асфандиярова. Уфа: Китап, 1992.

Чувство исторического прошлого и чувство государственности — это не просто характерные черты эпического творчества народов, а выражение их этнического самосознания в соответствии с определенными историческими этапами развития. Еще в 1871 г. Ф. И. Буслаев писал: «Вполне справедливо можно сказать, что русский народный эпос служит для народа неписаной, традиционную летописью, переданною из поколения в поколение в течение столетий. Это не только поэтическое воссоздание жизни, но и выражение исторического самосознания народа... Русский народ в своих былинах осознал свое историческое значение»¹⁸.

Буслаев раскрыл закономерность, общую для эпического творчества любого народа. Анализ древнего башкирского героического эпоса и исторических сказаний показывает поэтапный рост этнического самосознания башкир от мифологических представлений предков о своем генезисе и родной земле («Урал-батыр», «Акбузат» и др.) до понимания необходимости государственности, чтобы защитить национальную независимость народа («Идукай и Маянхылу», «Карасакал», «Юлай и Салават»). В кубаире же «Баик Айдар-сээн» мы видим слияние этих чувств с признанием России общей Родиной населяющих ее народов. Связанные с этим патриотические чувства башкир, их героизм, проявленный при защите России, получили развитое выражение в песнях и байтах цикла о войне 1812 г. Это несмотря на то, что в действительности башкиры продолжали терпеть колониальный гнет царизма, произвол местных властей, унижения в военной службе, другие несправедливости, которые также нашли отражение в большом количестве песен о кантонных начальниках и беглецах, о военной службе и походах, о земельных проблемах. Последнее оставалось жгучей темой и других фольклорных жанров. Словом, с одной стороны, верность клятве Москве и чувство всяческой униженности в условиях царизма — с другой, — это яркие проявления драматической истории башкирского народа в его устнопоэтическом творчестве.

* * *

В башкирской фольклористике вопрос о роли сээнов в сохранении и продолжении эпических традиций впервые ставился в монографии «Эпические памятники башкирского народа» А. Н. Киреева, поднимался и в последующих работах других авторов, об этом сказано также во вступительной статье к 1-му тому настоящего свода. Но раскрытие «персонального» вклада в башкирскую народную эпическую поэзию того или иного сээна, изучение его индивидуального творческого мастерства остается нерешенной проблемой. Сложность состоит в отсутствии сопоставимых текстов, которые были бы записаны из уст сказителей разных поколений.

Наиболее значительные эпические сказания («Урал-батыр», «Акбузат», «Кара-юрга», «Идукай и Мурадым», «Мэргэн и Маян-

---

¹⁸ Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887. С. 257 (разрядка моя. — Н. З.).

хылу», «Карасакал», «Юлай и Салават», «Ерэнсэ-сэсэн» и «Банк и Айдар-сэсэн») записаны Мухаметшой Бурангуловым.

Интерес к народному творчеству возник у Бурангулова довольно рано. Еще в годы учебы в медресе он записывал, или запоминал услышанное для того, чтобы потом самому, как он утверждал, блеснуть среди сверстников интересными рассказами.

В 1908 г. М. Бурангулов встретился с Ризаитдином Фахретдиновым — редактором газеты «Вақыт» и журнала «Шура», издававшихся на татарском языке в Оренбурге. Маститый писатель и ученый одобрил фольклорные записи молодого собирателя, впервые поведал ему об историческом и художественном значении произведений устного народного творчества, о великой роли сэсэнов и кураистов в преумножении духовной культуры народа. Эта встреча сыграла решающую роль в фольклористических разысканиях Бурангулова: его юношеское увлечение вскоре переросло в сознательную, целенаправленную деятельность, и запись фольклорных произведений в их целостности и особой художественной выразительности стала, можно сказать, смыслом всей его жизни.

Из своих знакомых сказителей особенно высоко ценил М. Бурангулов Габита Аргынбаева. Постоянно держал с ним связь. Находясь у сэсэна иногда неделями и месяцами, слушал и изучал его репертуар в обычных условиях. Встречался с ним и на сабантуях, празднествах «байге» — там, где проводились не только национальные спортивные игры, но непременно и выступления-соревнования народных талантов. По свидетельству М. Бурангулова, на этих состязаниях часто выходил победителем Габит-сэсэн-кураист.

Представляет научный интерес характеристика исполнительского своеобразия Габита Аргынбаева, составленная М. Бурангуловым: «Когда он рассказывает, забывшись, весь уходит в тот эпический мир, по ходу повествования то громко засмеется, то заплачет и остановится с комом в горле. Попьет тогда холодной воды и долго сидит молча. Потом приставит ко рту курай и поиграет любимую мелодию. Так, пока не успокоится, не возобновит прерванный рассказ»⁴⁹.

Фольклорная коллекция М. Бурангулова состоит больше из машинописных тестов. Первоначальные, так называемые «полевые», записи, по-видимому, не сданы в фонд, поскольку они были на арабском письме, на котором делопроизводство было прекращено с 1929 г. Они не сохранились и в личном архиве собирателя.

Текстологическое изучение фольклорных записей М. Бурангулова убеждает в том, что он, не будучи профессиональным фольклористом, умел делать записи с голоса. Сказительская школа, которую он проходил у Габита Аргынбаева, многократные встречи с другими мастерами поэтического слова научили его вслушиваться в рассказ-повествование, песню, вникать в народный дух, улавли-

---

⁴⁹ Зарипов Н. Т. Мухаметша Бурангулов — народный сэсэн-сказитель // Сказительское и литературное творчество Мухаметши Бурангулова. С. 114.

вать формы поэтических выражений, ритмику стиха и другие характерные особенности устной народной поэзии.

Сопоставление записей М. Бурангулова, сделанных от Габита Аргынбаева, с его же записями из уст других сэсэнов, а также с текстами, представленными иными собирателями, наводит на мысль о существовании в прошлом у башкир сказительских школ, отличавшихся друг от друга разным стилем повествования эпического сюжета. Так характерным признаком поэтического строя кубайра «Идель-йорт» является двухкратное повторение каждой строки. А каждый стих (строка) — это однотипное простое предложение или его определительная часть, чередующаяся с частями в той же функции, как однородные члены. Строфа или несколько строф, объединенных общим смыслом и одним и тем же размером стиха, представляет закругленный эпизод сюжета, который в связи с последующими показывает нарастание драматического содержания кубайра в целом. Фольклорная оригинальность такой поэтической структуры, повторяющейся и в кубайре «Кубяк-батыр», частично в «Сукем-батыре» и «Старшине Масагуте» (БХИ: Эпос. Кн. 3) очевидна.

Заметная упрощенность стиля повествования в кубайрах «Баязит-батыр», «Акшам-батыр», «Билал и Дусян», равно как и малый их объем связаны с их лирическим содержанием, о котором сказали выше.

Кубайрам, записанным от Габит-сэсэна («Урал-батыр», «Карасакал», «Юлай и Салават»), характерен широкий размах повествования. Собственно этим и обусловлен тирадный стих, отдельные строфы которого могут достигать до 48 строк. Но сложность стиха не в этом: почти каждая пространная строфа в представленных Бурангуловым текстах — это одно многосоставное предложение с множеством распространенных однородных членов, усложненных к тому же многоступенчатыми причастными и деепричастными оборотами.

Тирадный стих такой сложной стилистической конструкции, используемый чаще при описании красоты родной земли, богатырских свойств героя и его коня, был, по-видимому, древней формой самобытной патетики в башкирской эпической поэзии, формой, превратившейся впоследствии в традиционное эпическое клише, переносимое из одного сказания в другое. Например, поэтическое описание Акбузата в одноименном эпосе и кубайре «Урал-батыр» (Т. 1. С. 99-100 и 165-166) и описание буланого коня Идукая сходны. В одних и тех же красках повторяются песни об Урал-тау в речах одаренных поэтическим даром героев и других персонажей, начиная от старца Хабрау и Идукая до Карасакла, Юлая и Салавата.

Тирадно-патетический стиль эпического повествования был, очевидно, главным художественным достоянием той сказительной школы, известными продолжателями которой в XIX и начале XX столетия являлись Ишмухамет Мырзакаев и Габит Аргынбаев. Эстафету от последнего принял М. Бурангулов и достаточно умело воспроизводил особенности тирадного стиха не только в текстах,

записанных от своего учителя, но и при составлении эпоса «Идукай и Мурадым».

При устном исполнении тирадный стих поется как бы одним дыханием, концентрируя мысли и чувства слушателей на многомерных качествах изображаемого объекта. Этому способствовал мелодически нарастающий речитатив, в котором чередующиеся интонации соизмеряются со смыслом и ритмикой стиха. Но при чтении тирадного стиха, изложенного в одном речевом потоке, как это делал М. Бурангулов, желая выразить специфику устного повествования, не так-то просто уловить соподчиненность причастных и деепричастных оборотов, выяснить, что к чему относится. Сохранить все стилистическое своеобразие этой формы в переводе текстов на русский язык очень трудно, порой просто невозможно. Ради ясности мысли, ради того, чтобы перевод был достаточно читабельным и понятным для всех, пришлось прибегнуть к расшифровке слишком больших синтаксических конструкций оригинала составными предложениями, сохраняя по возможности лишь количество строк в строфе. Что касается 7—8-сложного метра стихов, то он также не везде выдержан.

Коллективность народного творчества — понятие условное. Любое фольклорное произведение создано когда-то одной одаренной личностью. Но его судьба зависит не только от всеобщей значительности выраженного в доступной поэтической форме содержания, но и от мастерства последующих исполнителей. В исполнении одних повествование шлифуется и приобретает художественное совершенство, в устах других, возможно, потеряет какие-то детали или части и будет звучать менее ярко. Словом, бытование фольклора, тем более повествовательных жанров, — это сотворчество разных поколений. И в этом процессе немалую роль играют идеологические факторы. Конкретное проявление этого мы видели в интерпретации образа Кужака сказителями с разных позиций. Содержательные различия версий и вариантов эпоса об Идиге и других сказаний, общих для ряда тюркских народов («Сказание о Мамай-хане», «Таргын-батыр»), связаны, как было отмечено, с сознанием исторических потребностей национального развития — значит, с определенными идейными установками своего времени. Все дело в том, в какой степени и в каких рамках происходит это сотворчество.

Активное сказительское сотворчество М. Бурангулова пришлось на конец 30-х — начало 40-х годов, т. е. в то время, когда он занялся подготовкой эпоса «Идукай и Мурадым», других исторических сказаний к публикации. Известно, что Бурангулов был человеком весьма своенравным, принципиальным. Но работая тогда под жестким контролем идеологических учреждений, он едва ли мог оставаться вне общей оппозиции к монголо-татарскому нашествию вообще и к Золотой Орде и последующим ханствам — в частности. В дореволюционных записях («Урал-батыр», «Акбузат», «Шестилетний Алпамыша», «Кара-юрга» и др.) М. Бурангулов был относительно свободен — воспроизводил эти древние сюжеты так, как они произносились устами его предшественников. В каждом из этих сказаний по-особому оживает тот эпический мир, кото-

рый создавался художественной фантазией древних предков башкир, соответствовал их мирозерцанию, их представлениям о добре и зле, отражал их понимание своего прошлого, их же социальные и нравственные стремления. Эту-то исторически мировоззренческую суть фольклора и особенность сказительской культуры грамотного сэсна тогда «не понимали». В условиях расцвета вульгарно-социологического подхода к явлениям литературы и искусства, многим идеологам казалось, что если в произведении не совсем четко прослеживаются социально-классовые отношения, то оно значит не что иное, как «идеализация прошлого», «фальсификация» фольклора. С теорией классовости искусства, внушавшейся людям со школьной скамьи, связано то положение, что такой шедевр древнего эпического творчества как «Урал-батыр», который никак не укладывался в рамках этой теории, считался мифом и оставался в архиве нетронутый до конца 60-х годов. Другие записи М. Бурангулова («Акбузат», «Идукай и Мурадым», «Мэргэн и Маяхылу», «Карасакал», «Юлай и Салават») хотя благодаря тому, что в них в определенной степени выражались социальные мотивы и увидели свет в 1938—1943 гг., но потом, спустя два года, подверглись уничтожающей партийной критике.

Социальные мотивы в исторических сказаниях, равно как и отмеченные выше новшества в эпическом повествовании событий и психологической характеристике героев мы считаем вполне оправданными с точки зрения эволюции народного творчества. С эволюционностью связаны напластования разных эпох и в архаическом эпосе. Например, верно подметила это в эпосе «Акбузат» А. С. Мирбадалева: «Образы Хаубана и его врагов получают многоплановую трактовку. В частности, герой то действует как богатырь древнего эпоса, то обретает черты типичного сказочного персонажа, а в отдельных местах предстает как борец против хана-депта. Это все свидетельствует о длительности истории развития сказания»⁵⁰.

Сказительское творчество М. Бурангулова, как и творчество соотносимых с ним по времени акынов и бахши у казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков и туркмен, из уст которых записаны монументальные эпические сказания этих народов («Манас», «Кобланды-батыр», «Алпамыш», «Гор-оглы» и др.), представляет большой интерес для науки в изучении исторической закономерности соотношения индивидуального и коллективного начал в фольклоре. Если суть индивидуального начала в области эпического творчества заключается в поэтическом даре личности, сумевшей создать единое эпическое повествование на основе древних представлений и обычаев, преданий и легенд, бытующих в народной среде как память о героическом прошлом, то коллективное начало выражается в сотворчестве сказителей последующих поколений. Художественные качества «продукции» этого сотворчества связаны с мастерским воспроизведением усвоенного от предшественника текста или запомнившегося сюжета в его содержательной целостности и

---

⁵⁰ Башкирский народный эпос. М.: Наука, 1977. С. 35.

стройности, сохранив его старинный дух, поэтические краски и стилистические формулы. При этом возможны некоторые обновления (напластования, иные трактовки) в соответствии с потребностями поздних времен.

Итак, по мере приближения эпоса к исторической действительности в нем уменьшаются, а затем вовсе исчезают мифические существа и другого рода фантастические противники богатыря, имеющего также необычайные, нередко и чудесные свойства в архаическом эпосе. На передний план выдвигаются герои, наделенные больше высоким умом и организаторскими способностями, нежели грубой физической силой. (Последнее имеет место лишь в сказочном варианте эпоса «Идукай и Мурадым» — эпизод состязания отца с сыном в силе). Эпические мотивы используются главным образом при характеристике батыров, как традиционные средства возвеличения образа народных защитников. Помощниками героев исторического эпоса являются много повидавшие старцы, воплощающие мудрость, многовековой социальный и нравственный опыт народа, — этим они отличаются от авлии-чудотворца в архаическом эпосе. Противники героя — пришлые и местные ханы, а в последних сказаниях русский царь-самодержец и его генералы-наместники — характеризуются вполне понятными социальными представлениями о них, как о тиранах-угнетателях народных масс.

Все это подтверждает общее положение о том, что «фантастика играет меньшую роль в эпосах, эволюция которых протекала на более близкой к нам стадии общественного развития, — в эпосах, выражающих идеалы самоутверждения народности, борьбы за независимость против угнетения»⁵¹. Важно видеть при этом, что в исторических сказаниях выразится тот же общий закон народного эпического творчества — закон героизации народных батыров, который лежит в идейной основе всякого эпического сюжета.

Возвышению эпического героя служат и патетический стиль повествования, и развернутые эпитеты, метафорические выражения и другие изобразительные средства, призванные воссоздать многокрасочный поэтический образ, внушить слушателям желаемые представления о замечательных чертах характера героя, о его незабвенных делах.

Немалое эмоциональное воздействие оказывает на слушателей напевность эпического повествования. Башкирские героические сказания большого «формата» исполнялись, как и у других тюркоязычных народов, в речитативно-распевной манере. Эти исторически сложившиеся музыкально-эпические формулы музыковед Л. П. Атанова называет «обиходными напевами» и выделяет характерные для башкирского народного эпоса свойства. Это: «речитативный склад, мерная повторность ритмо-интонационной формулы. Ладовую основу образуют ангемитонные (бесполутоновые) квартовые и квинтовые трихорды... Ритмика и метрика обиходных напевов отражают особенности тирадного эпического стихосложе-

---

⁵¹ Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982. С. 27.

ния. Несмотря на сквозное развитие, содержание и значительное количество строк в эпических строфах, обиходный напев невелик по объему (обычно 10—12 тактов) и состоит из вариантного повторения мелодической формулы: каждой строке соответствует мелодическая фраза напева ($a=a_1=a_2=a_3$ и т. д.)⁵².

В долгой истории изустного бытования эпические напевы претерпели значительную эволюцию. «В исполнительской практике сэзнов и кубаирсы (т. е. слагателей кубаиров — Н. З.) замечается постепенный отход от обиходных формул музыкально-эпического речитатива в сторону усиления образно-лирического начала в мелодике; стремление превратить традиционный эпический напев в мелодию с индивидуальным образным содержанием»... Такая эволюция приводит к тому, что наряду с традиционной формой бытования некоторые сказания получают новое музыкальное воплощение в виде лиро-эпической песни. «Прозаическая часть эпического сказания в этом случае стала выполнять роль легенды к песне, а стихотворная — превратилась в собственно песню или наигрыш на курае. Для таких песен характерна особая мелодическая образность, граничащая с изобразительностью. Образцами подобной метаморфозы являются мелодии эпических сказаний «Қара-юрга» и «Конгур-буга».

Ряд приведенных Л. Атановой примеров могут пополнить и кубаиры о батырах, лирическая тональность которых тесно взаимодействует с музыкальным выражением, образуя особую мелодию. По нашему мнению, именно на этой почве возникли, получили развитие башкирские народные лиро-эпические песни конкретно-исторического содержания с «индивидуальной» протяжной мелодией.

---

⁵² Атанова Л. О башкирских эпических напевах // Башкирский народный эпос. М., 1977. С. 493.

Там же, с. 494.

ИДУКАЙ И МУРАДЫМ

*1. О том, как Золотой Ордой правил хан Туктамыш;
как башкиры отказались принять его подданство¹*

Золотой Ордой владел
Хан по имени Туктамыш;
Много стран во власти имел,
Их в рабах при себе держал:
Ясак у них скотиной брал,
Рабов от жителей их забирал;
Всесильным себя возомнив,
Жил вольготнее богов.
И на вольный Урал посягнул,
Живший там народ всколыхнул;
Богатыри края того:
Кыпсак², Катай и Тамьян, —
Жившие на отрогах Урала;
Юрматы, Табын еще —
Вдоль Нугуша* и Идели* —
По примеру батыров тех,
Пятеро из семи родов,
Туктамыша отвергнув власть,
Не платя ему ясак,
Не желая давать рабов,
При приближении ханских войск,
В скалах укрытие ища,
Бились с врагами вместе и врозь.
Аулы целые в каждом бою
Выгорали дотла в том краю;
Женщин и девушек позорил враг,
Скалы и склоны уральских гор
Кровью алою увлажнялись;
В той крови утопая по седло,
Батыры к обидчикам пробивались;

Но те, Урал-тау окружив,
Огнем нещадным его подпалив,
Превратили цветущий сад
В кроваво-красный ужасный ад;
От ударов со всех сторон
Нес народ там большой урон,
Без матерей оставались, отцов
Сироты — дети лихих удалцов;
Боевых не осталось коней —
Только лишь недоросли лошадей;
Все ж пять батыров пяти родов,
Израненные десятки раз,
Оземь сброшенные с седла,
Все ж, лук не бросив в смертельный час,
Не выпуская булатный меч,
Вновь и вновь устремлялись в сечь.

II. О том, как Шагали принес ханский указ; как старик Хабрау поведал историю страны; два охотника и пять батыров отправились в Орду.

Тот, кто, подчинившись Орде,
Бийство за это получил,
На всю долину Ирендька
Свое господство распространил;
Расселил он род свой большой
Вдоль всего степного Яика,
Всей этой ветви являясь главой,
Питая злобу к пяти родам,
Бий надменный степной земли —
Старец по имени Шагали —
Посланником от хана Орды
Явился к пяти родам, говорят⁴.
Всех их жителей вместе собрал,
Верховодам же родовым
От хана Орды привез фарман*
С предписанием таким:
«Пусть батыры пяти родов
Явятся в Сарай*, и тут
В число везиров моих войдут;
Пусть двое охотников с ним придут,
Самых лучших выберут птиц
Ловчих, чтоб запускать на птиц;
Пусть старик Хабрау-сэсэн,
Кто на весь Урал и Алтай

Прославил себя и родимый край,
Согласно фарману моему
Восхваляет мою Орду!»
Чтоб великого хана слова
Передать вам в этом краю,
Я посланцем явился сюда!» —
Так закончил он речь свою.

Верховоды пяти родов
Вместе стали совет держать.
«От многих войн мы изнемогли,
Пойти б на мировую могли», —
Говорили одни из них,
Из батыров тех пятерых.

Старший средь старцев пяти родов
Певец прославленный Хабрау,
Видя разлад средь своих рядов,
Опираясь на посох большой
И бедро подпирая рукой,
К людям клич обращая свой,
Маткой, водящей пчелиный рой,
В середину толпы вошел,
Голову опустив, обвел
Богатырей пяти родов,
В каждого вперил пристальный взор
И, как бы советуясь с каждым из них,
Дружеский завел разговор.

Хабрау:

— Видя, что встал на ноги тот,
Кто больше сотни прожил лет,
Вижу: насторожились вы —
Что за вздор, мол, старик понесет?
Знаете вы хорошо о том,
Что среди вас такого нет,
Кто был бы в возрасте моем,
Кто прожил бы так много лет,
Видел то, что я повидал,
Слышал то, что я слышал,
Кто одолел бы те пути,
Которые мне пришлось пройти.

С незапамятных времен
До рождения моего

Для праотцов, праматерей
Был гнездовьем Урал-тау.
Бии здешние и аксакалы
С родом своим пройдя немало,
Утопая в море крови,
О вражьих стрелы дырявя лбы,
Пики их сквозь грудь пропуская,
Отстояли-таки Урал-тау!

Ай Урал-тау, Урал-тау!
И птицей, и зверем, коих рать,
Как красавица, ты воспет;
Как отец родной и мать,
Лаской нежною согрет,
Достоцитимый Урал-тау!
Ай Урал-тау, Урал-тау!
Ты своих богатырей,
Как в объятиях мать, держал
В грозный час в расщелинах скал.
Той горой ты был, где сплошь
Сходилась, бывало, молодежь
С полной чашею круговой —
Смех да веселье день-деньской!
Вокруг тебя пять родов
(А над родами пять вождей)
Защищали от врагов
Владенья родины своей;
Той горой ты был, что в грудь свою
Светлый прах богатырей,
Павших в праведном бою,
Забирал в родимом краю;
Той горой, где гарцевал
Гордый богатырь на коне,
На курае своем играл,
Лучшим мелодистом был в стране,
Голосом девушки изливал
Скорбь народа, его печаль —
Для всех ты дорог, Урал-тау!
Многое на своем веку
Повидавший я старик;
Что смогу я вам сказать,
Видя, что вложили в ножны
Свои разящие мячи
Лучшие батыры страны?
Видя, что мой воинственный край

Под угрозой врага поник
И готов голову склонить?
За что страну свою воспевать,
Если батыры сошли с коней?
Если батыры пяти родов
К хану готовы ускакать?
Вспротивятся ль воле страны
В могилу ступившие ноги мои,
Хрустящие в теле кости мои,
Потускневшие в гнездах век
Полуослепшие очи мои?
Двойным, нестареющим с первых дней
От матери рожденное сердце мое;
Камни способное разбивать,
Волос на сорок частей разрывать,
В бою способное стать копьем,
Сто лет пылающие огнем,
Давшие мне славное имя — Хабрау,
Неумолчные песни мои?

Дума давняя есть у меня,
Подобная стремительной птице.
А в сердцевине думы той
Есть узел, который для вас развяжу:
Если хану руку подашь,
Считай, для него расстелешь постель;
Если батыр сойдет с коня —
Пред ханом голову преклонишь;
Если вложишь саблю в ножны,
В ханского раба себя превратишь.

Когда батыры уходят прочь,
В разоре вся страна загудит,
Как улей, лишившийся матки-пчелы;
Признаешь бием главою своим
Того, кто разграбил твое добро,
Как серая разбойница-пчела:
Позволит отца твоего бранить,
Мать родимую оскорблять,
Позволит чужому хану их бить, —
Что могу вам еще сказать?

Як потеряв — путь потеряешь;
Идель потеряв, что поит пять родов,
Всю свою родину потеряешь.

Навалившись всею Ордой,
Хан чужой Урал твой спалит;
Управлять твоею страной
Бию подлому повелит;
Глад найдет на страну и мор,
В несмываемый свергнет позор;
Лучших заберет лошадей —
Хану, мол, они нужней;
Заберет еще сверх того
(Раз уж сватом быть суждено!) —
Ту, чьи пальцы, словно камыш,
Зубы — что россыпь серебра,
Будто луна — одна щека,
А другая — как солнца луч⁶,
Лилией восходит грудь —
Такую красавицу заберет.

С ржаньем лошади бродят весь год —
Много у тебя их, Урал-тау;
Ревом «мугур-мугур» оглашает скот
Твои отроги, Урал-тау;
Остроглазый, кривохвостый
Волк здесь бродит, Урал-тау;
Шишкоухий, куцехвостый
Заяц скачет здесь, Урал-тау;
Масляными ремешками
Ползают змеи тут, Урал-тау;
Неуклюжими шагами
Бродит медведь здесь, Урал-тау;
В скалах гнезда себе вьют
Твои пташечки, Урал-тау;
Просвечиваются в Идель-реке
Рыбы твои, Урал-тау;
Ручеек на ручейке —
Подобна ястребу вдалеке,
К ним девушка, звенькая косой,
Ходит на заре за водой;
Чтобы в игре «Догони, джигит!»
Девушкам поскакать на коне —
Много места у тебя, Урал-тау,⁷
Все это в рабство Орды отойдет!

Выслушав слова Хабрау-сэсэна, встрепнулся народ, стал так и этак судить да рядить. Тем не менее пять батыров, посоветовавшись между собой, предпочли выполнить

приказ хана: «Пусть два охотника, один певец, пять батыров придут и будут биями, если не хотят стать рабами»⁸.

Пять батыров, биями став,
С ними Кутлу, охотник Исян —
Вместе семеро собрались,
В сторону Орды подались⁹.
Только сын Кутлу Идукай
Не поехал вслед за отцом,
Саблю не вложил в ножны,
Сидя на коне верхом,
Фарману ханскому не подчинясь,
Полный решимости продолжать
Борьбу с коварным врагом,
Отчий свой не покинул дом.

III. О том, как Идукай обратился к Хабрау-сэсэню за советом и тот испытал его сообразительность.

Проходили день за днем.
Месяц минул, и минул год
С тех пор, как батыры свой покинули дом.
Раз за разом из ханского дворца
За приказом приказ поступал
О сборе ясака из здешних мест —
В беду-кручину ввергал весь Урал.

Хоть и молод был Идукай,
Не сидел он, руки сложа:
Пока собирали бии ясак,
Пока волненьем объят был край,
Пока дети, покинув дома,
Доверяясь своим ногам,
Убегали подальше к горам;
Когда мужчины, лишась скота,
Не знали, теперь податься куда,
Покою лишившийся Идукай
Направился к старику Хабрау¹⁰,
Явился прямо к нему в дом
И поведал ему обо всем.

Видя отвагу Идукая, и то, что тот душой болеет за свою страну, долго молчал погруженный в думу Хабрау. «От многих разговоров сэсэню станешь, от многих хождений поводырем станешь», — напомнил он народную пословицу. И

чтобы тот не возгордился от этих слов, надумал испытать его на сообразительность. И загадал ему такую загадку:

Превращает ли кто в тесто
Сталь, булат или железо?
Кто бесконечную дорогу
Все же до конца проходит?
Кто травую коней своих кормит
Той, что растет на сырте горном?
Кто, коня вгоняя в пот,
Ночами длинными скачет вперед?
Кто курдюк овцы, что от жира тает,
Целиком один поедает?
Кто русла Яика и Идели
Стягивает воедино умело?
Есть ли на свете птаха такая,
Что ни соколу под коготь,
Ни орлу в клюв не попадает?
Есть ли такой, кто в землю прахом
Не уходит? И кто со страхом
Громко «Печень жжет!» — восклицает.

Выслушав загадки Хабрау, Идукай не стал слишком-то задумываться, тут же выложил на них разгадки:

Сталь, булат или железо
Мастер превращает в тесто.
Путь отмерить до конца
Сила есть лишь у купца.
Своих коней травую горной
Опытный караванщик кормит.
Темной ночью — не иначе —
Запоздалый путник скачет.
Курдюк овцы, что от жира тает,
Охотник целиком поедает.
Русла Яика и Идели
Не рыбак ли стягивает умело?
И не кобчик ли та птаха,
Что никакого не знает страха
Пред любую ловчею птицей?
Ну а тот, кто смерти не знает,
Боли не ведает никакой —
Не Всевышний ли в мире такой?¹¹.

Со вниманием выслушал старик Хабрау Идукай, отечески похлопал его по спине; морщинки на лице его разгладись. И поделился он своими мыслями:

Хоть в шубе выдровой и в меху,
Парень в одежке — еще не красавец;
Не в почете тот, кто свой род,
Землю поруганную свою
За блаженство другим продает;
Кто, чужой в родимом краю,
К хану во дворец уйдет;
Забыв и про страну, и про народ,
За девушками лишь ухаживая, тот
Ложе мягкое себе найдет.
Молодцом в своей стороне
Тому не быть, кто хану в пасть
Способствует стране попасть.
Даже в возрасте равный тому,
Кто по-геройски бьется в бою,
Не будет в битве он равен ему.
Порода скакунов — от жеребца,
Порода иноходцев — от кобылицы;
Девушка, что батыру сродни,
От матери благородной родится.
Волков и медведей бить будет тот,
Кто в жилах несет силу отца;
Ту же, что слез потоки льет
В час, когда ее батыр
К битве готовится, народ
Своей любезницей назовет;
Тот, кто даже бьет зверей
И не худший среди друзей,
Но не способен в час беды
Встать перед врагами горой,
Кто не способен от Орды
Народ защитить свой — тот не герой.

Теперь, Идукай, слушай меня,
Много видевшего старика:
Рыжая масть твоего коня,
Дважды сплетена у него узда;
Умар-батыра меч у тебя,
Что о скалы ты отточил,
Кои слезами народ омочил;
Тот меч сжимая, сюда ты принес.

Так проедь же долины рек
Идели, Яика и Нугушá!
Наш отрожистый Урал-тау
Под пятой оказался Орды —
Жалкую землю увидишь ты;
Тех, что здесь с пеленок росли,
Под общей кровлей жизнь вели,
Словно ящерицы, узлом
Свитые, собирались здесь;
С кличем яростным: «Эй, уган!»*
Отсюда на вражеский стан,
Изможденный вконец от войны
Лик увидишь ты страны.

Верным другом себе изберешь
Того путника, кто в темноте —
В град или в дождь проливной —
Едет храбро; чья постель —
Голый булыжник на хребте.
Встретишь Тора-бия ты,
Что у подножья гор живет,
Словно могучее дерево,
Первым богатырем слывет.
Седьмое колено нам Умар.
Сын его — Газиз-баба́ —
В девять лет прослыл мудрецом;
Младший его сын Тукляс
Подчинил себе исподволь
Яик, Хакмар, Туяляс;
Против отца своего пойдя
Войной, страну разрушил его;
Забрал себе лучших его лошадей,
Юрты его пожег, злодей,
Оставив без крова его и добра,
С ног сэмсэ заставил снять
Маме твоей повелел затем
Драную обувь надеть;
Хоть и юн ты был, но все ж,
Когда вырвал у Тора-бия меч,
Вверг его ты в ужас и в дрожь;
К Идель-реке, когда в Кадир-тюнь*
Из могильника отца его
Выпорхнул огонь-упырь,
Подумал: мол, это — сигнал того,
Что уходит покой его,

Переместился Тора-бий
В междуречье Селеука
И Нугуша он, и там
Основал свой аймак.
Смотрит, что Тухтамыш-хан
Урал захватил и Яик.
Не готов ли он броситься на хана,
Как на мужа — ревнивая жена?
Если свой увидел меч,
Не впадет он в ярость. Ему
Выложишь ты все, как есть,
Пищи для дум подкинешь уму».

Выслушав старика, батыр
Оседлал скакуна, укрыл
Новую кольчугою грудь,
Десять верных друзей прихватил
И отправился в дальний путь.

IV. О том, как Идукай приехал к Тора-бию и между ними завязался спор.

Идукай дни и ночи скакал,
Вместе с друзьями страну повидал;
Пристал к нему и Яик-батыр,
Воевавший с Шагали-бием,
Который со страной Идукая
Много-много лет воевал.
Пристал к нему еще Келяйле,
Который Дамми-бием был бит,
Всю жестокость его испытал;
Вот явился к Тора-бию Идукай.
Спешиваться у того он не стал,
При коновязи не оставив коня,
К белой юрте подъехал он.
И тогда один из рабов,
Выйдя из юрты, за гостя приняв
Идукая, тому предложил
В юрту пройти, сойдя с седла.
Но Идукай не сошел с коня,
Поводья, что в руке сжимал,
Рабу Тора-бия не отдал.

«Я гонец, что с посланием
Прибыл сюда с верховьев рек.

Со своего не сойду коня,
Пока не увижу хозяина я».

Раб, услышав такие слова,
Тора-бия тотчас позвал.
Идукай сошел с седла,
Тора-бию руку пожал;
Тот, увидев Умара меч
На бедре Идукая, тотчас
Растрерялся и замер враз.

Идукай:

— Время, мало-помалу делясь
На месяцы, недели, дни,
А затем сливаясь в года
Счет поколениям ведет.
Из разных поколений мужей
Вышло немало богатырей.

Поколение Кутлу
На Шихане растило коней,
На Нарысе лелеяло скот,
Гарцевало на резвых тулпарах;
Вот такого мужа — Кутлу —
Ты на клячу пересадил,
Весь аймак его разворотил,
Кров и земли его спалил,
Шубу выдровую с него содрал,
В шкуру драную облачил,
В жалкого пастуха обратил
Скотины, пасущейся между скал,
А потом на чужбину, в Орду,
Превратив в раба, отослал.

Поколенья, твой род, Тора-бий,
Много пролили крови людской,
Заставили вброд по ней брести,
Много невинных пролили слез,
Биям давали грабить добро
У работающих простых людей,
И длилось это с далеких дней.

Поколенья друг друга сменяют,
Не переставая и не прерываясь;

И каждое поколение миру
И бия дает своего, и батыра.
Идут глашатаи впереди,
Считая себя маяками в пути.

Бий великий! Вот и я
С думой своею явился к тебе:
Без дней и месяц не пройдет,
Без месяцев не минует год,
Так же и поколенья пройдут —
Их удержать не найдется пут.
Но однажды, из крови взойдя,
Злобой гневную исходя,
Не обрушится ль тот гнев людской,
Не захлестнет ли биев собой,
Сбив спесивых, что впереди
Едут, считая себя маяками в пути?

Не воспринимая слова молодого Идукая всерьез: мол, пытается поучать самого Тора-бия!, безмерно гордящийся саном своим, так ответил Тора-бий:

Как от вырубленного березняка
Остаются живые ростки,
Так и богатства во все века
Остаются от отцов
Молодым наследникам их.

Если наследник — не от славного бия
И вся удадь его — лишь от отца;
Если страна не поклялась ему
Верною быть до конца,
Бийства истинного ему не видать.
Пусть будет он златоуст, чей язык — как меч,
Пусть люди замирают, когда он держит речь,
Пусть будет ловок и на лету
Птиц подбивает у всех на виду;
Пусть будет первым молодцом
И сердце у него — с голову коня,
Пусть сильный будет, способный смять,
Словно тесто, железо иль сталь,
Пусть горы способен сокрушить;
Пусть будет тем, кто может добыть
В яростных битвах бийство себе,
По седло утопая в крови,

Словно изголодавшийся волк,
По запаху след дичи определяя;
Все же в минувших поколениях
Не знал я таких, кто б, судьбу миновав,
По горло в крови утопая,
Власть добыл себе, подобную раю,
Кто подарил бы счастье стране,
Такой аймак бы создал себе, —
Не приходилось таких мне знать.
Есть ли нынче такой, кто б сталь
В мягкое тесто превращал,
Кто б изъездил весь Урал,
Вдоль долин Нугуша и Ика,
Вдоль Идели и вдоль Яика?

Есть ли такой, кто о стране
Думая и ночи, и дни,
Не сходя с коня своего,
Объезжал горемычный свой край,
О защите заботясь ее?

Есть ли в этом краю удалец,
Чье сердце праведным гневом кипит,
Кто б неделю без пищи, как волк,
Странствовать по стране бы мог,
Кто бы на привале за раз
Целого барана бы мог
Съесть, — такой найдется ли у нас?

Есть ли у нас батыр такой,
Кто, заблудившись ночной порой,
Русла Идели и Яика
Опясавав, проедет вброд
По-богатырски стремнину их вод?
Есть ли в стране батыр такой,
Кто любых избежит когтей,
Шункар* его не возьмет никакой;
Кто не боится смерти любой,
Голову в битве готовый сложить,
Есть ли в стране богатырь такой?

Есть ли в стране такой батыр,
Кто б на коне объездил весь мир,
От хана к хану путь держа,
Ездил, куда повелит душа;

Кто б по Уралу гарцевал
На коне, достойном его,
Кто б гордостью был поколенья своего?

Есть ли в стране батыр такой,
Кто бы всюду мог побывать,
Ловкий, как ласка, и пробивной;
Кто бы усердем, отвагой своей,
Мог привлечь к себе души людей,
Превратить их в бурный поток,
Кто б врага не пустил на порог,
Кто б славного бия сбить с трона мог?

Идукай:

— Если ту поросль, что поднялась
На месте старого березняка,
Тальник покроет, — заглохнет она;
Кто стал бием, лес не валя,
В тулуп облачился, в зверей не стреляя,
Куда направляется, сам не знает;
Кто на голову коня
Сам уздечку надеть не способен,
Кто гнилушку от пня
Отличить светлым днем не способен,
Тот, даже получив от отца
Бийство и звание «мурзы»,
Никогда не поймет свой народ,
Страну свою к беде приведет;
Это известно везде и всем!
Такого бия можно сравнить
С мелко нарезанной лапшой;
Такого бия может любой
Смять, как обыкновенное тесто,
Но — не как сталь, булат иль железо!

С самой давней, древней поры
Есть в этом мире два пути:
Один — дни в веселье проводить,
По кочевьям разгульно бродить,
Из золотого сосуда — сайгыр,
Что от Майкы-бия¹⁹ дар, —
Влагу пьянящую вдоволь пить,
Пеньем курая чувства свои
Утоляя, в блаженстве тонуть —
Таков веселья и сытости путь;

На охоте, когда народ
Соколов запускает своих
На живую пернатую дичь,
В шубе дорогой на коне,
Званьем бия своим кичась,
В стороне от других запуская
Ловца своего на птичью стаю:
Вот, мол, птица моя — Карагуш,*
Дар Майкы-бия²⁰ — мой улюш!* —
Таков он — путь всех спесивых душ.

Путь другой — со своей страной,
Один котел со всеми деля,
Трапезой угощаясь одной,
Не одного — пять баранов враз
Вместе со всеми на бок валя,
Игрой курая былую грусть
Заглушая, смиряя грудь —
Таков совместный с народом путь.

Путь, которым ходят мужи,
Бежит быстрее, чем вода в реках —
Нугуша, Идели и Яика,
В разливе способная по весне
Камни и скалы порушить везде;
Ну а мужей достойный путь —
Мощи стихии подобен он:
Вырывает из-подо льдов
Воды, прокладывающие себе
Новые русла и рукава,
Воды, способные мир затопить,
С земли кровавые пятна смыть —
Таков он — мужей величавый путь!

Мужи те сторожевого сокола запускают
На карагуша, что дичь убивает
Благородную; под их седлом
Потник лоснится от скачек потом;
Потом дадут коням отдохнуть —
Таков тех мужей величавый путь!

Знай же, что я — один из тех,
Который по второму пути
Несется с жарким огнем в груди.

Я приехал сюда, чтоб тебе
Волю народную донести.

Думаешь, там, где остались корни,
Березняк не прорастет?
На Урале, где соколы спорят,
Батыров не поднимется род?
Думаешь, что Умара булат,
У Тора-бия ливший кровь,
В руках Идукая, сына Кутлу,
Не будет смочен кровью врагов,
Головы их не будет сечь?
Думаешь, для тех, кто своим
Званием бия кичится всегда,
Лето не сменится холодом зим,
Вьюгой не закружатся снега,
Не станет время для них другим?

Приехал к тебе я, загнав коня,
Направившись издали на свет огня;
Не отрывая глаз, ты глядишь
На булат мой, и весь дрожишь;
Так позволь же, тебе скажу
То, что в сердце своем ношу:
Год один сменился другим —
Год «зайца» — годом «лау»*;
Пора солнечной жары
Сменилась бабьего лета теплом,
Поостыли камни Уральских скал;

Кто власть и бийство себе получил,
Сбив надменность у тех, кто спесив,
Будто летучих мышей,
В скалы горные заточил;
Как звезда, что всходит с утра
В год «лау» — «крокодила» я прибыл
в твой край
На коне, обгоняя ветра, —
Муж по имени Идукай!

Тора-бий:

— Имя твое — Идукай —
Приходилось слышать и мне;
Если уж до меня доскакал,
Приют нашел в моей стороне;

Избрав себе целью мой дом родовой,
Путем нелегким прибыл ко мне,
Поговорим же между собой.
Если ответить не смогу,
Посоветуюсь, и потом
Слово свое тебе скажу²¹.

Идукай:

— За угнанный скот у отца
С барымтой* не пришел к тебе;
Воинов просить у тебя,
Могущих оружием владеть,
Чтоб род спасти, врагов одолеть,
Опять же не пришел я к тебе!

Если, защищая себя,
С врагами битву начнет мой народ,
Если, не осилив его,
На твою он сторону перейдет,
Дай слово, не быть преградой ему!
Дай слово, тех, кто, народ мой признав,
Гостеприимство ему оказав,
Кров предложит батырам моим,
Окажет раненым помощь, больным,
Примет в свои объятия их, —
Дай слово, не наказывать таких!
Если накажешь — обычай отцов
Ты нарушишь в краю своем;
Дай слово: тому, кто воду подаст
Батыру, из чьей раны кровь пролилась,
Полученной в яростной битве той,
Тяжкое слово не бросишь ты,
Преступником не назовешь его;
Если тех, кто с кличем «Урал!
Ты — Отчизна, родина-мать!» —
Явятся, встретят, зарезав скот,
Будут мясо варить в котлах,
Окружат вниманием их,
Ты котлы их не отшвырнешь,
Как делают, если жаждут дождя²²,
Не выльешь то, что желудок ждет.
Откроешь думы свои и мечты:
Про то, что ордынский хан захватил

Наш Урал, что думаешь ты?
Какие мысли в себе затаил?

Если против Шагали на Яике,
Против Ыршака и Дамми-бия,
Хану продавших наши края,
Тем умножив казну его,
Битву начну беспощадную я,
Язык проглотив, ты будешь сидеть!

Выслушав эти слова Идукая, растерялся Тора-бий, не знал, что делать, что сказать. Наконец, придя в себя, обещал выполнить все требования и просьбы батыра. Пригласив гостей отовсюду, куда доезжают гонцы, собрав свой аймак, зарезал Тора-бий множество скота, устроил большой туй в честь Идукая и перед всеми поклялся сдержать данное ему слово²³.

Погостив несколько дней, Идукай собрал своих друзей и отправился домой.

По пути сделали остановку на какой-то поляне и договорились разъехаться по домам, чтобы собрать людей и начать войну против Шагали, Дамми и Ыршака; назначили день, после чего каждый отправился в свою сторону.

V. О том, как Идукай снова пришел к старику Хабрау, поделился с ним своими думами и печалью и как Идукай разбил войско Дамми-бия, что заставило Ыршак-бия склонить перед ним голову²⁴.

Когда Идукай воротился домой,
Узнал все тайны до одной,
С батырами своими поговорив,
Вновь пришел к старцу Хабрау,
Думой поделился своей.
Хабрау одобрил его слова;
Чтоб помочь ему войско собрать,
Стал коня своего седлать.
Бросил клич он на весь Урал,
Множество народа собрал;
На крутую скалу взошел,
На собравшихся взором повел,
Им слова такие сказал:

— Ай Уралтау, Уралтау,
Кому приют ты свой не давал;

Как прославленная красавица,
Каким только сватам не предстал!
Какой батыр здесь не побывал,
Из Идели воды не пивал,
Девушку нежную не обнимал,
На коне своем не гарцевал —
Всех ты видел, наш Уралтау!

Ай Уралтау, Уралтау!
Вместе с щебечущими птенцами
Любимый птицами Уралтау;
Корова, покинувшая хозяев,
Со своей буренкой-телочкой
Слезы горючие проливая,
Ими траву и листву прожигая,
Путь прокладывала непроторенный
И вернулась на родину — Урал!²⁵

Гора, что станом для всех была,
Для всех матерью была,
Для всех отцом родимым была!
У младенца, рожденного здесь
И едва обретшего речь,
Слову «мама» сразу вослед
Приходит другое слово — «Урал».
Гора, где рожден и старец Хабрау,
Гора, что любима старцем Хабрау,
Кто все тридцать зубов потерял,
Чьи кости в теле вконец износились,
Мяса лишились и превратились
В сплетенье сухожилий тугих;
Кто больше ста лет прожил, но Урал
Воспевать не перестал;
Когда родители его умирали,
Бога грехи отпустить умоляли,
Слез кровавых старик Хабрау
На Урале не проливал,
Любимый, любимый навек Урал!
Когда пять батыров сложили мечи,
А воины разбрелись по домам,
Когда напал ордынский хан,
На горе той, скорбя за Урал,
За сердце держась, старец Хабрау рыдал.

Ай Уралтау, Уралтау,
Прославленный Уралтау,
Гора, за которую много родов
Боролись, как за волю и кров!
Как лебеди, плодящиеся дважды в год,
Прилетая на гладь здешних вод,
Богата отарами овец,
Из чьей шерсти кошмы сбивают,
Из чьих шкур шубы меховые шьют;
Из мяса разжиревших баранов
На пирах, где для гостей,
Что с округи собрались всей,
Готовят трапезу на майданах;
Ты и пчелами богата,
Которые из твоей груди
Цедят мед, целуя цветы,
Кормят всех медовой усладой —
Таков, Урал благодатный, ты!

Ты — гнездовье для той,
Что не оставляет след за собой,
Не даст никому себя обскакать;
Той, чьи легки и быстры копытца, —
Для косули, чтоб вольно скакать —
Как ребенку, даешь порезвиться.

Ты зеленой листвою богат!
Когда призыв весны раздается,
Вешняя вода разольется,
Поднимается алое солнце,
Разомлевший от тепла
Венчик подснежника вдруг взвоется —
Цветами богата эта земля!
Озера твои, Уралтау,
Как чаши, полные до краев,
Лилии твои, как живой наряд;
В озера твои и болота с кугой
Прилетают птицы весной —
Таков ты, красавец Уралтау!

О, наш славный Уралтау!
По тебе проходит тропа,
По которой Урал-батыр
На Акбузате²⁶ своем скакал,
Море бурное рассекал;

Объявив Шульгену²⁷ войну,
Который на землю смерч напустил,
Дэвов-пяриев расплодил,
Все цветы и деревья земли,
Равнины и отроги хребтов
Затхлой водой заглушил.

Ты — отец семи родов²⁸,
Всех уместивший в пространствах своих,
Хвалу они в честь тебя поют,
Ты — отчизна их, Уралтау!

Реки Идель, Нугуш, Яик,
Реки Узян, Касмарт и Ик —
Они — как у вымени шесть сосков;
Ты струишь их, как будто мать,
Что при виде телок своих
Молоко готова отдать,
Мать всем родная ты, Уралтау!

Урал — и отец нашей страны,
Урал — и мать нашей земли;
Кто об Урале скажет дурное,
Тот родную мать оскорбит,
Тот — пасынок скверный на этой земле.

Кто отца отцом не считает,
Может ли в стране батыром быть?
Кто мать свою мать не считает,
Может ли стране опорой быть?
Кто отцу цену не знает,
Может ли врагу за страну отомстить?
Кто матери своей цену не знает,
Может ли батыра родить?

Коль враг на страну нахлынет вдруг,
Возьмется ль пасынок за лук?
Когда будут войны в бой уходить,
Возьмется ль падчерица одежду им шить?

Ай Уралтау, Уралтау!
Стоит о прошлом вспомнить твоём,
Вижу: батыры в порыве одном,
Слившись, как пчелы, в могучий рой,
На защиту встают стеной.

Если в сегодняшний день войдем, —
Подобен ты дому, где умер хозяин,
Подобен стране, где батыров нет;
Подобен дому, в котором вдова
По рукам давно пошла,
Любого прохожего поджидая,
Держит двери, не закрывая.

Неужто батыра тут не осталось,
Который пекся бы об Урале,
Которому пуповину тут отрезали,
Кровь которого здесь запеклась
Родинкою между глаз?
Неужто нету такого батыра,
Кто б Уралу не уподоблялся,
Кто б всему враждебному миру
Один — пятью батырами не казался?
Который врагу б, что с войной пришел,
Не мог представить достойный счет?
Который бы соколом не устремлялся,
Волком голодным вперед не кидался
На врагов — и бесстрашен, и зол?

Неужто такого мужа нет,
Кто б громким кличем на битву не звал,
Кто б криком волос на части расщеплял,
Видом своим людей воспалял?
Неужто верного сына тут нет,
В ком ярость мести отца б не жила,
Кто б волю отечества мог вершить,
Кто б, как Хаубан, в черепаху
Царя драконов мог превратить?
Кто б, как сын Суры-батыра, Хаубан,
Дэвов в пиявок мог превратить,
И тем самым Урал сохранить?

Услышав горькие слова старика Хабрау, все люди поцеловали перед ним кремневые скалы Урала и поклялись беречь свою землю, изгнать из нее биев-предателей. А Идукай, сказывают, выступил вперед и произнес решительное слово батырам, готовым немедленно отправиться вместе с ним в поход:

— То, что шлемы батыров схожи,
Не значит, что в битве они равны.

Кто военную тайну хранить не может,
Тот в поле ратном не боец.
Тот, у кого при виде врага
Холка ерошится, как у птенца,
Сердце начинает дрожать,
Как на ветру пламя костра,
Кто готов с поля боя бежать,
Тот не рожден на свет для войны,
Для защиты своей страны.
Кто не гнет железо ударом ноги,
Чьи руки не жилисты, как у орла,
Кого одолевает страх пред врагом,
Кто с двойным сердцем на свет не рожден,
Тот — не батыр на ратных полях.
Выслушав Идукая слова,
Каждый в седло, говорят, вскочил;
А тех, в ком душа слаба,
Идукай прочь отстранил —
В этом батыр безжалостен был.

В междуречье уральской земли —
С долин Яика и Идели —
Яик-батыр, Келяйле
На назначенное место
Все как один собрались,
Войсками своими в одно слились.
Там же определил Идукай
Путь продвижения в дальний край:
Тысяцким Келяйле назначил,
Сотниками в тысяче той —
Тукхана, Сафара и Азня,
Каскына, Биккула и Каныкая³⁰,
Всем на коней взойти приказал.
Где бы тот ни был — отыскать,
Связав, живьем привести приказал.

Еще во главе тысячи назначив Яик-батыра,
Сотниками — девять его сыновей,
Расставив их войско вдоль границ Тора-бия,
К Ыршак-бию направился он поскорей.

Воодушевление вызвав в стране
Тем, что создал двухтысячное войско,
Идукай на огненно-рыжем коне
Во главе еще одной тысячи войск

Направился в сторону Нарыс-тау,
Где когда-то отец его мирно правил,
Да и сам там вольно дышал, —
Вот туда он направил стопы.

Тора-бий же зорко следил
За тем, как Идукай войско копил
Вдоль рек Идели и Яика;
Затем сел на коня, желая отнять
Земли отца своего опять, —
Постепенно обо всем этом
Бию Дамми и Ыршаку тайком
Вести скорые он подавал.
И потому Дамми и Ыршак бии,
Войско собрав, уже давно
Были готовы к грядущей битве,
Которой избежать не дано.

Долгие месяцы битвы шли,
Воины обеих сторон
Потери бессчетные понесли;
Дрогнуло войско Дамми и вспять
Стало в ужасе отступать.

Соколом, что нападает на жертву,
С налитыми кровью очами,
С лицом, от ярости искаженным,
С телом от злости напряженным,
За Дамми-бием скакал Идукай.
Все его войско истребил,
Самого бия, связав, пленил.

После того, с Келяйле сойдясь,
Людей аймака Дамми-бия
У Нарыс-тау он собрал,
Вместе со всеми праздновать стал.
Скотину бия зарезав, в котлах
Велел все мясо ее сварить,
Верховодами родов Дамми-бия
Своих сотников определил;
Воинов Келяйле свел со своими
И отправился на Ыршак.

Хоть Ыршак-бий отважно сражался —
Яик-бию не поддавался;

Хоть в одной из последних битв
Был Яик-батыр и убит,
Все же его сыновья
В битве страха не знали.
Когда подоспел Идукай,
Не выдержал Ыршак-бий,
И так себя стал утешать:
«Хоть предки мои — высокая знать,
Что делать, коль род не разросся мой?
Хоть бийство в руках продолжаю держать,
Как быть, коль войско мне не оплот?
Хоть беркут может волка забить,
Все ж не может гусей изловить;
Хоть род Идукая разрушен вконец,
Сам он все же большой удалец», —
Так про себя рассуждал Ыршак,
Сам себя успокаивал так.
Таковыми словами утешив себя,
Прочь отшвырнул лук и копье,
Егетам сойти приказал с коней
Сдаться в плен Идукаю велел.

Идукай:

— В степи, где гордый охотится сокол,
Корма филину не найти;
Как стая гусей не летала б высоко,
Все же от сокола им не уйти.
Сам склонился ты, и мой меч
Не станет голову твою сечь, —
Так промолвив, помиловал он
Бия. Аймак его снова собрал,
Главными там своих батыров назначив,
Долго в этих местах пребывал.

VI. О том, как Туктамыш-хан назначил Идукаю главным бием своего дворца.

Узнав о событиях на Урале,
Хан Туктамыш в Орде своей
Назначил советниками в собственном стане
К нему приехавших богатырей:
Кыпсака, Катая, Юрматы,
Тамьяна, Табына... Ну а Кутлу
Вместе с Исянами — стражами птиц
Назначил, чтоб те запускали на дичь

Их во время охоты его;
Также он и Хабрау призвал,
Доброго скакуна ему дал,
Вольно ездить позволил везде,
Во дни празднеств своих родов
Быть непременно в его Орде;
Слово дал: из уральских родов
Не забирать никогда рабов.
Через старика Хабрау
Пригласил Идукаю в Орду,
Клятвенно обещав его
Сделать бием во владеньях своих.

Идукай, получив приглашенье,
Посоветовавшись с Хабрау,
В скором времени прибыл в Орду;
Исяна встретил там и отца,
Батыров, что с Урала ушли, —
Со всеми свиделся он;
Дворцовые разузнал секреты,
Козни всякие и наветы,
Понял, что большинство богатырей,
Приказы ханские исполняя,
Набеги на Урал его совершают,
Грабят и убивают людей.
Узнал все это за несколько дней,
Но до поры в тайне держал,
Никому мыслей своих не раскрывал,
Во все хорошее и дурное
Вникнув собственной душою,
Тому, кто был голоден, пищу дав,
Тому, кто голым был, одежду дав,
Безлошадному лошадь дав,
Таких себе отыскал друзей,
Что были во всем верны ему,
Близкими во всем по уму.

Много по стране он бродил,
В тайны запретные входил,
А потом, возвратившись в Орду,
Там какое-то время жил.
Объезживал скаковых лошадей,
Ловчих запускал там птиц.
Остроумьем своих речей

Пришелся по сердцу хану он,
Был во дворец к нему приглашен.

Туктамыш:

— Ай, егет мой, я пригласил,
И ты ко мне во дворец явился.
Я желаю, чтоб здесь ты жил,
На плечах позументы носил,
В шубу выдровую облачился
И серебряный пояс с каймой
Бляхой закрепил золотой!
Белого сокола тебе дам
Со шнурком бесценной красы,
Что пристегнуты к сильным ногам;
Его на луку седла посадив,
Будешь на ту охотиться птицу,
Которая летом станет плодиться!
На вороного коня возложив
Украшенное сердоликом кожаное седло,
Станешь всеобщим любимцем ты;
Если враг на страну нападет,
То во главе ханского войска
Нукеров поведешь в поход!

Ханские услышав слова,
Первый везир его Салахи,
В отчем не ужившийся краю,
Ибо грабил страну свою,
Но к Туктамышу приехав, стал
Главным бием в его Орде,
На дочери хана жениться мечтал,
Почувствовав, что быть беде,
Всполошился, затрепетал.

У Туктамыша трое детей:
Старший сын Кадирбирде,
Старшая дочь — Ыньебика,
Младшая дочь — Киньябика³¹.
Стоит выехать в поле Ыньекай,
Как Салахи тут же за ней.
Хану навязываясь в зятя,
Метил он к старшей из дочерей.
Ыньекай баловницей была,
Жизнь развеселую вела;

Шелк да золото — ее наряд.
Вместо раза ступая пять,
Как жеребеночек, резва,
Вздыхая грудь, что была полна,
Салахи распалила она,
Только и знала, что играть,
Душу тешить да хохотать.

Желая воспрепятствовать хану
Назначить ненавистного ему Идукая
Главным воеводой дворца,
Не желая соперника в нем иметь,
Туктамышу, улучив миг,
Сказал Салахи, нахмутив свой лик:

— О, великий, великий хан,
Ответь, о чем не ведаешь ты
В прошлом, ушедшем давно?
О том, что Белою Ордой
Стала та, что была Золотой?³²
Все ты знаешь, великий хан!
Знаешь также ты о том,
Что нередко твои гонцы,
Проезжая кровавым путем,
До Урала не в силах доскакать,
Во дворец возвращались опять.
Хоть ты с Урала берешь мужей,
Во дворце биями делаешь их,
О том, что на Урале с коней
Не сходят воины ни на миг
И не вкладывают в ножны
В тебя нацеленные клинки, —
Об угрозе военной беды,
Конечно, слышишь и знаешь ты!
В такую пору в этом дворце
И приближенные, и ты сам
В таком нуждаешься мудреце,
Кто б противостоял врагам,
Укреплял бы твой ханский стан,
О, великий, великий хан!
Неиспытанного юнца
Во главе всех поставить войск,
Сделать бием всего дворца,
Чтоб главным везиром стать он мог,

Возводить его в высший сан
Необдуманно, мудрый хан!

Присутствовавший тут Идукай,
Не выдержав тех слов униженья,
Вмиг поднялся во весь рост
И такие слова произнес:
— Хан великий, дай слово сказать:
Пусть сопутствует вам благодать!
Я родился от матери гол —
На Урале одежду обрел,
Он в объятых меня растил,
Впервые там птицу я запустил;
Он меня посадил на коня,
Он оружием снабдил меня.
Он научил меня стрелять
В кровожадных птиц и зверей:
И в волка, что привык
Скот людской пожирать;
И в медведя, что грабит пчел,
Сам безжалостен и зол;
Бил я алчного ястреба влет,
Кто соловушкам петь не дает
О прошедших горестных днях
В наших дивных уральских краях;
Вдоволь потрусив на коне,
Вдоволь поездив по стране,
Урал назвав своим отцом,
Матерью — четыре его реки,
Сыном лес назвав своим,
Братьями — его родники,
Внучатами — всех его птиц,
Родственниками — всю его дичь,
Я увидел всех и узнал,
И больше никогда не стрелял³³.

Ко всем, кто на Урале рос,
Любовью проникался до слез,
Взявши в руки свой булат,
За Урал был сражаться рад
С теми, кто на него посягнет,
Кто войной на него пойдет —
Только в них я пускал стрелу!

О, великий, великий хан,
Не изгой я в родном краю,
Не разбойник, кто в чуждый стан
Проник с тесаком в руке;
Не сирота я, чтоб в пути
Пристанища себе не найти!

Не пришел я сюда, привлечен
Шакалом далекой пустыни,
Пятнистыми крыльями гуся,
Лисицей, цвета полыни,
Что на солнце слиняла вся;
Или же желтощеким зайцем,
Что гнезда не находит весной,
Чья шкура мала даже для рукавов;
Птицами, что в этих местах
По густому грустят ивняку;
Кричащим среди дюн сурком,
Имеющим оранжевый цвет...
Я пришел не поэтому, нет!
Есть у меня своя земля:
Бродит в чашах ее горделиво
Медведь, едва отойдя ото сна;
Нарядная, как девица-краса,
Чернобурая пляшет лиса;
И на каждом дереве там
Птахи дивные поют,
Восседает на скалах орел,
Точно на троне великий хан;
Ловчий ястреб, сокол седой —
Птице от них не уйти живой;
На озере, что колышется чутко,
Резвится черноголовая утка;
Мелодию разливает курай,
Вторая девичьей песне, и с ней
Соперничая красотой своей;
Жеребец табун стережет,
Висит на нем грива, густ его хвост, —
Такая есть у меня страна,
Многими восславлена она!
Хребет за хребтом, увал за увалом
Горы разбежались Урала;
Что будет со мной, если их оставляю?
Незабвенная моя страна,
Для семи родов родиной стала она,

Для батыров родиной стала она,
Готовых для подвигов больших —
Лев позавидует их сердцам...
Не брошу вовек ее, не отдам!
Почтение проявив,
Я на твой явился призыв;
До пота загоняя коня,
Объезжал я твои края,
Тех увидел, чей пуст живот,
Кто в беде и горе живет,
Тех, в ком сердце подвигов ждет, —
Все это увидел я;
Золотая, Белая ли Орда —
Здесь давно поселилась беда —
Средь простого люда страны;
Узнал, как в этой Орде живут,
Как изнутри друг друга грызут;
Гостем твоим я побывал,
Все, что думал, то и сказал;
Конь стоит оседланный мой,
Напоминая о том, что пора
Мне настала уехать домой.

Так со всей решительностью промолвил Идукай и направился было к выходу, да хан его остановил и тут же отдал приказ о назначении его верховным бием двorca.

VII. О том, как прославился Идукай в качестве справедливого судьбы.

Однажды явились во дворец четверо мужчин, ведя на поводе одну лошадь; две женщины, ведя одного ребенка; два охотника, не поделившие подбитую дичь. Туктамыш поручил Идукаю разобраться в их деле и вынести справедливый приговор.

Перед ханом и всеми придворными биями стал Идукай расспрашивать каждого явившегося, внимательно выслушивал их притязания.

Один из четверых, не поделивших лошадь, сказал так:

— Четверо братьев нас родных,
Что остались после отца;
Лошадь — одну на четверых,
В наследство доставшуюся нам,
По жребию честно делили мы.

Одна ее задняя нога
Хрóмая была, больная —
Младшему брату досталась она.
Старшему выпала голова;
Ну а здоровые три ноги
Остальным достались троим.

Однажды в безлунную темную ночь
Лошадь, уйдя из дому прочь,
На пастбище чужое забрела.
Требуя выплатить пять рублей,
Вслед за этим бумага пришла.
С каждого по рублю отдать
Не соглашается старший брат:
«Если ноги не поведут,
Голова неповинна тут.
Так что избавьте меня от уплат», —
Заявил нам старший брат.

Вот и просим, великий хан,
Рассудить нас, кто прав, кто нет.
Как вы скажете, внемля вам,
Мы уплатим все пять монет.

Услышав те слова, придворные бии повели меж собой
разговор: мол, если лошадь общая, то и плата должна быть
одна на всех.

Тогда Идукай приподнялся со своего места и вынес та-
кой суд:

Не сдвинется с места больная нога,
Чтобы на хлеб чужой посягать;
Коль даже брюхо насытится, жир
На ногу больную не набежит.
Не зря поговорка предков жива:
«Ногам покоя не дает
Дурная голова».
Посему, если старший брат
Хозяину уплатит двукрат,
Полагаю, не будет вреда,
Верх справедливость возьмет тогда.
Ногу больную ведут за собой —

Здоровые ноги, умная голова,
Так что может самый меньшей
Не платить своего рубля.

Согласился с решением тем
Хан великий, повелев
Так и расплачиваться им всем
За пострадавший от лошади луг³⁴.

После этого два ловца
Растолковали суть спора так:
— Как лучших охотников знают нас,
Во всей Орде прославляют нас.
Для добычи между собой
Озеро поделили мы.

Дрофа одна с моей стороны
На ту сторону перелетела.
Мой напарник ее убив,
Присвоил тем самым добычу мою.
Не случись этого, я бы сам
Свою дичь не упустил,
Ту дрофу я бы сам подстрелил,
Не дав ей покинуть владенье мое.

Вéдом закон охотничий вам:
Добыча была — с моей стороны,
А ее подстрелили там...
Значит ее разделить мы должны.

Не в силах охотничий спор решить,
Замолк везиров мудрый стан.
Тогда свой вынести приговор
Поручил Идукаю хан.

Идукай:

— Хоть поделили землю вы,
Небо-то общее, друзья.
Но коль со спором явились вы,
Свое решение выскажу я.
Есть тут условие одно:
Чтоб птицу летящую подстрелить,
Надо стрелком отменным быть;

Такой поставит чадо свое,
Птицу вручит в руки его,
Головку в сторону его отведет
И с расстояния двухсот саженей
В глаз птицы стрелой попадет.
Если же в чадо свое угодит,
Отплатит, как видно, своей головой.
Такой охотник никогда
Летящую птицу не подстрелит влет.
И тогда притязанья твои
Никем уже не примутся в счет.

Салахи:

— На белом свете стрелок такой
Не рождался вовеки веков.
Когда Гали-батыр везира Оан³⁵
Веру (исламскую) принять просил,
Тот Гали-батыру в ответ
Шапку его велел пробить,
При этом голову не повредить:

Тогда признаю, мол, веру твою,
С нею судьбу свою солью,
Распространю в своем краю.
Хоть Бога посланник Ябраил
В руку батыра стрелу вложил, —
Гали батыр угодил впросак,
Не решившись на этот шаг.
И все бии тогда, считая
Пустым условие Идукая,
Наложили запрет на него.

Чтобы опровергнуть молву,
Идукай, взяв в руки дрофу,
Вышел вон из дворца, и там
Многолюдный созвал майдан;
Птицу в чьи-то руки вручил,
Чуть-чуть в сторону от него
Птичью голову отклонил;
Поставив в двухстах саженях его,
Лук свой со стрелою взял,
На толпу посмотрел сперва
Затем такие изрек слова:
Если в шапку, что подобна копне,

Выстрелить испугался Гали,
Не испугается Идукай;
Птиц на Урале бивший влет,
Диких объезжавший коней;
Пробьет он стрелюю своей
Птичий глаз, что мельче камней
В золотой оправе кольца, —
С тем, натянув тетиву до конца,
Запустил из лука стрелу³⁶.

Навылет пробила птичий глаз
Его стрела и вдаль унеслась.
Ханы, бии и весь народ,
Полное молчанье храня,
В удивленьи разинули рот,

Затем двух женщин, что с собой
Ребенка одного привели,
Дабы спор их разрешить,
К Туктамышу на суд повели.
Хан Идукаю велел их спор
Рассудив, вынести свой приговор.

Сказала женщина тут одна:
— В шестимесячном возрасте свое дитя
Потеряла я. Тайком
Умыкнули его вечером.
Ну а ровно два года спустя,
Когда через знакомый тугай
По дороге я шла домой,
Женщина эта с моим дитятею
Повстречалась случайно мне
В моей же родимой стороне.
Это же мое дитя!
Волосы его разведя,
На ушко мальчика поглядите:
Когда отмечали рожденье его,
От брызги масляной мета осталась
На мочке...» — закончила свой рассказ.

Вторая сказала: — После того,
Как умер муж мой, я от него
Осталась беременною, потом
Родила дитя в доме своем.
Когда однажды с ним вместе я шла,

Женщина, выжившая из ума,
Набросилась ни с того, ни с сего.
Хотела я с сыном дальше пройти,
Но встала волчицей она на пути,
Шум и крик подняла вокруг.
Потому-то, не зная, как быть,
Я пришла наказанья просить
Женщине той, что напала на нас;
Явилась сюда я с надеждой на вас,
На справедливость полагаясь, —
Так женщина эта завершила рассказ.

Когда в свидетели бога призвав,
Все приметы чада назвав
И тем самым считая его
Кровным дитяtkой своим,
Женщины завершили спор;
Видя везиров растерянность, хан
На Идукая обратил свой взор.

Идукай вырвал тогда
Острый меч из ножен своих;
Поставив ребенка возле себя,
Произнес: «Одна из двоих,
Что потеряла когда-то дитя,
Все приметы знает его.
Ну а другая нам говорит,
Что дитя на нее похоже во всем —
Нельзя нам не верить ее словам.
И потому, поделив пополам
Ваше чадо, обеим вам
Я по доле его отдам», —
И вознес он свой меч... Тогда
О пропаже твердившая вдруг
Закричала: «Мое дитя!»
И свалилась без памяти в круг.
Другая же, что твердила: «Он мой!»
И чадо не отдавала другой
Женщине — и бровью не повела,
Ко всему безучастна была,
Стояла поодаль вместе с толпой.

Тогда Идукай в ножны
Острый меч свой тотчас вложил,
На руки осторожно взял

Дитя, стоявшее перед ним,
Слезы вытер с его лица,
Бездедушку какую-то дал,
К Туктамыш-хану его поднес,
К толпе окружавшей обращаясь,
Громко решенье свое произнес:
— Ребенок передается той,
Что на свет его родила:
Если был бы он ей чужой,
А не кровушкой родной,
В предчувствии гибели его,
В трепете сердца своего,
Она б в беспамятстве не упала³⁷.
Чтоб тайну до конца разгадать,
Смысл спора женщин понять,
Я пойду туда, где живет
Та, кто чадом его зовет,
Разузнаю до конца,
Как украла она дитя,
Как объявила его своим;
Перед сборищем родовым,
Всех родных ее пригласив,
Виселицу соорудив,
Прямо пред домом повешу ее».

Услышав такие слова,
Та, кто чадом своим назвала,
Тут же призналась, говорят:
— Не родила я ребенка, нет,
А купила у горных людей;
Более полутора лет
Растила его на зимовке своей.
В объятых мужа была женой,
Но ребенка не родила;
Проходит срок материнский мой
Без детской близости и тепла».
В слезах поведала про беду.
И Идукай потому
Решил не наказывать женщину ту,
Велел того, кто продал его,
Отыскать и сюда привести.

Хан Туктамыш был согласен с ним.
Сыщиков своих пригласил,
Вместе с этой женщиной их

Тут же в дорогу проводил;
На этом суд свой завершил³⁸.

*VIII. О том, как Салахи клеветал на Идукаю; сон Хан-
бики — жены Туктамыша; ворожба старика Хабрау*

Чем дальше жил в Сарая Идукай, тем больше возрастал его авторитет. Ни в скачках, ни в подхвате на полном скаку перстня, лежащего на земле, ни в борьбе, ни в стрельбе из лука не уступал он первенства никому. К тому же и дочь Туктамыша Ыньебика влюбилась в него³⁹ и стала вместе с ним выезжать на охоту, и потому ревность снедала душу Салахи. Он стал искать разные пути, чтобы столкнуть Идукаю с ханом.

Однажды Салахи пришел к жене Туктамыша и сказал ей так:

— Ай, Ханбика, Ханбика,
Слово есть к тебе у меня:
Если солнце — великий хан,
Ты — полноликая луна;
Друг для друга вы созданы,
Слава ваша — слава страны.
Слово имею тебе сказать,
Если захочешь ты мне внять;
Выслушай же, Ханбика:
Мраком покроется ясный день,
Если солнце покроют тучи;
Если скроется в тучах луна,
Потускнеет сияние ночи;
Если у хана и Ханбики
Омрачатся лица — и вмиг
У страны потемнеет лик.

Батыр по имени Идукай
Всем девушкам, женщинам нравится может;
У него могучая стать
И такой же могучий рост;
Его богатство не отвергаю,
Дурным человеком не называю —
Но коль не от хана корень ведет,
Если не знатен батыра род,
Может ли хану советником быть?
Пусть, как тополь, он будет строен,

Пусть, как мед, течет его слово,
Ровней ханше он может быть?

Когда на охоте Идукай
Птицу ловчую запустил,
Овладел он светлой душой
Ыньекай, что солнцу сродни,
Ыньекай, кто спорит с луной.
Если правдива эта весть,
Лик Ханбики в одно мгновенье
Не покроется ль облачной тенью?
Лунный лик твой, Ханбика,
Не покروют ли облака?

Услышав такую весть, Ханбика вошла к хану и поделилась с ним своими думами под видом того, будто увидела все это во сне.

Хан мой, когда я нынче спала,
Страшный сон привиделся мне,
От стука сердца проснулась я
И, не веря самой себе,
По сторонам огляделась я,
Долго в раздумье так просидела,
Не понимая, в чем дело;
Имя Ыньекай из груди рвалось —
Едва сдержаться мне удалось.

Мне приснилось: в домике тесном
Спит Ынье беспокойным сном,
И на шее ее прелестной
Аждаха* свернулся кольцом;
Нет у сил у меня закричать,
Кого-нибудь на помощь призвать;
А к тебе прибежала, и что ж —
Во дворце ты намаз* читал
С непокрытою головой —
Был ты сам на себя не похож;
Там, где трон — лишь черный провал —
Яма страшная перед тобой,
Тлеют уголья в яме той;
Кто-то яростно их раздувает.
Видно, ханский трон золотой
В кучу дров превратить желают.

Пойми, как испугалась я, великий хан.
Что б это значило, великий хан?

Туктамыш:

— Ай, Ханбика, этот твой сон,
Коль это не дьявольское наваждение,
Очень даже ужасен он.
Кто же во дворце моем
Заговор готовит тайком?

Ханбика:

— Верховный бий во дворце твоём
Посягает на нашу дочь —
Хан великий, ты знаешь о том?
Коль за него захочет пойти
Замуж, разве от стыда
И гнева не сойдешь с ума?
Коль взять захочет ее Идукай,
Смутой заполнится весь твой край,
Раздоры и распри охватят наш стан —
Что станешь делать, великий хан?
Не тот ли самый змей,
Что шею нашей Ынье обвил,
Нынче ночью привиделся мне,
Чалму тебе сбил он во сне?

Туктамыш:

— Про то, что на дочь Идукай посягает,
Впервые слышу я, Ханбика.
Коль выйти дочь за него пожелает,
Есть власть отцовская у меня,
Чтоб твердое слово свое сказать.
Если весть разойдется такая,
Без мудрого совета везиров моих
Не повлияешь на Идукаю.
Пригласив старика Хабрау,
Мудрого песнопевца Урала,
Много видевшего аксакала,
Мы попросим истолковать
Сон, который нам не понять.

Так и решили они вдвоем:
Пусть таинственный сон Ханбики
Будет разъяснен мудрецом...⁴⁰

По прошествии нескольких дней
Пир великий устроен был.
После пира ближайших людей
Туктамыш к себе пригласил;
Глядя каждому прямо в глаза,
Он про сон Ханбики рассказал,
Старика Хабрау попросил
Объяснить сновиденья смысл.
Сон тот выслушал молча Хабрау,
Так его он истолковал:
— Дочь твоя в тесном доме —
Это дворец твой, где ложь и обман
Поселились, великий хан;
Аждаха, что обвил твою дочь —
Скрытый враг во дворце, и он
В дочь твою, о хан, влюблен.
Яма, что под тронем твоим, —
Близкий для тебя человек,
Кто доброе представляет дурным,
Кто гнусной ложью живет весь век,
Во всем двуликий человек.

Угли, тлеющие в яме той, —
Человек, что скрытой враждой
К тебе пропитан, но ты о том
Не зная, ему доверяешь во всем —
Все тайны знает он до одной.

То, что во время намаза твоя
Обнажилась вдруг голова,
Означает, что кто-то твоим
Завладеет тронем златым.

Истолкованье такое услышав,
Долго хан свою бороду мял,
Долго в растерянности молчал;
Потом человека того разыскать,
Из дворца своего изгнать
Строго-настрого наказал.

IX. О том, как, убежав из дворца, Ганака родила ребенка; Туктамыш-хан велел ее отыскать⁴¹.

На большом пиру, который устроил хан, были и придворные девушки. Музыканты играли на сурнах, девушки танцевали. Одна из них — рабыня по имени Ганака — с первого взгляда полюбила Идукая. Приметил ее и сам Идукай, завел с ней разговор. После этого они сблизились друг с другом.

Умницей Ганака была,
Тайну в сердце хранить могла;
О любви Ыньекай к Идукаю
Слышала не раз она;
Про любовь свою потому
И про близость свою с Идукаем
Не говорила никому.

Хоть и о взаимной любви
Идукай и Ганаки
Из подружек одна или две
Знали, однако они нигде
Не проговаривались о том —
Ни во дворце, ни за дворцом;
Все ж слово за слово тот секрет
Просочился на белый свет,
Дошел нежданно и нежданно
Он до слуха дочери хана.
Ыньекай того не стерпела,
Ганаку к себе призвала.
Всяко стращать ее начала,
Про ее близость с Идукаем
Стала выпытывать, гневом пылая.
Ганака продолжала молчать;
А подруги ее по дворцу
Не хотели ее выдавать.
И тогда Ганаку Ыньекай
Кнутом ударила, говорят:
«Коль услышу, что будешь опять
Про любовь к Идукаю свою
Разные сплетни распространять,
Скажу отцу — он повесит тебя,
Голову бросить псам повелю!» —
Так Ганаке пригрозила она.

Когда они выезжали в поле,
Немолчно речь вела Ыньекай
О любви своей к Идукаю;
Хоть тому в своих мыслях тайком
Хану зятем быть даже льстило,
Все же он знал: из другой страны
Сватает ее ханский сынок;
И к тому же еще Салахи
Обивает порог Ыньекай;
Безудержно ревнуя
Дочку ханскую к нему,
Идукай про себя решил:
Все ж из-за девушки одной
Не стоит расплачиваться враждой.
К тому же по-прежнему он
Горячо Ганаку любил.

Время летело день за днем,
Ганака затяжелела;
Кроме Идукая, о том
Никому сказать не посмела
И его молила молчать.

Месяцы шли, и вот уж она
Стала терзаться, сомнений полна:
«Коль про Идукая скажу, как огня,
Ынье я боюсь — растерзает меня.
Если ж скрою, кто отец, —
Греховодницей назовут,
Всякий хлам на меня навесив,
Черной сажей лицо намазав,
Вдоль по улице поведут,
Рано иль поздно меня убьют», —
Так размышляла Ганака⁴².

И вот в один из дней она,
Твердой решимости полна,
Никому ничего не сказав,
Прочь из ханского дворца
В камыши, говорят, забрела;
Там, от сырости дрожа,
Голодая в тех камышах,
Вдали от глаз людских сына родила.

Туктамыш, услышав о том,
Что Ганака из дворца ушла,
А также от жены прознав,
Что была она тяжела,
Вспомнив про толкованье Хабрау
«Человек, не известный тебе,
Трон отнимет однажды твой,
Опозорит перед страной»,
Тревогой проникся к своей судьбе.

Хан велел своих биев созвать,
Решил беспокойство свое не казать
И затем приказал Ганаку
Вместе с ребенком разыскать,
Во дворец обратно вернуть:

«Издrevле от внебрачных детей,
Рождавшихся от таких матерей,
Всяческая угроза шла
Жизни и ханов, и царей;
Все вы знаете о том,
Нету открытия в слове моем», —
Так собравшимся он сказал,
За беглянкой ищеек своих послал.

Когда сыщики хана следы
Беглянки-рабыни всюду искали,
Она, оставив дитя у воды,
Посреди камышей блуждала.
Идукай тоже следом брел.
В месте, похожем на птичье гнездо,
Чадо малое он нашел
В камышах средь озерных кустов.

В тряпки был он завернут. И все ж
Идукай в этих тряпках узнал
Платье той, кого долго искал.
Тут дотемна он ее прождал.
Когда он, на руки взяв дитя,
В путь обратный пошел погодя,
Тот платок, что подарен был
Ганакой, на видном месте
На всякий случай положил.

Забрав младенца, Идукай
Не направился к себе в дом —
В юрту, где проживал Исянбай,
Он последовал напрямиком.
Едва переступил он порог,
Как тотчас на полу увидал
Ребенка, и на груди его — кинжал⁴³.
Исянбай и жена его
Были сражены той бедой.
Идукай растерялся так,
Что слова промолвить не мог никак.

Исянбай:

— Когда наша молодость прошла,
Старость грянула, — нам с женой
Близнецов подарила вдруг судьба.
У матери мало молока,
Потому-то один из двоих
Дух свой испустил, Идукай! —

такими словами поведал Исянбай о своем горе. Увидев в руках Идукая младенца, они стали приставать к нему с расспросами. Но в это время вдруг заявился старик Хабрау и Кутлу.

После этого они
Дела дворцовые наперебой
Стали обсуждать меж собой;
Гадали-думали, как им поступить.
Со скрывающейся Ганакой.

Так решили они наконец:
Мертвое дитя Исянбая
К озеру отнести опять,
А ребенка Идукая
Исянбаю передать;
Отыскать Ганаку и потом
На Урал переправить тайком —
Так это горькое дело скрыть,
Труп ребенка забрать и скорей
К озеру отправляться назад
И положить его средь камышей.

К озеру пришел Идукай,
До рассвета ждал Ганаку,
Все в камышах блуждал,
Потерявшуюся искал;
Но нигде отыскать не мог.
Труп ребенка там положил,
Знак оставил на месте том;
Так и не дождавшись, с зарей
Воротился к себе домой.

Когда дитя свое ища,
Ганака брела в камышах,
Повстречала ханских людей;
Обгоняя друг друга, они
Побежали навстречу ей;
И от них Ганака тогда
В болото бросилась. Даже зверь
Не посмел бы шагнуть туда.

Топь была там, и грунт дрожал
В черных зарослях камыша.
Ганаку поймать не смогли
Эти люди. Взяв детский труп,
Хану во дворец принесли.

Идукай же, прослышав о том,
Посоветовался с Исяном,
И, когда наступила мгла
И душа ни одна не могла
Их заметить, Кутлу, Идукай,
С ними вместе и Исянбай
Вновь пошли Ганаку искать.

А та, в болото угодив,
Обессилев вконец,
Ухватиться все же смогла
За ветку березы... Она
Почему-то росла в камышах.
Так, держась за ветку, Ганака
На плаву удержаться смогла.

Лодкой те камыши раздирая,
Веслами путь себе пробивая,
Заросли вдоль-поперек излазив,

Ганаку без конца окликая,
Отыскали ее, наконец.

Идукай рассказал ей о том,
Что ребенка ее заменили
Мертвым мальчиком, и потом
Хану мертвеца подарили.
И забыл Туктамыш обо всем.

Накормив Ганаку, Идукай
Живо на коня ее посадил,
Отправил на родной свой Урал.
С легким сердцем ее проводил.

Х. О том, как Туктамыш собирался убить Идукая и тот бежал на Урал⁴⁴.

Вновь возревновал Салахи;
Видя, как Ыньекай весела,
И как льнет к Идукаю она,
Будто отныне этот егет
Ей одной лишь принадлежит.
Наговаривал на Идукая
Ханбике злобный Салахи,
Распалял ее женский гнев,
Придумывал разные грехи.

Однажды, когда Туктамыш-хан
Пребывал один вечером,
С притворно омраченным лицом
К мужу Ханбика подошла,
Выдавая за правду ложь,
Такой разговор повела:
— Ай, великий хан, великий хан,
Сегодня вновь я видела сон.
Если задуматься о нем, —
Для тебя нехороший он:
Длиной не меньше черной змеи
Мясо я видела на ребрах твоих,
На шпорах твоих я видела пот,
Словно на крупе того скакуна,
Который от скачки не устает;
Твой затылок был черен тоже,
Будто бы паленая кожа;
Желудком разделанной скотины,

Словно без присутствия черепа,
Сморщилось сильно твое лицо,
Глаза твои будто лошадиные,
Закрываются, словно у мертвецов —
Вот такой я видела сон.

Туктамыш:

— Что бы означал этот сон,
Который приснился тебе, Ханбика?
Распрей среди батыров моих
Нет, Ханбика моя, никаких.

Ханбика:

— Быть не должно во дворце твоём;
Между ханом и его батырами
Раздоров и стычек никаких;
Сердце хана с батыром его,
Живущим во дворце одном,
Не должно разделять ничего —
Или тот делается врагом.
Полюбивший девку дворцовую
Хану не может близким стать.
Коль обойдется с ним хан сурово,
О мести не должен помышлять.
Коль хан невесту его убил,
Тем самым оставив его вдовцом,
Коль хан ребенка его разрубил,
Тот может беду принести в наш дом —
Украсть одну из твоих дочерей —
Киньябику или Ыньекай.

Идукай твой наводит страх:
Как бы не снес тебе голову он
И на твой не забрался трон!
Как бы вдребезги не разбил
Дни благоденственные твои,
Прахом жизнь твою не пустил,
Гордой лишив тебя головы!⁴⁵

Во время их разговора к хану заявили батыры. Они вошли и приветствовали хана. Туктамыш велел дворцовым девушкам приготовить трапезу. Вскоре вслед за пришедшими батырами явился и Идукай. Каждый из гостей занял указанное им место. Когда гостям подавали напитки, Ханбика

незаметно подлила яд в чашу Идукая⁴⁶. Заметившая это служанка предупредила Идукаю. Все опорожнили свои чаши; Идукай же вначале понюхал напиток и, поболтав в нем пальцем, поставил чашу на место.

Ханбика:

— Идукай, чего ты ставишь,
Лишь понюхав, чашу мою?
Или в ней привкус есть такой,
Чтобы не выпить ее до дна?

Идукай:

— Вкус в ней сладок, Ханбика.
Видно, дрожжи застарели,
Ядом отдают, Ханбика, —

так промолвил Идукай и вышел вон⁴⁷. Хан не понял, в чем тут дело. Да и бии тоже остались сидеть в недоумении.

Туктамыш:

— Отчего он нюхал чашу,
Словно скотина свою лохань?
Отчего болтал в ней пальцем,
Поднялся и ушел потом?

Салахи:

— Коль позволишь, великий хан,
Все тебе расскажу я сам:
То, что понюхал он чашу,
Значит: узнал страну, мол, вашу.
То, что пальцем в ней поболтал,
На то, что смутит страну, намекал⁴⁸.

Хан, услышав такие слова,
Растерялся, говорят.
Проводив своих гостей,
Он с женой — Ханбикой своей
Уединился, говорят.

Ханбика:

— Хан мой, я уж тебе давно
Говорила: во дворец
Проходимца не пускай,

Иначе всем нам конец.
Ведь доныне Идукай
Тихо вел себя, все молчал.
А теперь, слышал ты сам,
Взял да молча домой умчал.
Идукай не постоит
Перед тем, чтобы дочь твою
Без калыма увезти
В час удобный на землю свою.

Туктамыш:

— Коль так, давай-ка, Ханбика,
Позовем на пир гостей;
Там, Идукая напоив,
То, что задумали, совершим:
Руки-ноги свяжем ему,
Да и голову — с плеч долой!
Избавимся от него
Мы только такой ценой —
Так решили они меж собой⁴⁹.

В скором времени бии и званые гости со стороны собрались на большой туй во дворце. Были приготовлены обильные угощения.

Приближенные хана дожидались возвращения Идукая и Ыньекай с охоты. Идукай не задержался. Едва он явился, пошла трапеза, смех да веселье. [...]⁵⁰

В это время Исянбай, прохаживаясь вокруг юрты и настороженно оглядываясь по сторонам, напевал такие куплеты:

— Хан батыров своих созвал,
Чтобы выехать на охоту;
Дичи там не отыскал
И тогда он приготовил
Карагуша, чтоб запустить,
Его когтями сокола забить.

Шубу, расшитую каймой,
Сбрось с плеча, биям бросай;
Большой йыйын, великий туй
Биям остается пускай.
Плоский в копытах серый тулпар
Оседлан для тебя — выходи;
Пухом черного беркута оперена

Стрела для тебя — выходи.
Имя мое — Исянбай,
Вызываю тебя, Идукай!⁵¹

Песнь Исянбая услышав,
Идукай насторожился,
Пир он покинул и к тулпару
Своему серому устремился.

Когда батыры вдогон собрались —
Подрезаны оказались подпруги коней:
Ступили на стремя — и попадали вниз;
И поводьев не оказалось у коней⁵².

Даже не зная, что предпринять,
Пытались люди хана пронять:
«Откуда мог Идукай разузнать
Обо всем и подрезать подпруги?»
Вот что удивляло батыров.

*XI. О том, как Туктамыш-хан обратился к батырам;
как Янбай отправился в погоню за Идукаем; как Салахи
замыслил злодеяние⁵³.*

Когда Идукай сбежал с туя*, хан задумался: «Идукай
обо всем догадался, теперь он вернется к себе на Урал, под-
нимет всех, соберет войско и пойдет на меня войной. Одна-
ко он еще не успел уйти далеко», - и приказал своим баты-
рам: «Надо вернуть беглеца!»

— Прославленный в мире Кыпсак-бий,
Ты, кто носит званье батыра,
Кто начало свое ведет
От батыров Урала, Яика,
Ставший теперь главою рода,
Главою подвластных тебе людей,
Вооруженный сразу парой ножей,
Парой колчанов, полных стрел,
Устремись за врагом скорей,
Выбей дух из него, будь смел!

За Сину* совершивший поход,
Род свой начавший от Яман-тау
И сделавший могучим этот род,
На наконечнике копья

Врага державший, как мотылька,
Тамьян-батыр, тебе говорю!
Ты самый первый среди тамьянцев,
В порыве ярости поднимись,
За рукоятку меча возьмись!
Курбаши* мой, что славен был
На всем побережье Черного моря,
Тот, что мне свой народ вручил;
Сперва связав его по рукам,
Народа своего язык не признав,
Бия собственного не признав,
Шедший только своим путем,
Спуску никому не давая,
Салахи-батыр, тебе говорю:
Баловень ты во дворце моем.
Стрелу твою сорок верблюдов везут,
Славой в стране ты моей вознесен,
Салахи-батыр, мой курбаши,
Моего врага излови,
В рог бараний его согни!

Ты, кто в крымской стороне
В темноте путь отыскав ко дворцу,
Где жил ваш крымский бий,
Тот дворец предал огню,
Карабай-батыр, тебе говорю!

Ты, кто в скалах путь проложил,
От сражений не уклонялся,
В сражениях коня горячил;
За ночь тьмою полчищ моих
Был разбит, но остался в живых,
Катай-батыр, тебе говорю!
Находящий во мгле пути,
Подбодрить умеющий в трудный час,
С львиным сердцем в груди,
С косою саженью в плечах,
Катай-батыр, трогайся в путь,
Оружье захватить не забудь!

Не дрожавший перед врагом,
Стан свой раскинувший в степях,
Имеющий собственный родовой дом
На раздольных берегах
Идели и Демы. Для табунов

Пастбища устроивший там,
Стрелу точивший среди лугов,
Глава рода своего, Юрматы,
И к тебе обращаюсь я:
Когда на тебя напал враг,
Сохранить ты смог свой аймак;
Когда на битву ты скакал,
Весь, как небесный гром, рокотал;
Юрматы, опора моя,
Мое крыло в жестоких боях,
Скачи вперед и страх наведи!

Тяжелей батмана лук твой —
Четыре листовницы подряд пробивая,
Стрела несется твоя над землей;
Двух медведей в расщельях скал,
Не дав им сдвинуться, ты убивал;
Среди всех батыров моих
Старше и опытней ты остальных,
Табын-батыр, тебе говорю:
Словно лев, ты в бою рычишь,
В каждом деле душой горишь,
В битве копья свои ломаешь,
На концы их врагов воздеваешь,
Всей стране даришь ты покой,
Побеждаешь в битве любой,
Не напьешься вдоволь крови врагов,
Табын-батыр, ты моя любовь,
И тебе я приказ даю:
Дикой птицею вознесись,
Добудь врага моего в бою!

Бескровно расширивший страну
От хазаров и до Аму,
Подчинивший ее Орде,
Трону ханскому моему,
Прославившийся на века
Красноречием языка
И с именем Янбай,
Слово тебе сказать мне дай:
Если стрел батыров моих
Сумеет избежать Идукай,
Пусть твой язык его заговорит,
Словом руки-ноги повяжет ему.
Пусть, на виселице увидав

Тело болтающееся его,
Страна моя обретет покой!

Хоть и уговаривал всех
Батыров, и давал им совет,
Ни один из батыров тех
Ничего не сказал в ответ;
Никто не осмелился вослед
За Идукаем поскакать;
Догнать его и изловить
Не посмел никто обещать⁵⁴.

Тут сообщили хану о том,
Что опоздавший на званный туй
Явился старик Хабрау —
Много выдавший в жизни своей
Певец известный и ворожей,
Тот, кому уже за сто лет,
Кто происходящее вокруг
Как на ладони видит все,
Для которого тайнств нет,
Все тут на ноги поднялись;
К появлению старца Хабрау
С вышей почестью отнеслись.

Туктамыш:

— Как только сказали: Хабрау идет,
Лишь только сказали: старец тот,
Чьи чутки уши, пронзителен взор,
Слова остры, распахнут рот, —
Что, мол, старец тот самый идет,
Оборвал я наш разговор.

У скакуна выступает пот,
У благородной кобылы хорош приплод;
Из уст сэсэна волос секущее на сорок частей
Слово пронзительное сойдет;
Глубокий разум мудреца
Мысль родит, что мир вознесет.
Больше сотни лет ты прожил,
Кости и душу свою износил,
Коренные зубы твои
Выпали одни за другим,
И теперь их сам Хызыр
Тесьмою шелковой укрепил⁵⁵.

Разбираешься ты во всем,
Мудрость в каждом слове твоём,
Самый старый ты среди всех,
От тебя мы совета ждем.
Весь дворец мой в Белой Орде
И в растерянности, и в беде.
Тот, кто ел из чаши со мной,
Тот, кого звали Идукай,
Оказался черной змеей.
Ничего в глубине души
Не тая, как нам быть, скажи!

Хабрау:

— Ах, я старец ваш, старец ваш,
Много видевший старец ваш:
То, что прославленный Урал
Не раз разорен был и увядал,
Как батыры, страну охраняя,
В алой крови утопали;
Ханы по отрогам Урала
Вместе с войском своим скакали, —
И это видевший я старик.
Аккулумбета младший брат —
Мурза Каракулумбет, —
Ребенка зарезав, ханом стал,
Тем самым волчий свой нрав проявил;
Стрелой в двенадцать ладоней
Младшего сына старшего брата
Бабсак-бия застрелил;
Из мести за отца своего
Сын Бабсака Кусяк-бий
Род уничтожил убийцы его —
И это видевший я старик⁵⁶.

Главный из главных — Чингиз-хан —
И его видевший я старик;
После него Аблай-хан⁵⁷ —
И его видевший я старик;
После него — Қарахан⁵⁸ —
И его видевший я старик.
Возраст мой шагнул за сто лет⁵⁹,
Уже зубов во рту моем нет,
И превратился я в скелет.
К концу подходит уже мой век,
Да и ваш к завершенью идет —

Так проходит за годом год;
Поколение за поколеньем
Видел много ханов народ;
Того, кто не в силах птиц запускать,
Не способен коня оседлать,
С детства птиц не приучен ловить,
Скакуна на ходу осадить;
Кто пса борзого, спутника своего,
Ухитрился отдать чужим,
Позволил любовью Ыньекай
Сватам овладеть иным;
Кто перстню младшей Киньякай,
Что подарен ей был отцом,
Позволил быть вдетым в другом краю, —
Кадирбирде, сына твоего,
Кому, несмотря на юность его,
Ты наследуешь свой трон, —
И его видевший я старик.
И вот, достигнув этих годов,
Всех лишившись во рту зубов,
Когда чуть теплится душа,
До этих самых лет дожив,
Множество земель посетив,
Много батыров я повидал;
И коль речь заходит о них,
Скажу: благородных батыров таких,
Каким был ушедший от тебя Идукай,
В жизни не видел я никогда.

Сзади ли на него взгляну:
Пространство меж плеч его — такыр,
Где может выспаться богатырь;
Спереди на него взгляну:
Глаз пронзителен, сокола взор,
Прямо в сердце входит в упор.
Богатырство его — в чертах лица,
Резкость и прямота — в словах,
Конь оседланный — в груди,
Мудрость мужа — в его делах;
Идукай — из батыров тех,
Каких не ведал я — ваш старик.

Имя «Идукай», «Идукай»
Означает — «Урал», «Урал»!
Слово, что ушел Идукай,

Означает — ушел Урал!
Если ушел Идукай — то уйдет,
Словно алчно мчащийся лев,
Словно несущийся по небу сокол,
И никто его не вернет!
Долгий, долгий, великий путь:
Век за веком богатыри
По нему скакали — таков тот путь.
Тем путем и ускачет он,
До Сатмыр-хана доскачет он;
Как затаившийся в омуте сом,
Плотву заметивший в омуте том,
Давно стремящийся проглотить
Орду Белую с ханским дворцом,
Сатмыр даст руку свою Идукаю,
Сделает все, что тот пожелает.
Батыра великого Идукая
Во главе войск поставит он;
Приснившийся Ханбике страшный сон —
Это и есть Идукая войска.
Как лев, изрыгая рычащий звук,
Воплем наполнят они все вокруг.
Нугаев юрт, где тысяча биев,—
И есть просторы степной страны.
Истрадавшийся и увядший,
Как мясо сушеное, народ там живет;
Коль о войске Идукая узнает,
Которое семь батыров возглавляют⁶⁰,
Услышит, что с булатным мечом
Идет Идукай на тебя с войной;
Расправится народ тот с твоей Ордой,
Разрушит, спалит ее огнем.
Не закончится только тем,
Ынье с Киньякай себе возьмет,
Которых, балуя, вы растили,
Словно грозный волк, раздерет
Войска твои, что тебя хранили, —
Дворец твой с серебряным замком,
Трон твой в ложе золотом,
Орду, что во славу ты основал,
Счастье, что весело ты ковал, —
Переверотит кверху дном.

Эй, великий хан, великий хан!
Могучий богатырь Идукай,

Ныне уйдя в свой родимый стан,
Снова нападет на твой край.
Единым взмахом булавы
Дверь, окованную серебром,
Мощным ударом распахнет;
Бием станет во двореце твоём,
Стены юрты разворотив,
Каркас ее на дрова пустив,
Статную, как райская девушка,
Вольную, как соловушка,
Милую тебе Ыньекай,
Баловницу твою Киньякай —
Женами сделает Идукай;
На красном месте постель соберет,
Дочь твою, что в ласке росла,
К груди могучей своей прижмет.

Жестоко отомстит он тебе
За скрывающийся в скалах род;
Счастливую жизнь начав в Орде,
Любовь людей своих обретет;
Ног твоих ступни он разрежет,
Конский волос в рану вложит⁶¹,
Стада твои и табуны
Ясаком, собранным по стране, —
Все угонит он к себе!

Выслушав то, что я сказал,
Слово мое обдумай сам:
Хоть во гневе ушел Идукай,
Далеко еще не ушел,
Дальше Идели путь не прошел.

Пусть семь батыров биями станут,
Пусть вслед за Идукаем поскачут,
Если смогут уговорить,
Если согласится Идукай,
Будешь спокойно на свете жить,
Остальное — соображай!

Выслушав прорицание старика Хабрау, опечалился Туктамыш и, раскаиваясь за содеянное, сказал такие слова:

— В прошлом семь батыров моих
Биями были родов своих;

Когда они теми родами владели,
На всю страну влиянье имели;
Истинных друзей от врагов
Различать вы тогда умели.
Ах вы, бии вы, бии мои,
Теперь на коней своих садитесь,
Что б не потребовал Идукай,
С любим желаньем его согласитесь!
Скажите, что хан обещает ему
Часть ханства своего отдать.

Но никто из батыров опять
Твердого ответа не дал;
Салахи же с Ханбикой
Продолжали твердить без конца
О вероломстве беглеца,
Так и этак его ругая,
Снова вызвали злобный гнев
Туктамыша к Идукаю.
Упреком и обидой палим,
Так сказал он ближним своим:
— Врага, который жил среди нас,
Никто не прознал в свое время из вас!
Даже не устояли пред ним
Дочери милые мои,
Жемчуга дорогие мои,
Заветные зрачки моих глаз!
Их сердечки — в моих руках,
Их желанья — в моей груди,
Их он тоже сбил с пути!
Бии затмили мне глаза;
Ну а дочки мои увлеклись,
В одиночестве оставив меня,
Моему врагу предались,
Теперь навек опозорен я!
Тот, кто пойдет Идукая искать,
Кто сумеет его поймать,
Важное место займет во дворце,
Расстелет мягкую там постель,
В жены возьмет свет моих очей —
Одну из любимых моих дочерей!

Выслушав то, что хан сказал,
На батыров обиженный очень,
После того, как тот клятву дал

Выдать замуж одну из дочек,
Все, кроме Салахи,
Разом на коней вскочили
И за Идукаем вослед
Скакунов своих припустили⁶².
Не бездействовал и Салахи,
Планы вынашивал свои:
Опасаясь, что Идукай,
Растерянностью пользуясь хана,
Слабостью ханского стана,
Захватит красавицу Ыньекай,
А Салахия утопит в крови,
Ханскую дочь замыслил он
Похитить и с нею умчаться вон,
Пришел он к хану во дворец
И повел разговор такой:

— С тремястами человек,
С Ыньекай, дочерью твоей,
За Идукаем поехать позволь,
Хан великий, сев на коней!
Пока дворец не покинем мы,
Пока беглеца не нагоним мы,
Пусть никто, кроме вас и меня,
Не знает о том, что сказал вам я.
Коль увидит Ынью Идукай,
Коль заговорит с ним Ыньекай,
Сам, глядишь, он к нам подойдет;
Вот тогда-то ему как раз
Руки скрутим мы в тот же час;
Прикажешь — голову снесем,
Если надо — его живьем
Прямо в твой дворец привезем!
Предложение Салахи
Туктамышу пришлось по душе.
Тут он Ыньекай позвал
И такие слова сказал:

— Дитя мое, садись на коня,
Чтобы вместе с Салахи
Прогуляться по степи!
Вместе с ним, по воле моей,
Прокатись по простору степей!
Не подъедет ли к вам Идукай,
Главным не станет ли во дворце?

Если подъедет — ведите ко мне,
Станет курбаши моим,
Захочет — зятем станет моим,
Захочет — от трона своего
Отрекшись, сделаю ханом его.

Ыньекай:

— Ах, отец мой! Идукай
Вместе со своим борзым псом
Не для того, чтоб вернуться назад,
Уехал на сером тулпаре своем.
Коль даже поеду его искать,
С собой никого не стану я брать.
Пока тут Салахи проживает,
Во дворец не вернуть Идукая:
Такие люди, как Идукай,
Гнев свой вовеки не забывают;
Если даже вернется он —
Не для добра вернется он,
Цели своей добьется он:
Прежде всего Салахи
Раздерет по рукам и ногам,
Голову бросит бешеным псам.

И, услышав такие слова,
Хан настаивать больше не стал,
Решил про себя: будь что будет,
Стану дожидаться богатырей,
Отправившись в дальний путь,
Только воротятся пусть поскорей!

ХII. О том, как Янбай уговаривал Идукая вернуться в Орду, а Идукай отказывался⁶³.

Батыры, пустившиеся в погоню,
Наблюдали, как Идукай
Перешел Яик и на том
Берегу Идели с коня
Неторопливо сошел⁶⁴.
И, едва его увидав,
Батыры, скакавшие стремглав,
Не сговариваясь, коней
Осадили поскорей.
Решили они на месте том:
«Вместе не будем к нему подъезжать,

Сперва один или вдвоем
Подступимся...» От страха дрожа,
Стали друг другу предлагать:
«Я не желаю, ты подъезжай!» —
Стали спорить, судачить, гадать.
«Все вы трусите, я погляжу,
Что ж, отправиться я решусь!» —
Спутникам Янбай сказал
И к Идукаю поскакал.

Вот Янбай подъехал к нему⁶⁵,
Идукая приветствовал он,
Такие слова промолвил ему:
— Воротись, Идукай, воротись,
Воротись, Идукай, воротись!
Вновь Идель перейди и вернись;
Необъятной стране Орде,
Склонив голову, поклонись,
Из чаши, что серебром отлита,
Выпей, не выплеснув, ханский напиток!

Ыньекай и Киньябику —
Хан обеих тебе отдаст,
Живи с любой во дворце у нас!
Узором вышитую в плечах,
С застежкой петелек на краях,
Даст черную шубу из меха куницы —
Не преминь в нее нарядиться!

Даст сокола, что радует взор,
Чтобы охотиться возле озер!
Велит золотую сделать арбу,
Лучшим мехом ее обив,
Боевым снаряженьем ее снабдив;
Аргамаков в нее запряги,
В ханстве высокое место займи!

Хан коня подарит тебе:
Когда жеребенком был, тот конь
Сосал привольно молоко;
Когда двухлеткою стал,
Молоко требовать не переставал;
Трехлетним жеребцом объезжали его,
Он шелковую узду волочил,
В пять лет табуном верховодил,

В шесть — скакуном отменным прослыл,
В семь лет — любимым стал конем,
Догоняли и забивали
Быстрого оленя на нем!

На иноходца, батыр, взойди:
Лука седла у него золотая,
И удила его золотые,
Уши торчат, как острые шила,
Как у девушки, расчесана грива,
С сердцем родился он двойным,
В скачке стремительной испытан,
С телом гибким, как у змеи,
С мордой, как остродонное ведро,
С губами мягкими, как щавель,
С зубами, как дольки чеснока,
С копытами, как кремень,
С ушами, как тонкие камыши,
С веками, как у худосочной змеи,
С короткой щиколоткой, с лохматыми ногами,
С шеей в один обхват,
С мехом зайца, с глазом верблюда,
С короткой челкой, с гривой густой,
Масти с железною синевою.

Мир обскачи на том коне,
Каждой поклонись стороне!
Хан даст табуны лошадей —
Дойных кобылиц кумыс ты пей!
Хан поделит трон с тобой —
Бери его — он будет твой!
Дочь Туктамыш-хана
Истосковалась, пожелтела,
Замуж возьми дочку хана,
Пока к тебе она не охладела!
Ты — хан, она — Ханбика,
Воркуя и шепчась меж собой,
Веселясь, смеясь день-деньской,
В объятиях друг друга сжимая,
Сладостный щербет попивая,
Живите счастливой жизнью одной!

Туктамыш-хан, старый отец,
Обижается на тебя;

Если на хана обида есть,
Выскажешь сам ему все, любя.

Идукай:

— Уйди, Янбай, уйди, Янбай,
Нету ума у тебя, Янбай!
Я не вернусь назад, не вернусь,
Через Идель не переберусь!
Ни на Ынье, ни на Кинье —
Ни на одной из них не женюсь!
На серого коня с широкими копытами —
Коль даже подарит мне — не заберусь!

Коль черную шубу из меха куницы
Подарит мне, не наряжусь;
Пока сукмар* у меня в руке,
Склонив голову, не поклонюсь!
Коль на трон не посадит аллах,
На чужой престол не покушусь;
Мужчиной однажды сев на коня,
Сказав: дорога одна у меня,
Подобно женщине, не вернусь!

Где угодно я буду скитаться,
Могу в одиночестве остаться,
Только от вас уеду я,
До Сатмыр-хана доеду я!
Если аллах благословит,
Помощью Сатмыр-хана одарит,
Заверну и в Ордынский край,
Все кверху дном там разворочу,
А с Ыньякай и Киньякай
Поступлю, как захочу!

Пусть пол подо мной черным станет,
Коль между двоими не буду спать,
Коль страну хана не разгромлю,
Постель во дворце его не расстелю,
Дочь его к груди не прижму,
Если не сделаю, как скажу,
Пусть сгинет имя мое — Идукай,
Пусть иссушатся род мой и край!
Выросший я на Урале батыр,
Друга огонь не потушу,
Врага огонь не разожгу!

Не познав человека, пищу не дам,
Отца не познав его, славу не воздам!
Сокол я на Урале своем,
Не ровня я всяким богатырям,
Но и среди равных слыву удальцом!
Сокол я, чье гнездо в горах,
Мне скакать на горных камнях,
Яда любого горчее я —
Добром на добро отвечаю я!
Несокрушимый среди тополей,
Пред кем деревья клонятся главой,
Свиты корни мои с водой!
Я — могучего дуба сук,
Который не рушится под топором,
Который не выворотишь вдруг! —

Так промолвил Идукай и собрался уезжать. Однако Янбай последовал за ним, продолжая уговаривать:

— Воротись, Идукай, воротись,
От мысли уехать откажись,
Шею твою камча обовьет,
Кровью грудь твою обольет!

Идукай:

— Уйди, Янбай, уйди, Янбай!
Не пялься, иль продырявлю глаза,
Не болтай — отрежу язык,
Как веревку, башку отсеку,
Кровь твою, как воду, пролью!
Разрушив белую юрту твою,
В груди ненужных дров превращу!
Выдрав жерди из юрты твоей,
Как лучину, их расщеплю!
Разрезав ступни, волос в рану вложу
И сделаю тебя пастухом своих овец!

Испугавшись угроз Идукай, Янбай поспешил удалиться. Идукай же отправился на Урал. Янбай подъехал к своим друзьям и стал их уговаривать всем вместе воздействовать на Идукай, но те отказались наотрез. «Теперь он, наверное, рассердился на нас, вернемся домой и пошлем к нему старика Хабрау», — решили они между собой. С тем и отправились обратно в Орду. И только Янбай не последовал за ними, решил еще раз поговорить с Идукаем⁶⁶.

Когда вновь Идукая настиг Янбай,
Уже на Урале был Идукай;
Бросив клич на всю страну,
Роды собрав со всех сторон,
К людям так обратился он.

Идукай:

— Пять батыров, покинувших наш край,—
Заложники в Золотой Орде.
Мать и отец мой, Исянбай —
Рабы хана в его Орде.
Пока не вернется в родную страну,
Не успокоится старец Хабрау,
Не останется он в Орде.
Пока кровью наш край обагрён,
Пока на коней мы все не взойдем,
Не станем хану ясак платить,
С вами свободы нам не добыть,—
Так закончил он свой призыв.
Все это выслушал Янбай,
И, когда разошелся народ,
И остался один Идукай,
Он к нему тотчас подошел,
Заново разговор повел.

Янбай:

— Идукай-брат, скажу опять:
Не следует страну возмущать!
Не настроен хан против тебя,
Не нужно страну на него поднимать!
Эх, Идукай, Идукай,
Вновь коня устреми к Орде,
Согрейся теплом ее огня!
Не сей мысли дурные тут,
В скалах, где птицы гнезда вьют!
На Урале, пресыщенном кровью,
Не сей смуту мятежную вновь ты!
Меч страны, что вложен в ножны,
Не вырывай вновь из тех ножен ты!
Чем из долбленной чаши хлебать
Везде, где придется тебе бывать,
Лучше из чаши серебряной ешь
Ханское подношенье опять!
Чем задубевшую шубу носить,

В ней по Уралу ходить-бродить,
Шубу из выдры носи — она
Золотом пуговиц озарена,
Выдровым мехом окаймлена,
Петельки в кисточках у нее —
Будь хану зятем в шубе такой!
Чем на Урале своем искать
Девушку, не лучше ли в жены взять
Несравненную ханскую дочь —
Ыньекай или Киньякай,
Что устали тебя дожидаться,
Своими глазами вдаль вперяться,
Пожелтели лицом от тоски!
Чем при охоте на Урале
Ястреба на дичь запускать,
Не лучше ль охотиться в Орде
С быстрым соколом на плече?
Чем на приотрожьях Урала
На каменистых скалах,
На худосочном коне,
Изводя себя в седле,
С думой о том, как бы войско собрать;
С черенком древесным копье
Своим оружием называть,—
Не лучше ли в арчовых садах
В роскошной шубе на резвых конях
Горделиво гарцевать?
Тулпара, который еще стригунком
Молоко материнское вволю сосал,
В три года непользованным жеребцом
Пасся, поскольку принадлежал
К породе тулпаров — среди других
Славным избранником выступал
На скачках. На зависть всем
Конем в свои шесть лет стал,
Был обучен всему в семь —
Всегда впереди других скакал;
Как девичья коса, его грива
Расчесана на шее красиво;
Двойные вихри на лбу его —
Богом самим отмечены, как
Благородной породы знак;
Челка на лбу его крутом
Завита, как букет цветов;
Осанка гордая, ястреба грудь,

Легок бег, коль скачет намётом;
Округлые ребра, узок живот,
Во всем послушен руке седока,
Тонок, как у ужа, пищевод,
Морда точеная, как башкуняк*,
Уши — камыш, губы — челнок,
Мяжки, словно конский щавель,
Зуб коренной — словно чеснок,
Как у беркута, веки глаз,
Заячьи ноги, холка совы,
Глаза медные, щучья спина,
Щеки впалые, шерсть жестка,
Копыта круглые, сердце двойное,
На многих скачках испытан он,
Восславлен всеми и вознесен!
Луку седла и уздечку,
Нагрудник и подхвостник
Чистым золотом украсив,
Скачи во главе войска всего
Славной Большой Орды;
Копье, Идукай, возьми себе ты
С рукояткою костяной!
Табунами согнав на яйляу,
Кобылиц на воле вяжи,
Всех подряд их доить прикажи,
Сбитый Ынъекай и Кинъекай,
Блаженствуя, терпкий кумыс попивай!

Завещанье напишет хан:
После ухода из жизни его
Трон наследовав, с его дочерьми,
Вполголоса меж собой щебеча,
От души веселясь, хохоча,
Обнимаясь в просторном дворце,
Попивая сладкий шербет,
Гордым ханом при Ханбике
Живи владыкою много лет!
Если обиду какую таишь,
Вернись и великому хану скажи!

Идукай:

— Скалистые горы Урала
Богатырем взрастили меня;
Кровью пропитанные отроги Урала
В Орду Золотую привели меня;

Горькие слезы отрогов Урала
При хане заставили меня глотать:
Урал — мятежный наш край,
В обильной крови утонувший край
Деревья выращивал свои,
Чтоб ветки дарить для стрел моих.

Не проси: не возьму я копье
С рукояткою костяной;
Голову не склоню перед Ордой,
На буз-тарлана* не взойду;
Чтобы хану зятем не быть,
Дочь его не буду просить.
Пока существует страна Урал,
Пока живы батыры ее,
Пока сжимаю в руке сукмар,
Который дан мне строною в дар,
Голову приклонив, Туктамыша
Не стану приветствовать никогда;
Чтобы ханом стать в Орде,
Свою страну не продам никогда.
Если уж я взошел на коня,
Буду с народом моим до конца;
Что б впереди ни ждало меня,
Пойду своим я путем до конца.

Путь, который в Орду ведет,
И к Сатмыр-хану приведет;
Если судьба мне благоволит,
Если мне Сатмыр-хан подсобит,
То, у него подмогу взяв,
Весь уральский свой род подняв,
Шлем на голову натянув,
На пояс колчан нацепив,
Стану я для всех вожаком,
В твою Орду отправлюсь потом.
Коль выйдут против меня заодно,
Все владенья их захватив,—
В кровавое превращу толокно.
А надменного Салахи,
Если он землю кыпсаков продаст,
Пусть даже за ним Орда пойдет,
Как шука голодная, всех проглочу.
На Урале захваченный скот

Назад до последнего возвращу,
Своему народу верну!

Ыньекай и Киньякай
Буду ласкать, как сирот,
Лишив отца их головы,
Матери разодравши рот;
На красном месте во дворце
Я постель себе постелю;
Туктамыша ханский дворец,
Паласы дивные, что там есть,
В ветошь превратит моя месть.

Если так я не отомшу,
Если так их не накажу,
Не сделаю так, как скажу,
Пусть сгинет имя мое — кашка!*

Я-я! — говорю, внимайте мне,
Муж я Урала — внимайте мне,
В гневе на своем коне
По отрогам я гор проскачу!
Против злобных — зол я сам,
С благородным — таков же я сам,
Тополь гордый я, байтиряк!
Не рушащийся под топором,
Не ломающийся и не гнущийся
Кряжистый сук я на дубе большом! —
Я-я! — говорю, — гордый муж.
Тому, кто на коне
Гарцует с шапкой на голове,
Пищу не дам, не спросив, кто он есть,
Хвалу не воздам, не спросив, кто его отец!

Янбай:

— Ай, Идукай, Идукай,
От мыслей своих отрекись!
Шею, которую кнут не берет,
Не думай: петля, мол, не захлестнет!
К пиру режут скотину пускай,—
Ты себя зарезать не дай!
В пору, когда после дождя
Готов расцвести твой уральский край,
Не дай пролиться крови на нем,
Саду его иссушиться не дай!

Идукай

— Уйди, Янбай, уйди, Янбай!
Гнусную глотку твою заткну;
Язык отрежу твой — не болтай,
Не смотри так — глаза проткну!
Отрезав шею, как веревку,
Круглую башку отсеку!
Скверную кровь твою
Потоком весенним разолью!
Разворотив юрту твою,
Жерди ее в дрова превращу;
Из них костер большой разожгу,
Зажарю тебя на вертеле том,
Что из стрелы твоей заточу!

Янбай, услышав такие слова,
Рта уж больше не раскрывал;
В темную безлунную ночь
В сторону Орды поскакал.

Данников хана, что на Урале
У здешних родов ясак собирали,
Идукай прочь из страны прогнал,
Чтобы хану дань не платить,
Голову перед ним не клонить,
Все уральские роды созвал,
Быть готовыми к войне
Призвал их в родимой стороне.
Сам же, борзого пса захватив,
К Сатмыр-хану отправился в путь,
На помощь надеясь какую-нибудь.

XIII. О том, как Идукай по пути к Сатмыр-хану побывал в пещере и узнал тайну от одного старика⁶⁷.

У Иремеля сев на коня,
До Яман-тау добрался он,
Там, где срезает его Идель,
Неторопливо спешился он.
Опутав коня, ослабив подпругу,
Пустил его пастись по лугу;
Птицу дикую подстрелил,
Ею пса своего покормил;
А там и сам прилег поспать.
Но пес, что голод свой утолил,

Стал к небу глаза возносить,
Морду подняв, стал завывать,
Воем своим разбудил Идукаю,
Затем, пригнувшись, побежал,
За собой его увлекаю.

Темный лес миновали они,
К скале неведомой подошли,
Перед какой-то пещерой потом
Остановились вместе с псом.

Пес на хозяина взглянул,
Взглядом ответил ему Идукай;
И тогда ухватился пес
Своими зубами за конский хвост;
Выбрав, между зубов зажал
Из хвоста того пять волос.
Заметил Идукай, что пес
Хочет вырвать те волоски,
Не понимая почему
Они понадобились ему.
Выбрав пять волосков⁶⁸, Идукай
Их на шею пса привязал,
Освободив коня от седла,
На свободу его отпустил.

Ничего не опасаясь,
От борзого не отставая,
Вслед за псом в пещеру ту
Идукай шагнул в темноту.

Пещера была довольно большой —
Вся наполнена мглой густой;
Всюду пустынно, и лишь вперед
Тропка единственная ведет.
Долго шли они по ней,
Выбились из сил, извелись,
Пока до озера одного
Наконец-то добрались.

Бросил взгляд на него Идукай —
Озеру края нет и конца;
Попробовал было в него войти —
Глубока, холодна вода.
Не зная, что теперь предпринять,

Стал в растерянности он тогда.
Пес отыскал какой-то челнок —
Весло при нем, хозяина нет;
Слух напрягши, прислушался он —
Полная тишина в ответ.
Пес борзой дал хозяину знать,
Сам от него не желая отстать,
Кинулся в воду и изо всех сил
Через озеро то поплыл.
Сев в челнок, заработал веслом
Идукай, поспешая за псом.

Когда взошли на берег другой,
Птица какая-то пролетела;
Чтобы ту птицу подбить стрелой,
Подал пес ему знак умело,
Волос один с его шеи снять
И тем волосом птицу связать.

Птицу Идукай подстрелил,
Клюв разомкнув, волос вложил,
И подбитая птица тогда
Сразу дар речи обрела:

— Птицей сорокой я называюсь,
Хитрым оборотнем считаюсь,
Если на плетне затрещу,
Кобыла до времени выкинет плод.

Коль, не закрыв заслонку, уснешь,
Не вспомнив аллаха, трубу запрешь,
Ночью заберусь к тебе в дом,
Детей твоих не оставлю в нем⁶⁹.

Выстрел твой меня напугал,
Думала: уложил наповал,
Думала: мол, погибла я
Голодной, крови чужой не испив.
Хвала всевышнему: запах коня
К жизни вновь пробудил меня,
Пададь ту мне напомнил он,
Которую ищем мы испокон.
Егет, отпусти меня! Тебе,
Может, пригожусь я, как знать.

Коль ищешь то, что потерял,
Помогу тебе отыскать.

Услышав эти слова, Идукай отпустил, говорят, сороку и, даже не став спрашивать дорогу, снова двинулся вперед, следуя за своим псом; оказался у развилки трех дорог, проходивших у подножья горы. Он прочитал там такую надпись: «Направо пойдешь — богатство найдешь, налево пойдешь — воевать будешь, по средней дороге пойдешь — тайну найдешь».

Посмотрел на пса Идукай,
По спине его поласкал,
Как бы говоря: «Путь выбирай»,
По голове его потрепал.
Пес пошел по средней дороге,
Батыр последовал за ним.
Когда вышли они к колодцу,
Встретились со старцем одним.

Пса старик отгонять не стал;
Тот рычать на него перестал.
Когда Идукай поздоровался с ним,
Тот промолчал, оказался немым.

Пес намек Идукаю дал,
Чтобы тот волоски развязал:
Один положил на язык старика,
На уши его — два других,
Ну а еще одним волоском
Велел связать ему руки узлом.

И тогда встrepенулcя старик,
Пролил слезы из глаз своих,
«Дитя мое, ты воротился?» —
Радостно ко псу обратился.
Видя такое, Идукай
Стал спрашивать старика.

Старик:

— Ах, старик я уже, старик,
Много повидавший старик;
Врагам не отдававший страну —
Да, такой я был старик.

В Каабе* побывали мы
Вместе с Тукляс-аулией*,
На гяуров, что шли на нас,
Копья строгаи в грозный час;
Вместе со стариком Хабрау
Спутниками Тукляса были мы;
Во многих случаях втроем
Наперсниками были мы.

Баба-Тукляс, аулия-святой,
С самим аллахом говорил;
[Поскольку среди батыров Урала
Не было таких, чтоб страну отстоять:
Батыров земля таких не рождала,
Чтоб меч Урал-батыра поднять,
Никому он о том не сказал,
Где заветный тот меч хранится;
Только сороку ту поймал,
Что выклевала Уралу глазницы,
И в пещере замуровал]⁷⁰.
Мне же велел в подземелье жить,
Тайну священную хранить.
Старику Хабрау — по Уралу
Без усталости среди людей бродить,
Зажмурив левый глаз⁷¹,
Слушать аулии высший глас;
Самый отважный среди мужей
Биями делать в стране своей —
Вот так жить он нам повелел.
Я Туклясу подчинился,
Со дня того по воле его
Слуха и языка лишился;
Сундук секретный он мне вручил,
На этот камень посадил,
В байгуша жалкого превратил.
Была жена у меня. Со мной
Разлучив ее, сделал вдовой.
Был сын единственный у меня,
Этот самый спутник твой —
Его в пса-бессмертника превратил.

Но глаз не стал Хабрау закрывать,
Язык за зубами не стал держать,
Все, что ему говорил аулия,
Не стал во внимание принимать.

Туклясом гнев овладел большой,
Вынес ему приговор такой:
«На Урале, сказал, проживай,
Во веки вечные не умирай;
Живи, сказал он, в нищете,
Пусть жизнь пройдет твоя в горе-беде;
Пусть пищей не насытишься ты,
Пусть тело твое одежды не знает,
Пусть никто из потомков твоих
Бием в стране своей не станет;
Пусть дети твои о тайне моей
Никогда не узнают;
Пусть места не будет тебе, где спать,
Пусть кровью будешь ты плевать;
Пусть все, что в поте лица своего
Станешь ты на миру добывать,
Достанется биям рода моего —
Таково проклятье мое!»
Потому-то Хабрау с тех пор
Навек остался и нищ, и гол.

Вот предо мной ты, егет, предстал,
Тайну заветную узнал;
Ключ, что на шее я ношу,
Своей рукою теперь возьми;
В этом секретном сундуке
Книгу большую ты найдешь;
Когда прочитаешь книгу ту,
Все, что надо тебе, поймешь.

Идукай сундук открыл,
Писаную на оленьей коже
Книгу большую оттуда достал,
Перелистывать ее стал;
На первую страницу взглянув,
Перечень родов увидал.
Заметив имя свое,
Выведенное кровью живой,
Что и подумать не знал.
Приглядевшись внимательней, там
Слова такие прочитал:
«Чтоб бием стать, от бия моего
Муж по имени Кутлу родится;
Самый младший из сыновей
(Баловень в родословной моей)

Батыр по имени Тора,
Правнука моего Кутлу
Бийства лишив, содеет зло.
Самого Кутлу и весь род
В собственных превратит рабов —
За то, что мой не держал завет.
От Кутлу родится на свет
Праправнук по имени Идукай
(С сердцем яростным и свирепым) —
Он мстить обидчикам даст обет.
От правнука Идукай
Сын Мурадым на свет придет,
По отрогам всего Урала
Кровь безжалостно прольет.
Из всех наследников — один
(В том потомстве, где не людей —
Любят собак), с этой книгою он
Познакомившись, будет удивлен.
Если оставшуюся от Умара
Саблю булатную в руки возьмет,
Какое бы войско ни напало,
Любого в пух и прах разобьет.
Если сумеет отыскать
Могилу Урал-батыра,
Который смог дэвов с Урала изгнать;
Если наденет доспехи батыра
И саврасого отыщет коня
В табуне из озера Шульген⁷³,
Сядет на него, то все свершит,
Все, что замыслил, осуществит.

Ту книгу заветную прочитав,
Идукай сказал старику:
«В могиле этой живьем не томись»;
После этого старик с Идукаем
На свет божий поднялись.
Все, что оставили наверху, —
Подседельник, седло, уздечка —
В сохранности лежали на месте,
Словно бы дожидались встречи.

Взяв уздечку, на поиск коня
На берег Идели Идукай пошел,
Но красно-рыжего коня
Своего у реки не нашел.

Ну а пес его вверх по скале
Припустился что есть сил,
К пасшемуся там коню
С ходу, говорят, подскочил.
Взглянул Идукай на коня того:
Грива, как у тулпара его,
На правую сторону уложена;
Бронзовый блеск в глазах, двойные —
У него зубы коренные,
От дыханья ноздри дрожат,
Мета на правом ухе есть —
Прорезь, что уходит назад.

Увидев, что с уздечкой идут,
Конь заржал и, взметнувши хвост,
К батыру левой стороной
Подбежал и — как в землю врос.
И в коне том все было похоже
На его собственного коня,
Кого оставил у входа в пещеру.
Не похоже только одно:
Не кроваво-рыжий цвет у него,
А буланый — масти такой
Нигде не видел Идукай.

И, увидев той масти коня,
Растерялся было сперва,
Все же враз его оседлал
И к старику потом подскакал.
Тот, увидев его, издалека
Многозначительно улыбнулся,
По спине похлопал слегка
И такие сказал слова:
— Видно, шерсть твоего коня
Стала красно-рыжей, кровью покрылась,
Заветная тайна тебе открылась;
Узнав, что будешь ты им владеть,
Вновь в буланого он превратился⁷⁴.
Егет, голову зря не ломай,
В землю копье свое не вонзай!
С именем бога садись на коня,
С думой о битвах грядущего дня
Отцом родным Урал называй,
Матерью реки его называй,
Поклянись страну отстоять,

Никого из несчастных и сирот
Чужеродцами не называть.

Такие слова старец сказал,
Помог забраться ему на коня,
Батыра по спине приласкал
И, простившись наскоро с ним,
Остался стоять там, где стоял.

Идукай, взойдя на коня,
Поехал, оставив старика,
Добрался до Каменного маяка⁷⁵,
Который поставил Урал-батыр.
Тут внезапно вспомнил о том,
Что надо могилу его отыскать.
Остановился и потом
Начал сороку призывать.

Не успел глазом моргнуть,
Слово промолвить, передохнуть,
Как стремглав сорока та
Подлетела к нему сюда,
Заранее зная, для чего
Пригласил Идукай ее.
Недолго думая, повела
Идукая вниз по Идели
В направлении Баля-тау*;
Так и летела впереди,
Батыру указывая пути.

Выбрав дуб у истока реки,
С двух сторон смывающей гору,
Села сорока на него,
Поджидая батыра своего.
Пока Идукай добрался туда,
А добравшись, спрыгнул с седла,
Пес, хозяина опередив,
У корней дуба дыру прорыв,
Доспехи, что носил Урал,
Уже из-под земли извлекал.
Шлем на голову водрузив,
Пса борзого с собой прихватив,
Сев на коня, в далекий край
При снаряжении боевом
К Сатмыр-хану направился Идукай.

XIV. О том, как Идукай наголову разбил войско хана Кабардина, освободил Фирдаус и стал зятем Сатмыр-хана⁷⁶.

Двигаясь долгим-долгим путем,
Добираясь до Сатмыр-хана,
Увидел Идукай на поляне
Егета, спавшего сладким сном.
Мух от лица его отгоняя,
Обмахивая шелковым платком,
Голову егета положив
На колени свои,
Девушка сидела, в думы погружена.
К ним-то подъехал Идукай.
Едва лишь увидела его,
Девушка егета своего
Разбудила, поцеловав.

Идукай и тот егет
Поздоровались друг с другом.
В это время со стороны луга,
По-охотничьи одеты,
Подойдя, повалились на землю
Еще несколько егетов.
Тот, кто на коленях отсыпался,
Ханом калмыцким назывался
По прозванию Кабардин⁷⁷.
Девушка же, сидевшая с ним,
Дочерью Сатмыр-хана была,
Восславлена многими певцами
Красавицей Фирдаус⁷⁸ слыла.
Чтоб той девушкой завладеть,
Чтобы в жены любимые взять,
Томился Кабардин много лет,
Полстраны обещал отдать.
Но, получая каждый раз
На выкуп любой от хана отказ,
Дождавшись, когда Фирдаус
Вместе с подружками выйдет гулять,
Подстерег ее Кабардин, захватил
И в свой край подался опять.

Идукая увидев стать,
На коня его бросив взгляд,
Который на месте танцевал,

Кусал удила, на дыбы вставал,
Стал расспрашивать Кабардин:
— Кто ты и откуда, егет?
Куда направляешься один?

Идукай себя не назвал,
Удаль не скрывая свою,
На коне своем гарцевал;
С озера птицу вспугнув, подбил,
Чем в изумленье хана привел;
Хан батыра к себе пригласил.
А когда Идукай показал
Себя всесторонним удальцом,
Хан почет ему оказал —
Во дворце своем главным сделал его.

В каждом случае Кабардин
На Туктамыш-хана опирался.
Зная, что те во всем заодно,
От мысли вернуть свою дочь обратно
Раз и навсегда Сатмыр-хан отказался.

Не бездействовал и Идукай:
Гнев Кабардина на Туктамыша
Изо всех сил направить старался.
Острозыкий Идукай,
Золотоустый Идукай
Все полчища Кабардина,
Страну его — опору его —
Власти собственной подчинил,
Тем самым в ханском дворце
Раздор полнейший учинил.
В междуусобную войну
Сумел он ввязать всю страну;
Три дня и три ночи шла борьба,
В которой победил Идукай,
Славу большую себе стяжал,
Ханский дворец захватил,
Кабардина затем убил.
Близкого себе курбаши
Ханом калмыков провозгласил,
Дочь Сатмыр-хана отвез к отцу.

В честь ее возвращения хан
Пир на всю страну закатил,

Идукаю хвалу возносил,
Выдал дочь свою за него,
Сделал главою войска всего,
Первым визиром провозгласил⁷⁹.

XV. О том, как Идукай от Сатмыр-хана помощь получил⁸⁰.

Так в стране Сатмыр-хана
Идукай какое-то время жил,
В полной славе себя проявил;
Узнав, что к Туктамышу Сатмыр-хан
Преисполнен глубокой вражды,
Что ясачники Туктамыша,
На Урале кровь проливая,
Непосильную дань собирают,—
Узнав про все это, Идукай
К Сатмыр-хану однажды пришел
И такую речь завел:
— Ай, Сатмыр-хан, Сатмыр-хан,
Не от матери и отца
Ханство свое наследовал ты;
И в разбойниках побывал ты,
И не раз врагам отомщал;
У наследников Чингиз-хана
На службе верной состоял!
Пока до тридцати своих лет,
Благополучной жизни не зная,
Хану служил ты, не уставая,
Лишился правой ноги своей.
Достигши тридцати четырех лет,
Много горя познал и бед,
Во многих битвах побывал,
Ханом великим и славным стал;
Чингиз-хана потомков ты
Из своей прогнал стороны.

Вот и я, так же, как ты,
Путь пробивал с великим трудом;
Мать, отца и любовь свою,
Сына, что глаз моих был зрачком,
Потерял я в чужом краю.
Однако более всего —
Свой прославленный Урал
Туктамышу разграбить дал!

Когда стрелу я в лесу строгал,
Когда коня своего седлал,
Когда слезами мой край исходил,
Взор я свой к тебе обратил.

Направляясь сюда, я злых
Умыслов не таил никаких —
Не было мыслей даже таких,
Чтоб с Кабардином воевать,
Дочь твою у него отнять,
Чтоб затем твоим зятем стать,
Завладеть престолом твоим
И страной твоей вместе с ним!
Когда садился я на коня,
Страну в слезах оставил я,
Клятву себе священную дал;
Тем платком быть, чтобы стереть
Слезоточащие ее глаза;
Страну сберечь от злобного хана,
Кто в рабство батыров обращает,
Грабит добро и скот угоняет.
Есть на Урале страна у меня,
Есть мужи, чтоб вскочить на коня;
Но помимо этого есть
Желанье подмоги просить у тебя.

Услыхав слова Идукая,
Сатмыр-хан повеселел,
Сроки назначив, со всего края
Воинов призвать повелел.
Идукай на сборище том
О сновиденье поведал своем:
— Сегодня сон привиделся мне:
На акбузате, крылатом коне,
В золоченом его седле
Птицей по небу я полетел,
С ангелами разговор имел,
Рука об руку вместе с ним
Забрался на гору Тур-тау*.
Что б это значило, друзья? —
Жду ответа вашего я⁸¹.

Сподвижники:

— Коль видел сегодня сон ты такой,
Коль на акбузата садился,

Считай, что цели своей добился;
Если с ангелом говорил,—
Дочерью Туктамыша будешь владеть;
Коль на гору Тур-тау всходил,—
На троне Туктамыш-хана будешь сидеть! —
Так истолковали его сон⁸².
И каждый этому был рад;
Тогда Идукаю Сатмыр-хан
В помощь дал боевую рать,
Чтоб с Туктамышем воевать.

XVI. О том, как Мурадым вырос и стал егетом; как убежал от Туктамыша на Урал и выступил там против отца.

Чтоб сыну Идукая имя дать,
Вдали находились отец и мать,
И в строгой тайне держалось то,
Что подменен им Нуретдин —
Исянбая умерший сын.
Так и рос, называемый всеми
Этим именем — Нуретдин.
И мальчик сам в неведение был,
Что чужое имя носил.

Ушел Идукай, надолго пропал.
Сын подрос, егетом стал;
Вспыльчив нравом, силой могуч,
В драке жалости он не знал.
Иногда Исянбая жена
Бормотала про себя:
«Этот, как и отец его,
Не усидит на месте одном,
Горе в сердце мое вошло:
Игры дерзостные его
Будут стоять мне головы:
Каждый день пять или шесть матерей
Приходят ссориться из-за детей»,—
Так сетовала она.
Некто, подслушав ее в стороне,
Пустил слушок по всей стране:
Мол, Исянбая жена
Сына внебрачного родила.

Из уха в ухо, из уст в уста
Слух неправый порхать пошел;
Не только до каждого уголка —
До ханского дворца дошел.
«Добродетель покинула нас,
Что ни день — то порча, то грех,
Стало открыть невозможно глаз»⁸³, —
Ханские шейхи зароптали,
Как и веронаставники муллы;
С возмущеньем явились к нему.

Стоило эту весть услышать,
Как Исянбай со своей женой,
Не зная, что теперь предпринять,
Скорбно притихли перед бедой.

Вот однажды Нуретдин,
Гнева своего не скрывая,
Домашних видом своим пугая,
Злобно ворвался в родительский дом.
Исянбай и его жена,
Кое-как успокоив его,
Про мать и отца его рассказали,
О том, что они отсюда бежали.
Еще поведали о том,
Что повесили деда Кутлу
Из-за сына его Идукая.

Когда егет все это узнал,
Долго раздумывать не стал:
Захватив Исянбая с женой,
Из Орды на Урал бежал.

В то самое время, когда они
До Яика добирались,
Люди аймака Шагали
Усаживались на своих лошадей,
Чтоб на помощь к Туктамышу прийти —
Тогда и беглецы там оказались;
Увидели все на своем пути,
О том, что Идукая нет на Урале,
От встречных людей они разузнали.

Тут решительно Нуретдин
Спутников своих остановил,

Слова такие проговорил:
— Вы дальше езжайте на Урал,
Я ж в эту сторону поскачу,
Проедусь по вашей стране,
Разузнаю, что к чему,—
С тем ускакал на своем коне.
Когда через яйляу Шагали
Проезжал на коне своем,
Свернул в сторону тех людей,
Которых Шагали собрал,
И перед ними речь держал.
К ним и подъехал Нуретдин.

Шагали:

— Злодей по имени Сатмыр-хан,
Собрав батыров своих, войной
Идет на Урал с целью такой:
Наш Яик ногайцам отдать,
Нашу Идель калмыкам продать,
Всю нашу землю раздарить;
Скот-добро присвоит он,
Всех детей наших и жен
Хочет в рабов своих превратить.

Слова Шагали услышав,
Не удержался Нуретдин,
На майдане стал он искать
Батыра, равного себе:
На аргамаче гарцевал,
Удальством народ удивлял;
На поясах боролся он,
Запускал сокола под небосклон,
Всех на майдане одолел,
Никто сравниться с ним не сумел.
Все подряд на майдане том,
Всяк, кто был там, — и стар, и млад —
«Рожден, — говорили, — он богатырем!»—
Каждый его явлению был рад,
Каждый восторгом был упоен.
Прямо там же Шагали-бий
Батыру оружие велел подобрать,
Наилучшего среди коней
Велел немедленно оседлать,
Во главе пятитысячного войска
Нуретдина поставил он.

Когда батыры готовились в путь
И время настало расставаться,
Когда и дети, и старики,
Вместе собравшись, стали прощаться,
Егеты уселись в сёдла свои,
Тогда неизвестного батыра
Окружили со всех сторон,
Стали спрашивать: откуда он?
— Я — сын Исянбая, — тот отвечал.
Тогда вдруг женщина из толпы
Вышла, бледнея смуглым лицом,
И, рассказ его перебив,
Стала расспрашивать о том,
Сколько у Исянбая детей:
— У Исянбая одно дитя
Оставалось — сирота.

Была вынуждена мать
Когда-то его в камышах рожать.
Так как не было у него
Одежды и кровли над головой,
Отца, чтоб имя достойное дать,
Мурадымом нарекла
Сироту несчастная мать.
Ныне душа ее изнывает,
Не зная, жив ее сын или нет,
Кровью сердце ее истекает.
И хотела б его найти,
Да закрыты к нему пути:
Хан ищет ее, чтоб повесить.
Батыром сам ты, егет, рожден,
Не знаешь ли ты того мальчика?
Не подозревал ли ты чего
В разговорах матери и отца?

Не успела она досказать,
Как егет весь вострепнулся,
Спрыгнул с коня и стал умолять
Женщину, чтоб сказала она,
Кто ему родимая мать,
Которая богом ему дана.
Но, боясь, не призналась она,
Стала расспрашивать вновь сама.
Тогда, ее в сторону отведя,
Все рассказал он ей про себя.

Женщина тут его обняла;
О том, что она и есть Ганака,
Что в камышах его родила,
Как и о том, что Идукай
И есть его отец — атай;
Что, родив его, сорок дней
Пряталась в камышах от людей,
Что там Мурадымом его нарекла,—
Так от начала до конца
Все поведала сыну она.

После этого Нуретдин,
Воскликая: «Я — Мурадым, Мурадым!»
(Не позволяя Нуретдином себя называть),
Возглавив тысячу Шагали,
Захватив с собою мать,
Против Сатмыр-хана
Отправился воевать.

Когда конники вышли в путь,
Составляя огромную рать,
С радостною вестью в Орду
Шагали поскакал, говорят,
Прямо к Туктамышу явился,
Такие слова сказал, говорят:
«Ай, великий хан, великий хан,
Коль станешь слушать, слово скажу:
Исполнил приказ, что тобою был дан —
Коль раньше времени не умру,
Сатмыр-хана я сокрушу!

Десятитысячное войско я собрал.
Средь них отменный есть батыр
По имени Мурадым —
Без лассо ловит диких коней;
Если кто-то схватится с ним,
Тот смертью умрет не своей.
Этому батыру все равно,
Что железо согнуть, что чилигу —
И то, и другое согнет он мигом.
Ему все равно, что порвать —
Аркан толщиной с руку
Или обычную тонкую нитку;
Поднять наперсток или батман
Для богатыря того —

Все едино, великий хан.
Сердце двойное у него:
Гибель или сон —
Все едино для него!
Тому батыру я дал коня,
В пять тысяч воинов дал войско ему.
Вражью силу он разобьет,
Полчище Сатмыр-хана,
Движущееся, как волк на овец,
Разгонит и уничтожит вконец».

Так разглагольствовал Шагали.
Тут от радости Туктамыш
Всех своих биев велел созвать;
Против воинства Сатмыр-хана
Всю свою отправил он рать.

С одной стороны Шагали,
С другой стороны — Туктамыш
Против войска Идукая
Начали яростную войну.
[О том, что возглавляет
Войско Сатмыра Идукай,
Долгое время никто не знал]⁸⁴.

Дня три-четыре перестрелка шла,
Дня три-четыре сраженье шло;
С обеих сторон в битве той
Много воинов полегло.
Вот и пятый день наступил.
Шли войска со всех сторон,
И землю мрак их черный покрыв.
[И вот на тарпане*, сером коне,
С шлемом прочным на голове,
Щит в могучей руке сжимая]⁸⁵,
Выступил Мурадым
Против отца своего Идукая.

Сабли со звоном заиграли,
Искры из щитов высекали,
Разыгрался жестокий бой;
Грозный возглас Идукая
Многих батыров в трепет вгонял,
Бежать с позором заставлял;
И на голос его тогда,

На мощные взмахи его меча
В отчаянье ринулась Ганака.
Крикнув первому: «Это — твой отец!»,
Второму: «Это — твой сын!»,
«Вас не вяжет кровная месть,
Для вражды у вас нету причин!» —
Бросилась между ними она.

Мурадым и Идукай
Объяснились между собой,
Оба сабли отбросили прочь.
Тогда не медля Мурадым
По рукам и ногам Шагали разодрал;
Мурадымово войско все
Идукая другом признало;
Видя, что саблю швырнул Мурадым,
На сторону отца оно встало.
Когда же полчище Туктамыша,
Как и пять батыров с Урала,
Свое оружие бросили тоже,
Салахи один остался,
К Туктамышу стремглав помчался.

XVII. О том, как Салахи, вернувшись к Туктамыш-хану, похитил его младшую дочь⁸⁶.

Осознав, к чему дело идет,
Что войско Сатмыр-хана
Против Орды Идукай ведет,
Пораздумав, решил Салахи
Не медля покинуть Орду,
Из двух дочерей Туктамыша
Прихватить с собою одну.
Туктамыш-хану же Салахи
Дал напоследок такой совет:
— Так иль иначе Идукай придет,
Земли-воды твои заберет,
За жену свою повесит меня,
За дитя свое повесит сына твоего,
За отца своего повесит тебя,
За мать свою повесит твою жену;
Славную дочь твою Ыньекай
Все равно в жены возьмет Идукай.
Ушел бы ты из своей страны
До окончания войны.

Ханом в отсутствие свое
Назначил бы сына Кадирбирде.

Совету, что Салахи ему дал,
Туктамыш без раздумий внял.
Незаметно для людей
Туктамыш с женой своей,
Даже биев не оповестив,
Однажды исчез из дворца своего.

Едва лишь скрылся Туктамыш,
А на Орду напал Идукай,
Хитрый замысел затаив,
Салахи пришел к Ынъекай,
Планы ее выведывать стал:
Покинет иль нет с ним отчий край?
Однако, видя, что ханская дочь
Не собирается с ним бежать,
Что приходу Идукая
И не думает возражать,
Принял решенье Салахи
Киньякай увезти с собой.
Велел Янбай к себе позвать,
Стал совет с ним держать;
Но поначалу дал понять,
Что в Крыму не уживется тот:
— В Крыму ты жил, грабил народ,
Потом в Орду пригнал их скот,
После чего явился и сам —
Во дворце ханском бием стал;
Подашься обратно — прирежут тебя там,—
Салахи он наставлял.
Опасностями его пугал.
— Если, вернувшись, окрепну я,
Всю страну к рукам приберу,
О тебе всю заботу тогда
Я сполна на себя возьму,—
Так Янбая он уверял.

Поверив словам Салахи,
Тому, что считает его он своим,
Возрадовался Янбай.
Обещал со своей стороны
Помочь похитить Киньякай,
Увезти ее из страны.

Янбай пришел к Кинье и сказал:
— Бегством папаша спасся твой,
Брат остается — считай, пропал,
Гнев Идукай на нем выместит свой,
Отомстит он и кровь прольет:
За отца — брата твоего,
За мать свою — его жену,
За дитя свое — в жены одну из вас
Не взяв, покоя себе не найдет.
Мой совет тебе таков:
Пока не явился он, беги
Или навстречу ему иди;
Скажет: славная дочь идет,
Честь мужскую поняв мою.
Даст слово, что в жены тебя возьмет,
А не сестру твою Ыньекай.

Услышав те слова от Янбая,
Девушка себя обмануть дала:
Ничье внимание не привлекая,
Даже от брата мысли скрывая,
Киньякай из дворца ушла.
Подстерегавший ее Салахи
Перехватил ее в пути;
Руки-ноги ей связал,
Положил поперек седла,
В сторону Кырма ускакал.

XVIII. О том, как Мурадym преследовал Салахи и как Идукай бросил изрубленное тело Туктамыша воронью⁸⁷.

Стоило Туктамыш-хану уйти,
Ханом стал Кадирбирде
В поверженной Орде.
Когда, ханский дворец окружив,
Нукеров с собой прихватив,
Ко дворцу подошел Идукай,
Кадирбирде со своей женой,
Баловница Ыньекай,
Вместе с ними и Янбай
Вышли туда, где стоял Идукай.

Туктамыша не найдя,
Салахи и Киньякай
Во дворце не отыскав,

В гневе зашелся Идукай;
Выхватив из ножен меч,
К Кадир-хану подошел,
Стал допрашивать его.

Растерялся Кадир-хан,
Что ответить ему не знал.
Тогда, ничего не тая, Янбай
Идукаю все рассказал.
Тут же созвал Идукай народ.
Захваченный ханами скот
Прежним владельцам возвратив,
Вызвал всеобщий восторг, говорят.
Батыров, что с Урала пришли,
Биями сделал — всех пятерых,
Объяснив, что для родной земли
Они нужнее — вернул туда их.

Войско большое Мурадому дал
И строго-настрого наказал
Салахи отыскать.
Но Мурадым отчего-то вдруг
Его приказу противиться стал.
По-своему жест его истолковав,
Предложил ему Идукай
Выбрать в жены одну из сестер —
Ыньекай или Киньякай.

Пятеро уральских удальцов
Приказу Идукая вняли;
Сев на коней, в край отцов —
На Урал — тотчас ускакали.

Идукай же и Ганака,
Третья с ними Фирдаус,
В радости беззаботной своей,
Во дворце, брошенном ханом,
Веселились несколько дней.
Видя на коленях Идукая
Ту, что прославлена везде,
Ту, что ясным лицом ослепляет
(Такой красоты не отыщешь нигде!) —
Ту, чьи зубы горят серебром,
В беседе брови идут ходуном,
Каждый рад с ней поговорить —

Увидев Фирдаус, что нежно шалит,
Как новорожденный жеребенок,
Как пчела, что мед цедит,
В стане пленительную, а взором
Обвораживающую любого,
Черноокою, с устами, как пламя,
Вспыхнула ревностью Ыньекай.
«Ее отец — Сатмыр-хан —
Подобен богу в стране своей,
В краю родимом великий хан;
Если, соперничая с ней,
Замуж выйду за Идукай,
Все равно, его лаская,
Не быть мне этой красотики нежней,
Не быть мне любимой его женой,
Не достичь славы большой», —
Так размышляла Ыньекай;
А потом потеряла надежду,
Что в жены возьмет ее Идукай.

Так, безудержно веселясь,
Проводили беспечно дни
Идукай, Ганака, Фирдаус.
И вот однажды, наконец,
Прибыл от Мурадыма гонец,
Запыхавшись, вбежал во дворец,
Весть такую принес с собой:
Возле самого Черного моря,
На берегу реки Туняс,
На яйляу Бабуган,
Что на горах Караби и Алуш,
Догнал Салахи Мурадым,
Наголову войско его разгромил;
Салахи же с Киньякай
Заперлись в крепости Сагут;
Мурадым крепость ту взломал,
Сразил Салахи наповал.
Девушку желая забрать,
К жилищу ее направился он —
Успела она на башню взбежать
И с вершины броситься вон⁸⁸.

Тут появился другой гонец,
Который сообщил Идукаю,
Что Туктамыш войско собрал,

Помощь у хана чужого взял
И войною сюда прибывает.

Идукай войско не медля собрал,
Сели все на коней, говорят,
Затем навстречу Туктамышу
Выступили в поход, говорят.

Туктамыш-хан и Идукай
Сошлись в сражении беспощадном
Возле озера песчаного
По названию Камкалы.

Когда все войско Туктамыша
Наголову Идукай разгромил,
Тот, кто еще в живых оставался,
По воле своей оружие сложил.

Туктамыш без оглядки бежал.
И тогда хана-беглеца
Идукай преследовать стал⁸⁹.

С громким криком Идукай
За Туктамышем погнался,
Опережая в скачке его,
Шаг за шагом к нему приближался.
Тогда в растерянности Туктамыш
Спешился, в страхе большом
Скрылся в камыше густом.

Когда у озера Камкалы
Скрылся Туктамыш в камышах
И шумом шаги его отдались,
Озерные чайки и кулики
Разом над водой поднялись.

Над тем местом, где Туктамыш
Скрылся, над его головой
С громким криком один кулик
Стал кружить над озерной водой.
Хан подумал: «Предает,
Идукаю знак подает»,
И тогда Туктамыш взмолился,
К птице в отчаянии обратился:
«Ай, куличок, кулик ты мой,

Красная птаха над головой,
Не верещи, кулик, замкнись,
На край озера опустишь!
Хан, спасающий жизнь свою,
Видишь, нырнул в твои камыши,
Не вытягивай шею свою,
Крыльями попусту не маши.
Оплетет твою шею кнут,
Кровь обрызгает твою грудь,
С озером ты разлучишься своим,
С краем я разлучусь родным⁹⁰.

Кулик:

— Не жалел ты мои луга,
Не жалел мои берега,
Стоило вывести мне птенцов,
На охоте ты их убивал;
Четвероногий скот не жалел —
Всех резал и пожирал;
Теперь в пределах моей воды
Снова хочешь быть ханом ты! —
Говоря так, по круговой
Летал все над ханской головой.

Птицу заметив, Идукай
Хана отыскал, говорят,
Вытащил на́ берег, говорят,
К войску приволок, говорят.
А когда тот перед ним предстал,
Громко так Идукай сказал:
— Там, где в болоте он утопал,
Шею рубить я ему не стал.
Смелости я не видел в том,
Чтоб его голову сечь мечом.
В ком обида к владыке есть?
Кто питает кровную месть?
С гиканьем погоняемый скот,
Который в стране уж никто не найдет,
Он преследовал по стопам,
Даже не проливая кровь,
Пожирал живьем его сам,
Из злодеев он злодей,
Волк для страны и всех людей!

Не успел он пред воинским станом
Слово свое до конца досказать,
Как воины, что ненавидели хана,
Гнев копившие много лет
В исстрадавшихся сердцах,
Со злобой яростною в глазах,
Не дослушав его до конца,
Тут же растерзали хана.
На место казни взглянул Идукай,
Но даже костей там не увидал.

Идукай подчинил себе
Всю ханскую рать.
Останки растерзанного хана
Велел хотя бы по крохам собрать;
Бросить воронам приказал;
Сам же к себе домой ускакал.

XIX. О том, как Кадирбирде и Янбай поссорили Идукая с сыном.

Прослышав про гибель Туктамыша, Кадирбирде, его жена и Янбай сильно пригорюнились. Опасаясь, что Идукай станет великим ханом Орды, а Мурадым — курбаши, а им самим отрежут всякие пути и превратят в рабов, решили они любым способом внести среди них раскол. Стали держать совет, как между отцом и сыном вызвать смертельную вражду.

Когда вернулся с войны Мурадым,
Кадирбирде и его жена,
А также Янбай — вместе втроем —
Подговаривать стали его,
К Ыньекай сватать стали его,
Решили устроить пир, говорят.
Памятуя слова отца,
Благословенье матери своей,
Согласье жениться дал Мурадым
На старшей из ханских дочерей⁹¹.

Пир большой во дворце провели.
Мурадым и Ыньекай
Жизнь совместную повели.
Муж и жена — вместе вдвоем,
Любя друг друга, веселясь,

Заветными тайнами делясь,
Зажили, не тужа ни о чем.

Как-то ночью однажды Ынье
Рассказала ему о том,
Как в юности своей
Гуляла вместе с его отцом,
И тот хотел жениться на ней.
После этого она
Так Мурадыму солгала:
— Когда проводила тебя на войну,
Когда ночью одна спала,
Когда дворец отошел ко сну,
Идукай в спальню мою вошел,
К ложу моему подошел,
Нож сжимая в одной руке,
Зарезать меня пригрозил,
Ворот на шее моей скрутил
И, опомниться не дав,
На спину меня повалил.
«Сыну обет твоему дала»,—
Сказала, но он не оставил меня.
Пока не отправился сам в поход,
От меня он не отходил,
Ночи со мной проводил напролет.
Что оставалось делать мне?
Знай, что ныне в себе ношу
От отца твоего я плод.

Слова те выслушал Мурадым
И без сомнений поверил им.
«Коль я сам внебрачным рожден,
Пусть так же ребенок мой
Будет внебрачным, решил, видно, он!
Мать моя, скрываясь от всех,
В камышах меня родила,
Лучшего места не нашла,
Где бы приют себе обрести.
Так как внебрачный я, надо мной
Решил посмеяться отец родной!»—
Так Мурадым про себя решил.
Никому не сказал о том,
Злую горечь в себе затаил.

Когда Идукай воротился опять,
Мурадыма не смог он застать.
А когда, наконец, узнал
О свадьбе сына и Ыньекай,
Только порадовался Идукай.
Посадив справа Фирдаус,
Слева усадив Ганаку,
Посередине — Ыньекай,
Начал рассказ свой Идукай.

Идукай:

— Ыньекай умницей была.
Не робея ничуть предо мной,
На предложенье стать женой
Согласие свое дала.
А теперь подумайте сами:
Я ль благородством обделен? —
Хоть Ыньекай и была мне близка,
Ничего дурного я не допускал.
Мужскою честью своей дорожа,
Даже в самый удобный час
Не посягнул на нее ни раз,
Хотя меня от Ганаки
Хан насильно оторвал,
С сыном родным меня разлучил,
Из дворца своего прогнал;
Хотя он из-за меня
Расправился с матерью и отцом,
На всю страну ославил меня,
Назвав врагом и беглецом,—
Не с целью угнать отсюда скот,
Не из желанья мстить за отца —
Напал на Орду я, спасая народ.
Всегда весел я был душой,
Верно служил стране родной,
За нее — коня не щадил.
Когда оружие в руки брал,
Заповедь предков вспоминал:
«Коль муж захочет — камень сомнет,
Пинком из земли воду пробьет»,—
На Ынье глядя, радуюсь я:
Если бы, молодостью горя,
На нее посягнул бы я,
Осуществил бы замысел злой —
Девушка, мол, примирится со мной,

Как мне стыдно было б сейчас,
Как терзался бы я душой!
Вот теперь бы мне сын родной,
Если не в этот, так в другой раз
Упрек, наверное, бросил злой...

Когда говорил он так, смеясь,
Когда шутили они меж собой,
Вернулся с охоты Мурадым.
Страшной ревностью томим,
Мрачный, ни слова не сказав,
В руку саблю он схватил,
С нею бросился на отца.

Ынье, предвидевшая наперед,
Как Мурадым себя поведет,
От признаний Идукая
Вдруг растаявшая душой,
Так и метнулась к Мурадыму
Выпущенною стрелой.
Но, вырвавшись из ее рук,
К мольбам матери оставшись глухим,
Ни к чьим не прислушиваясь словам,
На Идукая Мурадым
Замахнулся мечом своим.

И хоть меч Идукая задел,
Брови и веки его глаз
Меч Мурадыма отсечь успел⁹²,
Все же Идукай уцелел,
Сохранить хладнокровье сумел.
Из рук Мурадыма меч
С силой вырвал он, говорят,
«Раз я вместе с Ынье сижую,
Ревнует видно, я погляжу», —
Про себя решил, говорят.

Идукай:

— Ай, Мурадым, Мурадым,
Коль егетом рожден, умей им стать,
Меч в руках научись держать!
Пеленкой разостлан Урал по земле —
Умей через него пролетать!
На Урале, в Орде Золотой,
Умей, как звезда, сиять!

Птицу, летящую в небесах,
Ртом открытым сумеи поймать!

Мечтая видеть тебя таким,
Дал имя тебе я — Мурадым⁹³;
Изнемогая от кручины,
Исянбаю тебя вручил я.
Из-за тебя и страны, где рос,
Много страданий я перенес.

К Сатмыр-хану с просьбой ходил,
Вернувшись, Туктамыша разбил,
Камаром* опоясав твой стан,
Дочь хана заставил тебя полюбить!
Не туда нацеленную твою стрелу
Заставил свой полет изменить;
Уничтожив хана Орды,
Тебя в ней главным сделать сумел!
Теперь, когда я постарел,
Когда меня ждет родной Урал,
Опозорить меня ты посмел!

Я всегда мужчиною был!
Именем Идукай славу добыл,
Всех пленников этой Орды
Освободил я и распустил!
Хана заставил я опираться
На палку, на которую, стеною вслух,
Опирался всю жизнь пастух.
Путь, которым во мгле я шел,
Отыскал я сам, Мурадым!
Теперь, и ослепший, не заблужусь —
Маяки я забил, Мурадым!

Пусть пятеро от отца сыновей
Сравняются, взойдя на коней;
Если страну окружает враг,
Пусть смело встречают угрозу атак!
Если удалец будет таким,
Не устанет и конь под ним;
Если тяжкие дни придут,
Они его голову не пригнут!
Коль в его грудь вонзится стрела,
Брат вырвать готов ее будет всегда;

Коль рядом не будешь с братом таким,
Один останешься ты, Мурадым!

Если тучи солнце покроют,
Ветер разгонит их, сынок;
Если весна злую зиму прогонит,
Трава на земле взойдет, сынок.
Дождь польет — всю землю умоет,
Закапает мед с травы молодой;
Иней падет — вся земля занует,
Печаль родится в траве густой.

Если настоящих мужчин
Народ вознесет — им биями быть;
Если самонадеянных мужчин
Народ отвергнет — рабами им быть!
Так пускай же достойных мужчин
Своими мужами признает народ;
Батырами считающих себя мужчин
Своими батырами признает народ.
У того, кто твердит: я счастье обрел,
После ночи день настает;
У того, кто скажет: я дело свершил,
Проверяется слово за годом год.

Мурадым:

— Родившись от матери своей,
Места теплого я не видал;
В детстве, юности своей
Отца и матери я не знал.
Чтоб в колыбели качаться, я
И люльки подобия не видал;
Чтобы во время детских забав
Мать меня ласково позвала, —
Голоса матери не слышал.
Бился я туда и сюда,
Как чурбан, кувыркался и плыл,
Шаром для кулаков я был!
Как стекающий с гор поток,
Много горьких слез я пролил.
Для родителей, имеющих детей,
В играх сущей бедой я был!
На языке окружавших людей
«Незаконнорожденным» я был.
Когда мне исполнилось девять лет,

Рвался я птицей в свод голубой;
Когда мне исполнилось одиннадцать лет,
Против врага я рвался в бой;
Когда мне исполнилось двенадцать лет,
Густую пыль за собой вздымал;
Когда мне исполнилось тринадцать лет,
Косячного жеребца объезжал;
Когда мне стало четырнадцать лет,
Многих батыров я посрамил;
Когда достиг пятнадцати лет,
Чтоб мчаться в бой, на коня вскочил.
Когда достиг шестнадцати лет,
Отца отыскав, позор я обрел;
Когда мне пошел семнадцатый год,
Женившись, срам на себя навел!

Однажды надломленный душой,
Жить не желаю я с тобой,
Войска своего лишена,
Твоя орда мне не нужна;
Стелившая тебе постель
Девица твоя не нужна.
Вброд перейдя через Агидель,
Орду покинуть я слово дал,
Исяна, что меня воспитал,
Своим отцом родным я назвал!
На Урале день-деньской
На коне я буду скакать,
Злой дух Орды Золотой
Буду нещадно искоренять!

Слова такие сказав, рассержен,
Вышел вон из дворца Мурадым.
Цепляясь за полы его одежды,
Бросилась Ынье в слезах за ним.
Вникая в смысл выходки той,
Идукай перечить не стал,
Решил, что беркут молодой
К беркуту старому приревновал.

Когда на коня вскочил Мурадым,
Он ему камчу преподнес,
Сыну и Ыньекай — двоим —
В грусти такие слова произнес:
— Светлей луны ничему не быть,

Если тучи ее не покроют;
Тот не достоин мужчиной быть,
Кто тайну до конца не раскроет.
Лишь женщина та может стать женой,
Кто может быть «шеей» — не головой;
Кто кровь оботрет в своем краю
С меча мужа, что ранен в бою!

Выслушав отца, расставшись с ним,
В путь собрался Мурадым.
В это время к своей сестре
Кадирбирде поспешал.
Все приданое ее —
Многие стада коров,
Многие табуны лошадей —
Он погнать повелел вслед за ней.
Созвав людей, Идукай объявил,
Что с согласия Сатмыр-хана
Сына Туктамыша — Кадирбирде —
Бием страны провозгласил,
О том народ весь оповестил.
Так дела здесь завершив,
Множество скота захватив,
К Сатмыр-хану он возвратился.

XX. О том, как Мурадым на Урале позорил своего отца; как старик Хабрау взял Идукаю под защиту; как Мурадым отрубил голову Ыньекай, наказал Кадирбирде и Янбая, послал к отцу гонцов⁹⁴.

Когда Туктамыш бесславно пал,
Вздыхнул, наконец, свободно Урал.
Узнав, что Нарыс-бий и Тора
Хотят завладеть уральской землей,
Батыры Кыпсак, Катай, Табын,
Юрматы и Тамьян — впятером
Против Нарыса и Тора-бия
Намеревались войну открыть,
Но ждали, когда вернется Идукай,
Кто бы объединил свой край.
Явился Мурадым на Урал
Со скотом, что всю землю покрывал.

Каждый батыр, встречаясь с ним,
Ликования не скрывал:

«Шестеро лучше пятерых;
Коль и отец возвратился твой,
Прогоним Нарыса с глаз долой!» —
Того, кто батыров отсюда прогнал,
Коиx биями отец твой назвал;
Тому, кто от Баба Тукляса рожден⁹⁵,
Тому, кто плохим от рожденья слыл,
Тому, кто решил разграбить страну,
Объявим жестокою мы войну,
Тора-бия зарежем мы!»

Морадым:

— Ах, то были мы, были мы,
Что родились на лошадях,
Подобны соколам были мы;
Разгромившими Туктамыша,
Стоявшими во главе Орды —
Таковыми мужами были мы!

Окончив войну, созвали мы пир,
Зарезав кобыл, угощали весь мир;
Бросив в котел головы двух
Баранов⁹⁶, опозорились мы —
Униженье познали мы.

Богом мне данное счастье украл
Отец мой — похитителем стал.
Честь свою в той Орде храня,
Кровь отцовскую пролил я,
Мечом замахнувшись, позору обрек
Имя, которым отец нарек.
Ах, то было — был я тем
Мужчиной, что звался Мурадым;
Сокола, которому парить в небесах,
Я мог в своих удержать руках.
Честь опозоренная моя
К Уралу повернула меня.

Хоть я сам незаконно рожден,
Урал — отчизна, где родился отец,
Урал — отчизна, где вырос отец;
Край, что полон лошадьми,
Стан, где доят кобылиц
И пьют исцеляющий нас кумыс;
Юрты увешаны жемчугами,

Край с уральскими хребтами,
Которые Акбузат проложил.

Идель-батыр, Яик-батыр
Здесь пребывали — родина их;
Дети, родившиеся от них,
Роды здесь имели — родина их;
Кыпсак, Қатай, Тамьян,
Юрматы и другие роды —
Семь всего их — родина их!
Я — муж, приехавший из Орды,
Чтобы обитое железо
Служило мечом мне в час беды;
Чтоб быть на Урале богатырем,
Прибыл сюда на коне верхом;
Чтоб жеребят-кобылиц вязать⁹⁸,
Чаши полные разливать,
Родственников вместе собрав,
Биев Нарыса и Тора —
Обоих заодно растерзав,
В счастье всеобщем пребывать —
За тем приехал я на Урал!

Выслушав Мурадыма, поняв,
Что отец ему вовсе не свят,
От Мурадыма все подряд
Отвернулись, говорят.
Мурадыму ни один из них
Помыслов не открыл своих.
На конях разослав гонцов,
Собрали старейшин всех родов.

Аксакалы все подряд,
В их числе — Исянбай и Хабрау —
Прибыли со всех сторон, говорят.
О возвращенье своем Мурадым
Все без утайки поведал им:
«Разгромил Туктамыша отец,
Но к Сатмыр-хану ушел потом;
Отнял у медведя Орду,
Но ее волку отдал потом». —
Так браня отца своего,
Мурадым закончил слово свое.

В недоуменье пришел народ:
«Что за дело?» — и этот, и тот
Восклицали; толпа потом
Разделилась во мненье своем.

Тут старец, что славу в стране имел,
Много видевший аксакал
Хабрау-сэсэн не утерпел
И такие слова сказал:
— Того, кто Идукаем зовется,
Кто он — не надо вам объяснять.
Того, кто Мурадымом зовется,
Знаем — не надо вам объяснять.
Отважный мужчина Идукай —
Наша Полярная звезда,
С сумерками засияв,
И на рассвете не угасает,
Как Стожары, что меркнут с зарей.
Мужем Идукай родился,
Как нарождающийся месяц;
На коня величаво садился,
Солнцем был для Урала он.
Ханам и биям казался порой
Устрашающею горой.

Тонко изогнутая луна
Высвечивается, дни считая;
Становится, блеском налившись, полна,
Зенита своего достигая.

Луны задумчивая печаль —
Сумеречность его чела;
Солнца измученная печаль —
Накрывшая свет его мгла;
Умиранье высокой горы —
Замутненность ее вершин;
Умиранье солнца и луны —
Их заход за чертой равнин;
Умиранье журчащей реки —
Заледеневший ее покров;
Истинного егета смерть —
Захват его родины врагом;
Черной земли холодная смерть —
Снег, заволокший ее ковром;
Умиранье отцов-матерей —

Терпеть позор от своих детей;
Миг вознесения страны —
Рождение батыра на свет;
Томительная печаль страны —
Когда батыр покидает свет.

В череде поколений людей
Кому удалось смерти избежать?

Не исчерпывается никогда,
Хоть людям его отдают всегда,
Конца не знает — благодеяние.
Не закатывается, как светило,
Слава батыров, кто на коней
Взошли из любви к отчизне своей —
Храбрецов благородное имя!
Кто и кому может быть помехой
В мире просторном, где так много места?

Беспечно живущему на миру,
Вечному гостю на чужом пиру —
Ноги жмущие сапоги.

Когда на лоне просторного мира
Цветут и травы, и леса, —
Его озаряет земная краса;
Когда на лоне просторного мира
От батыра батыр родился,
Путем богатырским устремился,
Стрелу отточил по примеру отца —
Лик страны озаряет краса.
Но если сын, что батыром рожден,
Проносья богатырским путем,
Угрожает отцу стрелой, —
Мрак нависает над страной.

Когда эти слова Хабрау
Все батыры услышали,
Когда скрытый смысл того,
Что произнес Мурадым, осознали,
Зашумел, загалдел народ;
И решили на сходе том
К Идукаю тотчас идти,
Где бы он ни был, его найти,
Расспросить его обо всем.

Когда сошлись на мнении том,
Что от Идукая ждатель
Дурных поступков будет грехом,
Решил Мурадым с тех мест уезжать.

Когда на Диме-реке Нарыс-бий
Про тот народный сход услышал
(Он от набегов и грабежей
Тора-бия вконец устал),
Мурадыма к себе пригласил,
И, когда тот прибыл к нему,
Созвав народ, бий поведал о том,
Что ослаб он и стал стариком;
И потом на пиру большом
Народ, что с бием согласен был,
Мурадыма бием своим провозгласил.

Так Мурадым предводителем стал
На Диме. Власть в свои руки взял;
Решив долины Ашкадара и Дима
От Тора-бия отделить,
И все это бескровно свершить,
Отправил к Тора-бию гонца:
От рек, мол, откажется пусть до конца.
Требованию Мурадыма
Тора-бий перечить не стал.
Чтоб благосклонностью ублажить,
Дружбу соседскую проявить,
Мурадыма к себе пригласил.

Так в согласии жили они,
Год в друзьях пребывали они,
Поочередно в гости друг к другу
Целый год наезжали они.
К Мурадыму проникся доверьем
Тора-бий. Распахнул ему двери
Дома. Как-то он начал войну,
Вторгся в соседнюю страну,
Чтоб подножья Яман-тау захватить,
Как и долины прекрасных рек —
Нугуша, Яика и Идели,
Где издревле жили, пили и ели
Катайцы, табынцы и кыпсаки;
К Мурадыму своих гонцов

Отправил Тора-бий для того,
Чтоб тот в войне поддержал его.

Мурадым, ничего не сказав,
Тех гонцов отправил назад.
Однако с ответом спешить не стал,
С помощью к другу не поспешал,
Думой своею был он объят.

Однажды Мурадым-батыр,
В мысли глубокие погружен,
Обратился к Ыньекай,
Слова такие промолвил он:
— Стал батыром отец мой родной,
Мать — ему преданной женой,
Что ж уродился я сорванцом?
«Тот не достоин мужчиной быть,
Кто тайну до конца не раскроет;
Лишь женщина та может стать женой,
Кто может быть «шеей» — не головой;
Кто кровь оботрет в своем краю
С сабли мужа, что ранен в бою»,—
Эти слова отца моего
Что означают, думаешь ты?

Ыньекай:

— Хоть волосы длинные у меня,
Видно, ума лишилась я!⁹⁹
Словам брата своего и Янбая,
Дравшихся за ханский престол,
Поверила я, дурная!
Заставили тебя мечом махать
Злые мысли мои, Мурадым!
Вытрет кровь твоего меча
Только тело мое, Мурадым!

И, промолвив эти слова,
Ынье сознание потеряла,
К ногам Мурадыма упала.

Все тогда понял Мурадым,
Горьким раскаянием томим,
Ыньекай он тут же убил —
Голову ей отрубил.

Быстро войско потом собрал,
Клятву мысленную себе дал;
С именем аллаха сел на коня,
С мечом готовый ринуться в бой;
Месячный путь пройдя за три дня,
В Орду примчался звонкой стрелой.
Решил: коль находится здесь Идукай,
Не встречаться с ним пока,
А явившись прямо в Сарай,
Янбая и Кадирбирде отыскать
И примерно их наказать.

Во дворец придя, Мурадым
К Кадирбирде и Янбаю прошел
И такой разговор повел:
— Был я, да! Был я собой —
Когда с врагами вступал я в бой,
Никто не мог устоять предо мной!
За трапезою, за столом
Никто меня не считал врагом!
Кроме поле боя, нигде
Врагом никого не считал я себе!
Полагал: нет смерти иной,
Разве кроме смерти самой!
Полагал, что торговцам лишь
Язык двуличия присущ;
Нет у прочих двух языков!
Думал: все, кто в объятых моих,
Чувствуют то же, что и я,—
За друзей принимал я их!
Коль кто-то «Война! Война!» — кричал,
Воина в шлеме я представлял.
Коль кто-то «Враг он, враг!» — восклицал,
Гневом вскипая, чтоб ринуться в бой,
Я на коня боевого всходил!

Чадо хана, белая кость,
Оказывается, ты — главный мой враг!
Два лика совмещающий в одном лице,
Янбай, оказывается, ты мне враг!
Идукай и Мурадым для вас,
Оказывается, враги, коих надо убить.

Вот я пришел сюда, я пришел,
В Орду нацелившись, я пришел,

Чтоб в край уральский жизнь вдохнуть,
Чтобы из пепла его возродить.
Чтобы коварным ханам, как ты,
Толстобрюхим, как Янбай,
Ребра все пообломать,
По-медвежьи заставить реветь,
Выпустить их черную кровь,
Чтобы конь в ней смог бы поплыть;
Крови вашей пришел я испить!
Разваливающуюся вашу страну
В отару овец я пришел превратить,
Разрушающуюся вашу страну
В отбившихся баранов пришел превратить,—
Чтоб вас сокрушить, я сел на коня!

Вот такие слова Мурадым
Обрушил на хана, будто град.
Кадиру и Янбаю — обоим —
Головы тут же снес, говорят.
Всю округу созвав на майдан,
Он позволил людям избрать
Бием всей Белой Орды
Того батыра, который служил
Советником при Мурадыме.

Признав бием батыра того,
Издal Мурадым такой приказ:
К Идукаю поехать тотчас,
Все как есть ему доложить,
Секреты дворцовые все раскрыть;
Повелел Сатмыр-хану в дар
Целый косяк лошадей угнать.
Бия с напутствием таким
В дорогу проводил Мурадым.

*XXI. О том, как Идукай спешил вернуться на Урал,
вступил с Сатмыр-ханом в спор и вышел из него победи-
телем.*

Как только из Белой Орды
Новый бий к Сатмыр-хану явился,
Идукая он увидал,
Все подробно ему рассказал.
Понял, что к чему Идукай,

Однако тестя своего
Во все секреты вводить не стал.

На юного бия Сатмыр-хан
Косо поглядел, говорят.
Ханскому гневу волю не дав,
Юного бия Идукай
Под свою защиту взял.

Потом его он проводил,
От него разузнав о том,
Что на Урале тяжба началась,
Сатмыр-хану с глазу на глаз
И поведал он свой рассказ.

— Поразмысли, великий хан,
Внять попытайся моим словам:
Сам ты не из тех мужей,
Кто в битву коня не горячил,
Кто за просто так от отца
Ханство в наследство получил.
Беспокойным терзаясь сном,
Не помышляешь ли о том,
Чтоб совершить поход туда
И подчинить себе те места,
Где на север течет Иртыш,
Где на юг течет Балхаш,
Где, приняв их за два молочных соска,
Свою страну расположил
Тот, кто, ступая среди вершин,
На одну из них всходил,
«Я — Чингиз!» — на весь мир возглашал;
Где после него до скончания дней
Своих правил ханством Угедей?

На равнинах-тебеневках
Сплошными кущами растут
Для птичьих гнездований удобные
Чилиги и полыни ростки;
Вместо леса густого тут,
Готового в свою тень принять
Егета, уставшего скакать
На своем утомленном коне,
Растет лишь сникший от зноя ковыль
Торчком — в убогой той стороне.

Немоту тех мест нарушая,
Мыши, тушканчики, сурки
Резким криком степь оглашают.
Валяется кабан в густых камышах,
Утопая в болоте глухом,
От стада отбившись, забывшись сном,
Как сват, захмелевший на шумных пирах,
В блевотине барахтается своей.
Прямо на льду, в стеблях пырея,
До срока последнего не жирея,
До самой осени не линяя,
Вся облепленная репьем
Ягнится овца там, как грязный ком;
Волков низкорослая там порода, —
Не больше родившегося на льду ягненка;
Ошалевший, как от удара,
Бедняга слоняется, не находя
Ни ночлега себе, ни пары;
Бродит, не зная, куда себя деть
Изможденный вконец медведь.
Как калека — с войны без ног,
Как коня лишенный седок,
Не знающий, на чей ступить порог,
Живущий, в камышах хоронясь,
Дремлющий там в полдневный час,
Как скрывающийся конокрад,
Томится, не в силах в небо взлететь,
Селезень во время большой охоты;
В мясе его есть привкус болота,
Лапки — куриные; пятно на лбу —
Вот картина равнины безводной.
Когда по равнине той шагаешь,
Бури песчаные играют;
Весь народ там гордится своими
Лишь курганами соляными;
Там добывают железа не больше,
Чем на уздечку для лошади;
Алатау — родину Сыгтая,
Бросившего повсюду клич,
Чтобы в стране обычаем стали
Законы, которые принял Чингиз, —
Не ты ли желание имеешь
Захватить и ту страну?

Батыр, которого растила рать,
Будет ли дома спокойно спать?
Бабочек и пчел
На отрогах своих развел;
Багряные, алые цветы
Воспевает в песнях своих
Красавица, к груди прижимая их —
Таков Урал-тау, который даже
Богом дарованного рая краше!

Бросишь взгляд на долины рек —
Вика вяжется там узлом;
Поляны и отроги холмов —
В ковыле, разноцветье густом;
На зависть растущие перелески —
Точно красавицы, в чьих ушах
Серьги дивным исходят блеском.
Скалы раскрывают объятья,
Как ждущие дитя свое матери;
Издали видится Урал-тау,
Словно облако, он клубится,
Закипая и пенясь, дымится,
Наливается голубизной,
Будто дерево с пышной листвой!
Не щадящие никого,
Нападающие на всех
Беркут, медведь или волк —
И ими любимый Урал-тау!
Грустя по озерам среди полей,
Утомляя крылья свои,
Чтобы расплодить лебедят,
Словно души малых детей,
Певучие лебеди летят
С напевным клекотом: «Мой Урал!» —
И ими любимый Урал-тау.
Когда проступает заря все светлей,
Выбрав себе болотную иву,
Поет залиvisto соловей —
Ими тоже любимый Урал-тау!

Не колыхаясь на ветру,
Шепча слова, что смутны для других,
Которым места нет среди них,
Секретничая чуть свет,
Словно девушка и егет,

По руслу серебряному журча,
Проворно текущая река —
И ими любимый Урал-тау!

С ветвями, как в золотых серьгах,
С листвой, как серебряные монисты,
Цепью, тонущей в небесах,
Покрыт деревьями в мерцающих листьях,
Прелесть дарующий Урал-тау!
Гуси и утки — в его озерах,
На тальнике — поющие птицы,
Живность, дичь — на вольных просторах,
Как жеребенок, каждый резвится —
Всеми хвалимый Урал-тау!
Всеи мать он — Урал-тау!
Всеи отец он — Урал-тау!
Я богатырь, выросший там,
И мне отец он — Урал-тау!

Там отец мой стал женихом,
Там невестою была мать,
Там помыли меня добела,
Там жеребенок стал жеребцом;
Ягненок, что из отары придет,
В тысячи раз увеличит приплод!
Долины полны косяками лошадей
Самых удивительных мастей;
Как стригунки, рыбы здесь бьются,
Жабы — как на водопое овцы;
Семь родов, двенадцать юрт —
Как молоком поила их
Агидель своею водой
Издревле... Нет таких, кто б не пил
Воду, которая вкус не теряет
В Идели, Диме, Яике,
Ае, Сакмаре и Ике —
Предки все на земле этой жили,
Все поколения отметились тут!
Отыщется ль здесь мужчина такой,
Кто б не любил, как мать и отца,
Свою родину — Урал-тау?

Великая гора, где мать родилась,—
Дворец Баба-Тукляса.
Когда отец его Баба Газиз

С Идели стрелу свою запускал,
То на Яике она исчезала;
Сидя на вершине горы,
Двенадцать биев он подстрелил;
Лишь на того тулпара всходил,
Чьи копыта земли не касались,
Что к цели намеченной доносил;
От того, кто для близких друзей
Не жалел даже жизни своей,
Баба Газиза родился сын
Баба-Тукляс аулия,
От него — сын по имени Тора.
На берегах Идели и Дима
После отца стал он бием,
Однако пошел другим путем.
С тех пор нашел на страну разор.
Есть ли в стране батыр такой,
Кого б не терзал подобный позор?

Нарыс-бий унизил батыров тех,
Что на конях своих гарцевали,
Пред битвою шлемы надевали —
В своих рабов он их превращал;
Егетов достойных вырезая,
Красавиц их во вдов обращал;
Слезы своей светлоокой страны
В озера горючие превращал,
Дома, где батыры родились,
В пепел и золу превращал.
Он — бий по имени Нарыс;
Войско сплотил, чтоб страну разорить.
Батыр спокойным может ли быть,
Чтоб в бой с таким врагом не вступить?
Когда страна в крови утопает,
Отыщется ли среди людей
Батыр, который не поможет
Земле обескровленной своей?

В край родимый я ворочусь;
Чтобы стрелы оттуда пускать,
На гору Баба-Тукляса¹⁰⁰ взберусь!
Биев, что издавна душат Идель,
Волю стране моей не дают,
Грабят народ и предают,—

Всех подобных злодеев я
Изгону из страны своей!

Внимательно выслушал Сатмыр-хан
Слова, что сказал ему Идукай;
Верных биев своих собрал
И держал с ними совет,
Выложил все откровенно им:
Никто из собравшихся биев тех
Не сказал Идукаю «нет».
Все это время Сатмыр-хан
На биев с улыбкою взирал,
После этого Идукаю
Он такие слова сказал:

Сатмыр-хан:

— Ай, Идукай, Идукай,
Куда бы только ты ни ступал,
Свои замыслы осуществлял.
Когда у Туктамыша ты жил,
Когда, не зная, что говорить,
Судьи молчали, лишь ты один
Не мог молчания хранить.

Решил задать я тебе вопрос:
Некто явился на базар,
Чтобы продать угля воз.
За товар, что в возу привезен,
Попросил три етмештек¹⁰² он.
Покупатель, подумав тогда,
Дал десять етмештеков, говорят,
Все, что было в возу, сполна
Оптом приобрел, говорят.
Уголь к себе домой отослал,
«И лошадь входит в воз»,— сказав,
Все как есть присвоил себе.
Когда они явились ко мне,
Я продавца слегка пожурил:
Мол, лошадь покупателю принадлежит,
Велел ее я ему отдать.
Если бы ты судьей был,
По этому делу какой приговор
Вынести тем двоим решил?

Идукай:

— У того, кто уголь продавал,
Черно лицо, да душа светла;
Есть язык у него родной —
Другого родина не дала.
Решил, что в возу лишь уголь вез,
А та, что тащит, — уже не воз.
По обычаю поступая,
Продал все, что в возу привез.
А купец, покупатель твой,
И двоедушен, и двуязык:
Говоря на одном языке,
В ход пускал в то же время другой —
Как бы того продавца провести.
Если бы, сидя на арбе,
Разговаривал продавец,
Покупатель бы и того
Посчитал бы своим рабом —
Мол, не где-то — вместе с углем
На возу восседает том!

Сатмыр-хан:

— С тех пор, как зятем ты мне стал,
Позор мне на голову не насылал.
По обычаю, перед разлукой
Просит друг седла заднюю луку —
Не будем в обиде друг на друга,
Как говорят: коль в битву идти,
Без топора шлют меня в лес,
Так не будем же забывать
И друг к другу терять интерес.
Меч, что дал мне имя — Сатмыр,
Прими, заслужил ты его, батыр!
Не жалея меч булатный свой,
С которым не раз мчался ты в бой,
Прославился в тех битвах вполне,
Его оставь ты на память мне!

Идукай:

— Пусть будет так, как ты сказал,
Пусть в помыслах будем едины мы;
Помни, когда ты мне меч отдашь,
Все, что связано с этим мечом,

Без раздела станет моим;
Тогда и я тебе меч свой вручу!

Висевший свой булатный меч
Хану Идукай предложил.
В свою очередь, Сатмыр-хан
Меч, что пристегнут к поясу был,
С золотым узором свой меч,
Чтобы Идукаю отдать,
В свою правую руку вложил,
Все это видели, говорят.

Тогда правую руку с мечом
Сатмыр-хана схватил Идукай,
Такие слова промолвил он:
— Все, что связано с мечом,
Ты сказал мне: тебе вручу —
Таков уговор был, великий хан!
Рука твоя правая с мечом,
Шея, через которую повешен он, вместе
с плечом
Принадлежат мне, великий хан,
Такое решение вынес ты сам!

Услышав это, Сатмыр-хан
Весь содрогнулся, говорят.
«Приговор, что вынес я сам,
Может стоить мне головы —
Такая цена моим словам!»
Противу тому, что прежде решил,
Туда, где суд над двоими вершил,
За покупателем, что отнял коня,
Человека послать поспешил.

Сатмыр-хан:

— Батыр, мог бы ты горы ломать,
Ум может странами повелевать,
А сядешь в седло, чтоб ехать в поход,
Поведешь за собой народ.
Есть еще, что тебе сказать,
Условие есть у меня одно:
Если сумеешь, Идукай,
И эту загадку разгадать,
Все, что потребуешь от меня,
Готов тотчас я тебе отдать.

Если ж, пустословьем греша,
Ложью слова мои назовешь,
Местью моя отзовется душа.

Некая трава в старину росла,
Длинно стеблистой она была;
Некий батыр вскочил на коня
И вдоль тени ее помчался;
Прошло три ночи и три дня,
Пока до конца ее добрался.
Вот, богатырь ты мой, Идукай,
Свой ответ мне сейчас же дай;
Если уклонишься от ответа,
Скажешь: подобны слова твои лжи —
Будат свой в доме моем положи!

Идукай:

— Необычные дела
Происходят на белом свете.
Вот мы трое от одного отца
Родились — его бедные дети.
Лишившись бийства своего,
Нищим оставшись на земле,
Отец ягненка нашел одного,
От камня рожденного на скале.
Ягненку от роду было три дня —
Месячного возраста к утру достиг,
Годовалого — еще за два дня;
Без барана, без никого
На пятый день эта овца
Стала уже приносить ягнят;
За день столько ягнят принесла,
Что обзавелись мы скотом без числа.

На добро, что накопил,
Сорок верблюдов отец купил;
Три брата с полными возами
На чужбину ушли торговать;
Обратно не вернулись они —
Отец же не смог их отыскать.
Вот теперь только я узнал,
Где находились они,
Кто на братьев моих напал,
Все добро у них отобрал:
Коль старшего брата чапан

Накрывает плечи твои,
Ты, выходит, его убил!

Если правдивость слов моих
Ты поставишь под сомненье,
Согласно нашему уговору,
Коль попрошу — в то же мгновенье
Дать мне войско будь готов!
Если ж правоту моих слов
Подтвердишь ты, значит за братьев моих
Тора-бию приятелем стал,
У Нарыс-бия приют отыскал
И ему подмогою стал.

На седловине пять тополей
Метою сделал ты своей.
На земле Тора-бия опять
Место нашел, чтоб коня привязать.
Как жеребенок, видно, живешь —
Пять кобылиц заодно сосеешь!

Усмиренную Орду —
Вновь разгромивший ты, батыр!
Давшего мне приют Сатмыр-хана
Ввергший в тревогу ты, батыр!
Орду, что лиственницей сделать я сумел,
На которую даже сокол усесться не смел,
Гуся посадил ты, что шпор не имеет;
Беспомощных уток целую стаю
Один чеглок забивает —
Такой оказался ты батыр!
Ушедшую от своих Ыньекай,
Сроднившуюся с тобой Ыньекай,
Которая саблю твою обтирала,
По-предательски ты погубил:
Заповедям предков не вняв,
Склоненную голову отрубил;¹⁰³
Отыщешь ли на земле теперь
Такую же преданную тебе?
Коль Тора-бию опорой ты стал,
Уральскую горькую траву
Подпалил, обратил в золу,
Где прокорм ты себе найдешь?

Если над Иделью-рекой,
Где не отыщешь брод никакой,
Для биев ты мостом пролег,
Перейти Тора-бию помог,
Позволив в воду кровь пролить,
Откуда воду будешь пить?
Если позволил Тора-бию
Уральских батыров истреблять,
Подобных соколам, то скажи:
С кем на охоту станешь скакать,
Птиц каких станешь запускать?

Мурадым:

— Из Орды на Урал меня
Переметнула тревога моя;
Коль Тора-бию стал другом я,—
На то особая тайна моя;
Пристанище Нарыс-бия —
Место, где нашел я змею,
Крепко обвившую шею мою.
Межгорье, где растут пять тополей,
Сделал я местом для жизни своей.
Ради молока я приучил
Жеребенка пять кобылиц сосать;
Наполнил бочонок я до краев,
Собрал народ со всех уголков —
Может, достойный меня придет,
Со мной против хана войну начнет?
Вот почему на земле Тора-бия
Коновязи наставил я.

Усмиренную Орду
Из мести вверг я в беду;
Там, где сокол не пристанет,
Издавна птицы плодились везде —
Во имя страны я приветил гусей;
Чтоб давший приют тебе Сатмыр-хан,
Сев на коня, со своей стороны
Руки на наш Урал не тянул,
Тревогу явил я во имя страны!

Склоненную голову Ынъекай
Потому я отрубил,
Что меч, который лишь врагу
Мною предназначен был,

Направила она в того,
Кто маяком для меня служил.

Что с ханшей расстался — не тужу:
Выберу и полюблю я ту
Красавицу Урала, чьи глаза —
В непросыхаемых слезах.
Коль Тора-бий огонь разожжет,
Когда уже меч в ножны я вложил,
Коль в черную воду кровь прольет,
Сделаю сито, разодрав сердце его,
Воду процедив, умою лицо;
Коль мой Урал он огнем подпалит,
Удобрив землю кровью его,
Траву зеленую взрастив,
Скотину пушу на земли его.

Когда все узнают, что сердцем я чист,
А лицом — по-мужски красив,
Когда вместо черного аргамака я
Тулпара выберу для езды,
Пить из Идели стану воды;
Когда врага семи родов
И Урала — обители их —
Тора-бия прочь изгоню,
То вину свою испкуплю.¹⁰⁴

И, услышав те слова,
Проникся смыслом их Идукай,
Перед собравшимися людьми
Обнял Мурадыма и так
Сказал, не скрывая к нему любви:
— Нет птицы кобчика быстрее,
Бьет воробьев он, но не гусей.
Мурадым, что в пустыне рос,
Не осрамится в борьбе своей.
Легковесная стрела
Не будет батыру оружием в бою.
Не будет батыру наперсником бий,
Что холит белую кость свою.
Сын, рожденный от отца,
Сына не родив, цену отца
Не познает никогда;
Дочь, что от матери рождена,
Дочь не взрастив, матери цену

Не познает никогда.
Сын, рожденный от отца,
Мужем не станет без любви к стране;
Не любящий родину батыр
На чужбине славу не обретет.

Есть в тебе сокола белого стать,
Что волю готова лишь признавать;
Грех большой ты свершил пред страной —
Так обрети, егет, свою честь!
Есть у тебя достойная месть,
Это, сев на коня, ринуться в бой;
На Урале, где отец твой родной
Рожден, славу себе обрести».
Восприняв слова те сердцем своим,
Сидя, зарыдал Мурадым;
Меч алмазный поцеловал,
Перед народом всей страны
Идукаю слово он дал:
Сев на коня, войну открыть,
Пройти по долинам Идели всей,
Биев вражеских перебить,
Русла Дима, Сима, Идели,
Приотрожье всего Урала
От злых биев освободить.

XXIII. О том, как жена Яик-батыра пришла к Идукаю; тот собрал тысяцких на горе Балкан, поднес кумыс матери Тук-батыра, и как та, отравленная, умерла¹⁰⁵.

Когда, весь народ страны созвав,
Идукай на коня вскочил,
Тысяцких определил,
Егетов по сотням определил,
Яик-батыра младший сын —
Тук-батыр и мать его с ним —
К Идукаю пришли, говорят.
Когда Идукай на Урал пришел,
А Мурадым от Насыра ушел,
Нарыс-бий не знал куда деться,
Наземь упал от разрыва сердца;
Бий с изморщиненным лицом,
Как камень замшелый, что с горки сполз;

Как из мяса сложенный сноп,
Солнечным жаром раскалено,
Лицо от злобы искажено,
Рот на нем впалый без зубов,
Глаза налитые слезой —
Потускнели теперь навсегда!

Сотни Азняя, Каскына, Қаныкая,
Также Биккула-батыра —
Всех Келяйле объединил,
Верховье рэки выбрав себе,
Для тысячи станом определил.

Сыновья Яик-батыра:
Альшай, Аслай, Ташлыбай,
Каип, Кармыш, Суракай,
А также Идрис и Сурай,
Все дети матери одной
Назначили тысяцкими себя;
Того ж, кто от младшей жены рожден,—
Тук-батыра от себя отстранили;
Становище Насыр-бия —
Отроги и подножья гор —
Своими владеньями определили,
Нашли гнездовые себе с тех пор.

Обо всем этом Идукаю
Поведала Тук-батыра мать;
Тот, Тука успокаивая,
Слова такие сказал, говорят:

— До тех пор, пока сирота
Сердцем беду не впитает,
Кто ему друг, а кто враг,
Через слезы свои не познает,
Пока стрелу в лесу не отточит,
Пока не обратит в зарю
Ночи кромешную темноту,
Пока не научится различать
От Стожаров звезду Сулпан*,
Пока Полярную звезду
Путеводною не признает,
Егет, батыром себя считая,
Коня оседлает ли на войну?
Без разбора разных мужей,

Словно сорочью стаю собрав,
Помчится ли батыр на войну?

Взял отец твой себе жену,
Честь другой страны растоптал,
Удобной мишенью для стрел их стал¹⁰⁶.
Ну и в этой твоей стране
Стали братья тебя обижать:
Мол, ты — будто ячмень на глазу,
Кровь чужая ты, нам не под стать.
Оттого, что ты в черный день
И тяжелым прошел путем,
Кровь, что пролита твоим отцом,
Кровь во имя страны своей,
Растворившись в слезе твоей,
Копотью легла на сердце твое;
К поясу пристегнув колчан,
Склоны Урала оглашая,
Бурю и ливни извергая,
Горячий бойцовский возраст твой
Беркутом отважным тебя
Представил пред всей страной.

Хоть ты в числе девяти детей
Ел из чаши со всеми одной,
Со всеми ходил на врагов войной,
Пот горячий со лба утирая,
Был лучшим богатырем своих мест —
Все же остался один, как перст;
Без опоры оставшись, один,
Истомленный, без верных дружин,
Птенцом, что пищу ждет из материнского рта,
С последней надеждой пришел сюда;
Чтоб кровью смочить стрелу свою,
Ты явился в страну мою.

В сокола твоего оброщу
Имя я свое — Идукай,
Богатырскую славу, знай,
В спутника твоего оброщу;
Дням одиноким черным твоим
В жертву душу свою принесу;
Путь, что пройден буланым моим,
Сделаю верным путем твоим.
Если воюя с булатным мечом,

Знать мне, что верным иду я путем,
Если даже против отец пойдет,
Если мать с кадкой пустой
Мне дорогу пересечет¹⁰⁷,
В берлоге Насыр-бия я
Море крови его живой
Разолью отдельной рекой!

Так вот, гнев расплескавши свой,
Идукай коня оседлал,
Батыров своих захватив с собой,
В край Насыр-бия поскакал.

До цели добравшись, Идукай
Тысяцких Насыр-бия
Всех собрал вокруг себя;
Двинулся к горе Балкан-тау,
Где находилось Нарыса яйляу.
Вслед за Идукаем батыры
Свои тысячи тоже собрали;
Зарезав яловых кобылиц,
На кумыс всех людей созвали,
Праздник устроив, там пировали.

Чаши одну за другой наполняя,
Мурадыму и Идукаю
Первыми с почестью поднесли;
И, заполнивши потом
Полные чаши кумысом,
Всем тысяцким преподнесли.

Идукай тогда Тук-батыру
С тысяцкими наравне
Кумыса подать приказал;
Чашу, что разносчик поднес,
Тук-батыр в руки взял,
К матери обращаясь своей,
Слова такие произнес:

— Еще девушкой, не страшась,
Коня необъезженного седлала,
В казахской раздольной стороне
Разных батыров повидала;
Путем омертвевших рек ты брела,
Воду из колодцев пила,

Перстень, что отец пробил стрелой,
Как дар, в дорогу взяла с собой.
Отца полюбив, на коне ускакала,
Чья грудь соколиная, бедра заячьи,
Чей загривок и крестец
В сравнении с другими лошадьми
В скачке его быстроту венчают;
Не то, что у мерина — подтянут живот,
Весь он поджарый, как гончий пес,
Холка двойная, затылок не стерт,
Уши торчком, подбородок остер,
Хвост короткий, грива разлатая,
Морда соколья, широкие ноздри,
Веки глаз, как у зоркого беркута,
Пологие ребра, как у шуки, тело,
В крупе широк, в почках узок,
Бедрами играя, будто девушка,
Направляющаяся за водой,
Гордо шагает, откинувшись головой,
Фырча и хрипя, несется стрелой,
По сторонам без конца озираясь,
Как ножницами, поводя ушами,
Туго стянутый удилами,
С горящими, как у волка, глазами,
Удила вместе с пеной жует;
На коне том даже старик
Чувствует себя молодым,
Видя его, всяк любит его,
С места не двигаясь своего;
Когда он скачет, земля дымится,
А взметнется — парит, как птица.
Уехала ты на коне таком,
Вздымая копытами бурю и гром.
В раздольной казахской стороне
Батыров многих ты повидала;
По земле просторной скакала,
Борщевник на горных лугах собирала,
Кочуя летом, идя за гуртом,
Доя овец, разбивая юрты,
Жила ты... Страну, где пьют кужу*,
Землю, где мать тебя родила,
Милого брата своего,
Свою айным — родимую мать,
Подругу из рода твоего,
Того, с кем в юности обручена,

Калым в сто голов получила его,
Дол по названию Табан-тал,
Что воду колодезную давал,
В которой с детства купалась ты,—
Все это навек покинула ты.
Отцу, что красоту тебе дал,
Матери, кормившей тебя молоком,
Стране, что свадьбы твоей ждала,—
Для всех оказалась ты врагом¹⁰⁸.

Жеребенка боясь, на него
Петлю не набрасывала ты;
К неспутанной кобыле с ведром
Подходить не решалась ты;
От большерогого барана
Ягненка отвести не могла;
Крота, который под юртой себе
Нору прорывал в земле,
За хищного зверя принимала,
От испуга громко визжала.
Когда темнело, из юрты своей,
Чтоб выпить воды, выйти боялась;
Свадьбу изображала, в куклы играя,
Тешилась, войлок для них расстилая.
Хоть девочкой нежной такой слыла,
Все же рядом с моим отцом
Во многих сражениях была.

Когда мухи тебя кусали,
Веки глаз твоих распухали;
В жару из носа кровь текла,
Даже без памяти упасть могла;
Коль осенью заморозок намечался,
Сбросив елян, в шубу ты облачалась;
Когда задували прохладные ветры,
За бурю приняв их, в голос крича,
Искала себе укромное место.
В долгие зимние месяцы,
Когда оскудевала еда,
Роняла горючие слезы ты,
Молила дать масла, корот тогда;
Когда град ледяной упал
И снежный буран бушевал,
Когда ветра задували колкие,
Голодные набегали волки,

Пронзительным голосом скуля;
Когда сквозь твое плечо
Вражья проходила стрела,
Когда в жгучие летние дни
Ты без воды изнемогала,
Горло твое пересыхало,
Когда по три-четыре дня
Ломтя хлеба не видала,
Чтобы хоть на язык положить,—
Так, от голода мучась, отцу
Спутницей продолжала быть.

За светлые — темные дни принимая,
Вместе с отцом веселясь и играя,
Камни скал постелью считая,
Забеременев, как водится,
Вместо девяти месяцев
За семь ты меня родила
И моею матерью стала,
«Тень ты лишняя», — не говорила,
Никогда ты меня не бранила,
Ласкала, «карагым»* называя,
Холила и любила меня;
Хоть и сердце твое изнывало,
За спиной уложив меня,
В боевых походах скакала¹⁰⁹.

Тысяцкого первую чашу,
Мама, я тебе отдаю;
Так займи же место мое —
Я же в сторону отойду;
Этот праздник в честь победы
Я пиром твоим назову;
Коль ты батыром меня родила,
Нужно, чтоб счастье вкусить ты могла.

Когда все роды собрались,
Увидели потомство свое,
Уткой, от стаи оторванной, ты
В стороне стоишь от других;
Когда, считая меня чужим,
Мне не давали надела земли,
И что делать мне, я не знал,
Вглядываясь в глаза мои,
Идукай мне советы давал;

Во дни горестные свои
На завьюженном моем пути,
Белым соколом возносясь,
Звездой Полярною возгорясь,
Батыр Идукай маяком предстал.
Вот пред ним я теперь стою,
Рассказываю про беду свою;
Чтоб мне не блуждать, проложил он путь,
Во мне разглядел богатырскую суть;
Могу ли я раньше тебя чашу испить,
Чтобы в стране прославленным быть?
Твое достоинство не лелея,
Буду ли сыном, достойным тебе я? —
Так окончив слово свое,
Тук-батыр поднести был рад
Матери чашу свою, говорят.

Мать, от счастья сама не своя,
Даже не пригубив сперва,
Чашу большую духом одним
Всю опрокинула до дна.
Сыну чашу вернуть не смогла,
Мрак глаза ее заволок.
Вскрикнув: «Это отрава, сынок,
Не случись тебе испить!..»
Не успела договорить,
Дух испустила, говорят.

Увидев такое, Идукай обвел всех взглядом, еще разок посмотрел на умирающую мать, пришел в страшный гнев и изрек такие слова:

Хоть бий сам в могилу сошел,
Испугался он так меня,
Что сердце его разорвалось,
Все же проклятого тень
Здесь осталась по сей день
На Балкан-тау — это видели мы.

Знаете ли вы того,
Кто, держа меч булатный свой,
На буланом, в ярости злой,
Зубы точа, приехал к вам?

Над двумя Ордами был царем,
В домах узорных, что воздвигали
Мурзы, которые там проживали,
На троне восседал золотом,
Словно лев, на всех рыча;
В шубу выдровую, в шелка облачен,
На коне-тулпаре высился он;
Когда не обсохла и темени влага,
От трех иль четырех поколений
Престол правителя, его трон
По обычаю наследовал он;
Ел из чаши золотой,
На перине пуховой,
Вольно растянувшись, лежал,
Воду из рук рабов пивал.
Вот того хана Туктамыша
Я, батыр, в пух и прах разбил,
Того, кто в Белой Орде был хан,
Был разрушителем многих стран,—
С трона ханского сокрушил;
Того, кто всех обращал в рабов:
И ту, кто девять месяцев сносив,
Со вздохом «О боже!» дочь родила,
Кто сна не зная ночной порой,
Баюкала сына: «Мой родной!»,
Качала его в объятых своих,
Грудным выкармливала молоком;
Отец, что спину не разгибая,
Пот со лба не вытирая,
Словно цыплят кормящая квочка,
В вечных хлопотах дни и ночи,
В поисках пищи для детей
Все свое время проводил;
Того, кто детей в сирот превратил,
Пугая, словно вурдалак,
Душу требуя, как Газраил,
Словно бог, себя утвердил.
Это я чтимое тело хана
Пищею сделал для червей
В его же земле, коей нету черней;
Это я, Идукай, пришел
В Орду и приотрожья Урала,
Славу достойную здесь обрел!
Не медведя убив, Идукай
В своей стране батыром стал;

Не мать убив, что проливает
Слезы с размокших своих ресниц,
В стране Идукай батыром стал;
Не от роду был он богатырем,
Когда из чрева миру явился,
Не рожден был своим отцом
Таким вот бесстрашным молодцом,
Чтобы перед честью своей
Полной мерою отвечать,
Чтоб к поясу пристегнув колчан,
Во врагов стрелу запускать,
Чтоб землю грудью своей сотрясать,
Как тучи черные в небесах,
Врагам дорогу перерезать.
Батыром стал, когда его сына
Ханы из рук его вырвали с силой,
Когда заставляли его мать,
Спину сгибая, воду таскать;
Когда отца стонать заставляли —
Колоть и готовить дрова принуждали;
Когда ныли сердца и стонали
У женщин, что вдовами становились,
Когда грабили страну, как волки;
Батыров резали, лили моря крови,
Когда от слез пролитых
Озера целые возникали.
Идукай Идукаем стал,
Возглашая: «Урал мой, Урал!
Урал — родина моя,
Мое становище, мой народ!»

И слова эти сказавши,
Меч свой Идукай вознес
И все трапезные чаши
Тут же вдребезги разнес,
Весь отравленный кумыс
С горы Балкан разом слил,
В белое озеро превратил.

После горького пира народ
Из того озера воду не пьет:
Проезжим путникам говорили:
Асылы-куль — отравленное озеро!
Желая коня своего напоить,
Без коня не останься верного!»

С тех самых пор и назвали
Озеро это — Асылыкуль¹¹⁰.

XXIV. О том, как Идукай был ранен в бою; что он завещал сыну, вручив ему меч Урал-батыра и как Мурадым разбил остатки вражеских войск. Этим и заканчивается кубаир.

Оставив страну Нарыса,
Родовых воинов собрав
С Идели, Нугуша и Сима,
На Тора-бия пошел Идукай.
Мурадым и Идукай
Войско Тора-бия с двух сторон
Окружили, а затем
В сторону Сина*, за Урал,
Прогнали, говорят.

Когда вместе с мужем своим
Фирдаус на войне была,
Угодила в нее стрела
И от раны она умерла.
Идукай и Мурадым
С батырами и войском своим,
Вырыв на равнине могилу,
Фирдаус там похоронили.

И после этого Идукай
В разных жестоких битвах бывал,
Хоть без рук и ног остался,
Поле брани не покидал,
Один против сотни врагов
Мужественно воевал.
Чтоб отца не отдать врагам,
Продраться сквозь их ряды спеша,
К отцу добрался Мурадым,
Прежде чем у того отошла душа.

Когда к нему Мурадым подospel,
На сына-батыра Идукай
В последний раз посмотрел
И слово прощальное сказал:
— Дитя мое, ты себя оправдал.
Ну а теперь запомни, сынок:
Пусть даже тень Тора-бия,

Кто на Урале кровь проливал,
Кто потоки слез исторгал,
Не останется на родной земле!
Будь же батыром, Мурадым,
Будь справедливым и благим
Избранником племени своего,
Пусть оно помнит отца твоего!

Пусть твой на Урале останется след,
Пусть слава останется в стране,
Чтоб на отвагу твою взирая,
На тебя равняться желая,
Подростки любят тебя!
Во врага, что на нас нападает,
Пусть стреляют, воспрянув душой!
Меч, на плече висящий моем,
Дэвов, коих было много числом,
Затаились от Урала-батыра
Во многих омутах и озерах,
Беспощадно разил и крошил.
После того, как Урал-батыр
С сыновьями вернулся в свою страну,
Против дэвов и пярив
Жесточайшую начал войну;
После того, как в воду,
Отравив ее, нырнул аждаха,
Сын Урала-батыра рассек
Гору Ирмель этим мечом,
И потекла Идель-река¹¹¹—
Меч такой держит твоя рука!

Когда до старости Идель дожил,
Не имея сына, чтоб меч передать,
На дно реки он его опустил;
Чтоб меч не превратился в оплот
Кого-нибудь из врагов Урала —
С тех пор своего батыра он ждет!

Прошли поколения за поколениями,
Заполнялась страна злодеями,
Было разгромлено много родов,
В стране столь обильно кровь пролилась,
Что в могилу Иделя сочась,
В глазницы стала капать ему.
А в это время старик Хабрау,

Повсеместно ища подмоги,
Многие пройдя дороги,
На скалистом камне лежал,
Горячее сердце свое утешая,
Слезами жгучими истекал;
Обнимая камень холодный,
Молча плакал над той скалою,
Чистой влагою своих слез
Утолял жажду пчелиного роя.
Подмогу среди ближних ища,
Имена их в мыслях перебирал.
Тогда Идель приснился ему
И поведал тайну свою:
— То, что зовется Идель,
Бурно растекшаяся река,
Прежде предушенная горой,
Задыхаясь в своих берегах,—
Вырвалась она из недр земли
После того, как ударом меча
Я раскроил ее ударом плеча.
Идель-река гору Яман-тау
Надвое поперек рассекла¹¹²,
Вас водою своей поила,
Матерью для вас была;
Когда пробил я Иделя исток,
Как светлый лик, озарил красотой
Поток, что из недр хребта Яман-тау
Вырвался неудержимой водой.

Так вот, та река мой меч приняла.
Хранит, чтоб ржа его не взяла,
От царапин камней бережет,
Песку и илу занести не дает,
Словно ожидая, что родится батыр,
Который страну освободит,
В чистейшем виде меч тот хранит»,—
Так во сне Идель объяснил¹¹³.
Старец Хабрау, встрепенувшись, вскочил.
Пробудившись, он долго сидел.
В руку палку свою он взял,
Прочно на камень ногою стал,
Словно беркут, готовый взлететь,
Надолго в думу глубокую впал.

Дни и ночи, не ведая сна,
Многих людей обошел Хабрау —
Пасшего овец бедняка,
Пасшего коров простака,
Того, кто стрелы в лесу строгают,
Оружье верное выбивает
В шалаше над жарким огнем,—
Всех обошел Хабрау и призвал
Биться на Урале с врагом.
Увидел в шалаше одном,
Где стрел наконечники ковали:
Юноша со своим отцом
Между собою препирались.
На них-то наткнулся Хабрау.
На сына сетуя, отец
К Хабрау обратился, наконец:

— Вот, узаман*, это мой сын,
Как мир для меня он, ибо один;
Много у нас охотников есть —
Одни бьют зайцев и мясо едят,
Другие, стреляя разных птиц,
Мягкий пух для подушек копят.

Нет коня у меня, чтоб седлать,
Нет овец, чтобы волку терзать,
Ульев, чтоб медведям воротить;
Сын же мой день за днем
На волков точит стрелу,
На медведей готовит ружье.
Когда говорю: «Зайцев стреляй!»,
Отвечает: «Волк и медведь —
Оба для народа беда.
Ну а те, что враги для страны,
И для меня враги всегда»,—
Так морочит он голову мне.
Выслушав эти слова,
Старик Хабрау промолчал,
Отцу ничего говорить не стал.
Около егета того
Несколько дней подряд ночевал;
Когда ж во все постепенно вник,
Богатырство парня постиг,
Сказал: «Пойдем, братишка Умар!»—
С собой увел его в тот же миг;

Отыскав Идель-батыра булат,
Вручил егету его, говорят.
Умар истинным батыром стал,
Слезы многих сородичей он
Своим булатом утирал¹¹⁴.
Один сын Умара того
Назывался святой Газиз;
Еще один святой от него
Родился — Баба-Тукляс;
Сыну дар дорогой от отца
По наследству остался.
От Баба-Тукляса потом
Булат Тора-бию достался.
От булата — уж так повелось,
Всю тайну того меча
У старика Хабрау я дознался.
Когда к Тора-бию пришел с войной
(Он ненавидел отца моего),
Лишь только пятнадцать лет с лихвой
В ту пору было-то мне всего,
Из рук Тора-бия, гневом горя,
Меч тот булатный вырвал я —
С тех пор находился он у меня!

Отважный сын мой Мурадым!
Теперь оружие это тебе
Передаю — оно станет твоим!
Хоть я уж в могиле ногою одной,
Все же посмотреть я смогу,
Как будешь освобождать ты страну.

Когда умру, на верблюда белого
Ты возложи мое тело;
Там, где верблюд присядет мой,
Земле предав, простишься со мной.

Там, где товарищи мои,
Сражавшиеся на моей стороне,
Пожелают отпустить
На кормежку своих коней,
Где в зной спасаясь от мух и шмелей,
Ночью встанут на постой,
Пусть мои батыры там
Жизнью заживут родовой¹¹⁵.
Все отроги Уральских гор

Сделаешь приютом себе с этих пор.
Батыра, что на Урале живет,
Беднягу, сироту из сирот,
Пусть твоим другом любой зовет.
Когда, возвращаясь с войны;
Правым ухом услышишь ты
Зов кукушки, на месте том
Устроишь зимовку в пути своем.

Если, другом тебя признавая,
Не скажут о дурных сторонах твоих,
Если, о бедах страны узнавая,
Не доложат тебе о них,
Знай, что в тесном твоём кругу
Место нашлось твоему врагу!

Закончив говорить, Идукай
Из Идель-реки один
Воды глоточек проглотил —
И будто день над страной закатился,
Будто весь он мраком покрылся,
Словно во тьму погрузился Урал,
Что пологом был; и камни скал
Попадали на землю с высот;
Хоть с любовью: «Идукай, Идукай!»
Войско рыдало в час горестный тот,
Газраил*, даже не вздохнув,
Идукая к рукам прибрал,
Душу белую, как мотылек,
Говорят, в миг один забрал.

После того, как его тело
К верблюду подвесили белому,
Тот понес его. Много скал
На пути своем миновал,
Много вод перешел, говорят,
Войско за собою ведя,
Добрался до Нарыс-тау, говорят.
Там в задумчивости он встал;
У подножья Нарыс-тау
Тихонько к земле верблюдов припал;
Как к ветке, к которой матка пристаёт,
Пчелиный прививается род,
Так и люди семи родов —
Дети, женщины и старики,

Молодые и свора ребят
Обступили все подряд
Идукая в саване, говорят.

Похоронив своего отца,
Остался Мурадым сиротой.
Решив его дело довести до конца,
На Тора-бия, врага своего,
Сев на коня, пошел он войной.
Разъяренный, в гневе большом,
Врагов, как баранов, разделявал он.
В плен Тора-бия взял;
Там, где жизнь окончил отец,
По рукам и ногам разодрал.

На Яике, Нугуше, Идели,
На отрогах Уральских гор —
Во всех владеньях родовых
Врагов, оставшихся в живых,
Преследовал, пощады не зная,
Всех до единого уничтожая.

Покончив с войной, наконец,
Меч отер он, лицо омыл,
Вновь оказался у тех мест,
Где могила Идукая с Ынье
Находилась — у горы Нарыс.

Отсюда становище свое
Туда, где очистился перед отцом,—
На отроги Уральских гор,
Где страны своей богатырем
На войну уходить пришлось,—
На Тукляс-тау он перенес.

Оставшись наследником Идукая,
Мурадым на Идели, Урале,
Имя батыра своего прославляя,
На берегу реки Туяляс
Долго жил, крепя свою власть.

От Мурадыма одно дитя —
Сын по имени Казангул;
От Казангула — Казаккул,
От сына Казаккула — сын

Родился; назвали его Каскын.
Стало тесно Каскыну в стране,
По Уралу он странствовать стал,
Народ в сражениях оберегал.

В одном из сражений таких,
На просторах Сакмар-реки,
В руки врага он угодил,
Смерти мучительной предан был.

ИЗИГЕ

(сказочная версия)

Давным-давно, в глубокую старину, проживали на свете старик со старухой. Был у них сын, звали его Изиге.

Жили они втроем. А потом старик со старухой отдали богу душу. Изиге покинул родной очаг и отправился на поиски работы. И набрел он на несметные стада, принадлежащие хану Туктамышу, и решил наняться к нему в работники.

Хан стал с настороженностью его расспрашивать:

— Что ты за человек? Как тебя зовут?

— Я желаю наняться в работники. Имя мое Карабай.

— Ладно, если так, будешь пасти овец¹.

Хан всякий раз с такой же настойчивостью расспрашивал его, ибо, оказывается, прорицатель ему предсказал: «Хан мой — султан мой! Смерть твоя — от человека по имени Изиге. Так что поберегись!»

Подрос Изиге, егетом стал. Однако хан продолжал относиться к нему с настороженностью.

Однажды во время пастбы Изиге попросил перевести его к лошадям, табунщиком, значит. Хану лишь оставалось удивляться его дерзости.

— Тебя зовут Карабай? Не лжешь? Не Изиге ли ты?

— Нет, я Карабай. Разве мне достанется «изгелек»*?

Хан перевел его к лошадям, сразу к двенадцати табунам. Изиге отправился на выпас. Явился к двенадцати пастухам. А те все оказались мальчишками, жили в постоянной ссоре и драке, не хотели друг друга слушать. Поначалу Изиге присматривался к ним. Однажды, собрав всех двенадцать пастухов-мальчишек, сказал им так:

— Давайте одного из нас назначим казыем*. Ставший казыем должен будет зарезать одну ханскую кобылицу и ус-

троить пир. После этого мы должны будем беспрекословно слушаться нашего избранника.

Услышав это, испугались мальчики.

— Если сможешь, будь им сам, а мы станем тебя слушаться во всем.

Изиге согласился.

Приведя одну из яловых кобылиц хана, он разделал ее. Мальчики ему в этом пособляли. Потом, сварив кобылу в большом котле, съели. Пораженные смелостью Изиге, пастухи стали во всем его слушаться².

Наступило время явиться к хану, рассказать ему, как идут дела, взять для пастухов еду.

Как только Изиге распахнул двери ханского покоя, хан тут же вскочил с постели.

Изиге залпом выпил целую чашку катыка* и, забрав пищу для своих товарищей, возвратился к пастухам.

Вот так, каждый раз, когда являлся Изиге, хан, вздрогнув, вскакивал со своего места. Жена хана все больше стала этому удивляться, наконец не выдержала:

— Ты вскакиваешь каждый раз, когда приходит этот оборванец пастух. Или боишься его?

— Не мели пустое. Почему я должен его бояться и вскакивать? Сам я ничего этого не замечаю,— ответил хан.

— Ладно, я тебе это докажу,— обиделась ханша.

Другой раз, в день прихода Изиге, ханша пришила подол мужа к его постели. Как только Изиге распахнул дверь, хан вскочил на ноги вместе со своей постелью и тут же проснулся. Лишь после этого он поверил своей жене.

Чтобы испытать бойкость характера Изиге, ханша поставила кислое молоко на полку³.

— Вон на полке стоит катык, возьми и выпей,— предложила она ему.

— Девять лет пас твои табуны, ни разу за все время не взял с твоей полки ничего хотя бы с птичью головку. Если подашь сама, выпью, не подашь,— не стану пить,— ответил на это Изиге.

Женщина подала катык. Изиге разрезал его ножом и, выпив до дна, ушел восвояси⁴. А ханша та, оказывается, поставила сосуд с катыком с определенным умыслом. Изиге о том догадался.

Вернулся он к своим друзьям и сказал так:

— Больше я здесь не могу жить и одного дня, мне надо уходить. Кто из вас хочет уйти со мной⁵?

Одиннадцать пастухов, решившись уйти вместе с Изиге, вскочили на коней. А двенадцатый, говорят, остался. Когда

те уехали, оставшийся быстренько сел на своего коня и помчался к хану. Приехав к нему, он стал ему наговаривать на своих товарищей⁶. Хан тот час же призвал к себе ворожея.

Тот и говорит хану:

— Мой хан, тот самый егет вовсе не был Карабаем. Он и есть Изиге. У него тут имеется друг Янбай, с которым он подружился, подарив пряжку подруги. Только он может вернуть Изиге. Других он слушать не станет. Если не вернете Изиге обратно и не добьетесь его расположения, будет вам худо⁷.

[Сказав эти слова, предсказатель заговорил стихами]:

Уйдет он, да, уйдет он,
К Сын-Тимирхану⁸ дойдет он,
Если Сын-Тимирхан руку подаст,
Если всевышний благословит,
Вновь воротится он назад,
Туктамыша девятерых сыновей
Побьет могучей дланью своей,
Кровью брови их захлестнет.
Туктамыша круглую башку,
К седлу своему привязав, увезет⁹.

Перепуганный хан велел немедленно пригласить друга Изиге Янбая:

— Дам все, что он пожелает, пусть только вернется обратно. Как бы ни было, возвратите Изиге обратно!

Сказав так, он отправил девятерых своих сыновей вместе с Ямбаем¹⁰.

А Изиге вместе с приятелями, перебравшись на ту сторону Идели, наполняли пищей живот. Сыновья Туктамыша, боясь приближаться к Изиге, спрятались в укромном месте, отправили к нему Янбая. Тот подошел к беглецам¹¹ и сказал так:

Воротись, мой Изиге, воротись,
Воротись, через Идель переберись,
Воротись, через Идель переберись!

Изиге ему ответил так:

Ай, Янбай ты мой, Янбай,
Не ворочусь я, не ворочусь,
Возвратившись, через Идель не переберусь,
Возвратившись, через Идель не переберусь.

Янбай:

[Воротись, Изиге, воротись,
Воротившись, Идель перейди,
С ушами, как острый камыш,
С искрометными копытами]¹²
С лукой седла золотой,
С золотыми удилами,
С подхвостником золотым,
С золотыми стремями,
С копытами, кованными белой жостью,
С палицей, вылитой из чистого злата,
Хан даст тебе коня —
Вскочи на него, поскачи на нем!

Изиге:

— Ай, Янбай ты мой, Янбай,
Не ворочусь я, нет, не ворочусь,
Возвратившись, через Идель не переберусь,
Возвратившись, через Идель не переберусь.
[Хоть даст мне хан такого коня,
Чьи уши, как камыши, остры,
Чьи копыта кованы белой жостью,
Лука седла золотая,
Суголовье уздечки золотой,
Стремена золотые,
Подхвостник золотой] —
Нет, не вскочу я на того коня:
Потеряла штанина красу.

Янбай:

— Ай, Изиге ты мой, Изиге!
Осторожней, чем Хэнэкэй,
Девушки любой красивей¹³,
Хан тебе дочь свою отдаст,
Возьми ее в объятия свои!

Изиге:

— Ай, Янбай ты мой, Янбай,
Не ворочусь я уже, не ворочусь,
Если хан даже дочку отдаст,
Я в объятия ее не возьму,—
Исчезло тепло объятий моих.

Янбай ему угрожает:

— Ай, Изиге, ты мой Изиге,
У Туктамыша девять сыновей,
Коль все ударят по голове твоей,
Кровь захлестнет брови твои!

Изиге:

— Ай, Янбай ты мой, Янбай,
Не балабонь-ка ты, Янбай,
Лоб я твой размолочу,
Словно шапку, тебя раскручу,
Как перепелку, тебя общипаю,
На вас девятерых — восемь нас,
Хочешь подъехать, свинья, подъезжай,
Хочешь уехать, свинья, уезжай!

Изиге стал приближаться к Янбаю. Увидев его, спрятавшиеся там девятеро сыновей хана повскакали с мест и пустились наутек.

Изиге с друзьями поехал дальше своей дорогой.

Едут они, едут, и вот спутники Изиге один за другим стали от него отставать. Заметив это, сказал Изиге:

— Ай, друзья мои, спасибо, что проводили меня. Если теперь желаете вернуться,— возвращайтесь. Дальше я и сам поеду.

Сказав так, он отправил уже нехотя ехавших егетов обратно.

Едет Изиге, едет один, видит впереди какое-то войско¹⁴. Изиге не стал подъезжать, обогнув стороной, миновал то войско. Тогда Яубаши* послал к нему человека:

— Иди и приведи сюда вон того всадника. Здесь никто не мог проехать, кроме Изиге, пусть подъедет.

Изиге будто и не заметил посланца, продолжал двигаться своим путем. Только бросил мимоходом:

— Некогда мне с тобой разъезживать.

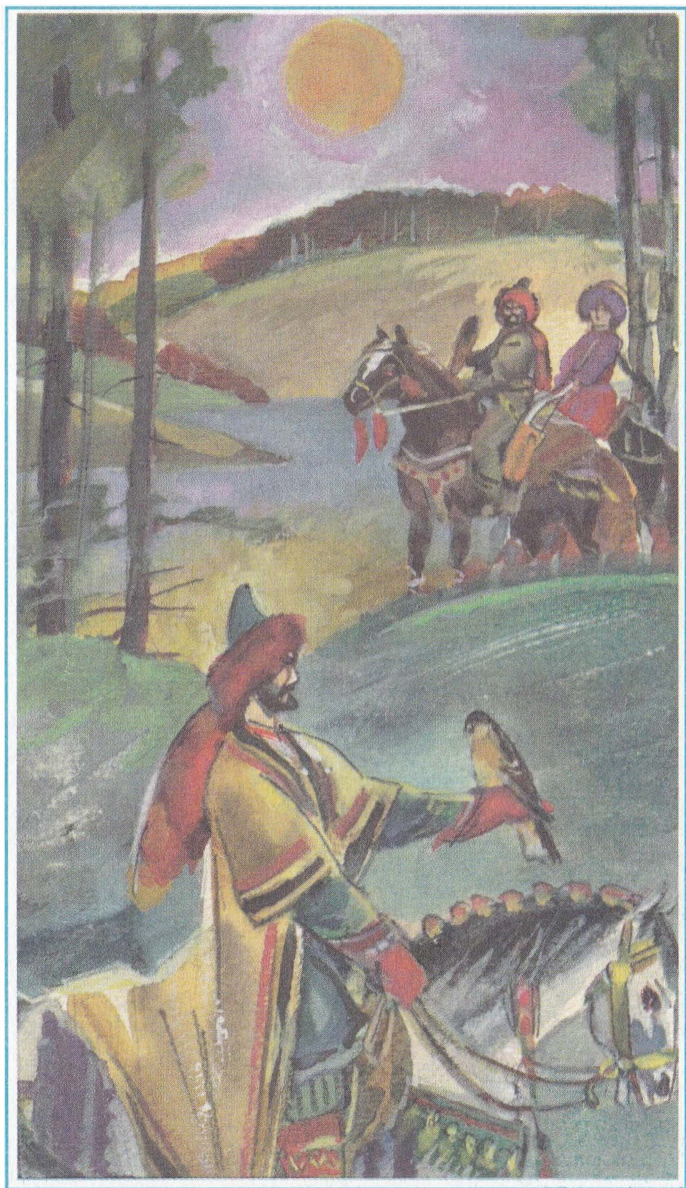
Глава войска послал другого гонца — поважнее. Но и его не послушался Изиге, не стал подъезжать. И лишь от третьего гонца принял, наконец, приглашение, подъехал к яубаши. А тот, оказывается, был царем дэвов.

— Ты кто такой? — спрашивает царь.

— Я Карабай.

— Ведь нет же, ты Изиге.

— Про Изиге я и сам слышал. Говорят, он зараз поднимает 80 пудов пшеницы. В ямочке, что находится в его теме-

ИДУКАЙ И МУРАДЫМ

ИДУКАЙ И МУРАДЫМ

ИДУКАЙ И МУРАДЫМ

ИДУКАЙ И МУРАДЫМ

ни, умещается 40 пудов, а на двух плечах, говорят,— еще 20 пудов¹⁵.

— Ладно, в таком случае, Карабай, я дам тебе одну кобылу. Ты быстренько ее зарежь и свари,— предложил яубаши. Своим сорока воинам он тоже дал одну кобылу, чтобы те ее зарезали.

Изиге повел кобылу к реке, развел под котлом огонь в очаге и, свалив кобылу, начал ее разделывать и тут же складывать мясо в котел.

Когда Изиге сварил мясо и пошел об этом известить, те сорок человек, оказывается, не успели даже повесить казан над очагом¹⁶. Яубаши воскликнул:

— Ты Изиге! Такое может свершить только Изиге!

— Погоди-ка ты, пойми: я ведь один, разговаривать мне не с кем, вот и тружусь молча. И дело идет живо. А если каждый из этих промолвит хотя бы по одному слову, а тридцать девять будут слушать? А что будет, если каждый из сорока произнесет по сорок слов? До работы ли тут?

— Ладно, ты прав,— ответил дэв и один сожрал две кобылы¹⁷. Дал малость отведать и Изиге.

В юрте дэва, оказывается, находилась дочь мусульманского хана Сын-Тимирхана. Как раз ее-то захватив, и вез дэв с собой. Дэв прилег на колени той девушки и захрапел. Девушка с надеждой смотрела на Изиге. Не выдержав ее взгляда, Изиге решился, говорят, спасти девушку¹⁸.

Вынув лук, он прицелился в брюхо дэва и натянул тетиву. А она не срывается. Натянул ее еще раз — та снова не поддается. Тогда в гневе и ярости натянул её еще раз, раздался звонкий свист и стрела пробила насквозь поясницу дэва¹⁹. Тот и потерял свою силу. Обратился к Изиге с такими словами:

— Изиге, у меня есть сила сорока мужчин. Вырежь сало моего сердца и приложи к голове. Тогда сила сорока мужчин перейдет к тебе.

Так пытался он перехитрить Изиге.

Но тот угадал его хитрость. Отодрав сало от сердца дэва, наложил на камень величиной с копну — и камень растекся, как масло. Настолько едким было это сало!²⁰

Затем, убив дэва, Изиге перебил и всех его братьев, схватывая их за уши и сталкивая лбами. Забрав с собой его войско, дочь хана, Изиге отправился к Сыну-Тимирхану.

Обрадованный Сын-Тимирхан тут же выдал за Изиге свою дочь, устроил большой пир. И начал жить Изиге вместе с женой. Родился у них сын. Дали ему имя Альбакмыр-

да. Рос он не по дням, а по часам, стал более могучим и сильным, чем даже его отец.

Однажды отец сказал:

— Пойдем, сынок, померимся силой,— и увел его в степь.

Согнув дерево, Изиге разом содрал с него все ветви и сучья. Альбакмырда содрал сучья еще более толстого дерева²¹. Изиге был очень доволен и, решив осуществить свою давнюю мечту, отправился вместе с сыном домой. Вернувшись, он сразу вошел к хану:

— Наш сын обрел мужскую силу, стал истинным батыром. Есть у меня давнее желание. Хочу совершить поход вместе с сыном. Дай свое позволение, мой хан.

Сын-Тимирхан дал свое согласие.

Собравшись, Изиге вместе с сыном отправились в страну Туктамыша. Перебив девятерых сыновей Туктамыша, они принялись искать самого хана, но никак не могли его найти. Оказывается, тот успел скрыться. Изиге начал искать Туктамыш-хана. А тот прятался в лесу.

Какая-то птица на верхушке дерева то и дело кликала, как бы приговаривая:

— Туктамыш-хан тут! Туктамыш-хан тут!

— Ах, черт побери, выдаст она меня! — со страхом подумал Туктамыш-хан и начал умолять:

Красная птица Кызгатау*,
Не кличь много — покличь разок,
Красная птица Кызгатау,
Не кличь много — покличь разок!

Когда Изиге бродил по лесу в поисках хана, он услышал его голос и, настигнув его, уволок Туктамыша за уши домой. Потом Изиге убил хана и, взяв с собой его дочерей, которые были осторожнее Хэнэкэй и прекраснее Кемекей, запряг лошадей в арбу, сам сел посередине и, велел следовать за собой другу своему Янбаю и сыну Альбаку, поехал домой. Шли они, шли за повозкой, и Янбай стал наговаривать Альбаку:

— Гляжу я на тебя, гляжу и сказать хочу. Что знаешь ты? Нет, ты непонятлив. Между двумя девушками должен сидеть ты, молодой егет! А твой отец, даром старик, сам уселся.

Такое коварное слово сказал он егету.

Нрав у Альбака был горяч. Долго не раздумывая, ударил он отца сзади по голове, так что у того разом выскочи-

ли оба глаза. Альбак сташил отца с арбы, а сам поехал дальше с двумя девушками²².

Жена Альбака, что осталась дома, была очень чуткой женщиной. Узнав о том, что совершил Альбак, она подложила в постель лежавшего в колыбели сына стебли шиповника, а сама спряталась за печкой. Когда Альбак подъехал к воротам своего дома, то услышал громкий плач ребенка и, не помня себя, забежал в дом.

Жена с визгом выскочила из-за печки:

—А-а, тебе жалко своего ребенка! Душа из-за ребенка рвется? А что ты сделал со своим отцом, поверив вражескому слову? Вот также каждому дорого свое дитя.

Так отругала она Альбака, говорят.

Тот постоял молча и побежал обратно, точно его огрели по голове. После этого, раскаиваясь в содеянном, в том, что поверил вражескому слову и погубил отца, вернулся на то место, где был ослеплен отец, и принес его домой на руках. Взвалив его на себя, Альбак-батыр трижды обошел город и заслужил прощения отца²³. После этого стал жить со всеми в мире и согласии.

Я был у них в гостях, очень щедро меня угощали. Зарезав хромую кобылу, пригласили садалинцев; зарезав пегую кобылу, пригласили ала-байтальцев²⁴, и мы²⁵ были там. Вчера ходил туда, сегодня вернулся.

МУЙТЭН-БИЙ

Муйтэн-бий известен башкирам:
Его слава выше, чем у Талай-хана.
Сосновый темный бор, степь, горы,
Многоводная Сакмара — вот владенья его.
Четырьмя юртами* он управлял,
Днем и ночью он не спал.
Вроде было много богатырей —
Не было такого сильного бия нигде в мире.
Четыре рода имели четыре названия,
У каждого рода бий знатного происхождения.
Хотя роды разные, но племя-то ведь одно —
У всех прадедом был башкирский народ.
У каждого юрта был свой богатырь,
Охранял он мир и покой своего рода.
Этому богатырю подчинялось много войска,
Расположилось оно в горах и в шатрах.
Один род был бурзянский.
Они населяли долину Агидели,
С наслаждением так и жили,
Службу свою исправно несли.
Второй род был кыпчакский,
Родоначальником их — Бабсак-бий.
Кыпсакский хан Ураз сделал Бабсака другом,
Охрану родины поручил ему.
Бабсак-батыр очистил родину
Вмиг от врагов и разбойников.
Третий род был тангаурский¹.
Занимались они хлебопашеством.
У них начальник Котлы-Тимир
Обладал могущественной силой².
Котлы-Тимир Богатырь был известен всюду.
Силу свою показывал он повсюду.
Когда ходил он могучим шагом,

Ноги уходили по колено в землю.
Владениями Тугазака³ овладел Тамъян,
После этого и род стал тамъянский.
Итак, четвертый род — тамъянский.
Он тоже подчинялся великому бию Муйтэну.
Богатством и могуществом земля была полна.
Летом он устраивал байги*,
И выявляли там богатырей.
Так вдвоем проводили весело они время.

МУЙТЭН-БИЙ

(Вариант)

Родовые вы, бии,
Великие, знатные бии!
Господа на почетных местах!
Муллы, сидящие посреди,
И вы, краса нашего йыйына*!
Есть у меня к вам слово,
Есть у меня к вам слово.
Эй, говорю, пестро, говорю, пестро,
Скаковой конь не погрузится в землю,
Из белой ваты ситец будет,
От умного человека толк выйдет,
(Бестолковый) глаза выбьет»⁴.

И человек ведь умирает,
Землю тоже никто не варил⁵.
И хана заберет, и бия заберет (могила),
Что останется на этой земле?
А ведь останется только предание
Про ваших львов-богатырей.
Так слушайте про Муйтэн-бия.

Сын Мангута Муйтэн-бий
Покинул земную жизнь.
Он и в темноте дорогу находил,
В куфии* тайны слов открыл,
Много великих дел совершил.
Сын Тумена Майки-бий⁶ тоже покинул земную жизнь,
Кто же остался на этом свете?
Земля объята поганой водой,
Все оказались в сетях.
Остались лишь мы, земные черви.

Муйтэн-бий подчинил себе нашу родину.
После этого нашим ханом стал Чингиз-хан,
Это ханство тоже осталось после Чингиза.
В это время земля обогрилась красной кровью:
Чингиз-хан завоевал Урал и Булгар⁷.
Все богатства поделили разные ханы,
Все же они уступали в могуществе Чингизу.
Наша родина не видела таких биев, как Муйтэн и Майки.
Разорив и разогнав булгар, калмыков, киргиз и ногайцев,
Он⁸ подчинил себе побережье всей Сакмары⁹.
Муйтэн-бий и Майки завоевали землю и воды,
Как коршун, он издал свой дикий крик.
Благодаря уму завоевал себе господство (почет),
Погубил за народ свой он голову.
Если бы его не было,— родина была бы разорена.

Родился Алдар¹⁰ и управление взял в свои руки.
Факелом он служит, когда мы заблуждаемся.
Они стоят посреди, как открытые ворота.
Муйтэн видел землю, куда не ступала человеческая нога,
Он видел горы, куда не долетела птица.
С Сакмары и Саелмыша дошел до Дона,
Тридцати лет он был уж бием Чингиз-хана,
Десять лет он справедливо правил нами.
Взобравшись на гору и крикнув, как лев,
Победил он десятитамговых ногайцев¹¹.
Пошел со злости снег от его мужества¹²,
Язык его был острее отточенной шашки,
Его положение стало выше ханского,
Превзошел он ханскую справедливость.
Покорение впервые стало бийским.
Это бийство пошло теперь навеки.
Число юртов Муйтэна дошло до десяти.
Все башкиры подчинялись ему.
Бурзянский и кыпсакский бии протянули ему руки,
Усерганцев подчинил он восемьсот дворов.
На родине не стало ногайцев и калмыков,
Вместо них поселились стотамговые башкиры¹³.
Все же в свое время он не дал свободы,
Не было тогда никого сильнее Муйтэна.
Зимовал он на Урале, летом кочевал по Сакмаре,
И так он пил воды из трех рек.

ИДЕЛЬ-ЮРТ*

[1]

Ай, Идель-юрт, дивный край,
Ай, Идель-юрт, дивный край,
Где отец стал женихом,
Где отец стал женихом,
Где невестой стала мать,
Где невестой стала мать;
Где, голодный, насытился я,
Где, голодный, насытился я;
Коль отделишь от рода,— тут
Я всегда отыщу приют.
Борщевник — с руку толщиной,
Борщевник — с руку толщиной,
Саранка — высотой со стригунка,
Саранка — высотой со стригунка,
Сердце — величиной с быка,
Сердце — величиной с быка,
Сердце, говорю, сердце, ау.
Птицы здесь, соловьи поют!

[2]

Дим отторгнут и Идель,
Дим отторгнут и Идель —
Что оставит нам гяур?*

Что оставит нам гяур?
Как дуплистый дерева ствол,
Кто в преклонный возраст вошел,
Кто в преклонный возраст вошел
С белоснежной головой,
С белоснежной головой,—

От гяура останется тот,
Останется только тот.

[3]

— Поднимись, дочь моя, поднимись,
Поднимись, дочь моя, поднимись,
Кони стреноженные ржут,
Кони стреноженные ржут.

— Коль кони стреноженные ржут,
Пусть конокрады их уведут!

— Поднимись, дочь моя, поднимись,
Поднимись, дочь моя, поднимись,
У соседей и шум, и гам,
У соседей и крик, и гвалт.

— Коль у соседей шум-гам такой,
Пусть оба глаза у них долой!

— Поднимись, дочь моя, поднимись,
Поднимись, дочь моя, поднимись,
Слышишь, в загоне овцы блеют,
Слышишь, в загоне овцы блеют.

— Если в загоне овцы блеют,
Пусть волки их растерзают!

— Поднимись, дочь моя, поднимись,
Поднимись, дочь моя, поднимись,
О переезде похлопочи,
О переезде похлопочи,

Скот, добро собери,
Скот, добро собери,

Не стать бы жертвою врага,
Не стать бы жертвою врага;

В путь приготовим скарб родовой,
В путь приготовим скарб родовой;

Под рукой будет конь верховой,
Под рукой будет конь верховой,

Колчан и посуду прихватим с собой,
Колчан и посуду прихватим с собой.

— Если не заботятся о том мужи,
С лица земли пусть исчезнут они!

Если позволят добро отобрать,
Пусть суждено им рабами стать!

Если из рук добро уплывет,

Пусть красну-девку гяур уведет!

Если захватят скот верховой,

Пусть платят сторожа головой!

Если колчан боевой уйдет,
Пусть у наших мужчин тогда
Волк семенник раздерет,
Раздерет, ау, раздерет!

[4]

Ай, проскачем рысью, рысью,
Ай, проскачем рысью, рысью,
Оставив заслон за собой,
Оставив заслон за спиной.
Вновь на Идель вернемся домой¹;
За Иделью останемся мы,
За Иделью останемся мы;
То, что светится впереди,
То, что светится впереди,—
Небо ясное иль рассвет,
Небо ясное иль рассвет?
То, что чернеет позади,
То, что чернеет позади,—
Туча это или же пыль,
Пыль это, ау, туча иль пыль?

[5]

Сон я видела, видела сон,
Сон я видела, видела сон,
Приснился мне красный огонь,
Приснился мне красный огонь,
Вертел приснился в том огне,
Вертел приснился в том огне,
На вертеле — мяса клочок,
На вертеле — мяса клочок;
Паленый, морщится весь,
Паленый, морщится весь,
Выжжен череп дочерна,
Выжжен череп дочерна²—
Голову страшную видела во сне,
Голову страшную видела во сне.

— Если видела сон такой,
Если видела сон такой,
Если привиделся красный огонь,
Если привиделся красный огонь,
Если приснился вертел в огне,

Если приснился вертел в огне,
Клок мяса на кончике его,
Клок мяса на кончике его,
С изморщенной коркой на нем,
С изморщенной коркой на нем,
С выжженным черепом дочерна,
С выжженным черепом дочерна,
Голову страшную видела во сне,
Голову страшную видела во сне,—
На свою голову, старая!
На свою голову, старая!

6.

Кречет белый — торомтай,
Кречет белый — торомтай,
С неба свалился, говорят;
С неба свалился, говорят,
Пчела, величиной с ноготок,
Пчела, величиной с ноготок,
Насквозь ужалила, говорят,
Насквозь ужалила, говорят.
Алимтай и Коломтай,
Алимтай и Коломтай³
С разгона нагнали, говорят,
С разгона нагнали, говорят.
Как приплода летнего — волк,
Как приплода летнего — волк,
Разодрали страну, говорят,
Разодрали страну, говорят.

СКАЗАНИЕ О МАМАЙ-ХАНЕ

Было это на берегах Идели. После того, как по этим местам прошли полчища сыновей Чингиз-хана, много воды утекло. Завладел этой землей Мамай-хан¹. Отец Мамаю Муса-хан имел двух жен. Первая родила ему семь сыновей, вторая — пятерых. Мамай был пятым ребенком от второй жены, младшим сыном Мусы-хана².

Больше всего на свете любил Мамай войны. Всякого мог победить, каждого мог себе подчинить и слыл батыром жестоким и бессердечным. Там, где проходил Мамай, истреблялись народы, сжигались деревни, не оставалось камня на камне.

Во главе конницы стоял Урак³, верный спутник Мамаю. Вдвоем они и ездили по земле, наводя ужас на всех.

Так исколесив весь свет вдоль и поперек, круша и уничтожая все, что попадется на пути, Мамай и Урак добрались до городка Каф⁴. Там перебили всех жителей, убили хана. Здесь суждено было и самому Мамаю распрощаться с жизнью. Войско его было разгромлено, сам Мамай схвачен и приговорен к смерти.

«Сколько земель ты потопил в крови, сколько народу напрасну загубил, сколько жилищ разграбил и спалил на своем пути, изверг Мамай,— сказали ему.— Кровь людей, слезы сирот, проклятия стариков не проходят бесследно. Теперь настало время отрубить тебе голову. Если хочешь что-то сказать перед смертью, говори свое последнее слово».

Тогда Мамай так сказал:

У истоков Идели — гора Иремель,
То — отца моего Мусы колыбель;
У истоков Яика дремучий есть лес,
Там на летних кочевьях бывал мой отец.

Биштамак, и Кизил, и Ойсюк — всюду там
Каждый год мой отец Муса-хан зимовал⁵.

Серой масти могучий конь «Тарлан-буз»
Верный конь был отца моего, его «дус».

Был к врагам беспощаден отец Муса-хан,
Чуть повздорив, войну против них начинал.

Так отец мой Муса на земле этой жил.
Вот таким человеком славным он был.

И родные, любимые эти края,
Его долгих кочевий эти края,
Его летних кочевий эти края,
Его пастбищ, стоянок эти края,
Где он саблю за поясом гордо носил,
Где из лука врагов своих метко разил,
Где несметные полчища он возглавлял,
И откуда он в разные дали скакал,—
Все оставил когда-то Муса, умирая,
Все останется также и после Мамая.

Как только Мамай произнес эти слова, ему отрубили
голову.

МЭРГЭН И МАЯНХЫЛУ

Постигнув прелесть уральских дев,
Их лиц румяных красу узрев,
Нежность щек, как вишневый налив,
Кос черемуховых перелив,
Шелк волос, что сияет днем;
Словно ястребов пышный ком,
Груды горные их угадав,
Стан пчелиный их увидав,
Что в наездах закалены;
Песни нежные услышав
Звонче серебряной струны;
Захлебнувшись в озерах глаз,
Что смеются, глядя на вас
Сквозь ресницы — луча острей —
Под тетивою лунных бровей,—
Открыв уральских красавиц таких,
Выделив одну среди них —
Чудо-красавицу Маян,
В думах своих увяз Нугай-хан',
К отцу ее обратился он.

Кто с охотой дитя отдаст,
Что дороже зениц своих глаз?
Иль у девы, о чьей красе
На Урале слышали все,
Нет любимого в тех краях —
В степи уральской или горах?
Чтобы силой ее захватить,
Хан войска повел в ее стан.
В лес от хана скрылась Маян.

Отец красавицы Надырша
С юных лет батыром прослыл.
Во многих битвах героем был —
В них закалилась его душа.
Но, пробита вражьей стрелой,
Как плеть, повисла его рука,
Стал слепым на один он глаз,
Прежний пыл навсегда погас;
И, почувствовав, что теперь
Курбаши* уж не быть ему,

К народу скорбящему своему
Обратиться он захотел:

— На Урале родился я,
Рано с нуждой породнился я —
Очевидец любой из вас.
А нет — то слышали чей-то рассказ.
О том, что во главе своих войск
Жизнь в кровавых я битвах провел,
В них и славу батыра обрел,
Что свой край мне не раз привелось
От захватчиков очищать,—
Лишний раз вам не надо вещать.
Удальцы мои! Велика
В сердце ярость еще моя.
Но руку пробитую не вернуть,
Тетиву лука не натянуть.
Смяла голову седина —
Не кончины ли вестник она?
Возраст мой — поколения срок —
Ведь ста лет достигнуть я смог;
Сколько новых батыров Урал
Взрастил — я благословенье им дал;
Все подвластно теперь их мечу,
Все батырам теперь по плечу!
Потому одному из них,
Самых мудрых и удалых,
Быть курбаши поручить я хочу.

Стал народ тут совет держать;
Все решили власть передать
Батыру, чья меткая стрела
На лету бьет в небе орла,
Пред кем и медведь не устоит,

Чья слава стрелка повсюду гремит,
Да так, что того егета народ
Не по имени — «Мэргэном» зовет,
Доверив войско вести ему,
Собрались идти на войну.

Как курбаши Мэргэн стал,
Бросил клич на весь Урал:
«Всем на коней садиться
И у Иремеля сходиться!»

Видя тот богатырский сбор,
На Мэргэна взглянув в упор,
Видя, что в доспехах своих
Он готов для дел боевых,
Маян к отцу своему спешит —
Полон решимости ее вид:
«Тайну сиясь от дочери скрывать,
Не изводи так, отец, себя.
Волос мой длинен, но не считай,
Что в сердце отваги нет у меня².
Хоть родилась девушкой я,
Сердце двойное у меня.
Недоверием не унижай:
Мол, девушка не для войн рождена.
В грозный час для страны моей,
Когда сядятся все на коней,
Позволь и мне оседлать коня,
Благослови на битву меня!

«Долго смущенно молчавший отец
Ответил дочери наконец:
— Доблесть страны, о дитя мое,—
Смелый воин, вскочивший в седло,
Воин, скачущий в гущу боев
С острой саблею наголо.
Позор страны, о дитя мое,—
Воин, предавший свою страну,
Тайну ее открывший врагу,
Воин, от битвы бегущий прочь.
К словам моим прислушайся, дочь:
Коль сердце и двойное у тебя,
С мужчинами все ж тебе не по пути,
Чтобы, сжимая древко копья,
Бить на поле брани врагов;

Удел твой девичий не таков,
Чтобы отвагой их сокрушать,
Скача на коне, врагов поражать;
Не Хаубан ты, что насмерть бил
Шульгена, Масема, кто враг ему был;
Не Идель ты и не Яик,
Что воду из скал выбивали вмиг.
Не Кусяк ты, кто полон сил,
За Бабсака врагам отомстил;
Хоть отвагою ты горишь,
Хоть врагам отомстить грозишь,
Все же не для руки твоей меч,
Чтобы страну от врагов беречь!»

Отвечает на это Маян:
— Признак мужества — не тавро,
Что мужчинам хвалу воздает.
Косы длинные — не клеймо,
Что позорит наш женский род.
Не Барсын ли, любви полна,
Из ямы Алпамышу извлекла?
И не красавица ли Нэркэс
В схватке Яика превзошла³?
И не она ль из пучины зла
Акбузата потом увела?
Агидель — поила водой,
А Яик — мне яйляу* родной;
Моя обитель — Урал седой:
Бережно он меня растил,
У подножий своих веселил,
Лис для шапок дарил,
Волков,
Через год плодившихся раз,—
Для тулупов нам он дарил.
На мясо зайцев пускал в расход,
Что плодились три раза в год;
Он в чашобах своих растил
Птиц, чей голос для слуха мил;
Дикий лук он растил и курай*,
Что напевом свои века
Тешил род и родной наш край;
И когда на Урал беда
Вдруг пришла, и чужая орда
Захватить его хочет, кто
Не прискачет с оружием сюда?

Кто спасует перед бедой?
Акбузата мне дай, отец,
В битву я поскачу на нем.
Ну а если придет конец,
Чем войти смертью в этот дом,
Средь батыров в смертном бою
Кровь до капельки я пролью,
За страну погибну свою.

И отец ей сказал тогда:
— Что ж, всю правду узнай без прикрас:
Грозная пала на нас беда —
От Нугай-хана пришел указ:
Пусть Яик, Кыпсак и Бурзян,
Ашкадар, Дим и Тамьян¹ —
Подчинятся власти моей!
Пусть красавиц лучших пришлют,
Стада коров — не меньше пяти,
Десять табунов лошадей —
Пусть присылают мне поскорей!
Если из дома моего
Я не смогу послать никого
На войну — позор мне, дитя.
Завидев воина при оружье,
Ушами задвигав как ножницами,
Про пищу забыв, серый тулпар,
Дитя мое, источает жар.
Ладно, дочка, садись в седло —
Время беспечности прошло.
Мужчины и женщины, силою всей
Боевых седлайте коней!»

Получив разрешение отца,
На коня вскочила Маян.
Отыскав Мэргэна в лесу,
Сообщила ему о том,
Что в сражениях будет при нем.
Увидев любимую свою,
Ликованьем тот воспылал.
Что войско собрать в отчем краю,
Гонцов во все концы разослал.
Оставив Маян, по родимой стране
С кличем огненным поскакал.

Побывал он повсюду сам:
По степям, горам и лесам
Проскакав, собрал людей
И сказал со страстию всей:
— Слушайте, удальцы, меня!
Верность предкам нашим храня,
Выполняя завет Надырши,
Говорю вам от всей души.
Нугай-хан повелел нам так:
Всем, кто населяет Урал,—
Родам: Тамьян, Бурзян и Кыпсак
Головы склонить приказал;
Хоть отправили мы ясак*,
Не довольствуясь этим, хан,
Не давая покоя нам,
Всех сгубить нас велел войскам.

Помните, азаматы*, Урал,
Что навек нам оплотом стал,—
Наша обитель он и приют,
Уралтау все его зовут.
Ай, Уралтау, Уралтау!
Сколько битв на просторах степных
Разгоралось!.. В травах твоих
Егеты обучали коней.
Уралтау, свет души моей!
Земля, где отец мой стал женихом,
Где невестою стала мать,
Где пуповину взрезали мою,
Где реки серебряные поют,
Где борщевник — в целый обхват,
Где саранка — ягод сочней,
Где реки живым серебром горят —
Такая краса на земле моей!
Лохматохвостых, огнеоких —
Много волков на Уралтау!
Короткохвостых, шишкоухих —
Множество зайцев на Уралтау.
Словно Маслом смазанные ремни —
Множество змей на Уралтау.
Косолапых, бродягам сродни —
Много медведей на Уралтау.
Словно девушки, разнаряженных —
Много лисиц на Уралтау.
Гнездами скалы твои украшены —

Множество птиц на Уралтау.
Чтобы рыбам резвиться,
Много рек на Уралтау.
Чтобы лягушкам плодиться,
Много озер на Уралтау.
На склонах твоих с пронзительным ржаньем
Пасутся лошади, Уралтау.
У подножий твоих с утробным мычаньем
Пасутся коровы, Уралтау.
Ай, Уралтау, Уралтау!
Нет таких, кто б тебя не любил,
Сокровищница наша, Уралтау!

Каждого, кто стремится сюда,
По умыслу различишь и поймешь:
Скупит купец все твои стада —
Но разве вором его назовешь?
С верного скакуна сойдет
И обнимет тебя, Урал.
Умещается в жизнь всех живых
В шести летних месяцах;
Птицы, что обитают в лесах,
В гнездах высиживают своих
Яйца, ожидая рождения птенцов,
Что защебечут в небесах.

Чингиз-хан, совершив поход,
И Алтай покори́л, и Урал,
Превратил в рабов их народ,
Сынов своих биями назначал;
В мех и шелка их одевал,
Аргамаков* себе седлал.

Шубе выдровой красивой быть —
Коль аккуратно ее носить.
Если же неопрятным быть —
Значит в тряпье ее превратить.
Чингиза большинство сыновей
Разбойной хитростию своей
Стали биями; но с каких-то пор,
Страну потеряв, обрели позор.
Когда власть ускользнула от них
И с народом порвалась последняя нить,
Полногрудые жены их
Даже постель не желали стелить.

Владеющий Золотой Ордой
Наследник по имени Туктамыш
Взошел на коня с помощью слуги.
Вам последнее слово мое:
Тот из вас, кто понял меня,
В руки лук возьмет и копье,
Сядет на боевого коня.
Кто ж в бой не рвется всею душой,
Для Урала — навек чужой.

Ай, Урал ты, мой Урал!
Смерть вершин гордых скал твоих —
Мгла, окутывающая их.
Луны и солнца мрачный заход —
Это их жизни смертный исход.
Черной земли смертный миг таков —
Павший на почву снежный покров.
Гибель Урала моего —
Захват врагами просторов его.
Гибель егета везде и всегда —
Страна его под пятой врага.

Речь Мэргэна распалила всех.
Налились кровью глаза людей;
Тут же вскочили они на коней,
Луки и стрелы с собой захватив,
Решили биться с коварным врагом
До капли крови последней своей.

Пока Мэргэн объезжал страну,
Поднимая народ на войну,
Не дремал и злодей Нугай-хан:
Внезапно напав на яйляу* Надырши,
Красавицу захватил Маян
И с нею — девушек, что хороши
В этих краях были собой.
Награбив вдоволь скота и добра,
Вновь отправился он домой.

Обиды такой не в силах снести,
С силой, которую мог наскрести,
Мэргэн в погоню за ханом стремглав
Пустился, гневом к нему воспылав.
Сам же Мэргэн, отряд прихватив,
От главных сил ушел в отрыв,

Двинулся на Яик вперед,
Чтобы узнать, где находится брод,
Силу ханских полчищ узнать,
Чтобы понять, как с ней воевать.
Каждый брод он отметил там,
Рыскал по нугайской земле,
Много всяких людей повидал;
Выяснил, что, не в силах сдержать
Ханский гнет, изнывает там
Столько душ, что не пересчитать.
Видя батыра перед собой,
Люди к нему обращались с мольбой
Из неволи спасти; плач и стон
Доносились со всех сторон.

Всенародное горе познав,
Виноватого в нем отыскав,
Мэргэн такие слова сказал:
— Страну мою называют Урал.
Далеко отсюда она.
Повсюду прославлена та страна.
Я — певец. К вам приехал не жить —
Хан меня пригласил погостить.
Еще скажу, свою боль усмирив:
Этот хан совершил набег
На Урал и, его разорив,
Из яйляу, из долин наших рек
С собою женщин увел и скот.
Но оттуда сюда идет
Батыр по имени Мэргэн,
Хану желает он отомстить.
Знайτε, коль дорога вам жизнь,
Надо с Мэргэном силы сплотить,
Свергнуть хана ему помочь,
Выгнать род насильника прочь,
Счастливо на земле зажить.

И, услышав такую весть,
Весь народ, что скопился здесь,
Решил по стране разослать гонцов,
Так окликнулся народ
На Мэргэн-батыра зов.

Когда до хана добрался батыр,
Там соби́рался свадебный пир;

Хан отовсюду биев собрал
И за дорогую цену
Красавиц уральских им продавал.

Акбузата едва увидав,
Что кусал во дворе удила
У Нугай-хана, Маян поняла,
Что Мэргэн ее прибыл сюда.
Скрыть радость стараясь, гнева полна,
Обратилась к хану она:
— Верховья Яика ветра обдувают —
Юрту поставить нельзя без опоры.
Верховья Идели бурливы бывают —
Можно проехать лишь на тулпаре.
У гор Уральских мятежный нор —
Не подчинятся без кровопролитья.
Много сражений видали те горы,
Огненных много там было событий.
Сам Батый-хан покушался... И что же? —
Сгинул навек, обесславленный тоже.

После тех слов продолжала Маян:
«Сегодня сон мне приснился, мой хан.
Может, его истолкуешь ты мне?» —
И стала рассказывать, веря вполне,
Что тайный смысл до егета дойдет,
Тогда как хан ее не поймет:

— С самой вершины скалы крутой,
Из глухомани, чащи лесной,
Ко мне какой-то шел человек;
И я навстречу ему пошла,
Руку с улыбкой ему подала,
Но не стал здороваться он.
Конь под ним вконец истомлен;
Взглянула я на коня того,
И мне показалось: хозяин его
Мне как будто знаком давно.
Но другим теперь уж он был —
Одежду свою переменял;
Нет приветливости былой —
Гневом горело его чело.
Сказала б охотник — да видит аллах:
Нет сукмара* в его руках.
Путник, сказала б, но рядом нет

Спутников верных, дорожных примет.
Воду принесла из ручья,
Прыснула на его коня —
Только не освежился конь;
Налила я в лохань воды —
Опять же пить не стал ее он.
Что бы значило это, мой хан?
Если тайну сна ты поймешь,
То у пожаловавших гостей
Верный отзыв в душе найдешь.

И, услышав такие слова,
Хан к гостям обратился сперва,
Истолковать тайну сна попросил.
Ханские слова услышав,
Девичью уловку поняв,
Хитрость возлюбленной оценив,
К хану обратился Мэргэн:
Мол, хочу разгадать я сон.
И так сказал он на пире том:
— Хан великий, без лишних слов
Я скажу: не толмач я снов.
Я — певец Ишми⁵. Мой Урал
Всегда мне почести воздавал.
Вижу, нету тут смельчаков,
Кто бы просьбе владыки внял.
А коль так, попробую сам
Быть судьей девичьим снам.
Красавица, горы твои и леса —
Это заступничество за народ.
Егет, сошедший к тебе с высот,—
Надежда той, чьи очи в слезах,
Кто в плену у тирана живет,
Дни и ночи спасителя ждет.
То, что тебе не ответил он,
Рук протянутых не пожал,
Означает — секрет свой держал
На замке, тем и знак тебе дал.
То, что воду коню ты дала,
Но освежить его не смогла,
Означает, что войско он ждет.
То, что сукмара егет не имел,
То, что гнев на лице горел,
Означает, что весь его род

Встал — потому что пришел предел
Терпенью его — и в бой он идет.

Когда Мэргэн растолковал смысл сна, хан его остановил.

Слова Мэргэна оказали на гостей сильное впечатление; они стали называть его великим певцом и просить, чтобы он спел какую-нибудь песню. Егет не стал перечить воле гостей, но попросил подождать с песней, пока он расскажет о любви некоего егета к девушке. Это он о своей любви говорил, но только под видом другого егета.

Девушка та была такой красавицей, что слава о ней разнеслась по всей стране. А егет ее был не менее известным батыром, к тому же, певцом, который всюду распевал песни о любви к свободе. Девичья любовь была сильнее поднебесных ветров, вольнее крылатых птиц. Но вот чужой хан захватил ту девушку в плен. Не в силах вынести горя, егет бросил боевой клич на всю страну и сам отправился собирать дружину. Он дал священную клятву пойти на того хана войной и сокрушить его.

И дальше он повел свой рассказ стихами:

Отдаст ли батыр землю и дом,
Где отец его был женихом,
Где мать невестою была
И всю себя ему отдала?
Отдаст ли так просто батыр другим
Девушку, любимую им?
Расстанется ль с ней гордый егет,
Пока в могиле еще не лежит?
Даст ли ту землю топтать врагам,
Если живет народ его там?

Эти слова Мэргэна вывели хана из себя, и он воскликнул гневно:

— Мне до сих пор не приходилось видеть в этих краях егета, способного сокрушить могущество хана и обрести тем славу. Все, что наплел нам этот певец, — сказка.

Стоило произнести хану эти слова, как Мэргэн вскочил с места, видя, что как раз в это время подошли его люди, и пропел с вдохновением:

Перевалив Уральский хребет,
Ты оставил кровавый след:
Пасущихся лошадей угнал,
С ними — мычащих коров угнал;

Убив батыра, что рвался в бой,
Жену его оставил вдовой;
Красавиц, что, как цветы, цвели,
В рабство угнал из родной земли;
Мужчин ногайской стороны,
Зрелых егетов их страны,
Девушек лучших прибрал к рукам,
Стал ты ханом этим местам.
Не певец я — богатырь,
Защищающий свой народ,
Который слезы кровавые льет.
Я, батыр, сюда прискакал,
Чтобы месть хану воздать,
Разорившему мой Урал.
Слезы, которые льет мой народ,
Будешь кровью смывать своей;
За угнанный с Урала скот
Будешь жизнью платить своей;
Тому, кто пас скотину твою,
Умирая, оставишь трон.
За слезы, что лились в этом краю,
За тех, кто исторгает лишь стон,
За клятву, которую дал я стране,
За предков моих и за Маян
Черной кровью своей, злодей,
Ответишь мне ты и жизнью своей!—
И, замахнувшись, на месте том
Он голову хану отсек мечом.

Женщин, детей и стариков
Освободив, весь угнанный скот
В руки отдав вчерашних рабов,
В край родной он отправил народ.

Так, Мэргэн хана жизни лишил,
Ханство ногайское сокрушил.

ТАРГЫН-БАТЫР

Жил некогда среди башкир батыр по имени Таргын. Став совершеннолетним егетом, однажды сел он на своего тулпара, повязал колчан со стрелами и отправился на поиски достойной его девушки.

Вот едет он, едет и видит в степи род Аксахана на новое становье перемещается. Догоняет их егет. Впереди всех едет дочь Аксахана по имени Акъюнус. Рядом сорок одалисок — целая толпа. Когда Таргын проезжал мимо них, девушки проводили его восхищенными возгласами: «Ай да егет!» Таргын обернулся, взгляд его упал на первую девушку, и она полюбилась ему с первого взгляда. Девушка его спрашивает:

— Кто ты таков будешь, егет, и куда путь держишь?

Егет отвечал:

— Зовут меня Таргыном, а ищу я достойную меня девушку.

— А я — дочь Аксахана Акъюнус. Если я тебя достойна, то и ты мне подходишь,— ответила девушка.

Когда Таргын вернулся назад, кочевники устанавливали юрты. Таргын пошел к хану и говорит:

— Если бы ты отдал за меня Акъюнус, то я бы взял ее замуж.

— Нет, за такого распутного человека, как ты, я дочь не выдам,— отрезал хан.

Таргын рассказал об этом Акъюнус. Они решили бежать вместе. Посадив Акъюнус на тулпара*, Таргын увозит ее. Одалиски сообщают об этом хану. Хан оповещает народ о своем намерении: «Кто догонит беглецов и вернет их, за того я отдам свою дочь».

Все бросаются в погоню.

Беглецы видят далеко за собой клубы пыли, поднимающейся к небу.

— За нами гонятся, похоже, кто-то на тулпаре скачет,— говорит Таргын. Девушка отвечает:

— У нас есть старик по имени Кужак. Кроме него никто на тулпаре не ездит, видно, он это. Прыткий еще, с семи лет стал воином. А сейчас ему шестьдесят пять лет — против тебя не устоит.

Когда тот стал приближаться, Таргын оставил девушку и, свернув в степь, остановился на расстоянии выстрела стрелы. Старый Кужак подъезжает к девушке со словами:

— А, Акъюнус, вот и я. Если на твоем теле есть хотя бы одна родинка, не возьму тебя в жены. (А его меньше всего интересовали родинки, хотел старый хрыч убедиться, не испорчена ли девка).

Обращаясь к Таргynu, старик предлагает стреляться:

— Первым стреляю я, а потом ты.

Таргын спешивается и уступает старику право первого выстрела. Кужак выпускает стрелу и попадает в колчан с двадцатью пятью стрелами на плече Таргына. Все стрелы рассыпаются. Таргын садится на коня и, подскакав к Кужаку, говорит:

— Зачем ты поломал мои стрелы, сейчас я тебя схвачу и размажу твою голову.

— Не торопись,— отвечает старик,— за мной еще два выстрела. Не думай, что я могу промахнуться мимо твоего коня-горы и тебя, величиной с гору. Первым выстрелом я попал в твои стрелы, вторым поражаю коня, а третьим уничтожу тебя.

Таргын отказывается от поединка и подходит к девушке. «Давай уедем отсюда»,— говорит он.

Тогда девушка обращается к старику:

Эй, Кужак, старик Кужак,
Осади коня, Кужак,
Борода твоя как трут,
Сам ты высох, будто прут,
Ты ведешь себя как шут,
В жены взять меня решил,
С радостью за мной спешил.
Хоть убей — твоей не буду,
Озолоти — любить не буду,
Раньше был ты Кужаком,
Нынче стал сухим дерьмом.

Уязвленный такими словами, старик Кужак засовывает большой палец в ноздрю, разрывает себе нос и говорит:

— Акъюнус, передай со мной отцу какой-нибудь подарок. Скажу, что дрался за тебя и повредил себе нос. А тебя оставлю с любимым.

Девушка сняла с пальца левой руки именной перстень и отдала старому Кужаку. Кужак подозвал Таргына, поручил ему судьбу девушки и отправился домой. Вернувшись, он застал хана одного — никого с ним не осталось.

— Ну что, догнал?

— Догнать-то догнал. Да разве согласится девушка пойти за меня в мои шестьдесят пять лет. Оставил я их вместе. Вот ее подарок,— молвил старик, протягивая хану колечко.— Только вот во время драки из-за нее повредил нос.

Таргын тем временем везет Акъюнус в свою страну. А как раз об эту пору на татарское ханство напал калмыцкий хан. Таргын и Акъюнус встречаются по пути татарского хана. Тот умоляет Таргына помочь ему.

Оставив Акъюнус одну, Таргын отправляется в бой с калмыцким ханом. На виду у хана он выпускает стрелу, которая насквозь пронзает толстый тополь. Калмыцкие воины тоже стреляют, но ни одна стрела не доходит даже до середины ствола дерева¹. «Ай, оказывается, есть люди посильнее нас»,— решают они и бегут прочь. Таргын всего с сорока воинами бросается в погоню. Достигают они вершины горы Булгар². Поскольку калмыков не было видно, Таргын забирается на тополь и смотрит вдаль. Не увидев неприятеля, он падает с дерева и повреждает позвоночник. Даже сорок человек, как ни пытались, не смогли поднять его, чтобы доставить домой. Вернувшись, рассказали они об этом татарскому хану. Тот и говорит:

— Уж коли на ноги не может подняться, так пусть и умирает. Уж больно жена у него пригожая.

Тогда Акъюнус, решив сама привести его домой, отправляется к тому месту. Приходит в видит: тулпар Таргына копытом в землю бьет, собака и сокол его, оголодавшие вконец, стерегут хозяина. Девушка подошла ближе и пропела:

Булгар, Булгар, Булгар-тау,
Распроклятая гора,
Пред вражиной устоял,
Да вот с тополя упал.

Таргын, уязвленный этими словами, вскочил на ноги. Оказалось, что он вывихнул поясницу. [Как только он вскочил на ноги,] поясница сама тут же стала на место, и он

ожил. Обрадовались они друг другу и отправились к татарскому хану.

— Пусть отец твой будет проклят,
Пес ногойский!³ Нас с женой
Бросив, зенками сверкая,
Ты сбежал к себе домой.

Я сделал тебе доброе дело, а ты причинил мне зло, за это я с тебя шкуру спущу,— сказал Таргын.

Хан взмолился:

— Я отдам тебе все ханство, скот, свои владенья.

Так Таргын стал ханом здешних мест. Во время одного из военных походов Таргын погиб.

И Акьюнус дожила остатки своих дней в этой стране. После смерти ее поместили в гробницу, которая и по сию пору стоит недалеко от селения Масы⁴.

ТАРГЫН И КУЖАК

Жил некогда в стране башкир хан Аксахан¹. Однажды он созвал джиин*. Собрались на джиин батыры. От ногайцев прибыл молодой батыр по имени Таргын. Начались состязания по борьбе. Верх над всеми одержал Таргын.

У Аксахана была дочь по имени Акъюндуз. После джиина она и говорит отцу:

— Отец, пришло время тебе выполнить свое обещание, победителем вышел Таргын-батыр, отдай меня за него замуж.

Аксахан отвечал:

— Не для того я растил дочь, чтобы выдавать ее за чужака.

Видя такое дело, Таргын-батыр и Акъюндуз сговорились бежать вместе. Улучив момент, они оседлали двух аргамаков* и были таковы.

Тогда Аксахан собрал людей и обратился к ним:

— Таргын, коварный ногаец, запятнал мою честь, украл у меня дочь. Нужно догнать и вернуть обоих. Кому удастся это сделать, тому достанется моя дочь.

Поскольку смелых батыров не объявилось, вызвался шестидесятипятилетний старик — Кужак-батыр. Сел он верхом на такого же старого аргамака, как и сам, нацепил оружие и отправился в путь. Ехал он, ехал и догнал наконец беглецов. Видит — те под деревом отдохнуть расположились. Кужак и говорит:

Эй, Таргын, ты здесь — чужак,
Рядом с лошадьёю — ишак,
Ты и гость неблагодарный,
Сам бесстыжий и коварный,
Аксахана оскорбил,
Акъюндуз ты осрамил,
Зло приносишь людям, лишь

Темные дела творишь,
Мысли злобные таишь,
Руки грязные свои
Тянешь к нам. Встань предо мной
И заплатишь головой.

Таргын вскочил с места и тут же ответил Кужаку:

Эй, Кужак, старик Кужак,
Осади коня, Кужак,
Бороденку топорщишь,
Седину свою срамишь,
Ты за девушкой явился?
Эй, Кужак, старик Кужак,
Осади коня, Кужак,
Что, тряся своею рожей
И дрожа весь мелкой дрожью,
Биться ты со мной явился?
Ты за девушкой явился?
Биться ты со мной явился?

Кужак:

Эй, Таргын, ты здесь — чужак,
Не батыр ты, а ишак,
Голову тебе снесу,
А девицу увезу.
Выходи же, не спасуй,
Я башку твою снесу!

Тогда в спор вступила Акъюндуз и, встав между батырами, обратилась к Кужаку:

Эй, Кужак, старик Кужак,
Осади коня, Кужак,
Ведь тебе шестьдесят пять,
Когда сил уж негде взять,
Хочешь девушку сманить,
В свои сети заманить.
К белотелой Акъюндуз
Не приложишь старых уст,
Не приложишь старых уст.
Раньше был ты Кужаком,
Нынче стал сухим дерьмом².

Что теперь оставалось делать? Старый Кужак достал стрелу и говорит:

— Давай, померяемся силами.

Таргын на это отвечал:

— С таким дерьмом, как ты, я даже не хочу связываться.

Кужак отвечает:

— На такую соплю, как ты, я бы не стал тратить стрелу, но я должен выполнить просьбу Аксахана. Если ты такой сильный, стреляй первым.

— Нет уж, стреляй ты, все равно промахнешься³,—сказал Таргын.

После долгих препирательств, взаимных оскорблений и унижений они решают выстрелить друг в друга одновременно.

И вот с двух сторон вылетают две стрелы. Стрела Таргына уходит далеко в сторону от цели. Стрела Кужака лишь повреждает мочку уха Таргына. Они стреляют друг в друга повторно, и опять получается то же самое: стрела Таргына пролетает мимо, а стрела Кужака отрывает у того мочку второго уха. Таргын чувствует себя посрамленным, его охватывает стыд. Опозоренный в глазах Аккюндуз, он бросает армагака, снаряжение и бежит прочь⁴.

Старый Кужак возвращается домой и передает Аккюндуз в руки отца. Аксахан, выполняя свое обещание, выдает девушку за Кужака, играет свадьбу. Торжество удается на славу. Говорят, с тех пор старый Кужак так и живет с молодой женой в мире и согласии⁵.

Что же до Таргына, то он после своего бегства уже больше не возвращается в эти края. Вернувшись к ногайскому хану, он становится предводителем войска и уходит на войну. Во время одной из жарких битв у Таргын-батыра повреждается поясница, и он падает на поле брани. Его войско рассеивается. А Таргын, покинутый всеми, сорок дней и сорок ночей лежит в чистом поле. И вот, когда уже было пришла ему пора помирать, на ветку тополя садится ворона. От ее крика он открывает глаза. Ворона и говорит:

Эй, Таргын ты, эй, Таргын,
Честь батыра потерял,
От людей своих отстал,
Девушку ты проморгал,
В чистом поле пролежал,
Гордость ты свою продал.

Уязвленный этими словами, Таргын вскочил, взялся руками за поясницу и поставил ее на место. Застрелив воро-

ну, он сварил ее, съел, и, немного отдохнув, отправился на поиски Акъюндуз. Пришел он туда, где она жила, а там и следа от Аксаханова двора нет. Видать, переселились они со всем своим родом на другое место. Отправился он на поиски дальше, во многих краях побывал. Но так и не найдя Аксаханова становища, снова пошел он в сторону Киблы*, где располагалось Ногайское ханство. Дойдя до берега моря, разыскал ногайского хана и сказал: «Или жизнь, или все твое богатство!» За то, что хан бросил его на произвол судьбы, Таргын содрал с него шкуру, умертвил и занял его трон. Я не знаю, сколько лет после этого еще прожил хан с поврежденной поясницей, отца я об этом не спрашивал, а сам он мне об этом не говорил. А коли сам он не сказал, то и я не узнал.

Я на этом завершил и в вашу сторону уши наострил⁶.

ЕГЕТ-КЫПСАК И ДЕВУШКА-БАШКИРКА

В далекие стародавние времена существовала, говорят, большая страна Кыпсак¹. Это был древний край башкир. На эту землю со всех сторон постоянно нападали враги.

Однажды, когда на берегу реки Танып красивая девушка-башкирка полоскала белье, мимо нее на игровом акбузате ехал егет-кыпсак. Остановив коня на водопой, он обратился к красавице с такими словами:

Далек мой путь, и здесь хочу найти я ту,
с кем век мне жить,
Красавица, ведро дай — водой тулпара напоить;
Коль жив-здоров из дальних мест я ворочусь,
То на одной из таныпчанок я женюсь.

Девушка на это отвечала:

Егет-кыпсак твердит мне, будто он привез
В заплечном коробе своем подарков воз,
Что золотом карманы брюк его полны,
И овцы есть, да и верблюдов — табуны!

Егет:

В котомке есть еда для дальнего пути,
Есть удаль в сердце, чтоб на бой с врагом идти,
Есть то, о чем все люди знают, край мой весь —
Батыра слава, по которой мне и честь.

Девушка:

Егет-батыр, готов ты жизнь отдать в бою,
И я желанья своего не утаю:
Коль после битв с победою придешь домой,

Готова я с тобой навек судьбу связать,
В знак верности подарок мой прошу принять.

С этими словами она вручила егету серебряное колечко,
завернутое в вышитый платочек.

Защитой будет мне в бою подарок твой,
Ты пожелай, чтоб я живой пришел домой;
Краса моя, любовь навек, теперь прощай,
Звездой судьбы в моем пути быть обещаю,—

сказал егет, крепко обнял, поцеловал девушку, сел на коня
и поскакал на битву.

СУКЕМ-БАТЫР

Был Сукем отважный воин,
Был Сукем отважный воин,
Гордый вид приняв, на сечу
Он ходил врагу навстречу.
Коли кровь с лица стекала,
Говорил он: пот течет;
Коль стрела в плечо попала,
Говорил он: дождь идет.

И когда на край сальютов*,
Что богат был табунами,
Чтобы их угнать, напали
Воины Кусюма-хана,
Кунью шапку заломив,
Лук с колчаном нацепив,
Мчал он в бой, своих собрав,
Аргамака оседлав.

И на сивом иноходце,
Будто на Дюльдюле*, летал он;
И раскалывались скалы,
Когда стрелы в них метал он.
Вознамерились гяуры*
Край башкир опустошить,
Батыров Сукему подобных
Поголовно истребить.
Но Сукем им не отдал
Край родной, где рос, мужал,
Край с зелеными лугами,
Край привольный с табунами.
Хотя и один остался,
За Миасс он перебрался,

Там, настигнув вражью рать,
Стал врагов уничтожать.

Гордо на врага ходил он,
Был ему неведом страх,
На родной земле с почетом
Схоронили его прах.

Был Сукем отважный воин,
Будто лев — неукротимый,
Средь имен башкир-батыров
Утренней звездой сияло
Его имя негасимо.
Будто сокол быстрокрылый
Был в стране такой один он.

БАЯЗИТ-БАТЫР

В мире много есть батыров:
Есть охотники-батыры,
Есть и воины-батыры,
Есть защитники страны,
Разве сын страны вернется,
Не разбивши вражью рать?
Если враг пирует, он разве
Будет в юрте почивать?
Баязит-мэргэн удалый,
С ним сравняться не берись.
А кто взялся — бедный малый
Будет каяться всю жизнь.
Коль враги вдруг нападали,
Старики на битву звали,
Когда взявши луки, стрелы,
Воины коней седлали,
Баязит-батыр являлся,
Лихо на коня взметался,
С рыси перейдя в галоп,
Смело мчался на врагов.

В мире много есть батыров:
Есть охотники-батыры,
Есть сыны своей страны,
Баязит-батыр был славный,
С Баязитом внешне схожи
Есть батыры с львиной статью.
Баязит отважно бился,
Будь он ранен в грудь — сказал бы
— То не кровь, а пот струится.
Баязит был славный воин,
Побеждал врага достойно.

В рать ногайцев он врезался,
Как овечек их кромся,
В страх и ужас их ввергая,
И с победой возвращался,
Баязит-батыр был славный, ох,
Баязит-батыр был славный.

КУБЯК-БАТЫР

В давние времена напали как-то на нашу землю калмыки. А случилось это как раз о ту пору, когда Кубяк-батыр сосватал невесту и собрался было свадьбу сыграть, да пришлось вместо этого на борьбу с врагами отправляться.

Отгнав калмыцкое войско и вернувшись домой, он снова отправился сватать невесту. Встреча с невестой однако не оправдала его ожиданий. Невеста, желая поправить настроение жениха, поведала ему:

Мне сказали, что Кубяк батыром стал,
Мне сказали, что Кубяк батыром стал;
Мне сказали, что сей воин смел, как лев,
Мне сказали, что сей воин смел, как лев;
Мне сказали, что вернется скоро он,
Мне сказали, что вернется скоро он;
Защитив свой край, свой дом,
Защитив свой край, свой дом;
Мне сказали — возвращается уж он,
Мне сказали — возвращается уж он;
Мне сказали, что великий он батыр,
Мне сказали, что великий он батыр.
Когда с дружкой я увидела тебя,
Когда с дружкой я увидела тебя;
Когда сабля, ой да булатная твоя,
Когда сабля, ой да булатная твоя.
Ослепила своим блеском мне глаза,
Ослепила своим блеском мне глаза;
Побежала — подкосились ноженьки,
Побежала — подкосились ноженьки;
Пошла кругом голова у меня,
Пошла кругом голова у меня;
Да наряды не успела я найти,
Да наряды не успела я найти;

Кумыса я не успела глотнуть,
Кумыса я не успела глотнуть;
Ой и твердое же дерево — дуб,
Ой и твердое же дерево — дуб;
Как вошел, так и....
Вот тогда во мне-то все оборвалось.

АКШАМ-БАТЫР

Когда уж год мне доходил,
Я по-волчьи прыткий был;
Год исполнился второй —
Острой я играл стрелой;
Третий год мне исполнялся —
Я, как птица, в небо рвался;
Как исполнилось мне пять,
Я ремнем стянул свой стан
И в краю известным стал;
Шесть исполнилось мне лет —
Костью вовсе я окреп,
И упрямым наделен,
В драках был весьма силен;
Семь исполнилось мне лет,
Зрелым стал я как егет;
Когда восемь лет мне было,
Вырвалась наружу сила;
В девять я коня седлал
И во весь опор скакал.
Когда было десять мне —
Справа стрелы в колчане,
Слева — сабля на боку —
На врага скакал я в бой
За свой род, за край родной.
Так я стал Акшам-батыр,
За свой край пошел я в бой,
Слава обо мне придет домой;
Верный конь мой в дом вернется,
В страхе враг к земле прижмется,
Звать меня — Акшам-батыр.

КАРАС И АКША

В древние времена на берегу Яика, там, где стоит теперь аул Науруз, проживал мэргэн по имени Карас. Однажды казахи угнали с пастбища табун лошадей. Когда весть об этом дошла до Караса, он, не мешкая, оседлал своего бузаргамака, скликнул еще тридцать всадников и бросился в погоню. Настигнув угонщиков, Карас остановился против их предводителя и произнес такой кубаир:

Сын Кушкильды я, а зовут меня Карас,
Я первым в бой с врагом вступаю всякий раз,
Когда же лучники выходят на майдан,
Я первенство оспариваю каждый раз.
Из стрел моих не улетит зря ни одна,
Вот и сейчас на мне два полных колчана;
Не вздумай, спину показав, как трус удрать —
Ты и твой сброд получите свое сполна.
Ты, на Караса посягнувший, кто таков?
Кто твой отец и из каких ваш род краев?
Судя по стати, — будто б ты батыр,
Остановился, говорить со мной готов.
Хочу узнать, кого же жизни я лишу,
И кровью чьей сейчас я стрелы орошу;
А коль ты признанный батыр в своем краю,
То с почестями здесь тебя похороню.
Конь прыток мой — во лбу его звезда, ты знай,
И если хочешь увидеть живым свой край,
Табун чужой уж лучше ты добром отдай.
Коль ты батыр, позволь мне первому стрелять,
Ведь потерпевший должен первым начинать.
Прицелившись, в тебя я выпущу стрелу;
Для поединка можешь место выбирать.

Предводитель угонщиков, не испытывая ни малейшего страха, так ответил на слова Караса:

Я — Акша; одно лишь имя
Многих в трепет повергало;
Знаменит мой род: батыров
И турей* он дал немало.
Больно складно говорил ты,
На словах уж очень смелый;
Чем хвалиться, что батыр ты,
Докажи, попробуй, делом.
И калмыцкие батыры,
Услыхав лишь мое имя,
Чуть ли не теряли разум.
Ты с три короба наплел тут,
Не моргнувши даже глазом.
Сможешь у Акши-батыра
Скот отбить, к нему попавший,
То считай — имел ты дело
С бабой самой завалящей.
Стоило «Акша-батыра...» лишь
Услыхать в шести алашах*,
Как батыры Аблай-хана
С седел сваливались даже.
Ты — еще малец сопливый,
Налетаешь, угрожаешь,
Весь дрожишь от нетерпенья,—
Кто перед тобой — не знаешь.
Детка, первым ты стреляешь,
Но учти — коль промахнешься,
То на месте мертвым ляжешь.
Посмотри — вдали там видишь
В синей дымке возвышенья —
Ты оттуда начинаешь.
Детка, кровь не проливая,
Прочь скачи ты, что есть мочи,
Не изведав смерти муки.
Скот, попавший в наши руки —
Ста казахов вооруженных —
Как один отбить ты хочешь?

Выслушав эти слова, Карас доскакал до означенного Акшой места и начал готовиться к поединку. Сидя верхом, он наложил стрелу на лук и задумался: «Перво-наперво мне нужно угодить в его колчан и порушить все стрелы: может

быть, тогда, убедившись в моей меткости, они без кровопролития оставят табун и уберутся подобру-поздорову». Так решив, батыр положил эту стрелу обратно в колчан и достал стрелу с наконечником «кузы яурун»*. Изготовившись к выстрелу, он посмотрел на заряженный лук и произнес заклинание:

Мой мощный лук с концом змеиноглавым,
Коль преломишься во время натяженья — тебе
позор.

Стрела «кузы яурун» с концом стальным,
Коль в сторону уйдешь — тебе позор.
Витая тетива из девяти шелковых нитей,
Коль лопнешь ты — тебе позор.
А если я не в силах буду натянуть тебя,
Тогда, понятно, на меня пойдет позор.
Кузы Яурун — моя стрела стальная,
Коль, отскочив, не повредишь кольчугу — тебе
позор.

А коли я, в колчан попав, его не прострелю,
Тогда, понятно, на меня падет позор.

Сказав это, Карас слегка привстал на стременах, натянул лук и с оттяжкой отпустил тетиву. Колчан, висевший на правом плече Акши, разбился вдребезги, стрелы рассыпались в пух и прах и разлетелись в разные стороны. Изумленный таким оборотом дела, Акша промолвил: «Видали этого мальчишку: судя по выстрелу, свирепый, похоже, парень. Даже во время схватки с калмыцким батыром Ванишлихаем я не дрогнул, а тут, чувствую, екнуло мое сердце».

Начал он в свою очередь готовиться к выстрелу и сказал, обращаясь к своему оружию:

Кузы яурун — сухой лук,
Если я тебя не натяну — мне позор;
Стану натягивать, а ты переломишься —
Тебе позор.
Если выстрелю я мимо цели —
То мне позор.

Где высокий холм стоит,
Ветер на горе свистит —
Мой соперник на вершине,
Должен я его сразить.
Бью поверх его седла,

В сердце чтоб вошла стрела,
Смерть его настигнет тут,
Я натягиваю лук.

Акша натянул лук и выпустил стрелу. Она чуть было не пробила насквозь кольчугу Караса, но тот успел схватить ее и положить в колчан.

Теперь очередь за Карасом. Поразмыслив чуток, он срезает ножом стальной наконечник, так как он помешал бы стреле пронзить (железную) чешуйку кольчуги. Затем расщепляет кончик стрелы на пять частей и, прицелившись, выпускает стрелу в противника. Стрела проникает в пяти местах через кольчугу и пронзает острыми концами сердце Акши, превратив его в решето. Акша-батыр, издав крик от боли, замертво падает с коня. Спутники Акши не успевают наброситься на Караса: только и ждавшие этого момента преследователи обрушивают на врагов град стрел.

В конце концов, угонщики, потеряв убитыми предводителя и еще несколько человек, были вынуждены, оставив табун, обратиться в бегство.

Вырыв могилу, Акшу похоронили тут же на месте его гибели. Над могилой соорудили курган из камня. После того, как в изголовье батыра в качестве особого знака вонзили стрелу, Карас произнес такие слова:

За жизнь свою ты много схваток пережил,
Батыров много в поединках положил;
Башкирских лучников в расчет не принимая,
В шести алашах как герой ходил.
Ты без труда стрелой кольчугу мог пробить,
Судьба назначила тебе батыром быть,
Но себе равных ты нигде не находил,
Не мог никак ты свое сердце укротить.
Ты право первого мне гордо уступил
И по-батырски грудь свою стреле открыл;
Ты же едва кольчугу мне не раздробил,
Ее с меня ты ведь совсем чуть-чуть не сбил.
Батыра равного едва ль еще придется повстречать,
Хоть хвастал ты, но верные слова успел сказать;
Акша-батыр с горячим львиным сердцем,
Долг чести я теперь тебе хочу отдать.
Из камня я тебе курганом склеп сложил,
Все будут знать, что здесь Акша-батыр почил;
У изголовья я тебе стрелу вонзил¹,
Пусть скажет каждый: «Нас батыр опередил».

БИЛАЛ И ДУСЯН

В древние времена между казахами и башкирами нередко происходили кровавые стычки. Однажды казахи, напав на Тунгатар, увели у башкир 1500 голов лошадей. Башкиры предприняли ответную барымту*. Сражение было жестоким. Во время этой битвы у одного старого башкира в плен попали сын и зять. В бою башкиры отогнали казахов до горы Куксятау. Им удалось отбить у казахского бая Айдарбека 1500 лошадей, которых участники барымты поделили меж собой так, что каждому досталось по 15 голов. По случаю битвы старый башкир, потерявший полоненными сына и зятя, сочинил следующий кубаир:

Как взбежал я на ветряк, вот беда,
В колесе-то дегтю мало, вот беда.
Все лежу да вспоминаю, вот беда,
Нет Дусяна и Билала, вот беда.

Восемь прутиков из тала, вот беда,
Я на стрелы в роще срезал, вот беда.
Эх, каких егетов нет, вот беда.
Полонили их казахи, вот беда.

Верблюдица Аблай-хана, вот беда,
Все лежала и жевала, вот беда,
Все лежу и вспоминаю, вот беда,
И Дусяна, и Билала, вот беда.

Издалёка смотришь — виден, вот беда,
Березняк на Юраптау, вот беда,
От тоски совсем извелся, вот беда,
Аул бая Тунгатара, вот беда.

Я смотрю на Куксятау, вот беда,
Там сосняк густой растет, вот беда.
В сердце многих о батырах, вот беда,
Память вечно не умрет, вот беда.

С Куксятау на водопой, вот беда,
Тропкой сходят звери все, вот беда.
Иссушила очи дума, вот беда,
О Билале и Дусяне, вот беда.

Пятьдесят годков я прожил, вот беда,
И согнулся — не вздохнуть, вот беда.
Грусть-тоска мне сердце гложет, вот беда,
Негде голову приткнуть, вот беда.

ЕРЭНСЭ-СЭСЭН

Однажды хан Абулхаир с казахскими баями приехал в гости к башкирскому тархану Акмамбету. Приехал и говорит Акмамбету:

— Твой отец с моим отцом всегда жили в мире и дружбе. Тебе следовало бы уйти с этого берега Яика, освободить наши становья; для зимовья ты можешь использовать пастбища на Ирендыеке, на Аташе. А как избавиться от остальных — это уже моя забота. Они и сами убегут.

Акмамбет, чтобы сохранить табуны, решил перебираться на Урал. Перед этим он пригласил к себе некоторых баев, чтобы представить им своего гостя Абулхаира, а тому дать понять, что баи будут переселяться с ним вместе. Узнав об этом, Ерэнсэ-сэсэн, хотя его и не пригласили, явился к ним непрошеным гостем. Баи и хан начали бранить его за то, что он якобы будоражит народ. На это Ерэнсэ ответил хану Абулхаиру:

То не я, а люд простой говорит, ау,
Люд простой — не звук пустой — говорит, ау,
Ой, люд простой — не звук пустой — говорит.
Кто среди простых людей не простак, ау,
Тот от имени людей говорит.
Люд простой, а вернее — народ, ау,
Он неправым путем не пойдет, ау,
Ой, он и мудрое слово найдет,
Оно доброму — защита, гора, ау,
А для злого — страшной топора.

Я среди простых людей всюду свой, ау,
Только в ваших глазах я — изгой, ау,
Я скажу, что говорит люд простой, ау,
Я навек с народом связан судьбой.

Вас ведь тоже господь наш создал,
В услуженье вам многих он дал,
Ой, и грабить многих он вам позволял.
Но делить вас и нас — нет причин,
Все равно путь в могилу один.
Если ты, хан, об этом не знал, ау,
В родословной своей не читал, ау,
Ой, а читал если — не понимал.
Расскажу я, уж ты не сердись, ау,
На народ на простой не гневись.

Иной с рожденья уж хан-господин, говорят,
Много было таких — не один, говорят,
Ой, много было таких, говорят.
Что они творили зло — я молчу,
В добрых ханов я и верить не хочу.
Был одним из них Абулхаир-хан,
Нет, не ты, тот — из прежних был хан¹.
Ой, великим ханством правил тот хан.
Сын Ибрак его род продолжал,
Покорив Сибирь, он ханом там стал.
Но границы ханства он только сужал,
И земель отца Ибрак не удержал,
Ой, земель отца Ибрак не удержал.
Звать себя сибирским ханом повелел,
Сам же ханство удержать не сумел.
В том роду, что в Сибирь переселился, говорят,
Позже хан Кучум родился, говорят,
Ой, в шалаше, покрытом снегом.
Против силы не устоял и Кучум, говорят,
И пришлось ему оставить ханский чум, говорят.
Когда битый из Сибири он бежал, говорят,
И с арбой застрял в болоте, говорят,
Эх, застрял и что делать не знал,
Он накинул на шею аркан, говорят,
И петлею удавился этот хан, говорят.
А еще известен был хан Аблай,
Что раньше, как раб, верблюдов пас,
Ох и жестоко всех держал он в руках.
Я да я, говорил, я да я — повторял,
Ясным соколом себя называл,
Я такой лишь на свете один, говорил.
Не страшился врагов — подходите, говорил,
Сердце вырву я вам, подходите, говорил.

Кто видал сейчас кого-нибудь из них,
Чтоб щеголяли они в шубах меховых,
Ой да щеголяли они в шубах меховых.
Их уж всех давно земля себе взяла,
Белым саваном укутаны тела!
Они вырваны давно уж сорной травой,
В изголовьях у них камень гробовой,
Лики их покрыты пылью вековой!
У последующих был тоже жребий свой,
Ханам всем так предначертано судьбой.
То не я — а люд простой говорит,
И не мне, а тебе говорит,
Ой да не мне, а тебе говорит:
Табунов ли наших жаждет хан,
Или крови от нас жаждет хан?

У кого нет забот — видит сын, говорят.
Беззлобный копит богатства, говорят,
Ой да богатство копит, беззлобный, говорят.
Изготовил народ дубинки, говорят,
Чтоб отстоять свои зимовья, говорят.

Акмамбет собрался вас угощать,
А придется поминки справлять,
Ему камень надгробный готов.
Да и хан назад уже не убежит,
На пути могильный камень лежит.

КАРАСАКАЛ

Ой, Урал, ты мой Урал!
Величавые отроги
И вершины — мой Урал!
Всем зверям четвероногим
Ты приют даешь, Урал!
Воспитал ты мужем гордым
Моего отца, Урал!
Моей матери проворной
Стал ты родиной, Урал!
Две судьбы связав, их роду
Дал начало ты, Урал!
Чаши, вольную природу
Стаям птичьим даровал!
Будто дева, обольщая,
Красотой врагов прельщая,
Ты на бой позвал, Урал!
За тебя погиб отец мой,
Ты, вдовою мать оставив,
Слезы лить ее заставив,
Ей свекровью стал, Урал!
Что же мне тебе сказать?
Лик твой нынче не узнать,
Ты леса, поля, долины
Стал боярину-вражине
Под заводы уступать.
Твоя стать врагу досталась,
Сколько воинов не стало,
Не желавших примириться
С волей царского указа.
Уж озера высыхают,
Утки гнезда покидают;
У оставшихся батыров,

Кого Родины лишили,
Очи слезы застилают;
Тополя, что украшали
Берега озер, поникли,
Когда листья их опали;
И могучего Урала
Красота совсем увяла,
Как пришли сюда бояре
И заводы основали.

Враг коварен и хитер:
Пешим явится в твой двор,
Чекменем тебя прельстит,
Медом, маслом умастит,
Но зарежет без ножа,
Сердце вынет, не дрожа,
Все добро твое и скот
Перепишет и учтет.
Всей землюю завладеет,
Сыновей твоих забреет;
Над тобой глупца поставит,
Рабской службою задавит,
Ты и пикнуть не посмеешь.
Кусюм с Саитом — два батыра
Разобрались в деле быстро,
Всех подняли за собой
На кровавый, смертный бой.

II

Но когда Кусюм был сломлен,
А отряд его разгромлен,
То Нияз-батыр бежал, —
Юрматинцами* не принят,
Своей Родиной отринут —
Он укрылся среди скал
Там, где Селеук течет,
Где дремучий лес растет,
Вместе со своей женою.

[В скором времени Нияз]
Обошел по многу раз
Все кочевья, что лежали
Вдоль Яика и Идели
На его родном Урале.

Но в краю, что обессилел
От раздора и насилья,
На земле, где битва шла,
Где сгорело все дотла,

Видел он лишенных крова
Лишь сирот и женщин вдовых,
Лишь людей, что исстрадались.
И батыр, как ни старался
Убедить их, надрывался —
Только голос свой сорвал,
И раздробленное войско
Воедино не собрал.

Но Нияз не покорился,
Пред тарханом не склонился,
Рук своих не опускал;
На врагов он нападал
Дерзко, в руки не даваясь,
И надежно укрываясь
В чаще леса, среди скал.
Им вдвоем в приюте горном
Жить пришлось совсем недолго:
Третий в общество явился —
Вскоре сын у них родился.

Родился малыш здоровым,
Хоть зима была суровой,
Он ни разу не простыл;
Стужу лютую зимой,
И палящий летний зной,
Дождь осенний проливной
С легкостью переносил;
Хворям он не поддавался,
Все играл и улыбался,
Рос буквально на глазах,
Не по дням, а по часам,
Резвым и отнюдь не робким,
С родинкой на подбородке,
Крепышом — отцу под стать,
И родители решили
Минлигул его назвать¹.

Уезжал отец по делу,
Мать с ним душу отводила,

Одиночество делила,
Утешенье находила,
Нежно на руки брала,
Убаюкивая, пела:
«Будет мблодцем сынок,
Будет золотцем сынок,
Загрустишь — развеселит,
Радость в душу он вселит,
Пусть аллах его хранит,
Пусть от сглазу защитит,
Пусть и хищник обойдет,
Пусть батыром он растет.
Как Кусюм и как Саит
Будет смелый он егет.
На горячем скакуне
С саблей и при колчане
Отчий край он защитит».

И отец, любуясь сыном,
Говорил, его лаская
И подбрасывая в воздух:
«Подрастет он у меня,
Сразу сядет на коня,
Лук со стрелами возьмет
И врагов разить начнет.
Парень будет удалой,
И батыр растет лихой,
Он, как сокол легкокрылый,
Будет ворогу грозой.
В нем Саит-батыра честь,
В нем Кусюм-батыра месть,
Позовет его на битву
Предков пламенная песнь,
Путь ему не загородят
Ни препоны, ни враги,
Маяком ему в дороге
Будет след Конгур-буги²,
Потеряться он не может,
Среди тысячи похожих
Родинка узнать поможет,
Что он есть Карасакал».

III

Сын с отцом не знали скуки,
Не сидели, сложа руки,

По Уралу разъезжали
И нукеров* вербовали.
Минлигул в пятнадцать лет
Настоящий был егет,
И когда, как истый воин,
Званья мужа стал достоин,
То решил пойти он сам
По Кусюмовым стопам.
Как батыр он снаряжался,
Бердышом вооружался,
Лук и стрелы в руки брал,
Своего коня седлал
И на тех, кто продавался,
Он набеги совершал.
Он прошел Сибирским трактом,
Где Шиган обосновался,
Побывал в кипчакском крае³,
Где Юлдаш с врагом сражался,
А потом, в Тамьян-Катае⁴
У Таймаса побывавши,
Дальше в степи он подался.
А в долинах Ашкадара
Зрели ягоды. В разгаре
Было лето. И девчата
Попадались ему часто,
Что водили хороводы
На лугах, в лесах и рощах.
Среди девушек заметил
Он красавицу одну —
Звали все ее Бану.
Она песню ему спела,
Земляницей угостила,
Минлигул в девицу сразу
С взгляда первого влюбился.

Двух сердец одно биенье,
Двух сердец одно стремленье
Матери с отцом открылись,
Маулитбай — отец семейства,
Не противясь, дал егету
Прикусить ушко девицы⁵.

О приходе Минлигула
И начальники прознали,

Чуя, что придет он снова,
Стражников своих заслали.

Люди тот секрет раскрыли,
Минлигулу сообщили.
Чтоб врагам не попадаться,
Он был вынужден скрываться.

Но тарханы* не дремали,
Гонца в Уфу они послали,
У царя прося подмоги,
С ним письмо такое дали:
«Минлигул, Нияз, Алдар
Вновь нукеров собирают
И заводы занимают;
Неожиданно и дерзко
Постоянно нападают».

Из Уфы войска пришли,
По лесам они пошли,
И тарханы к ним примкнули,
Чтоб Нияза с Минлигулом
Обнаружить и схватить,
Склоны все, пещеры, скалы
По Уралу обыскали,
Все чащобы прочесали.

Но от вражеского глаза
Минлигула и Нияза,
Дав им женскую одежду,
Люди скрыли и спасли.

Минлигул не отсыпался,
По Идели вверх поднялся
И к батыру Якшигулу
В край бурзянский перебрался.
Здесь, среди лесов и гор,
Объявил он общий сбор,
Разослал гонцов к батырам,
Чтоб держать совет всем миром.

Собрались батыры скоро
Каждый в женском одеянии,
Чтобы сход держался в тайне,
Будто на «уйын»⁶ все в горы

Девушки сюда стекались,
Песни пели и плясали.
Минлигул батырам славным
Рассказал о деле главном;
Планы им свои поведав
И послушав их советов,
Он с народом распростился
И в далекий путь пустился.

Он Идель, Нугуш оставил,
Вышел в степи за Яиком,
А затем коня направил
Вдоль по берегам Илика,
До Кабды* реки добрался,
Год с казахами общался.
Лишь весна поля открыла,
Дальше путь повел батыра.
И в долинах Табантала*
Дней прожил егет немало.
Он по краю много ездил,
Повидал батыров здешних,
Разузнал от них о месте,
Где Саит-батыр схоронен,
И почтил его честь честью.

Здесь батыр не задержался,
По Уилу* вверх поднялся,
В аймаке* на речке Эмба*
Прочно он обосновался.
Ездил берегом Арала,
Токорака навещал он,
И с Булатом пообщался,
Много раз с Ногос-батыром
На Аму-Дарье встречался,
Вел с батырами беседы
О делах и общих бедах,
И с ним каждый соглашался.

И у них, как прояснилось,
Вопиет несправедливость,
И батыры строят планы,
Как поднять народ на хана.
Минлигул в ответ на это
Им раскрыл свои секреты.
Три батыра сговорились

У калмыков побывать,
Навестить Суна-батыра,
С ханом дружбу завязать.
Говорят, Суна богат,
Да к тому ж калмыцкий хан —
Младший брат его Картан.

Каждый дал другому слово,
Обещав его сдержать,
Тайну Минлигула хану
До поры не открывать.

В состязаньях на йыйынах*
Выступать им приходилось,
Минлигулу в конных играх
Равного не находилось.
Хан калмыков Минлигула
Сразу как родного принял,
Стал упрашивать батыра
При дворе остаться с ними.
Два батыра, с Минлигулом
Обсудивши предложенье,
Что от хана исходило,
Гостю здесь обосноваться,
Высказали одобренье.
Хан Картан богат был, только
Сына бог ему не дал,
Потому любовь, как к сыну,
К Минлигулу он питал.

Была у Картана-хана
Дочь по имени Матый,
Полюбился ей батыр.
Из-за родинки, которой
Он ее так восхищал,
Стала звать Матый батыра
Средь подруг «Карасакал».

Прозванный Карасакалом,
Минлигул прожил немало
При Картане неотлучно,
Будто сын его родной.
С ханскими детьми зимой
Он науки изучал,
Летом, оседлав коня,

По округе разъезжал.
О его уме и силе
Здесь наслышаны уж были,
Как батыр Карасакал
Славу громкую снискал.
Донесла Аму-Дарья
Славу в дальние края,
До границ Ургенистана*,
До ушей Султана-хана.
Тот решает пригласить
Их с Картаном погостить.

И когда Карасакал
В путь-дорогу снарядился,
На коня верхом сажился,
Матый — девица-краса,
Дивно черные глаза,
Длинным-длинная коса,
Тонкий стан, лебяжья стать —
Его вышла провожать,
Ему плетку подавала
И взволнованно сказала,
Ласковым сияя взором:
«Ты ведь возвратишься скоро?»

Рядом матушка стояла
И слова те услышала.
Здесь бы надобно сказать,
Что и раньше замечать
Мать меж ними начала
Непонятные дела.
И, за дочку беспокоясь,
Быстро хану донесла.

Хан словам таким дивится,
Прежде чем в седло садиться.
Держит он совет с женой,
Как бы избежать женитьбы.
Как любовь поохладить бы
Между парой молодой.

Минлигул и Картан-хан
В путь отправились далекий
В сторону Ургенистан,
Погостить у Султан-хана.

Вот до ханства доезжают,
У дворца толпу встречают.
Из расспросов выясняют:
Из троих сынов Султана
Двое — у калмыков ханы,
Младший сын, что с ним остался,
Сорок дней вот, как скончался.
Поминание о сыне
Хан устраивает ныне⁷.

Скот для трапезы забили.
Игры, скачки объявили.
Победителям награды
Приготовлены уж были.
В этом крупном состязаньи
Принял Минлигул участие.
И в борьбе и в конных играх
Он завоевал признание
Первого среди батыров⁸.
Когда игры завершились,
То молва о Минлигуле
По стране распространилась.

Раньше был такой обычай
Между ханами привычен:
Один хан мог у другого
Сторговать себе батыра,
Заплатив скотом прилично,
Курбаши в стране назначить.
Так, за счет батыров славу
Ханы многие стяжали,
Войско в ханстве снаряжали,
Государства покоряли
И богатства умножали.

Сын Султана Ишми-хан,
Тот обычай уважая,
Долго голову ломал.
Как ему Карасакала
Под свое прибрать начало.
[Дни, недели пролетают,]
Приезжает он к Картану,
Минлигула здесь встречает.
Без утайки в свои планы
Он батыра посвящает.

По обычаям же ханов,
Если гость кого-то просит,
Уважать желанье гостя
Было принято. Лишь только
За него плати ты столько,
Сколько запросил хозяин.
Ишми-хан цену Картана
Не оспаривал нисколько.

[Минлигул, Ишми, Картан]
Стали дело обсуждать
И втроем совет держать;
А когда и Султан-хан
Прибыл из Ургенистана,
Минлигул к ним обратился,
Весь секрет не раскрывая:
— Я с Урала буду родом
И хочу сказать вам слово;
Не уважите его вы —
Поищу пути другого.
Я родился в пекле боя
Там, где кровь лилась рекою,
С малолетства видел раны,
Чуть подрос, хотя был молод,
Объявил войну тиранам.
На земле, что исстрадалась,
Многие батыры пали,
Пепелища лишь остались,
Где жилища их стояли.
Из-за подлости тарханов
Я совсем один остался
И, на время дом покинув,
В вашем крае оказался.
Уж четырнадцать годов,
Как обрел у вас я кров⁹.
Видел бедных и богатых,
И счастливых, и несчастных,
Насмотрелся я всего.

Только горе, слезы, раны
Людям всем несут тираны,
Разоряют земли, кров,
Обращают всех в рабов.
В свое время Чингисхан
Самый главный был тиран.

И его потомки — ханы,
Что народы покоряли
И держали в рабстве страны
Около пяти столетий
От Китая до Алмана,
От Алтая до Урала.
Они жили, как хотели,
Слез кровавых знать не знали;
Вдоль по рекам на Урале
Они всюду оседали,
Никого не разбирая —
Русский ты или чувашин —
Всех подряд уничтожали.
Превращая всех в рабов,
Оставляя сирот и вдов —
Был обычай их таков.
Ох, как много из-за ханов
Слез горючих пролилось!
На моем родном Урале
Много воинов рождалось,
Но таких, чтоб проливали
Кровь безвинных, как те ханы,
На Урале не встречалось.
Только ханы да тарханы
Мой Урал родной топтали,
Люди воли здесь не знали.

А теперь хочу сказать я:
Землю, что освободили
От потомков Чингисхана,
Царь московский и бояре,
Их наемники — тарханы —
Снова всю заполонили,
Грабят, земли отнимают
И батыров вырезают.

[Ай, Султан-хан, Султан-хан,]
Коль отец ты Ишми-хану,
Из Зунгарии* что родом,
Слово веское скажи.
Если ты и с Картан-ханом
Спаян кровью и родством,
Коль являешься отцом
Одному, другому — братом,
Им обоим подкажи:

Пусть мне воинов дадут,
Пусть батыром назовут,
На Урал их поведу,
На врага войной пойду!

Выслушав речь Минлигула,
Посоветовались ханы
И, одобрив его планы,
Ему войско снарядили.

IV

Минлигул от Султан-хана
Двинул в сторону Урала,
На земле казахских ханов
Часто делая привалы.
Кто он есть на самом деле,
Никому не выдавал,
Он повсюду был известен
Как батыр Карасакал.
Разыскав башкир всех беглых,
Живших на земле казахской,
Взял он под свое начало.
Разнеслась молва о нем
За далекие пределы,
Что Карасакал умен,
Что сэсэн* и воин смелый.
Местный хан Абулхаир,
Растревоженный молвой,
Пригласил Карасакала
Погостить к себе домой,
Чтоб узнать, кто он такой
И какие строит планы.
Наш батыр к нему явился,
С ханом он уединился,
Стал вопросы задавать,
Сам, де, я хочу узнать,
Что в краю твоём творится.
Из ответов Минлигул
Для себя одно смекнул:
Хан не прочь повоевать,
Край башкир к рукам прибрать¹⁰.

Разгадавши эти планы
(Поступил батыр хитрей),

И сказал: «Я — Зунгар-хана
Младший сын Султангарей¹¹.
Мой отец давно скончался,
Трон же старшему достался.
Он хотел, собравши рать,
Весь твой край завоевать.
Я на это не поддался,
Между нами спор начался.
Войско я собрал тогда
И направился сюда,
Не затем, чтоб ханом стать,
На кого-то нападать,
Чье-то ханство отнимать.
А иду я на Уралтау —
Край башкир, где, я слышал,
Их жестоко угнетают,
Грабят, земли отнимают
И бояре, и тарханы,
И окрестные все ханы.
Их батыры не сдержались,
Против этого восстали.
Но бояре и тарханы
Тех батыров разгромили
И в крови их утопили.
Без защитников остались
Старики, сироты, вдовы.
В одночасье оказались
И без пищи, и без крова.
Услыхав про них такое,
Я лишился здесь покоя,
И решил тогда я смело
Сердца трепет, кровь егета
И Карасакала славу
Тем отдать, чья жизнь разбита,
Посвятить святому делу,
Потому спешу к Уралу.

Кроме этого ты знай,
Что Урал — врата в твой край,
Там война всю пылает;
Царь московский посягает
На твою страну. Урал
Он уже к рукам прибрал,
Казематы там построил.
В них и ханы и везиры

Будут как в своей квартире,
Остальные — твой народ —
Будут им пасти лишь скот.

Выслушав слова батыра,
Хан тогда в раздумье впал
И собрал своих везиров;
С ними принял он решение
Дать батыру подкрепление
И везира с ним послал¹².

V

И повел Карасакал
Войско прямо на Урал;
Свою тайну он до срока
Никому не выдавал.
Перешли они Яик,
Перебрались через Ик,
Добрались до Ямантау.
И в долине Иргизли
Обнаружили яйляу*,
Где Тукян располагался.
Минлигул с ним повстречался,
И они решили вместе,
От других держа в секрете,
Беглых всех на этом месте
По лесам собрать окрестным.
Приказав быть всем при деле,
Сам батыр Карасакал
Вверх поднялся по Идели.

Весь Иргиз — леса и скалы,
И когда Кусюм восстал,
Всех, кого враги искали,
Он надежно укрывал.
Сам Карасакал отважный
Здесь, когда он молод был,
После боя не однажды
Набирался свежих сил;
И батыры укрывались,
У кого ломались сабли,
Женщины, мужья чьи пали,
Свои жизни здесь спасали.
В дни сражений с Тевкелевым,

Когда был в огне Урал,
Всем зверям лесным став кровом,
Приютил их Ямантау;
А когда Акай был схвачен
И подавлено восстанье,
То Антон, его товарищ,
Здесь приют устроил тайный.
И хотя тарханы, беи
Рыскали по всей Идели
Среди скал, но как ни бились,
Так ни с чем и удалились.
Когда сгнули батыры,
А тарханы и бояре,
Потопив в крови, прибрали
Край к рукам, то и Антон
Жил, в пещере укрываясь¹³,
Днем нигде не появляясь.

Здесь и там Карасакал
Среди беглых побывал,
Все, что надо, разузнал,
А потом пришел на место,
Где отшельник обитал.
Увидав Карасакала,
Тот хотел дать бой сначала.
Зная, что не враг Атон,
Чтобы не пугался он,
Минлигул оружие снял.
И Антон рассудку внял —
В гостя он стрелять не стал.
Он пришел в недобрый час:
Жена беглого Антона
В лес по ягоды пошла,
На тарханов набрела
И убита там была.
Разделив Антона горе,
Засучил он рукава,
Заступ взял. С ним вместе вскоре
Они вырыли могилу
И по русскому обычью
Прах ее земле предали.

Так они вдвоем остались,
Выше на скалу забрались,
Погрустили, а потом

Рассказал ему Антон,
Как события развивались:
— Ведь Акай батыром стал,
Весь народ его признал
И пошел за ним в надежде
Вольным стать, каким был прежде.
Царь на них направил войско,
Но когда ряды восставших
В битву бросились геройски,
Стали вражью рать громить,
К отступлению теснить,
Царь указ распространил
И восставших с толку сбил:
«Если кто из населенья,
Из мишар, типтяр, татар
Нам поможет в подавленьи
Бунта, тот получит в дар
Безвозмездно землю, скот»,¹⁴ —
Царь сбивал с пути народ.
Чтоб казанские татары
И башкиры не роднились,
Запрещал царев указ
Также браки между ними¹⁵.
Царь, указ свой разославши,
Разобшил ряды восставших.
Кто доверился указу,
Тот в Уфу помчался сразу.

Так беседа завершилась,
Гостю многое открылось.
И тогда Карасакал
Карандаш с бумагой взял,
И батырам, всем известным,
Из семи родов окрестных
Он посланья написал,
Всем собраться предлагал,
Указав, что будет сбор
Около Девичьих гор¹⁶.

VI

Получив посланья, сразу
Собрались батыры втайне,
Сторонясь чужого глаза,
Каждый в женском одеянии.

Чтоб враги не догадались,
Девушки сюда стекались
Как на общее гулянье.

Посмотрел Карасакал
На батыров на суровых,
На печальных женщин вдовых
С безутешными от горя
И от горьких слез глазами,
Внял их песням заунывным,
Полным грусти неизбывной,
Безысходность выразившим,
Болью сердце наполнявшим,
И, взволнованный, к Уралу
Обращаясь, молвил слово:

— Ой, Уралтау, Уралтау,
Достославный Уралтау,
Отчий край наш. Назовешь ли
Ты сынами тех батыров,
Что врагу тебя отдали?

Ой, Уралтау, Уралтау,
Нас вскормивший Уралтау,
Ты уходишь в поднебесье.
Кто противиться не хочет
И взирает бессловесно,
Как пришелец склоны топчет;
Как пьет воду из Идели —
Той реки, что нас вспоила —
И к ней алчно припадает;
Как под корень вырубает
Он леса — Урала кудри;
Как вражина тело греет
Под рассветными лучами,
Что родной Урал лелеют;
Как теперь заводы строит
На груди его чудесной,
Будто девушки прелестной, —
Тот тебе, Урал-отчизна,
Разве сыном быть достоин?

Ой, Уралтау, Уралтау,
Величавый Уралтау —
Наш родимый отчий край.

Если в сердце у батыра
Дух живет непобедимый,
Будто волны Агидели
Бьется в грудь неукротимо,
Он не стерпит унижений,
На врага пойдет в сраженье
Яростно, бесстрашно. Будет
Он в бою прочнее стали.

Ой, Уралтау, Уралтау,
Славный, гордый Уралтау,
Отчий край наш Уралтау,
Много битв и войн кровавых
Переживший Уралтау,
Много воинов бывалых
Повидавший Уралтау.
И певцов-сэсэнов гордых,
И батыров благородных,
И красавиц, их достойных,
Воспитавший Уралтау.
Ты, в курай вдохнувший душу,
Песням девушек внимавший,
Вдов с сиротами спасавший,
От проклятий очищавший,
Древний край мой, Уралтау,—
Коль тарханы и бояре
Здесь заводы установят,
Разобьют свои становья,
Завезут своих боярынь,
Нам не будет отчим краем,
Табунам не будет раем
Дымкой тронутый Урал.
Не выслеживать нам боле
Косолапого медведя,
Волка серого на воле,
Ни медку пчелы отведать,
Не охотиться на птицу,
На игривую лисицу,
На пушистую куницу,
Не ловить в реке плотицу.
И клочок земли могильной
Вспашут — с миром не оставят,
И работой непосильной
Как раба тебя задавят.
В наших прежних неудачах

Не вините лишь аллаха;
Нас враги разъединяли:
Мы пришельцам доверяли,
Землю каждому давали;
Враг, прикинувшийся близким,
Даже тем, кто встал уж в стремя,
В сердце клал сомнений семя;
Тот, кого мы другом звали,
Та, с кем разделял ты ложе,
Даже брат родной — тот тоже —
Наши тайны разглашали.
Потому врагу достался
Край наш, а батыр остался
С затуманившимся взглядом,
Лишь с обманутыми рядом,
Будто тополь облетевший,
Будто стебелек отцветший».

Люди, затаив дыханье,
Выслушали речь батыра.
А потом Карасакал
Всех батыров подозвал,
День восстания назначив,
Дал им письма, обозначив
Тараул* как место сбора,
И на том расстался с ними.

Вдоль Идели и Яика,
Нугуша, Сакмары, Ика,
Вдоль Касмарты и Усени,
Вдоль по Деме — на кочевьях,
Письма, что Карасакал
Накануне раздавал,
Перечитывались всеми
От мала и до велика.
Имя же Карасакала
Над кочевьями витало.
Те, в ком сердце исстрадалось,
В ком любовь к стране осталась,
Все, кто мог коня седлать,
Стали сплачиваться в рать.
На воззванье откликаясь,
Люди споро собирались.
Край отца Карасакала —
Весь ырыу* Нияз-батыра, —

В воинство одно сплотившись,
К Тараулу устремился.

VII

Вороной скакун, который
Даже птице не уступит
И других вперед не пустит,
На скалу и в воду ступит,
Когда был вручен майору
За спасение егетов,
Что в полон к врагу попали —
Их сто двадцать было — он,
Не прижившись на чужбине,
Переплыв Идель, домой
Воротился, и майору,
По следам который гнался,
Больше в руки он не дался,
Первым скакуном считался
Он во всем роду в ту пору.
Этот конь Амекяс-батыра,
Признанного всей округой,
Был в подарок приготовлен
От земли Тамьян-Катая
Славному Карасакалу.
Караата* во всем крае —
И в Тамьяне, и в Катаяе,
И в Бурзяне — всюду знали
Вдоль по рекам на Урале.
Люди все, узнав о том, что
Конь в подарок предназначен,
План Тамьянцев поддержали.
Род Нияза ободрился,
Весь народ воодушевился —
С нетерпеньем небывалым
Ждали здесь Карасакала¹⁷.

Вести о Карасакале —
Что он где-то на Урале —
От бояр и от тарханов
Вмиг дошли до генерала.
Хан Абель¹⁸ казахский тоже,
Не без умысла, похоже,
Тайный план Карасакала
Раскрывает генералу.

Генерал тогда схитрил:
Абдулла, который схвачен
Был с отцом своим Акаем,
Из тюрьмы освободил
И его уговорил,
Чтобы он Карасакала
Захватил или убил;
Дал коня и проводил.
Абдулла поехал. Скоро
Он добрался до Урала,
Где Нияз, собрав весь род свой,
Ожидал Карасакала.

Абдулла, сюда явившись,
К людям с речью обратился:
«Царь с моим отцом решили,
Соглашенье совершили:
Всех бояр с земель изгнать,
Самому народу дать
Над собой главу избрать,
У туря и у тарханов
Не должно быть встречных планов,
Из восставших кто остался,
Чтоб в бега не подавался.
Бродит здесь Карасакал,
Собирает, будто, рать,
Хочет ханом здешним стать.
И Кильмет с моим отцом
Обещанье дали в том,
Чтоб сего пришельца взять,
В руки царские отдать,
Родину не предавать,
И коней впредь не седлать,
На царя чтоб посягали,
В чем бумагу подписали».
Видя этот оборот,
Растревожился народ,
Мненья о Карасакале
Разделяться сразу стали.

В дни восстания Акая¹⁹
Абдулла был верный воин,
Потому, когда сказал он
Твердо о Карасакале
Будто о враге, то это

И Нияза сбило с толку,
Он попался на уловку:
Боем встретить приказал он
Как врага Карасакала.

Что же до Карасакала —
Он в Уфу пошел сначала,
Ночью крепость осадил,
С боем многих обреченных,
В каземате заключенных,
Быстро он освободил.
На Урал вернувшись, сразу
Подошел батыр к Ниязу,
Тот (обманут Абдуллой)
Дал Карасакалу бой.
Только после поражения
Нияз хитрость разгадал,
Когда он в Карасакале
Сына своего узнал.

Снова был объявлен сход,
Где собрался весь народ.
Достославный род Тамьяна
Перед всем честным собраньем
Подарил Карасакалу
Лучшего из табуна
Вороного скакуна.
Взяв коня, Карасакал,
Обращаясь к ним, сказал:
«Ой, Уралтау, Уралтау,
Сколько битв здесь прокатилось,
Сколько крови здесь пролилось,
Сколь батыров насмерть билось!
Я — батыр из всех батыров
К вам пришел, Карасакал!»—

Сказав эти слова, Карасакал обнял Караата, надрезал себе запястье и кровью поклялся перед народом в верности.

VIII

Затем батыр Карасакал
В Идели напоил коня,
Пришел к могиле, где лежал
Кусюм, и камень гробовой

Обняв, к нему припал щекой;
Землей осыпал круп коня,
Чтоб он неязвимым стал.
И Қараат печальный взгляд
Свой на батыра устремлял,
И будто дрогнула земля,
Где славный воин крепко спал.
Увидев, что людскую боль
Қарасакал в себя вобрал
И клятву верности им дал,
Народ решил идти с ним в бой,
Ему здоровья пожелал.
Батыр же видел пред собой
Отцов, чьи пали сыновья,
И вдов, чьи сгинули мужья,
Осиротевших враз детей
И одиноких матерей,
И их несчастных дочерей
С кричащей болью в их сердцах,
Слезами горькими в глазах,
В рванье, почти что нагишом,
И с горечью в душе сказал:

— Здесь медведь по чаще бродит,
Здесь в бору волчище ходит
И олень ветвисторогий;
Здесь летает сокол строгий,
И орел парит высоко,
Здесь бегут вдоль крутояра
С Иремеля и Айтаса
Агидель, Яик, Сакмара,
Будто молоко парное.
Здесь, столпившись в табуне,
Кони дремлют при луне,
Бродят по долам стада,
Мирные семьи и родá
По степям кочуют вольно;
Здесь батыры на курае
Боль людскую изливают;
Здесь пленительные девы
Водят чудные напевы.
Здесь леса и рощи полны
Птичьим гомоном и звоном,
Здесь от края и до края
Весь Урал — моя земля,

Весь Урал — моя семья,
Весь Урал — мне мать родная.
Для батыра, что седлает
Своего коня в дорогу,
Здесь давно Конгур-бугой
Обозначен путь прямой.
С богом сел я на коня,
В сердце ненависть храня,
Чтоб на бой с врагом идти,
Чтобы счеты с ним свести:
С его сабли кровь течет,
Яд со стрел его течет,
Превратил он жен во вдов,
Превратил детей в рабов,
Он огню предал их кров.

Ой, Урал, ты — мой Урал,
Сколь батыров ты видал,
Сколь красавиц воспитал!
Но батыром быть достоин
Лишь отважный муж и воин,
Кто, рискуя головой,
Ворогу в бою кровавом
Не уступит край родной!
Та красавицей слыла,
Что батыра родила,
Сына в бой благословила
И последнего, что было,
Скакуна ему дала.
Разве тот, кто стал турэ,
Верность родине презрев,
Может сыном быть Урала?
Разве та — хылыу*, кто свадьбу
Празднует с батыром-грусом,
Убежавшим с поля брани,
За столом собравши сватов?
Разве Родина Урал
Для того, кто из Идели
Воду пил и здесь влюблялся,
Родом здесь обосновался,
Но на битву не собрался
И другого удержал?
Разве тот, кто зазнавался,
Возносить себя старался,
Может сыном называться

И защитником Урала?
Разве мать таким — Урал?

Выслушав слова эти, люди промеж себя виновных искать стали. Карасакала яствами угощали, многие вместе с ним в бой собираться начали.

IX

В то самое время, когда народ собирался на битву под водительством Карасакала, известный во всем Тамьян-Катае мулла Мурат и старшина Масгут привели на суд человека по имени Теляукай. Мулла Мурат, обратившись к Карасакалу, такую речь сказал:

— Славен будешь ты, батыр,
О тебе насышан мир.
Поднимаешь правоверных
Против ворогов неверных.
Звать тебя Султангарей,
И Дюльдюля* ты достоин
Как батыр и славный воин.
Ты и Мекку* посетил,
Где паломником ты был,
Ты в Каабе* побывал,
Где пророк ногой ступал.
Сам аллах тебя послал,
Чтоб коня ты оседлал,
В битву саблю в руки взял,
И ислам распространял;
Чтоб Гайсу с небес спустил,
Нашу веру укрепил,
Ей дорогу осветил,
Нас Кораном просветил,
И врагов нещадно бил.

После этих приветственных слов мулла Мурат и старшина Масгут вручили батыру подарки, которые они привезли с собой. Затем мулла, указав на Теляукаю, продолжал:

— Азамат*, вот сей егет
Родом не из наших мест.
Гол, как пес, и крыши нет,
Да к тому ж ислам не знает
И Коран не уважает.

Когда дом его горел,
Он, что мог, спасти успел,
Лишь Коран в огне оставил.
А ведь должен был бы он
За Коран пойти в огонь,
А не просто наблюдать,
Как он будет догорать.
Не Коран — тряпье спасал,
Тяжкий грех на душу взял.
Сам из беглых этот тип,
А теперь вот к нам прилип.
Перед всем честным собранием
Заслужил он наказанья:
Возле пепла от Корана
Надо нам его побить
И рэжем* над ним свершить;
А жену оставить вдóвой,
Не давать их детям крова,
Труп земле не предавать,
На съеденье псам отдать.
На эту речь Карасакал
Улыбнулся. Отвечая
И Масгуту и Мураду,
Он поставил Теляукая
Перед всеми и сказал:
— Азамат, Корана суд —
Это есть Аллаха суд.
Коль виновен — на том свете
За грехи свои ответит
Перед богом сей егет,
Нам сюда встречать не след.
Видит бог, Коран, наверно,
Не нарочно же он сжег,
Поступить он так не мог,
Обвинять его неверно!

И потом, когда сейчас
Наступил тревожный час,
Смотрит весь Урал на нас,
Когда маленький ребенок
Даже рвется из пеленок,
Сесть желая на коня,
Вы спросите у меня:
Умно ль жизни нам лишать
Тех, кто может лук держать?

Разве можно допускать,
Чтобы плакала та мать,
Что батыров родила?
И детей осиротить
Тех, которые вершить
Будут в будущем дела?
Конь о четырех ногах,
И то спотыкается,
И мужчина иногда
Ошибается.

Имя мне — Карасакал,
Долго мой народ страдал,
Долго кровью умывался,
Потому я и поклялся
Злейшего врага прогнать,
Кто мой край испепеляет,
Кто детей и женщин-вдов
Обращает всех в рабов,
Кто отцов искореняет,
Что коней нам выделяют,
Губит семьи и рода,
Что батыров мне отдали
И с врагом на бой послали.
Клятву дал я перед миром
Кончить с сим кровавым пиром!

Пока сердце мое бьется,
Кровь батыров не прольется,
Пока жив я, не позволю,
На конях играя вволю,
Ни тарханам, ни старшинам,
И ни тем, кто выше чином,
Грабить нас, Урал топтать,
Кровь безвинных проливать!
Тем же, кто своих предал,
Делал вид, что воевал,
Нам доверие внушал,
У врага подачки брал,
Клятвы ложные давал,
Тайно делать так старался,
Чтобы хищникам достался
Край наш вольный,
Тем, кто сеет лишь раздор,
Обрекая на позор

Край наш вольный,
Тем едва ли
Место будет на Урале!

Эта речь Карасакала
Прямо в сердце проникала.
Каждый, в ком душа страдала,
По свободе изнывала,
Кто коня мог оседлать,
Примыкал к Карасакалу,
На коня верхом садился
И отважно устремился
В бой на вражескую рать,
Чтобы край свой защищать.
Звонкий клич Карасакала
Будто буйный ветер вольный
По стране распространялся,
И тревогой наполнялся
Дух боярина, тархана,
Генерала и царя.

Х

Конь горячий вороной
Минлигулу был под стать,
И когда с батыром в бой
На врага летел стрелой,
Будто стая воронья
Рассыпалась вражья рать.
Глаз тулпара вороного
Пылью боя застилался,
А в глазах коня другого —
Генерала Тевкелёва —
Чад пожарищ отражался.
И в бою Карасакал
Ровный путь не выбирал,
Камни ль, скалы ль — не смотрел,
И под сонмом вражьих стрел
Жизнью смело рисковал.
А копьё его летело,
Будто птица, прямо к цели.
Всех врагов Карасакал
В изумленье повергал
На своем Каратулпаре²⁰.
Конь на кручи забирался,
Где и зверь не пробирался;

И когда с победным кличем,
Он, как сокол на добычу,
Сверху на врага кидался,
Врассыпную тот бросался;
Там, где конь Карасакала
Наступал — крошились скалы,
Сильный ветер поднимался,
Лес дремучий пригибался;
Видя войско пред собою,
Конь бросался в гущу боя,
Насмерть врага топтал.
Сабля острая батыра
Как коса врагов косила,
Поражая вражью силу.
Конь, меча свой взгляд лучистый,
Седока носил, играя,
Будто рыба в речке чистой;
Шел за седоком послушно,
Будто дева молодая.
Он обучен был науке
Лечь, за скалами прижаться,
И батыр стрелял из лука,
Меж ушей располагая
Стрелы, продолжал сражаться.
Отдохнуть батыр приляжет —
Конь всегда стоит на страже,
Коль грозить беда им будет,
Конь хозяина разбудит.
Раз двенадцать так бывало,
Что батыр на землю падал,
Раненный стрелою вражьей.
Одного не оставлял он,
И батыра заставлял он,
Тормоша, в седло забраться,
Помогал к своим пробраться.
И когда, уставши биться,
Конь с батыром в стан явились,
Девы хладною водицей
Круп горячий окропляли,
Их с батыром восхваляли,
Доблесть, храбрость воспевали.

XI

На призыв Карасакала
Поднялись сыны Урала,

И долины Агидели,
Демы и Караидели,
Нугушá и Ашкадара
От врага освободили.
Урал — мать таким батырам,
Кто вспоён его водой;
Кто идет в строю едином
С остальными в смертный бой
С честью, воина достойной,
Тем Урал — отец родной.

Только разве есть земля,
Где нет хищного зверья?
Разве может не страдать
От жестоких войн страна?
Разве может не стонать
От тяжелых ран она?
Разве раненый Урал,
Наш отец — родной Урал,
Наша мать — родной Урал,
Разве мог Урал родной
Не остаться сиротой?
Коль Урал — наш общий дом,
Чтобы жить привольно в нем,
Разве в теплом доме том
Лишь родные сыновья?
Разве станет как родной
Сын, что вырос сиротой?
Разве в общем доме том
Мы красавиц не найдем?
Разве красотой девицы
Может лишь один прельститься?
Та, что мнит себя красивой,
Пусть с луною ликом схожа,
Что душа ее красива,
Разве мы увидеть можем?

Коль батыр, что называет
Себя воином отважным
И с тобой на силу вражью
В бой идет, конем играя,
Цель, куда стрелой он целит,
Хоть и можешь ты увидеть,

Но куда он сердцем метит,
Разве можешь ты заметить?

Рядом с воином отважным
В милом Минлигулу крае
Тех, кто звал себя батыром,
С кем не раз сидел на пире,
С кем играл он на курае,
Даже путь и много было,
Только против силы вражьей
Если не было единства,
Разве мог батыр без войска,
Расшибись в лепешку даже,
В одиночку только биться,
Разве мог не оступиться?

Против вражых полчищ сонма
Лишь один батыр — не воин!
И тулпар копытным звоном
В страх повергнуть их не волен!
Если у Карасакала
Среди воинов немало
Душ продажных оказалось,
Что врагам его предались,
Мог иначе поступить он?
Разве мог не отступить он?
Когда воинство распалось,
Родина врагу досталась,
Что батыру оставалось
Кроме злой и горькой доли
Снова быть былинкой в поле?
Защитить пришел Урал он,
От врагов его очистить,
Гнева, ненависти полон,
День и ночь был в пекле боя,
Но один в стране -- не воин,
Что же делать оставалось
Воину Карасакалу,
Как опять не стать изгоем?
Напоследок он сказал:
«Пусть ушел Карасакал,
Пусть батыров много пало,
Только мой народ не сгинет
И ярмо раба он скинет,
Кровь выдавшие батыры

Не дадут врагу жить в мире,
От него очистят край».

И слова Карасакала
В памяти людской остались.
И хранит седой Урал
Те тропинки среди скал,
По которым вслед за ним
В бой батыры поднимались.

ЮЛАЙ И САЛАВАТ

Отец Салавата — Юлай,
Отец Юлая — Азнали,
Ну а отец его отца,
Приходящийся Салавату прадедом,—
Шакман, называемый Шагали.
Славу большую он имел;
Когда царь Иван троном владел,
Казань захватить ему помогал;
Когда ходил к Ивану-царю,
От имени башкир клятву давал;
Землю башкирскую оградив,
Биями во владеньях своих стали,
Имена четверых ходоков
Своих на оленью шкуру вписали.
Один из тех четырех ходоков
Стал главой семи родов
На Сибирской дороге, где был его стан,
Провозглашен был как тархан.
Безграничный владыка в стране своей,
Хозяин множества волостей,
На красном месте — в царских дворцах,
Каждое слово его — у всех на устах,
Власть необъятная — в его руках
(Ни у кого нет власти такой!) —
В тех краях он тархан вот такой.
Собственноручно жалобу настрочив
И генералу, и царю
На батыра по имени Юлды,
Жившего по руслу реки Кусьян,—
За то, что тот не подчинялся ему,
За то, что шел против заводчан,
Против заводских богачей,

Шагали призвал войска в ту сторонú;
Добился того, что Юлды и его жену,
Его товарищей и детей —
Повесили в стороне своей.
Выжег землю его и дом,
Пепел по ветру развеял потом,
Аулы тамошние разорил,
Название дорого их с памяти смыл,
За счет их расширил владенья свои,
Стал владыкой семи округов —
Никто противостоятъ ему не мог;
Даже приезжим боярам, купцам
Земли их продавал под залог;
Жил так до девяноста лет
Тарханом, не зная горя и бед;
На всем Урале Шагали мог
Собирать байкыш* и оброк.

Так богатством он славу стяжал,
В своих руках всех биев держал;
Те заводчане, что приезжали,
Купцы, что землю купить желали, —
Никто без Шагали не мог
Собственные дела решать.

Когда он умер, то сын его,
Внук, рожденный от сына того,
Прежнему аулу Юлды,
Что на Сибирской дороге стоит,
Дали название — Шагали;
Наследство, что от него получали,
По поколению передавали —
Жили так в пределах той земли.

От корня, что восходит к Шагали,
От внука его правнук на свет пришел —
Мальчик по имени Азнали:
Он тоже широкую славу обрел.
Биев распутных таких было три,
Много имели они богатства,
В домах роскошную жизнь вели;
Куда б ни явился Азнали,
Были открыты все двери ему.
Отец содействовал тоже тому:
Летом, чтоб сына обучать,

Он муллу держал на дому.
В городе зиму тот проводил,
Русский язык там изучил;
Был единственным на Урале,
Кто знал два языка и письмо;
В силу славы своей такой,
Аймак, принадлежащий ему,
Крепко он держал под рукой.

У Азнали дочерей
Было много, и лишь один —
Самый младший из детей —
Мальчиком был, кого звали Юлай.

Только коня он оседлал,
Сразу же по округе всей
Знаменитым егетом стал.
Хоть Азнали был всему голова,
А Юлай — лишь егет молодой,
Он перечил во всем отцу,
Не боясь его воли крутой.

И едва об этом узнали
Начальники, друзья Азнали,
Заводчики — в сговоре одном —
Отвернулись от Азнали,
Забыли дорогу в его дом.

Наговаривая всякое на него,
Юлаю разное твердя,
Баи округа всего
Слухи-сплетни разводя,
Лишили звания тури,
Сняли с должности Азнали.

Звания своего лишась,
Сыну передал отец
И дела свои, и власть.

Про себя решил Юлай:
Землю впредь не продавать,
С заводчанами отсель
В сделки вступить не пытаться,
Дальше от баев здешних держаться.

Но заводчики и их
Полновластные друзья
Отказаться от своих
Притязаний не могли —
Всякие козни строили они.
Скупая земли у людей,
В безмерной жадности своей,
Расширяли заводы свои;
Подкупая всех подряд —
И начальников, и богачей,
Проклинали Юлая, говорят,
Отлучали его от людей.

Когда же биями стали те,
Кто поддержан боярами был
(Ну а любой заводчик везде
Поборами да разбоем жил),
Насправедливость видя ту,
Задумались люди простые всерьез:
«Если так плохи наши дела,
Грабится всюду наша земля,
Можно ль и дальше чего-то ждать?
Всем миром к Юлаю пойдем,
Будем вместе совет держать!» —
Сговорившись, коней оседлали
И к Юлаю поскакали.

«Безнаказанно рубят лес,
Дичь, принадлежащую нам,
Потребляют начальники здесь,
К своим хозяевам из здешних мест
Увозят, чтобы им угодить», —
Так к Юлаю они обратились,
Горем всеобщим с ним поделились.

Юлай торопить события не стал:
И генералам, и царю
Письма одно за другим отослал;
Не получив ответа на них —
Ни от царя, ни от всех других,
Сход созвал он, бросивши зов, —
Юных, пожилых, стариков;
Ничего скрывать не стал,
Правду горькую им рассказал:
«Все тайком да шепотком

О горе вещаете своим.
Выслушал каждого из вас
(Судьба свела вас в недобрый час) —
То, что в сердце таит любой,
Седоволосый и молодой.

Вот перед вами я сейчас,
Не таясь, никого не боясь,
Не робея пред теми, кто
Продал заводчикам ни за что
Душу и совесть, я вот что скажу:

Однажды самка-кречет хвалилась:
Мол, крысу в озере я словила!
Все ж соколихой ей не стать никогда;
Пред прочими бахвалился лунь:
Мол, мышь на берегу я словил!
Но лаской не станет он никогда.

Черный беркут хвалился:
Мол, с лета зайца я подбил!
Но ловчим станет ли тот, кто дичь
На охоте не может настичь?

Тот, кто шею пред сильным гнет,
Землю заводчикам продает,
Тягостей жизни не испытал;
Кто улыбается перед тобой,
Понося тебя за спиной,
Кто всегда и во всем двулик,
Кто имеет двойной язык;
Кто с бахромой носит чапан,
От своего величья пьян,
Стране опорой такой туря*
Не станет никогда;
Не сравнится подобный сроду
С батыром, который всегда с народом;
Кто людскую печаль таит,
Точит в чаше свою стрелу;
Когда враг войной грозит,
Защищает свою страну.

Народный батыр должен быть таков:
К цели идет он без лишних слов,
Им владеет дума одна:

Лишь родная своя страна,
За которую биться готов.
Носят в себе богатыри
Коня оседланного. Коль такой
Батыр своею правит страной,
В стране будет много гостей дорогих;
Если же правит муж дурной,
Всю заполнят ее враги.

От отца шестеро было б мужей,
Чтоб славно править страной своей;
Могли б верный путь избрать они свой,
Не кичась высокой родней;
Слезы, текущие у страны,
Воспринимали бы как свои;
Затянув поясом боевым
Стан свой, с супостатом любым
В бой вступали бы. В грозный час
Гнали бы прочь их от своих глаз;
Если в лицо ударяет стыд,
Сами его могли бы смыть.

Чем шестерым родиться плохими,
Родился б лучше хороший один,
Стал бы стране своей отцом,
Народу праведным вожаком,
Чтоб мудрость сквозила в его словах,
И под властью его земля
Счастье истинное обрела.

Сейчас у нас такие дела,
Что достойного мужа нет,
Кому внимала бы вся страна.
Если станешь бродить по ней,
Только и видишь толпы людей,
Которым лихая доля дана.
Ну а достойные мужи
Пляшут на груди у страны¹.
Словно родины лишены.

Не влезают в ее дела,
Словно в шубу, что в росте мала.

---

¹ Пляшут на груди у страны — имеется в виду, живут легковесно, не интересами страны и ее народа.

Край наш захлебывается от слез,
От нападения врагов и свар,
От грабительства и угроз —
И заводчиков, и бояр.

Как старец восьмидесяти лет,
Что воспаленные щурит глаза,
Задубевшую спину гнет,
Как мать, что полные ведра несет
(Отальное знаете вы сами, друзья);
Как отец, что рубит дрова,
Девяноста достигший лет,
Стеная и ухая, как сова,
Гнуший спину свою задубелую,
Словно дятел, долбящий дерево,
Край наш. Что ждет его — знаете вы.

Сами знаете вы о том,
Что красавицы страны,
Улыбкой одаривающие парней,
Как теплым вечерним ветерком,
Как нежным рассветным ветерком,
Как тихо журчащим ручейком,
Который по ночам при луне
Переливается под тальником, —
Останутся вдовами в стране.
Батыры в тюрьмах позор найдут,
Дети в колыбелях замрут —
Это любому понятно, друзья.
Война начнется — сесть на коней
Вам придется, участвовать в ней.
Но лишиться головы —
Гибели в битве боитесь вы.

Дорогой, проложенной навсегда
Средь непролазных лесистых скал
Буренком, который тут путь искал, —
Кунгыр-бугой; из породы той —
Телки, что шли ее же тропой, —
Нет ныне вспоенных их молоком
Достойных батыров в краю родном.

Знаете все вы о богатыре,
Которого называли Урал,
Который против морского царя,

Покрывшего сушу земную водой,
Начал войну. Место вражеских сил
В озеро, величиной с конский глаз, превратил,
Хребет по названью Урал проложил.

Слышали о том, кого звали Идель,
Который рассек гору Иремель,
Дал оттуда растечься реке.
И Яик вам известен наш:
Воду выбил он, срезав Уйташ.
Слышали также о богатыре
Хаубане, сыне батыра Суры,
Кто за слезы родной страны,
За тех, кто остался сиротой,
За кровь и смерть своего отца,
Желавшего ответить барымтой,
Коварного Масем-хана убил.

Правителей семи родов —
Юрматы, Кыпсака, Табына,
Кыукана, Айдия, Катая
И еще — батыра Тамьяна —
Всех их тоже помните вы.

Знаете вы и о том,
Кто родился на свет среди скал,
Там же стал богатырем,
Восемнадцать лет подряд
На плите каменной спал;
Ночью черною, без луны,
Бродил по просторам страны,
Сидя на камне среди скал,
О горе народа размышлял —
Батыр по имени Карасакал.
В скольких битвах участвовал он,
Сколько врагов уничтожил он!
Знаете все вы его пути,
Слова, что вырвались из груди —
Слышатся со всех сторон.
Был каждый любим, и каждым по гроб
Любая девушка готова была дорожить.

Все ж не лежали они лежмя,
И когда нападали враги,
Вмиг вскипала в батырах душа.

Приласкавши детей своих,
Игравших, как жеребята, в дому,
Под горький плач любимых своих,
Вверявших сердечные тайны им;
Носившую девять месяцев мать,
Забывая ночами спать,
Детей кормила грудью своей;
Отца, кто, пот отирая со лба,
Растил в натуге своих сыновей,—
Всех покинув, батыры те
Садились на боевых коней».

Когда закончил Юлай говорить,
В глубокую думу народ погрузился,
Совет держал, мненьем делился;
Для борьбы решил силы копить.

По Уралу Юлай бродил,
Воду из Агидели пил,
Тех, кто в лисьих шапках в стране
Пас табуны на лихом скакуне,—
Себе подобных повидав,
Что на Урале их много, узнав,
Что все верят там в цель одну,
Против заводчиков начал борьбу.
Страной же правил все тот же род —
Старшины, начальники-туря.
Старались всячески народ
Склонить на сторону царя.

Хоть и начал Юлай войну,
Хоть пытался поднять страну,
Хоть сражаться не уставал,
Все же снова не устоял;
Жену молодую взяв с собой,
Скрылся в скалах, в чаще лесной.

Среди гор заметая следы,
За семь зим натерпелся он
Много трудностей и бед;
Там обрел он двоих детей,
Там скрывался от вражьих сетей.

Когда от великого московского царя пришла весть, что он
готов помиловать всех мятежников, когда Юлай проверил и

узнал ее истинность, все мятежники собрались вместе и решили возвращаться по домам⁷.

Возвращение Юлая на родину вызвало у людей большую радость, по этому поводу был устроен знатный пир, на который собрался народ со всей округи. Но хоть Юлай и вернулся к себе, куда бы он ни ступил, куда бы ни направлялся, всякие начальники зорко следили за каждым его шагом.

Через какое-то время от молодой жены Юлая родился еще один, уже третий, сын⁸. По этому случаю он собрал людей и устроил пир. Сыну дали имя Салават.

Во время пира в честь рождения сына появился генерал вместе с войском и вместе с ним — разные местные начальники.

— Государь послал нас к вам,— сказали они.— На страну нашу напали иноземцы. Солдатам нужны лошади, нужны мужчины для военного похода, а уж царь наш, в свою очередь, даст все, что пожелает от него народ.

Когда люди услышали эти слова из уст самого генерала, стали они совещаться между собой и решили исполнить волю царя.

Когда отец Юлая, его свекор и свекровь одобрили его намерения, он окончательно решил отправиться на войну. Велел собрать на одном месте весь свой табун и выбрал лучшего из коней. Вместе с Юлаем на ту царскую войну отправилось еще очень много мужчин⁹.

Юлай и его спутники отсутствовали больше года. Многие из его боевых товарищей сложили голову в той войне. Узнав о возвращении Юлая, со всех сторон пришли к нему люди с расспросами, и он подробно рассказал им обо всем, что видел и испытал. По случаю возвращения сына отец Юлая велел зарезать кобылу и угощал всех собравшихся.

Юлай прославился в той войне,
Медаль получил из рук царя¹⁰,
По причине известности такой
Народом края своего
Был он избран главным турей.

Когда Юлай вернулся домой,
Первые делал шаги Салават,
Косноязыча, с натугой большой,
Слова выговаривать стал, говорят¹².
Рос Салават день за днем.
В том, что станет богатырем,
Каждый убедиться мог.

Из сучка или лозы
Делал «быстрых лошадей».
С детства своенравным был,
Самым дерзким из детей.
Коль постель стелила мать,
Он без сказки не желал
В той постели засыпать.
Коль за матерью вослед
За водою брел, на все
Получить желал ответ.
Мелочь каждую вокруг —
Драку коз иль петухов,
Жеребцов или быков,
Столкновенье в небе птиц.
Пух, слетающий с них вниз —
Зорким оком примечал;
Меж собою их сличал:
Кто был слаб, а кто силен,
Кто был трус и кто был смел,
Подходя со всех сторон,
Разобраться он умел,
Вникнуть в тайны их хотел.

А семи достигнув лет,
Без боязни оседлать
Мог любого скакуна
И на скачки поскакать.
Если на скачках конь его
От соперников отставал,
Сразу же, покинув майдан,
В сторону дома уходил.
Коль на скачках видел он
Тех, кто первым приходил,
Кто звание «батыр» носил,
То, вернувшись, приставал
К старикам, которых знал,
Даже к тем, кого не знал,
Чтоб о богатырях они
Рассказали, что могли.
Чтоб услышать сказ живой,
Приводил он их домой.

А десяти достигнув лет,
Когда со сверстниками играл,
Ватагу крепышей собирал;

Даже тех, кто старше его,
Силой характера своего
Воле собственной подчинял.
Если дом находился пустой,
Чтобы игры затеять там,
Сверстников собрать по дворам
Салават отправлялся сам —
Тут он тоже был вожаком.
Что кому в тот дом нести:
Неимущим — всего яйцо,
Курицу — если держит птиц,
А богат — овец или коз —
Определял, и сам первым нес¹³.

Хоть и с детства он гордым был,
Из богатых происходил,
Хоть признавать ни за что не желал
Тех, кого душой не любил,
Все ж никогда не различал
Богатеев и бедняков.
Тяжестью обидных слов
Не задевал никогда сирот,
Сызмальства пасших скот.
Телка вымя сосет — он здесь,
И до жеребенка ему дело есть.
Если отец сердиться начнет
На работника — так Салават
Встрянет — и успокоится тот,
И гостем работник в юрту войдет.
Когда достиг пятнадцати лет —
На майданах ищи его след.
С любимым боролся богатырем,
Будто и дела до его имени нет.
В свои пятнадцать лет Салават
В округе — прославленный батыр,
Побеждающий всех подряд.
С самого детства любил лошадей.
Коня, что узды вовеки не знал,
Не жалея жизни своей,
Отвагой и ловкостью объезжал.
И коль на охоту выходил,
Мелкую дичь из лука не бил,
Выслеживал медведей и волков,
Всегда сразиться с ними готов.

Когда на сходах больших встречал
Сэсэн, кураистов, певцов,
Которых всемерно народ привечал,
Всегда причину пытался понять,
Как удалось им такими стать.
Если он к реке приходил,
Нырлял и наперегонки плыл,
Состязался в пускании стрел
В птиц, летевших над головой,
В меткости побеждать умел.
Когда с земли на полном скаку
Доставали монету, он,
Лежа у коня на боку,
Состязаньями был упоен.
Вместе с певцами сам запевал,
С сэсэнами жаркий спор затевал,
Сочиня стихи на глазах,
И в частушках и метких словах
Остроумие проявлял¹⁴.

Так он со всех сторон себя
Испытывал как только мог;
Друзей, которых дарил судьба,
По этим же свойствам узнавал,
Среди прочих их отличал.

С отрочества у него друзей
Было четверо — не один,
Их дружбы не было горячѐй.
Не жалел ничего для них:
Безлошадному коня дарил,
Кто без шубы — шубу дарил,
А с друзьями вместе всегда
Из чаши одной и ел, и пил;
Проводя в состязаниях дни,
То на скачках, а то в борьбе,
Славу батыра он стяжал,
Известным во всей округе стал.
Когда выпадал первый снежок,
На медведей ходил и волков;
В другое время сколько мог
Сидеть за книгами был готов.
И на татарском он читал,
И на русском тоже читал,
После Азнала на весь Урал

Был по грамотности вторым,
Кто бы читал так и писал¹⁵...

Когда отец Салавата — Юлай,
Преследуемый, пропадал до поры,
У подножья Яман-тау горы
Два сына у него родились,
В горной пещере влачили жизнь¹⁶.
Не видя солнца, слившись со тьмой,
Не зная о детстве сверстников тех,
Что жили в деревне их родной,
Как медвежата, они росли,
Забавой было у них — камни катать.
Бежав от расправы, отец их и мать
Принуждены были там зимовать.
Когда на охоте бродил Салават,
Наткнулся на место то, говорят.

Встав на камень скалы крутой,
Задумавшись, поник головой.
Не слышал окрика он друзей,
И даже медведя, что в этот миг
Шел рядом, не слышал свирепый рык.

Вздыхнув горестно грудью всей,
На скалистый камень присев,
Представив, что могли испытать
В этом месте отец и мать,
Слезам, что из сердца его рвались,
Не дав упасть с изгиба ресниц,
Перед друзьями не потеряв
Мужества; тайне душевной не дав
Прорваться наружу, чтобы никто
Не мог понять волнения его,
Несмотря на усталость свою,
Не отпуская тетиву,
Полной грудью, как только умел,
Сильным голосом он запел.

ПЕСНЯ САЛАВАТА

Урал! Твои отроги в синем мраке,
Твои ущелья — нету глубже их,

Как матери объятия, что в страхе
К груди прижмет родных детей своих.

Течет Идель среди хребтов. Как сложен
Тот путь реки средь скал, среди полей!
Чем дальше от земли своей, тем горше
На сердце, и вода все холодней.

Урал мой! Голос птиц не затихает,
Но только незнаком мне их язык.
Я думаю: быть может, отпевают
Умерших иль щебечут для живых?

В твоих озерах солнце отразилось,
И отраженье это режет глаз.
Вода в них с неба иль земли копилась,
Или от слез обильно разлилась?

Сойду ль со скал — и утону в болотах,
Где под ветрами гнется краснотал,
Их дух тяжел и вид у них уродлив,
От крови, что сочится, алым стал.

В болотах тех тальник не вышел ростом.
Иль тенью оплела его скала?
Иль в самом деле стала здесь коростой
Кровь, что душа людская пролила?

И почему, скажи, твои озера
Со всех сторон окружены кугой?
Или красавиц дымчатые взоры
Слезами застилалися порой?

И почему в твоих болотах этих
Так любит заливаться соловей?
Иль самые жестокие на свете
Приказы лили кровь богатырей?

И где тот путь, которым, меч вздымая,
Карасакал когда-то проскакал?
Иль эти топи преодолевая,
Он меч свой богатырский изломал?

К Салавату в тот самый миг,
Словно рядом все время был,

Не знакомый ему старик
Подошел и заговорил.
Поздоровавшись, расспрашивать стал,
Из какого рода Салават,
Кто отец его, кто мать.

Спешить с ответом не стал Салават;
Старика с головы до ног
Со вниманием оглядел:
Лоб морщинами иссечен,
Лишь три пальца на правой руке,
Другие — саблей отсечены,
Но, затянувшись мясом давно,
Будто бы шерились комками.
Седые волосы и борода,
Пожелтел изморщенный лик —
Видно, много пожил старик;
Вся одежда в заплатках его,
Изношенная давным-давно.

«Сказать: охотник — оружия нет,
Сказать: пастух — но в этих местах,
Ни в низине, ни на горах,
Скотины какой-то не виден и след.
Глаза, что уставились на меня,
Пронзительней и жарче огня;
А промолвит слово — уста
Сразу же выдают мудреца»,—
Думал так про себя Салават.

Когда Салавата друзья собрались,
Старец, расспросив обо всем,
Про дела их узнав и жизнь,
Так промолвил на месте том:

— Имя твое Салават
Понаслышке известно мне.
Хотя не старше ты этих ребят,
В дальней известен уже стороне.
Услышать имя — не значит еще
Пропустить сквозь сердце его.
Твою родословную хоть не трожь:
Все в ней будто бы на подбор —
То тарханы, то бии сплошь.
Коль прямо к тебе явился я,

То для того, чтоб увидеть тебя.
Я понял, услышав песню твою:
Думой паришь ты в дальнем краю.
Если взглянешь на гору Урал,
Ветвится она — за увалом увал.
Везде, где в горах тех жили башкиры,
На свет рождались свои батыры.
В каждой реке, текущей тут,
Купался батыр какой-нибудь.

У подножья Уральских гор
Увидишь немало разных дорог.
Тянется длинный косогор
Возле реки, что течет через лог.
До сих пор сохранился там
Путь, что стерся кой-где по местам,
Где на тарханов пастухи
Гнули спины в далекие дни.
Тянется путь тот по седловинам Урала,
По тугаям и горным отвалам,
Чтобы батыров по тому пути,
Заковав по рукам и ногам,
На каторгу дальнюю проводить,
Всю страну в крови утопить,
Чтоб безнаказанно грабить скот,
Батыров, вырезав, истребить,
Детей повесить на первый столб,
Земли и жилища спалить,
Захватчики злые являлись сюда —
Такая древняя дорога та,
Ее тоже увидишь ты.
Войска Бату-хана дорогой той шли.
И предок твой Шагали,
Злостью кипя, проходил;
Дед твой Азнали там был —
Конь его утопал в слезах,
Сам он — в сплетнях и мнимых грехах —
Не один раз тот путь покрыл.

Дорога, где проезжал Тафтиляу,—
По потник коня утопая в крови,
Жестокостью славу обретший палач;
С глазами, что кровью замутнены,
Сергеев, что Газраилу подобен,—
Все проезжали по той дороге.

Есть и другая, что вдоль хребтов,
По развилкам густых лесов,
Гнется, будто девичья бровь,
Узка, но все же всегда видна —
Не зарастает травой она,
Под чертополохом не сгинет она.
Батыры, что землю любят душой,
Век за веком на битву шли
Этой дорогою все подряд.
Дорога эта, Салават,
Изрыта копытами коней
Батыров, на бой скакавших по ней;
Страну свою любящие мужи
Никогда не заблудятся там:
Кости батыров, как маяки,
Разбросаны по разным местам.
Саит, Акай и Кусюм,
Карасакал и Батырша —
Все там ходили из края в край.
По той дороге свободу стране
Добывали они в мятежах —
Поныне живет та дорога, ты знай!

Был я тоже верховым
И следовал тем путем.
Богатырем я был таким,
Что даже ветром своим
Встречных врагов на землю валил.

Отсутствие пальцев на руке,
Шрамы на лбу моем —
Не от рубки в лесу топором,
Который сжимал я в своем кулаке;
Размозжил себе я лоб
Не в драке с соперником по любви —
Завладеть девушкой чтоб;
И не в схватке с медведем, когда
Очень нужна мне была еда.
Когда на коне я в бой скакал,
Стрелы вражки не замечал;
Когда надо мной заносили клинок,
Его не всегда заметить я мог.

Долго с Салаватом он говорил,
Долго они размышляли вдвоем,

Но все же имя старик свое скрыл¹⁷;
Руку подал Салавату потом,
Единство с ним выразив, благословил.

Когда Салават, жалея его,
Хотел подарить коня своего,
На котором сам выезжал,
Старец коня отказался принять
И такие слова сказал:

— Сын мой, конь твой не нужен мне,
Сам скачи на своем коне;
Пока не увижу отца твоего,
Не распознаю тайну его,
Пока не пощупаю пульс его,
Между тобою и отцом
Даже недоверия тень
Не внесу я — помни о том!

С тем, простившись, ушел старик.
В отчем доме решив расспросить
Обо всем и нащупать нить,
Еще долго стоял Салават,
Беспокойной думой объят.
Наконец-то он суть постиг
Слов, что здесь изрекал старик.

Оглядев склоны Уральских гор,
Повея по вершинам их взор,
Перед друзьями, что перед ним
Сидели в задумчивости немой,
Низко поникнув головой,
Разговор Салават начал такой:

— Тот, кто бродит в лесу
И разоряет пчелиные улья,
Тот, кого мы медведем считали,
Вовсе, оказывается, не медведь!
Тот, кто хищным оком блистая,
Бродит всюду, овец раздирая,
Хвост куцый имеет и серый бок —
Вовсе, оказывается, не волк!

Кого мы называли врагами,
Кто, сна не зная, бродит ночами,

Беглецы ночные — они
Вовсе, оказывается, не враги!..

Когда Салават эти слова
Произносил, в чаще лесной
Вдруг раздался стук топора,
Слух настороживший молодой.

Потом, ни слова не говоря,
Подбородком сделав кивок,
Встал. Все поняли этот намек.
Салават вскочил на коня
И движеньем руки показал
Направленье. И жарче огня
На удар топора поскакал.
Вдоль скалы проскочив крутой,
Он сквозь лес пробился густой
И в том месте, откуда шел стук
Топора, оказался вдруг.

И вот видит: боярский люд
Бьет и рубит, в щепочку рвет
Лес на берегу Сим-реки!
Запретил Салават им рубить;
Стали они его бить и бранить,
Драка между ними пошла —
Затрещала чья-то башка!

Рубщики бежали домой,
Вернувшись, подняли крик такой,
Что на конях весь боярский люд
С места сорвался и там, и тут.

Салават и его друзья
Не сидели руки сложа,
Усадьбу боярскую подожгли —
За разоренье родной земли.

Один из боярских людей признал Салавата. Когда тот
возвратился в отчий дом, там его уже ждали бояре.

— Твой сын со своими дружками напал на наш хутор,—
сказали они Юлаю.— Насмерть побили всех стражников.
Мы поедem в Уфу, к генералу!

Именно в это время и вернулся домой Салават с друзья-
ми.

Юлай со своим отцом молча отвели Салавата в сторонку и стали на пару награждать его пощечинами и оплеухами.

Храня достоинство, Салават
Даже пальцем не пошевелил.
Услышав дедушкины слова,
Ярость, которую в сердце носил,
Ни деду Азнали,
Ни Юлаю, отцу своему,
Не попытался объяснить,
Продолжал молчанье хранить.
Когда бояре, сев на коней,
Собирались уехать домой,
Салават, выйдя из юрты своей,
Так промолвил пред их толпой:

— Добившись позора моего,
Заставив отца меня избивать
Перед глазами рода своего,
Не торопитесь ликовать!

Коль даже отец побивал меня,
Все же я не сходил с коня;
Когда в лесу я стрелу точил,
То не медведю его грозил.

Если увижу, что и впредь
Хоть один боярин в седле
Будет ездить по нашей земле,
Не успокоюсь я, пока
Род ваш не выведу на века!

Очень хотелось боярам стереть Салавата с лица земли. Но они подумали: если мы выследим его в лесу и убьем, по всей стране вспыхнет огромный бунт, все башкиры сядут на коней и набросятся на нас.

Подговоренные боярами люди за хорошее вознаграждение должны были уничтожить Салавата. Они стали искать для этого удобный момент, но он все не подворачивался. Они никак не могли застать Салавата одного.

Однажды кто-то из них столкнулся с Салаватом лицом к лицу. Он вежливо поздоровался с ним и сказал, что вышел на охоту, что в скалах сейчас лежит одинокий медведь. Так удалось ему натравить Салавата на матерую медвежью пару, которая выгуливала своих медвежат. Салават рванулся

к скалам, быстро нашел зверей, однако увидел сперва только одного из них. Он уложил его тут же, но второй зверь в это время сомкнул пасть на его левой руке. Истекая кровью, батыр, тем не менее, сумел одолеть второго медведя. А тот человек, который его туда направил, решив, что Салавата уже нет в живых, поскакал на боярский хутор с радостной вестью, чтобы заполнить вознаграждение — суюнсе.

Так как не погиб Салават,
Даже калекою не стал,
Каждодневно, гневом объят,
Заводчикам досаждать продолжал,
И давил на них, и пугал;
Тогда тарханы — и млад, и стар,
Друзья заводчиков и бояр,
Стали совет меж собой держать,
Как Салавата им обуздать.
Когда Салават еще юным был,
Тархан по имени Сагынбай,
Желая дочь свою Гюльбазир
В жены Салавату отдать,
Дал ушко ее укусить¹⁸.
Сагынбай и Юлай — сваты —
В гости друг к другу любили ходить.

Между Юлаем и боярством пролегал
В отношениях черный лед;
И подумал тогда Сагынбай:
«Теперь уж убран будет Юлай
Из начальников. Если я
Навяжусь боярам в друзья,
На меня их выбор падет,
Начальником сделают меня».

Если в гости Юлай приглашал,
Чтобы в дом к нему не идти,
Причину так он свою выражал:
«Когда умер сын старший твой,
Вдову его Салавату женой
Ты насильно заставил стать¹⁹,
Заставил дочь мою ревновать.
И потому я решил ее
За Салавата не отдавать».

Так сказал он, чтоб никогда
В гости к Юлаю не ходить,
От дома его подальше быть.

Салават верен слову был:
Больше заводчикам не давал
На просторах башкирской земли
Ни охотиться на дичь,
Ни чужому скоту пастись,
Ни деревья рубить в лесу —
За полосою полосу.
Заводчики же в ответ
Стали тайный держать совет:

«Расправляться не будем с ним,
Сагынбая уговорим,
Выдадим дочь его Гюльбазир
За Салавата, тогда батыр
Станет зятем его. Потом
Мы его к рукам приберем».

Сагынбай согласился отдать
За Салавата свою дочь,
Тем самым сватом Юлая стать.
Вняв совету своей снохи,
Гюльбазир сама наняла
Гонцом егета одного
И к Салавату отослала.
Сагынбай же, улучив момент,
Сам поведал Юлаю о том,
Что в сватовство с ним вступить готов.

Когда после утренней дойки
Коровы, облегчив вымя свое,
В степи вместе с отарой овец
Были выпущены, и солнце
На длину копыа поднялось, наконец,
На коне своем Салават
Прямо в сагынбаев аймак*
Прискакал, ожиданьем объят.
А когда через луг проезжал,
Стайку девушек увидал:
Ягоды собирали они,
Смеха и веселья полны.

Девушек толпу увидав,
Которые в его сторону шли,
А потом мгновенно узнав
Гюльбазир, что с подругой своей
Сверкнули как пара бусинок, вдали,
Поводья парные Салават
Пристегнул к луке седла,
А чтоб лошадь сбежать не могла,
В руки цепочку поводьев взял,
На траву у копыт упал
И дожидаться девушек стал.

Но у какого-то куста,
Где трава особо густа,
Девушки замедлили ход.
И так как ни одна из девчат
Не видела, где лежит Салават, —
Стали удаляться... Тогда,
Любимую свою окликая,
Он запел песню такую:
«Луга Уральских, хэй, подножий
Не украсит холостой егет.
Коль душа влюбленных слиться сможет,
Скалам и воде скончанья нет».

Услышав, как поет Салават,
Девушки остановились враз
И, в свою очередь, говорят,
Песней ответили тотчас.

Сразу узнала Гюльбазир
Голос, звеневший на весь мир,
Всей душой устремились туда,
Где притаился ее батыр.
Салавата увидев, она,
То ли по-детски оробев,
То ли нежась, кокетства полна,
То ли страх одолеть не сумев,
Стала, не подходя к нему,
К суженому своему.

Когда ехал сюда Салават,
Был заранее встрече рад:
«Если встретимся наедине,
Если увидит меня Гюльбазир,

Бросится в объятия мои,
Вся в слезах, вся пылая в огне»,—
Так он думал; и вот сейчас
Показалось: все мысли враз
Улетучились сами собой.
Стоял он молча, глядя с тоской
На неподвижную Гюльбазир.
В глаза друг другу смотрели они
И с места сдвинуться не могли.

Салават подошел потом
К девушке с омраченным лицом
И с обидой легкой ей
Песню спел о любви своей.

ПЕСНЯ САЛАВАТА:

В моих ушах, как эхо, отдается
Накосников твоих звенящий свод.
Твой тонкий стан колышется и гнется,
Как лилия, что в озере растет.

Как волны, что бегут против течения,
Что вздыбилась грудь девичья, скажи?
От страха ль бьется или от рожденья
Она — как отражение души?

Как зреющее яблоко, алеют
Девичьи щеки на лице твоём.
Тот алый цвет — красой твоею веет,
Что нежным распускается цветком?

Твои глаза блеснули лунным светом,
Что отразился в озере ночном.
Иль пятнами, что на луне как меты,
Видны тревоги на сердце твоём?

Струится стан твой дивный, словно речка,
Как марево от гор в разгаре дня.
Иль грудь стеснилась, как цветок сердечный,
Лишь только ты увидела меня?

Ты ястребу, что соловья бьет сверху,
Сюда приезд мой не уподобляй.
Мол, с думою коварною приехал
В твой, душу притягающий, вновь край.

Даже ястреб тот, что забивает
Сверху птиц, дичь лишнюю не бьет.
Трижды я просил тебя, родная,
В жены — мне срамиться не идет».

Выслушала Гюльбазир
Все, что спел он перед ней,
И ответила Салавату
Тихой песнею своей.

ПЕСНЯ ГЮЛЬБАЗИР

Не вижу я тебя в дороге злобным,
Подобным зверю лютому в лесах.
Мне кажется, что сокол криком звонким
Приветствует нас в синих небесах.

Пусть ветерок струится, и собою
Развеет духоту глухого дня;
Знай, я не наслаждаюсь тишиною —
Пусть бьются птицы в воздухе, звеня!

Перевалить через хребты Урала —
Преграда ли батырам? Иль легко
Запрет отца преодолеть, коль стал он
Каф-тау* подобен — дочери его?

Батыр мой, чувство девушки подобно
Благоуханной нежности цветов;
Ее соперниц зависть или злоба,
Как иней, бьет цветенье лепестков.

Кукушка тоже вовремя кукует:
Цветы увянут — и нема она.
Коль девушка егета испытует —
Зачем лишаться воли ей сполна?

И дикий гусь обратно прилетает,
Душой тоскуя по родным местам.
Или не я — весна твоя земная? —
Так кланяйся отцам и матерям!»

После этого он вновь
Песню девушке пропел,
И печаль всю, и любовь
Объяснить он ей хотел.

ПЕСНЯ САЛАВАТА

Держа в руках, поцеловать дала мне
Тебя в далеком детстве твоя мать.
Надела такую*, назвала меня
Зятем — о родстве дала мне знать.

Когда я целовал — не покраснела
Ты в пору ту, не знала, что сказать.
Детьми мы оба были, не умели
Сердца у нас все это осознать.

Когда же детства сумерки погасли,
Как алая заря, опять мечтой
Твой дивный стан возник перед глазами,
Как солнце, что восходит над горой.

Отказ твоих родителей услышав,
Я душу над Уралом запустил;
Своею песней многим слух колыша,
Пел, но покоя все ж не находил.

Моя душа обратно возвратилась,
Как птица, не привыкшая летать.
Красавиц много на Урале... Милость
Лишь ты одна мне можешь оказать.

Скользил я долго зоркими глазами
По лицам наших девушек... Коль я
Единственным, как ты мне, тоже стану,
Разгладится тотчас гора Каф-тау.

ПЕСНЯ ГЮЛЬБАЗИР

Коль сердце вспыхнет, запоют и птицы,
Повсюду разливая чистый звон.
Егеты, если суждено влюбиться,
Садятся в седла и несутся вон.

Вся корчится лиса, чья печень черна,
Ей на холмах плодить своих лисят.
Егеты запевают восхищенно,
Когда любовью чувства их кипят.

Свой стан калина гордая не портит —
Плоды ее — на кончике ветвей.
Коль девушка их собирает, то легко
Сгибает веточки рукой своей.

Или не будут девушки Урала
Любить батыров, гордую их стать?
Коль девушка в руках батыра, разве
Не будет он девичий стан ласкать?

Гюльбазир ответила вновь.
Тайны заветные свои
Доверяли друг другу они,
В песнях воспевая любовь.

Так, говоря меж собою влать,
Вместе веселясь и смеясь,
Среди девушек, жизни рад,
Под такмаки* пускаясь в пляс,
Целый день провел Салават.

Когда девушки вернулись домой,
Настало время доить коров,
Салават вечерней порой
К Сагынбаю без лишних слов
Прямо в юрту приехал. Там
Бояры и тарханы уже
Пребывали, чтобы узнать,
Готов ли хозяин дочку отдать
За того, кто мешает им
Поведеньем дерзким своим.

Краток был разговор. Отец и мать
За Салавата дочку свою
Обещали в жены отдать.
Но коли Салават
Не смирится, не прекратит
С баями бороться, тогда,
Взяв у генерала войска,
Салавата пленив, его
Навек изгонят из страны,
Чтобы избавиться от него,—
Так заодно решили они.

Когда в юрту вошел Салават,
Словно овцы перед волком,
Все утихли вмиг, говорят.
Заводчик задерживаться не стал,
Запрягать коней приказал,
Поскорее прочь ускакал.
А наутро другого дня,
Разослав гонцов на конях,
Сагынбай пригласил гостей,
Резать повелел лошадей;
Оказавши такую честь,
Салавата отметил приезд.
Два или три дня подряд
Вся округа на том яйляу
Веселилась всюю, говорят.

Когда жених собрался домой,
Дети, юноши, старики,
Девушки и старухи гурьбой,
Женатые и холостяки
Со всей округи до одного
На том месте собрались,
Салават на коня своего
Сел и, прощаясь с людьми, с седла
Произнес такие слова:

— И те, кто старше отца моего,
И те, кто старше мамы моей,
Встретили теплым словом меня,
Согревали улыбкой своей,
Угощали куском пожирней.
Тот, кого зовут Салават,
Кого боится всяк, кто богат,

Кого бояре ославить хотят,
Тот самый и есть я Салават!
Страны, названье которой — Урал,
Отца, которому имя — Урал,
Матери, имя которой — Урал,
Я сын по имени Салават.
Заводчики растоптать нашу грудь
Нынче желают — я говорю.
Тарханы, начальники нашу страну
Продать желают — я говорю.
Отвага Салавата бояр
Пугает — будь они хоть млад, хоть стар —
Все это к добру — я говорю.
Как Мурадым или Кусюм,
Карасакал или Акай,
Быть мне — это я говорю!

Деды и матери мои,
Отцы, братья, сестры мои!
Светлоликие снохи мои,
Кто доит кобылиц, и потом
С прибаутками, со смешком
Из чаши поит нас кумысом!
Когда отец мой был беглецом,
От матери я родился своей;
Скалу крутую, пещеру под ней
Отец показывал мне потом;
Показал мне могилы тех,
Кто, в сиротах оставив детей,
Оставив вдовами их матерей,
Верой и правдой стране служил,
Голову за нее сложил;
Показал головешки домов
Их несчастных детей и вдов;
Клятву дал я себе тогда:
Бояр, что грабят мою страну,
Начальников разных, что всегда
Родину продать готовы свою
За медаль, величиной
С маленькую лапку кота;
Баев, что в блаженстве живут,
Воду из Агидели пьют,
Девушек Урала в жены берут,
Птиц и зверей на охоте бьют,
Шубу из волчьего меха шьют,

Скот разводят себе без числа
И без счета — лошадей,
Забывая о горе людей;
Тех, кто имеет коня для езды,
Корову, чтобы пить молоко,
Кто пух имеет от козы,
Кто имеет овец, чтоб бояр
И начальников угощать,
Чтоб пред ними верным прослыть,
Даже порог их готов лизать;
Ставит для таких гостей
Лучшее мясо — не груды костей;
Кто готов свой народ продать,
Чтоб только боярам угодить,—
Всех угодников вот таких
С господами чванливыми их
Поклялся зарезать в зародыше я!
Тех, кто живет, сторонясь людей,
Страданий не знает страны своей,
Над народом смеется своим,—
Сородичам двуязыким моим,
Поклялся я языки обрезать —
Вот такой я батыр — Салават!

Сказав все это перед толпой,
На коня вскочил Салават,
Распростился со всеми он
И уехал домой, говорят.

Выслушав все, что он сказал,
И баи, любящие страну,
И нищие, льющие слезу,
Радовались, будто навсегда
Удалилась от них беда.
Бояре же, прослышав о том,
Что у Сагынбая побывав,
Салават стал женихом
Дочери его Гюльбазир,
Про себя решили так:
«Отныне будет он
Сагынбаю родней,
Будем в руках мы его держать».

Узнав про это, один из заводчиков послал к Юлаю своего человека и попросил продать ему часть общей земли его

аула. Юлай собрал сельчан, держал с ними совет. Поднялся шум и гам. Одни сказали: «Давайте продадим, все равно боярин захватит и порубит наш лес, превратит его в пепел и золу, пустит скот на наши луга и вытопчет кочевки».

Другие воспротивились: «Не надо продавать!»

Когда шумели так, вернулся из гостей Салават. Быстро поняв, о чем речь, резко выступил против продажи земли. Большинство собравшихся поддержали его. Когда увидел это Юлай, только и произнес: «Раз так, то продажи не будет». С тем и отправил боярского посланца обратно.

Но и заводчики не сидели сложа руки, продолжали выискивать разные грехи и поводы для столкновения. По этой причине между двумя сторонами произошло несколько кровавых стычек. Когда заводчики привели для наведения порядка вооруженный отряд, Салават, в свою очередь, собрал всех местных охотников, безлошадным дал лошадей и сплотил их вокруг себя. И тогда и его отец, и все старейшие в роду поняли его планы, выступили против них.

Рано утром увидела мать,
Как пораньше встал Салават,
Стал коня своего седлать;
Мужу, беспокойства полна,
Рассказала об этом она.

Вышел тут и отец во двор;
К сыну, как бы держа совет,
Обратился, вперив в него взор:

— Чую, в пору эту, сынок,
Я в дыханье твоём холодок.
Знай, отныне твой шаг любой
Подстерегает опасность, сынок.
На бояра топор занести —
На царя людей повести;
Плачевен его исход,
Ты подумай о том, сынок.
Если зло нам боярин чинит,
Пусть терпение сердце хранит.
Нам ответа на письма ждать,
Что успел ты уже разослать.

Молод ты еще. Ну а я
Знаю, сколько здесь было войн,
Превращалась в уголь земля,

По Уралу шли крики и стон.
Здесь батыров секли на куски;
Как старик, что был в юрте твоей,
Без ноги оставались, руки,
Оставались без глаз и ушей.
Не по слухам — глазами я мог
Видеть все это в жизни, сынок.

В войне против немцев лет семь
Я ходил, и послушен, и нем.
Там грехи прошлых яростных дней
Смыл отвагой и славой своей,
Лишь затем стал главой у себя²⁰.
Вижу, снова сел на коня,
Что в любимцах давно у тебя;
Иль присягу нарушить мою
Хочешь ту, что давал я царю,
Кто медаль мне когда-то вручал,
Когда рядом стоял генерал?
Мысли свои оставь, сынок,
Гневу вырваться не давай;
И советам любого, кто здесь
Побывал у тебя, не внимай!

Салават:

— Отец, много уж лет подряд
Не перечил тебе я ни в чем.
Но отныне путь свой избрал,
Буду следовать тем путем.
Хоть много ты войн и стран повидал,
Славу громкую в битвах снискал,
Все же столько, как старец тот,
Со шрамом на лбу и беспалой рукой,
Не постиг ни умом, ни душой.

Молод был я, тряся в седле,
В скачках резвился и в борьбе,
В схватках с медведем известность обрел,
По Уральским кочевкам брел,
По пути в белых юртах гостил,
А когда на коне скакал,
На дорогах больших замечал,
Что над ними стелется пыль,
Но знать не мог, кто там пылил;

Не приходило и в голову мне,
Что эти дороги открыты врагам,
Что злые бии пронесятся там
По нашим лесам и полям.

На каракового я сел скакуна,
Выбрав его из табуна, —
Не огорчайся тому, отец!
Так проедусь-ка я на нем
По отрогам Уральских гор,
Не запрещай мне это, отец!

Отец, я понял суть твоих слов:
В сохраненье медали она.
Даже при нападении врагов
Страсть к медали твоя видна.
Из-за того, что отец мой — тархан,
Друг самого царя и бояр,
Не буду руки сложа стоять,
Коль увижу грабителей рать,
Их начальникам и главарям
Руки свои связать я не дам.
Когда огонь глотает народ²¹,
Грабит его и этот, и тот,
Когда он слезы обильно льет,
Не буду блаженно в юрте лежать,
Жирные мослы и казы* сосать.
Коль в крови бредет мой народ,
Я с ним вместе войду в этот брод;
Если горит в огне мой народ,
И я тоже в огонь войду тот.
Если будет народ пировать,
Я с ним вместе, как званный гость,
Буду на том пиру ликовать.

Уехал Салават на Урал,
На Яик — через Идель,
И где бы только ни бывал,
Множество мужей он встречал.
Рабов боярских повидал,
Положение их разузнавал:
В мятежах осквернены,
Языков и носов лишены,
С ушами отрезанными, как у того
Старца, учившего уму,—

Всюду встречались такие ему²².
И при этом он узнал,
Что плачущих от гнета бояр
И тарханов, и царя
Много народов, гневных сердец.

Год-другой постранствовал он,
Много видел и понял он,
Беды-горе людское там,
Жизни тяготы все испытал.
Когда же воротился домой,
Уж мужем семнадцатилетним был,
Он мог железо пробить ногой,
Друга мог отличить от врага.

А тут Юлай от царя в самый раз
Получил суровый приказ.
Ту бумагу в руке сжимая,
От сына совет получить желая,—
Хоть мал Салават был, да удал —
Так Юлай ему сказал:
— От генерала приказ получил:
«Некто Емелька, назвавшись царем,
Против нашей царицы-батши
Буйным поднялся мятежом.
Батыров собери по стране,
Против того Емельки войной
Выступай!» — вот приказ какой.
На войну ту, сынок, поди,
Все грехи искупишь свои,
Как и я, получишь медаль,
Станешь бием над теми, кто
Кровным врагом твоим пребывал.

Не желая ль отца в кручину
Вводить, иль по другой причине,
Салават на войну ушел,
Войско против врага повел.
То ли славу отца своего,
То ли еще во имя чего,
На грудь нацепил, покидая дом,
Медаль, заслуженную отцом²³.

Со своими людьми Салават
В царское войско влился, говорят.

На медаль его глядя, кругом
Все в удивленье были большом.
Переговорив меж собой,
Генералы решили: тысячью пусть
Командует молодец удалой.
Не медля, удальцу тому
Выступить приказали тотчас
Против Емельки Пугача.

Когда до речки Юшатырь
Салават добрался, зашло
Солнце. Стало вокруг темно.
Спешились все, чтоб по пути
На этом месте ночь провести.
Когда отдыхали там, их догнал
Старец тот, что был беспал,
Со шрамами от ран на лбу,
С сединою на голове —
Нашел он вновь к Салавату тропу;
Обо всем расспросил и узнал,
И такие слова сказал:
«Охотник, что на охоту идет,
На коня своего не сядет
Прежде чем не узнает, куда
Направится, и где зверь какой
Водится тою самой порой,
Так и батыр пред битвой любой,
Не зная замыслов врага,
На коего ринуться должен в бой,
Не возьмется за саблю наверняка.
Рожденный матерью голый малец
В одежде украшенья найдет;
Будет расти, пока, наконец,
Вкус к пище обретет.

Как одежда к одежде, одна к одной,
Так себе подбирал друзей,
С которыми связан был тайной одной.
Если наследовал сын от отца
Золотую чашу — тогда
Ему тот, кто из каменной ест,
Другом не будет никогда.

Тот, в кого ты метишь копье,
Батыром родившийся на свет,

Ел из каменной чаши бед.
Желая сотрапезников своих —
Русского, что слезы кровавые льет,
Башкира, татарина, чуваша —
От власти царицы освободить,
От гнета сотрапезников ее —
Биев, тарханов и бояр,
Привыкших из золота есть и пить,
С этой целью он сел на коня,
Людей собрал вокруг себя.

Я письмо от него привез,
Что писано собственной рукой,
Зовущее за свободу всех
Подняться на решительный бой».

Те слова старика услышав,
Послание Пугача прочитав,
Медаль с груди сорвал Салават
И отшвырнул ее прочь, говорят.
Со стариком всю ночь просидел,
Ранней зарей ногу в стремя вдел,
Вместо того, чтобы битву начать,
С миром явился в стан Пугача.
Поговорив с ним и все поняв,
Единство помыслов осознав,
Поверив полностью Пугачу,
Решил пойти с ним плечо к плечу.

Так день за днем уверялся Салават в том, что Пугач — тот батыр, который желает даровать всем народам свободу, великую справедливость; а когда в том полностью уверился, отправился домой, чтобы держать совет с отцом. Когда он прибыл в родимый стан, там как раз собирались провожать многих мужчин на войну, усаживали их на коней. В тот самый момент и появился Салават и, окликнув всех, обратился к ним с такими словами:

Узаманы! Братья мои!
Снохи, бабушки, старики!
Муж, коего кличут Пугачом,
Вышел, чтобы сразиться с царем.
Как Карасакал и Кусюм,
Акай, Батырша, Кильмяк,
Как другие батыры, что

Несколько веков подряд
За волю борясь, по крови шли,
Чтоб на Урале птицею петь,
Чтобы в воде рыбою плыть,—
Тем же Пугач идет путем.
Уничтожает тех, кто любим
Царицею, — биев и богачей,
Генералов и прочих господ;
Кровью же плачущих людей —
Татар, мишарей и чувашей,
Башкир и русских — освобождает,
Веру не различая их,
Землей и водой наделяет.
Сам я разговаривал с ним,
На отрогах Урала моего
Среди семи башкирских родов
Распространял указ я его.
Поняли меня во всех родах
И, презрев опасность и страх,
Согласились встать на борьбу
За свою родину и судьбу.

Пусть каждый батыр, кто любит страну,
Поводья налево потянув,
Даст направленье своему скакуну.
Своими врагами признает пусть
Всех тарханов и бояр,
Кто топчет родной земли нашей грудь.
Как на равных взирает пусть,
Своими друзьями признает пусть
Русского, что пасет свиней,
Башкира, что пасет лошадей,
Татарина, что коров пасет,
Чувашина, что шерсть прядет.
Пусть батыром себя сознает
Однажды рожденный из крови той,
Что от века обильно течет.

Пусть думает: это и есть тот сон,
В котором горный беркут седой,
Спавший, к камню припав головой,
Утопая в крови густой,
Вдруг ото сна того отошел
И глотку ведьмы прожорливой сжал,
Рот заткнул, что яд источал.

Кто в руки уголь сожженной страны
Возьмет и, садясь на коня,
Молвит: проклятье тарханов, царя —
Уголь и есть, что в руках у меня²⁴.

Юлай:

— Медаль я из рук царя получил,
Дал присягу. Начать войну
Против царицы нет моих сил.
Коль, слова презрев мои, покинешь дом,
Не смогу быть тебе отцом.

Салават:

— Ты славу себе у царя добыл,
Дал присягу, медаль получил,
Царю приверженный ты туря;
Ты — потомок тарханов таких,
Что грабили страну, обирали,
Лучших батыров вырезали,
Биями став от отцов пятерых,
В стране богатство к рукам прибирали,
Если будешь страну защищать,
Будут, как брата, все уважать;
От страны оторвешься своей —
Будешь вечным врагом ты ей.
А тому, кто враг стране,
Суждено быть врагом и мне.
Я владенья врага спалю,
Заставив его плавать в крови,
За страну свою отомщу.

Когда все собравшиеся, источая отвагу и смелость, последовали за Салаватом, не стал противиться и Юлай, вместе со всеми сел на коня.

Салават в поход боевой
Пошел на заводчиков войной,
И, пока не явился Пугач,
Тарханов царских ввергая в плач,
Бояр изгоняя с округи всей,
В близлежащих заводах подряд
Хозяев твердой рукой своей
Уничтожал и пленял Салават.

Подоспевший Пугач обрадован был,
Салавата от сердца хвалил,
Во главе поставил его
Войска большого своего.
Во многих битвах сражался он;
Наседавших со всех сторон
Врагов, как сокол, нещадно бил.
Если же ранен стрелою был,
Если падал на землю с седла,
Оставался один без коня,
Пеший сражаться был готов,
Как баранов, кромсал врагов.

Во многих битвах побывав,
Много ран от врагов приняв,
Обессилев вконец от них,
Только чудом оставшись в живых,
Оставшись без войска своего,
Вражеский корень обрубить не сумев,
Не в силах сдвинуться, он лежал
И только тяжело вздыхал;
Наполняясь смертной тоской,
Тешил душу песней такой:
«Ах, дербник, пролетающий высоко,
Поодаль огибает встречных птиц.
Батыр, в боях оставшись одиноким,
Увидит сон — и рад уж без границ.

Средь табунов коней моих домашних
Любим мне конь караковый бывал.
Когда на нем я мчал на войско вражье,
Про горе и про беды забывал.
Летает сокол, стаи птиц пугая,
Спускается, коль крылья устают.
Батыры, словно соколы, бывают,
Сойдут с коня однажды иль падут».

Раненный во многих местах,
Голову не в силах поднять,
Коня любимого оседлать,
На битву больше не в силах скакать,
Дома лежал он с тоской на устах.

Когда ряды их заполнил враг,
Когда у мужей, что шли на войну,

Не осуществились надежды,
Когда боярей рабы подневольные
Решили: хозяева ушли, и довольно!
А башкиры: мол, с нашей земли
Мы коварных бояр смелй,—
Вместе не желая держаться,
Хотели домой лишь быстрей возвращаться,
Покидать не желая свой край,
Воротился в свой стан и Юлай,
Рассеялась сила Пугача,
Кончилась сила Пугача.

Пока не сведешь топорище с топором,
Лес невозможно будет рубить.
Без слуха чужого не станет дом
Сторонним тайну свою говорить.
Если спутник, с кем вышел в путь,
С тобой не ест из чаши одной,
Тайну свою не делит с тобой,
За тебя он врагу не подставит грудь.
Вот так же и друзья Пугача,
Золото получив от врагов,
Предали во мраке ночи его.

Хоть после Пугача Салават
Снова клич боевой бросал,
Хоть в стране, разоренной опять,
Батыров оставшихся собрал,
Хоть продолжал противостоять
Войску царицы, что равно огню,—
Не одолеет батыр один рать.

Хоть Салават Салаватом был,
Все же один батыр никогда
Не устоит против войск врага.
Рек долины и берега,
Седловины гор Яман-тау —
Сплошь покрыло войско врага.

Пятьсот человек — за рядом ряд —
Окружили. И все ж Салават,
Хоть силы сесть на коня не имел,
Все же рук сложа не сидел.
Когда копьё сломалось,— клинком
Бился. Когда ж сломался клинок,

Голым дрался он кулаком.
Пока без сознания не упал,
Триста человек уложил,
Двадцать ран от них получил²⁵,—
Час роковой для него настал.

Взяли враги Салавата в плен,
Тело цепью железной ему
Скрутили от самых плеч до колен.
Видя, что в испуге народ
Глядит на него и слезы льет,
Хоть залито кровью было лицо,
Хоть враги его взяли в кольцо,
Хоть сыпались удары со всех сторон,
Отважно и гордо держался он.
Словами, полными любви,
Он навек простился с людьми:

— Если землю покроет снег
И у растений увянет взгляд,
Солнце и весенний дождь
Расцвести вновь цветам повелят.

Хоть уйдет из страны Салават,
Кровь, что пролил здесь супостат,
Вновь батыров взрастит таких,
Что смогут страну от врагов защитить,
За все злодеяния им отомстить!

БАИК АЙДАР-СЭСЭН

1. Эйтеш между Байк-сэсэнном и казахским акыном Бухаром

Байк был сыном Байназар-тархана, который вместе с отцом Салавата Юлаем и дедом Азналы владел землями вдоль реки Ая. У Байназар-тархана было пятеро сыновей: старший — Байк, второй — Танып, третий — Таип, четвертый — Каип, пятый — Танхык.

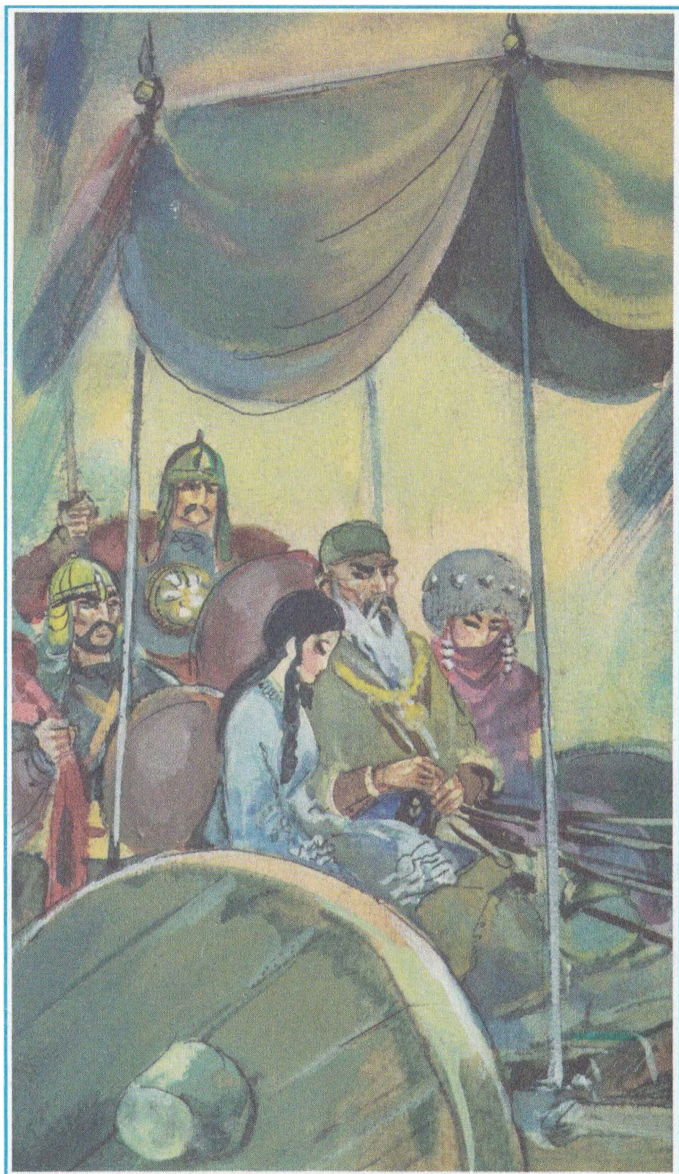
Став сэсэнном, Байк смолоду обособился от отца, отправился странствовать. Таип умыкнул дочь Азналы и сбежал в казахскую сторону. Танып и Каип в одном из восстаний пропали без вести. Сам Байназар коротал дни с младшим сыном Танхыком.

В том самом восстании, в котором исчезли Танып с Каипом, принимали участие и Байк с Юлаем. Разными средствами удалось Азналы добиться оправдания сына. Не зная, куда приткнуться, Байк подался к казахам.

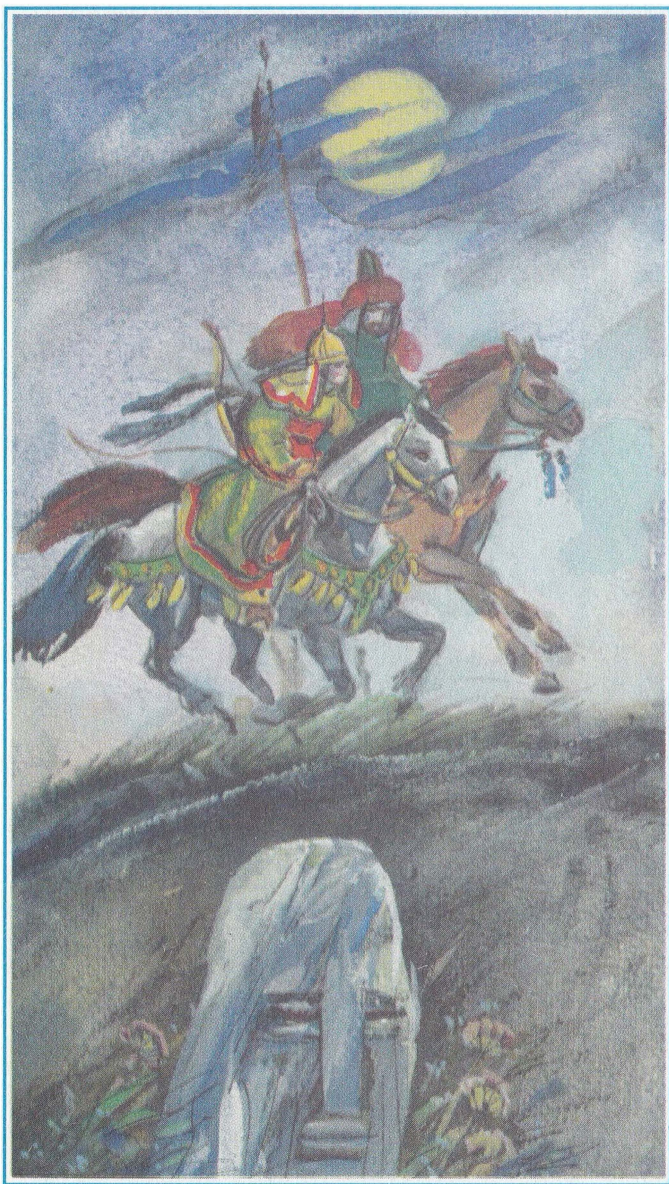
Когда он пребывал среди них, казахские сэсэны¹, дабы посрамить и посмеяться над Байком, сказали ему так:

Истяк*, явился ты сюда,
Привела тебя в степи беда.
Загадку я тебе загадаю,
Усыновлю, коль разгадаешь,
Нет — превращу в своего раба;
Пасти овец моих будешь днем,
Шерсть трепать будешь вечерком,
Хныкать не будешь: мол, недоспал,
Смотри, чтоб меж дел свой сон утолял.

Пара деревьев в раздольной степи,
Верхушки деревьев тех сплетены —
Есть такой муж-вожак в стране,

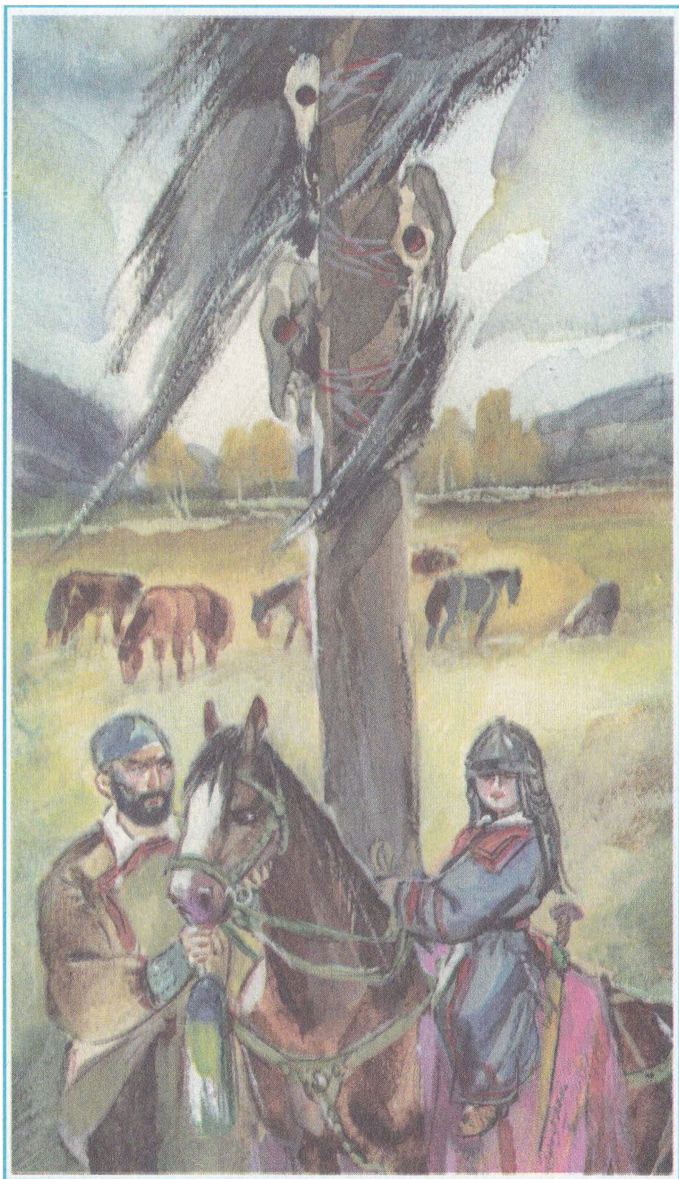

ИЗИГЕ

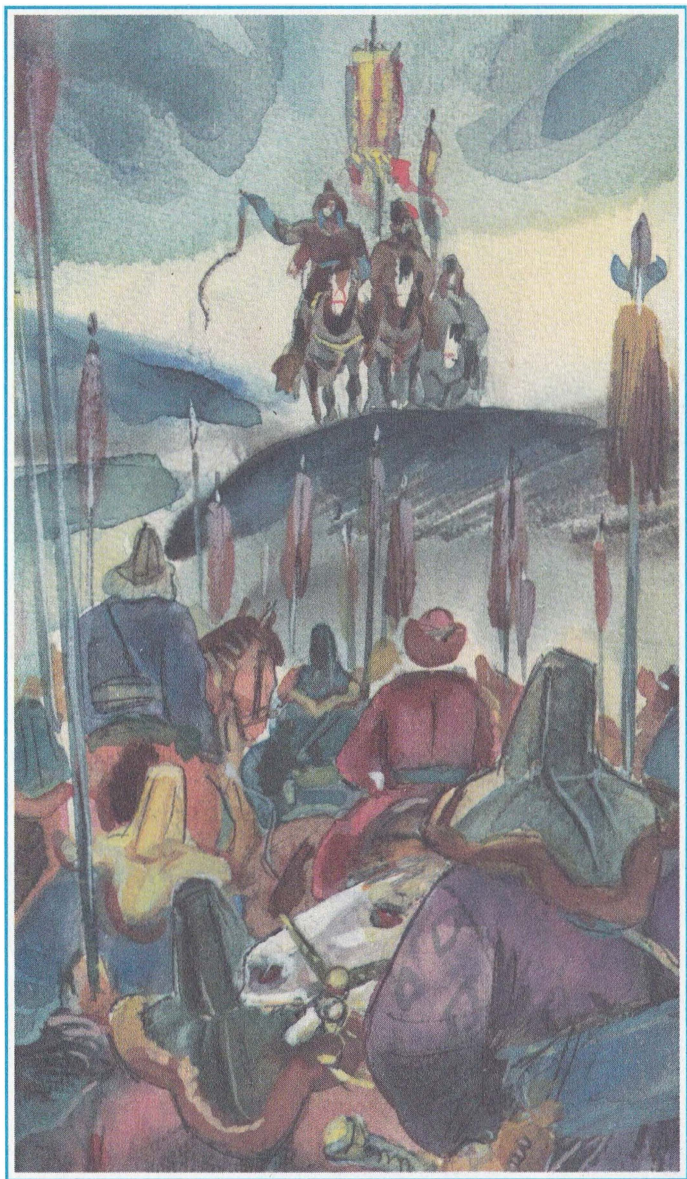

МЭРГЭН И МАЯНХЫЛУ

КАРАСАКАЛ

САЛАВАТ И ЮЛАЙ

Подобен головам двух баранов,
Что бодаются и в котле?²
То не благо, что нежданно
С неба да на землю упало;
Не одиноко оно — с четой,
Словно солнце с луной.

Банк:

То, что степью раздольной зовешь,
О чем похвального слова ждешь
От истяка, что из дома бежал,—
Тот край, который я тут увидел,
Тот край, который извечно ты знал.
Сухостоем покрыт он весь —
Вот верблюд и водится здесь;
Косогоры здесь, словно трут,
Как стан худосочной девушки, грунт,
Мозолями холмы из песка растут;
Иссохшее вымя молока не дает,
Жаждающий глотка здесь воды не найдет —
Такова она, степь твоя.
Плодит барсуков она, ростом с турсук*,
Куда ни глянешь — рыщет корсак;
Нет лучше мелодии у нее,
Чем кличущий верблюжонка верблюд,
Чем ослы, что горло дерут, —
Такова степь, что тонет в тиши.
Беркута, реющего на скале,
Егета, парящего в седле,
Заменяет один собой,
Заслоняет один собой —
Качающийся на верблюжьих горбах,
Мужчина, кто казахом зовется,
Малахай на ветру его бьется.

Пара деревьев твоих в степи —
Помосты для сушки курутá;
То, что иссушает казахов твоих, —
В раздольной степи двойная Орда.
Верхушки деревьев, что сплетены, —
Той самой Орды спесивый муж,
Который в один котел положил
Две своих клятвы — их так скрепил.
Вечно ходящий в женихах —
Ваш султан и есть Аблай-хан.

После этого казахские бии стали преследовать Баика, решив: «Этот хочет быть в стране айдаром*, в сердце — кинжалом».

Баик бежал и вновь воротился на Урал.

2. Обращение Баик-сэсэна к Салават-батыру

Много воды утекло, много лет минуло. Баик-сэсэн стал народным глашатаем, а сын Азналы Юлай — старшиной. Оба стяжали себе славу на своем поприще.

Однажды Баик выбрался из пещеры, поднялся на гору Кылыс-тау*, посидел там в задумчивости и, решив отправиться к Юлаю, вышел в путь. По дороге встретил он Салавата, который вышел поохотиться. Поздоровался с юношей. Тот назвал себя и, в свою очередь, поинтересовался, кто он такой. Баик ответил ему так:

Скажу — затянется разговор,
А слушать станешь, так у тебя
Слух тотчас же станет остер;
Называй как угодно меня,
Так, пожалуй, скажу тебе я:
Кого только нету у этой страны:
Есть и бии у этой страны,
И праведные мужи есть у этой страны,
Словом крепящий две стороны
Свой язык есть у этой страны.
Девушки есть у этой страны.
Есть стать и нежность у этой страны,
За желанье жениться битый
Есть голодранец у этой страны.
Есть масса людская у этой страны,
Есть мощь мирская у этой страны,
К захватчикам, что разоряли их,
Есть мести желанье у этой страны.

Я — мужчина земли своей,
Рода разграбленного своего,
Один из последних осколков его.
Жалок и измордован остался,
Кровью истекший, трясиную стал я;
При виде злодеев я закипаю,
Сердцем память о них вбираю;
Закален в своем собственном гневе,
К Уралу намертво я прикипел,

Точно окровавленный лев я —
Таков старческий мой удел!
Для безлошадных — сам я конь,
Для злодеев — жгучий огонь.
Я — съезн той стороны,
Чьи жилища на нет сведены,
Чьи дети истреблены,
Батыры — изгнаны из страны.
По свету мыкающийся я старик,
Который спутника ищет себе,
Готового вместе скакать в седле,
Наконечники вместе точить
О скалы, чтобы злодеям мстить.
Есть доброе имя мое — Айдар*,
Чтоб не выпускать оружие из рук,
Есть клятва, которую людям я дал.

Слышал, имя твое — Салават,
Слуха касался моего много.
Но слышать имя — еще не то,
Чтоб сквозь сердце прошло оно.
Коль пришлось уж тебя повстречать,
Дозволь мне слово тебе сказать.

Много батыров на Урале росло —
Все на склонах его бродили,
Здесь качелило их седло,
Наконечники здесь точили,
Здесь егетами гарцевали,
Девушек себе выбирали,—
Никто не остался — все ушли.
Страна осталась, что их родила,
Дорога осталась, что их вела.

Скакали батыры свой край защищать,
Скакали ханы рабов набирать;
Тевкелев, чтоб славу себе добыть,
Сто двадцать аулов, словно трут,
Подпалил и выжег дотла,
Войско введя, бесчинствовал тут,
Страну разграбил,— исчадие зла,—
Смог всю страну в крови затопить.
Плыл на коне в море слез живых,
С доносом на ближних своих
Дедушка твой Шагали³,

Ну а сын его Азналы
Скот-добро себе добывал.
Кто рабов хотел — здесь их брал,
Кто скота хотел — грабил скот,
Кто войны хотел — бился тот,—
Все прошли здесь, все побывали.
И ханские головы земля взяла,
И Тевкелева в себя забрала,
И Шагалия не миновала —
Сама страна его наказала;
И с Азналы генералы потом
Обошлись, будто с псом.
Сгнуло все — ничего не осталось,
Только кровь запекалась на скалах.
Путь остался, где батыры скакали,
Страна осталась — себя сохранила,
Страна, что на врагов оружие точила.

Что помышляет теперь Юлай,
Сын твоего деда Азналы?
Ждет войны или славу ждет,
Иль по следам отца идет?
Иль след батыров его влечет?
Прямо в дом я к нему пойду,
Прямо в глаза ему взгляну,
Из разговора с ним пойму,
Как и чем бьется сердце его.

«Дорогу, которой батыры скакали,
Пыль покрыла — ее не сыскал я.
Меч заржавел... Чтоб его отточить,
Не смог на скалах я камень добыть».
Коль молвит так, я в ответ скажу:
«Вот я! Дорогой батыров брожу,
На коне я сюда стремился
И вот прямо к тебе явился!
Когда на коне я скакал,
Когда предо мною враг вставал,
Я валил его своим ветерком —
Таким и остаюсь стариком!»

Все, о чем говорил Баик, понял Салават, и повел его с собой к отцу.

Поговорили они с Юлаем втроем, призвали к памяти прошлое, держали совет с теми, с кем находили общий язык,

и решили еще раз восстать против царя. Но потерпели поражение. Главари — и Пугачев, и Юлай с Салаватом — все угодили в руки карателей. А бедному старцу Баику вновь было суждено скитаться по свету. За ним охотились, и потому, к кому бы он ни подался, каждый опасался за свою жизнь. И тогда отрекся Баик ото всех. Никто не видел его больше и не слышал, он исчез бесследно.

3. Появление Баик-сэсэнa вновь, разъяснение народу чувства братства

Много лет прошло, много воды утекло. Самые лучшие и храбрые участники восстания были повешены. Когда высланные на каторгу вернулись обратно и только-только начали было жить мирной жизнью, вновь разразилась смута. «Французы пришли войной, заняли Москву, царь бежал», — разнеслась повсюду весть. Собрались старейшины, переговорили с главами родов и разными начальственными чинами, и, разослав конных гонцов и письма туда, куда они могут добраться, созвали людей всей страны. Когда, зачитав царский указ, держали совет, словно выбравшийся из могилы человек, появился на йыйыне* Баик, с головы до ног покрытый шерстью, с белой бородой до самого пояса. Были тут и такие, что признали его. Так как все молча взирали на Баика, он сказал собравшимся такие слова:

То, что чернеет вдалеке
И наплывает, как волна,
Я принял за лошадей,
Скачущих табуном,—
Оказалось толпой людей,
Землей, где так много люда кругом.
Это ль и есть тот самый пир,
Куда на конях съехался весь мир?
Большинство здесь, как видать,
Несмышленыши простаки,
Чтоб приветствие не принять,
В слове мне, старику, отказать.
Разговор, что здесь вами велся,
Не детский вроде — вполне мужской.
Что же сбор ваш — не пир горой,
А дом — будто мертвеца провожают.
Коль я слово сказать осмелюсь,
Как человек, пришедший на пир,
Не отвергнете вы, надеюсь,—

Кажется, нет здесь таких мужчин.
Кто бы среди вас ни был —
Тархан или какой-нибудь бий,
Мужчина ль, который может мечом
Даже гору перерубить,—
Все же найдется такой,
Кто бы молвил: «Я узаман!»;
Кто бы в возрасте моем
Завязывал торокú за седлом;
Кто б на красном месте главой
Бараньей одарен был головой!⁴
Если ж найдется подобный, он
Не будет в глазах моих вознесен:
Знает не тот, кто прожил дольше,
Знает тот, кто видел больше!
Если я, достигший ста лет,
Не скажу вам, что знаю сам,
Ошибок, бросающихся в глаза,
Пока я жив, вам не укажу,
То с мертвого тела моего
Грех не отмоеся лишь водой!
То добро, что я людям нес,
Не сохранится в родной стороне.
Могилу увидевший скажет: «Холм»,—
Любовный взгляд не остановит на нем!
Мысль ненайденная во мне живет,
Она сто лет душу мне жжет.
Людям ее я пытался открыть,
В крови валяясь, ее добыть.
Та мысль с водою не утекла,
В болотную глубину не ушла,
Не я лишь ищу ее в лоне земли,
Искали многие — не нашли.
В сердцеvine же мысли моей —
Не жалоба на море бед,
Не стон мой на старости лет;
В ней — желание всей страны,
Чьи звуки в глотке заглушены;
От гнета, в котором живет народ,
В красном обличье она предстает.

Много мужчин кричало: «хан! хан!
Славу нет, мол, — на то он и дан!
Чингиз явился — «Я!» заявил,
«Всего лишь гость я здесь!»,— не говорил.

К стране длань он свою простер,
«Уйду отсюда», — не говорил,
Сыновей, биев своих возвышал,
Птицу хана — Карагуша* вручал,
Клятву приносить принуждал,
«Пейте чужеродную кровь», — говорил;
Плыть по седло в крови учил.
«Не спрашивай, веры какой и кровей,
Все рабы они нам!» — говорил.
«Пусть число ханов до числа псов дойдет,
Пусть в жестокости слава растет,
Вот наша опора!» — говорил.

Прошли поколения друг за другом,
Ханы сменялись друг за другом, —
Что от ханов осталось в стране?
Трясина, в которой кровь — не вода,
Народ разоренный да нищета,
Остались страдания да беда.
Деда наши не понапрасну
Склонили голову пред Москвой,
Белого царя власть признав⁵,
Поклялись своей головой!
Ай, клятва, клятва, говорят,
Держи, говорят, если дал ант*,
Тебя не помилует чужой,
Не присягай чужим, говорят.
Белую клятву, что дал родным,
Крепко держи, как коня, говорят.
Ах, чужак, чужак, говорят,
Чужих распознай со всех сторон,
«Кто он — тот чужак?» — говорят.
В застолии друг хорош,
В любви девушка хороша,
На войне аргамак* хорош,
В книге словность хороша.
Когда на голову грянет беда,
Пусть в обычной жизни плохой,
Все же хорош человек родной:
Двое братьев будут ссориться,
Сядут на коней — помирятся!

Если родной, говорим, родной,
Кто же он все-таки такой?
Тот ли, у кого отец и мать —

Общие? Так ли нам понимать?
А кого братом, сестрой назвать
Тому, кто у родителей — один?

Если по матери не родной —
Того, с кем пьет воду одну, назовет.
Если и по воде не родной —
Того, с кем живет на земле, назовет.
Если нет свояка у него
(Ибо свояченицы нет
У того, кто на землячке женат),
Свояком он и назовет.
Тот, кто пил из реки одной,
Барахтался на земле одной,
Матерью ту землю называл,
С нею счастье свое связал,
На ней селился, был сыт на ней,
Восхищался, считая своей,
В дивных песнях ее воспевал;
Кто горе и беды делил с тобой,
Связанный одною судьбой,—
Женщина или мужчина он,
Царь или кто-нибудь другой,
Пусть род плодит свой на той
Земле, которою дорожит,
Славу на ней обретает,—
Тот и есть тебе родной!

Поднялся в Москве шум и гам, говорят,
Враг напал на нее, говорят.
Француз ли он иль кто другой,
Все ж из земли пришел он иной.
Блага нельзя от такого ждать,
Земля под ним будет пылать,
Подобно Чингизу, окажется псом.
Граница захвачена чужаком,
Не гостем явился он, а врагом.
С призывом обратилась Москва:
«Кто государю присягал,
Пусть садится на коней! —
Ведь царь весть нам такую дал:
«Враг на Отчизну нашу напал!»
Слово мое будет таким:
Кто клятву нарушил — что станет с ним?
Не будет опоры таковым.

Как мытарствующий Байк
Покоя не найдет ни на миг.

Когда люди признали старика Байка, услышали его слово, весь народ всколыхнулся, словно пчелиный рой.

**4. О том, как народ провожал своих егетов-мужей
на войну с французами**

Услышав слова столетнего Байка-сэсэна, начальники кантонов, отправив верховых в те места, куда доходят письма да лошади, посоветовавшись между собой, уговорились собираться у излуки Идели в местечке по названию Кунгак.

Повсюду молодые парни выбирали в табунах лошадей, укрощали необъезженных аргамаков. В лесу строгали стрелы, под навесами выбивали наконечники, резали и свеживали телок, вялили мясо, кипятили квашеное молоко для курута, сбивали каймак, сбивали масло, коптили шкуры, шили турсуки-бурдюки, денно и ночью доили кобылиц, взбивали кумыс, справляли одежду и доспехи — так готовились к дальнему походу.

Старик Байк тоже оседлал своего коня и, вручив в руки сына своего Ахмета саблю, снарядил его на войну.

Начальники кантонов возглавили войско, стали курбаши*, одарив своих батыров вышивкой с изображением птицы, поставили каждого во главе тысячи; вручив вышивки с изображением родового древа, назначили удалцов рода сотниками; определив скачущего впереди с войсковым знаменем, все расселись по коням. Все — старцы-старики, женщины-жены, преклонные старухи, девушки-девицы, сошедшие из колыбели, ползающие на грудке, мальцы, что только-только начали передвигать ножками, — все подряд вышли провожать уезжающих на войну.

Старухи подарили суровые нитки — чтобы путь воинов был короток. Женщины-жены пришили к груди своих мужей монисты — чтобы их не пробили вражьи стрелы или копья. Девушки-невесты подарили своим егетам вышитые платки и кошелки-янсык*, чтобы хранили о них память. Все желали им счастливого пути и при расставании пели такую песню.

Старухи:

— Головушки ваши на битву уходят,
Дети, мы говорим вам: прощайте.
Быстрее месяцев годы проходят,
Живы-здоровы назад возвращайтесь.

Девушки:

— Оседлав своих коней, родной оставив стан,
Перевалив Урал, уйдете на войну;
Хай, милые, покинув нежный стан;
Вглядываясь в путь, которым вы ушли,
Мы будем ждать вас, очи утомляя,
Хай, милые, не забудьте дочерей своей земли.

Когда в бою вспотеете при скачке,
Со лба смахните липкий пот горячий,
Хай, милые, вспоминайте нежную статью.
Платки, что мы вам дали, талисманом
Храните при себе постоянно,
Хай, милые, не забывайте тонкую статью.

Узоры нанеся хребтов Урала,
Мы вышитые янсыки вручали вам,
Понюхаете — родной землей пахнет.
В янсыке том — честь родины любимой
Пусть в вашем сердце праведном живет,
Хай, милые, со славой вас Отчизна ждет.

Егеты и мужчины, собравшиеся на конях в боевой поход,
также песней вернули им ответ:

Из молодых берез, впитавших предков кровь,
Выстругивали мы для лука стрелы,
Хай, страна моя, краса-земля моя.
Мы будем беспощадно бить врагов,
На аргамаках налетая смело,
Хай, страна моя, краса-земля моя.
Поклявшись, мы уходим на войну,
В крутых сраженьях честь там сохраним,
Хай, страна моя, краса-земля моя.
Дела батыров, как завет их тоже,
Мы сохраним в боях и преумножим,
Хай, страна моя, краса-земля моя.

Последними свое песенное слово-благословение пропели
самые почтенные люди:

Сев на коней, на битву отправляйтесь,
Там клятву, что вы дали, исполняйте,
Хай, Отчизны отважные сыны!

Звеня набором искристых монист,
Смеясь победно, в край родной вернитесь,
Хай, Отчизны отважные сыны.
Лишь Млечный путь успеет показаться,
Как к югу птицы дикие помчатся,
Хай, Родина, батыров ждет она тогда.
Лишь только птицы пролетят высоко,
Привет ваш будем ждать мы издалека,
Хай, письма ваши мы прочтем тогда.

Когда, победив Наполеона и завершив войну, воины-сыновья воротились домой, старику Байку исполнилось сто два года; играя на курае песню «Байк», встречал он батыров⁷.

КОММЕНТАРИИ.

Комментарии содержат:

1. Сведения о публикуемом тексте (когда, где, кем и от кого он записан), месте хранения рукописи (или машинописи) и печатных источников.

2. Примечания-пояснения исторического, этнографического и стилистического характера. В ряде случаев указываются значительные поэтические различия вариантов, в том числе иноязычных версий.

3. Информацию о вариантах. Если вариант близок к публикуемому тексту или является его частью (отрывком), то указываются только источники. О значительных вариантах и версиях, например, сказания «Идукай и Мурадым» ввиду того, что они представляют большой интерес для науки, дается, помимо сведений об источниках, и краткий пересказ их содержания с цитированием отрывков текста о важных эпизодах в подстрочном переводе на русс. яз., сделанном составителем тома.

Дополнениями к комментариям служат глоссарий и указатель имен персонажей, легендарных и исторических личностей.

Принятые условные сокращения:

Акманов — Акманов И. Г. Башкирские восстания в XVIII в. Учебное пособие. Уфа: БГУ, 1987.

Батырлар жыры. 1987 — Казак халык әдәбиәте: Батырлар жыры (Казакское народное творчество: Героический эпос. На казах. яз.). Т. 3/ Сост. и коммент. М. Тумаровой, ответ. ред. Ж. Атишев. Алматы: Жазушы, 1987.

Башкирские шежере — Башкирские шежере/ Сост., перевод текстов, введение и коммент. Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960.

БНЗ, 1968 — Башкирские народные загадки. На баш. яз./ Сост. Кирей Мэрген и Фануза Надршина. Уфа, 1968.

БНТ. Т. 1, 2, 5 — Башкирское народное творчество. Т. 1: Эпос / Сост. М. М. Сагитов, вступ. ст. Н. Т. Зарипова и М. М. Сагитова, коммент. Н. Т. Зарипова, М. М. Сагитова и А. М. Сулейманова, ответ. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа, 1987; Т. 2: Предания и легенды / Сост., вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршиной, ответ. ред. Л. Г. Бараг. Уфа, 1987; Т. 5: Бытовые сказки / Сост. А. М. Сулейманов, вступ. ст. и коммент. Л. Г. Барага и А. М. Сулейманова, ответ. ред. Л. Г. Бараг. Уфа, 1990.

Бурангулов. 1943 — Батырзар тураһында эпос — Эпос о батырах / Сост. М. Бурангулов, под ред. А. Кутушева. Уфа, 1943.

БХИ. 1954 — Башкорт халык ижады — Башкирское народное творчество. Т. 1 / Сост., редакция, вступ. ст. и коммент. А. И. Харисова. Уфа, 1954.

БХИ: Эпос. Кн. 3 — Башкорт халык ижады — Башкирское народное творчество: Эпос. Кн. 3/Сост., вступ. ст. и коммент. Н. Т. Зарипова, ответ. ред. Г. Б. Хусаинов. Уфа, 1981.

Габитов. Краткие образцы... — Габитов Хабибулла. Халык эзэбиэтенэн кыскаса үрнәктәр — Краткие образцы из народной литературы // ж. «Яңы юл» — «Новый путь», Уфа, 1923. № 2—3.

Гвоздиков — Гвоздиков И. М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1982.

Греков, Якубовский — Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Изд. АН СССР, 1950.

Диваев — Идиге-батыр. Перевод [на татар. яз.] произведений господина Абу-Бакира Диваева, относящихся к этнографии (Әбу-Бәкер әфәнде Диваевның этнографияға ғаид әсәрләрендән тәржемә) // Журнал «Шура», 1917. № 15 и 16.

Живая старина. 1897 — Тюркская сказка о Идыге. Публ. Г. Потанина // Живая старина. Вып. III и IV. Спб, 1897.

Жирмунский. Тюркский эпос — Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974.

ЗИРГО. Т. XXIX — Записки Императорского русского географического общества. По отделению этнографии. Т. XXIX: Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Изданы под редакцией Н. И. Веселовского, Спб., 1904.

ЗИРГО. Приложение к т. XXIX — Сказания об Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову. Издал проф. П. М. Мелиоранский. Спб, 1905.

Игнатъев — Игнатъев Р. Г. Карасакал-лжехан Башкирии // Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАСССР. Вып. 2. Стерлитамак, 1922. С. 39—54.

Кузеев. 1964 — Кузеев Р. Очерки исторической этнографии башкир. Часть I: Родо-племенные организации башкир в XVII—XVIII вв. Уфа, 1957.

Кузеев. 1974 — Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этноический состав, история расселения. М.: Наука, 1974.

Научный архив — Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (РАН).

Ногайская хрестоматия — Ногайско-Кумыкская хрестоматия / Сост. М. Османов. Спб., 1883 (на ногайском и кумыкском яз.).

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

Радлов. Образцы... Ч. I, IV, VP / Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен... Часть I: Поднаречия Алтая... Спб., 1866; Часть IV: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. Спб., 1872; Часть VII: Наречия Крымского полуострова. Спб., 1896.

ТХИ: Дастаннар — Татар халык ижады: Дастаннар — Татарское народное творчество: Дастаны / Сост., вступ. ст. и примечания Ахметовой Ф. В., науч. ред. Гусманов М. Г. Казань, 1984.

ИДУКАЙ И МУРАДЫМ.

Публикуемый перевод сделан с рукописного текста Мухаметши Бурангулова — Научный архив. Ф. 3. Оп. 12. Д. 220. 232 листа стандартного формата (более семи тысяч стихов). Оригинал впервые опубликован в газете «Кызыл Башкортостан», 1940, № 95—98, 100, 101, 103—108, 110—116. В названии, как и в рукописи, отмечено: «Башкирский народный эпос. Один из вариантов, записанных Мухаметшой Бурангуловым». Следует оговорка о том, что излагается на диалекте, на котором записано (демский диалект башкирского языка). Сведения о сказителе и дате записи отсутствуют.

Второй вариант (около 2500 стихов) опубликован в том же году в башкирском лит. журнале «Октябрь», № 6—8. Указано, что вариант записан

М. Бурангуловым от башкир, живущих в долинах рек Дим, Тук и Суран (Большой и малый Уран, Оренбургская обл.). Рукопись и машинопись текста не сохранились.

В наших ссылках эти тексты в первом случае называются — «Рукопись» или «Газетная публикация», во втором — «Журнальная публикация».

Сопоставление текстов показывает, что они представляют по существу одну и ту же версию сюжета. Их основой, по-видимому, является рукописный текст 1792 г., который Мухаметша Бурангулов получил от Гимади Каскинова в 1910 г. (подробности см. в вступ. ст.)

¹ В рукописи и газетной публикации текст разделен на XXVI глав. Они обозначены римскими цифрами. В настоящем издании некоторые главы, тематически связанные между собой, объединены. (Это оговаривается в примечаниях). Дано оглавление в соответствии с содержанием глав.

² *Кыпсак, Катай, Тамъян, Юрматы, Табын* — эпические персонажи-батыры, именуемые, обычно, как и в родоплеменных легендах и шежере, по названию башкирских племен или родов. Так, например, в шежере башкир рода карагай-кыпсак племени кыпсак говорится: «Знайте: самый древний предок кипчаков — Лукман Хаким. Его старшего сына назвали Дешт-и-Кыпчак. Все кипчаки из его рода». Башкирские шежере. С. 116).

³ *Пять родов.* — В башкирском языке понятие «род» (ырыу) употребляется в различных смыслах: племя, род и родовое подразделение. Основываясь на шежере и историческом фольклоре, Р. Г. Кузеев отмечает, что «в XVI—XVII вв., тем более раньше, родоплеменная терминология имела более определенное значение, чем в XIV в., хотя и не была одинаковой для всех башкирских племен» (Башкирские шежере. С. 178, 2^{0е} примечание). Но количество родовых организаций постоянно менялось. Известно о существовании еще с эпохи раннего средневековья союза семи башкирских родов — *ете ырыу*. Об этом свидетельствуют, например, эпическое сказание «Кусяк — бий» (БНТ. Т. 1. С. 464—590), предание «Семирод — ете ырыу» (БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 149 — 153). По данным исторического фольклора Р. Г. Кузеев пришел к заключению: «Племенной союз (объединяющий прежде всего племена бурзян, усерган, тамъян и тангаур) в юго-восточной и южной Башкирии в XIV—XV вв. действительно существовал, однако наименование «джете-уру» (т. е. ете ырыу — семь родов. — Н. З.) он получил лишь впоследствии. Народное воображение приложило к «героическим» временам своей прошлой истории привычные этнонимы, придав им совершенно новый, соответствующий историческому повествованию, смысл (Кузеев. 1974. С. 115). То же самое мы видим здесь, когда говорится о пяти крупных башкирских родах южной и юго-восточной Башкирии как о связанных между собой особыми узами этнических организациях.

⁴ *Посланником от хана явился к пяти родам.* — В истории неизвестно о башкирском бие, который бы вошел в союз с ханами Золотой Орды и грабил свой народ. Но в некоторых шежере встречается имя Шагали-бия. Так, в «Шежере башкир племени юрматы» говорится об одном из сыновей «знатных юрматынцев» Тухал Шагали-бие, которого «за многочисленный род» называли бием. Жил он в то время, когда «Джанибек-хан с Аксак Тимуром были ханами», ... «были великие бедствия, на всех совершались набеги». Юрматынцы в числе других народов, подвластных хану Амату Хамагу, «переправились за большую реку» и поселились «по берегу реки Шадлык» (Башкирские шежере. С. 31 — 32).

В журнальной публикации текста не говорится об имени ханского посланника; ханский указ изложен в косвенной форме:

Хан издал большой указ:

Дал слово рабов не брать,—

Вместо них к нему прислать
Двух охотников, певца одного
И семь батыров рода этого.

В свободном варианте ханским посланником является Янбай.

Подобное требование хана отражается в предании «Акман-Токман»: «Башкиры должны были платить хану ясак. Сначала это показалось не особенно обременительным. Пушкина поставлялась хану вовремя. Но однажды от хана пришел новый указ. Молодые мужчины и егеты* со своим конем, снаряжением призывались в ханское войско. Невмоготу стало башкирам, и они стали подниматься против хана»... (БНТ. Т. 2. С. 168).

⁵ *Сердце... двойным от отца рождено* — имеется в виду народное афористическое выражение «куш-юрэк» (куш йөрэк) — букв. парное сердце, означающее храбрость человека.

⁶ *Будто луна — одна щека, а другая — как солнца луч. (Бер бите айзай балкыган, бер бите көндэй яктырган)* — традиционное поэтическое выражение женской красоты в башкирском фольклоре. В сказках обычно: одна щека — как луна, другая — как солнце (бер бите ай, бер бите көн кеүек, ти).

⁷ В журнальном варианте этих слов старца Хабрау, задевающих честь и разум родовых батыров-вождей, нет. В сводный текст сказания эти слова вошли без изменения.

⁸ В рукописи и газетной публикации эти строки изложены стихами, но не совсем складно и четко. Ввиду этого и с учетом тюркской традиции обычного (нестихотворного) изложения перехода от одних эпизодов к другим, что нередко имеет место и в данном сказании, подобные строки переведены нами в прозаическую форму, несколько не искажая их смысл.

⁹ В журнальном варианте, согласно ханскому приказу, вместе с пятью батырами и двумя охотниками отправляется в ставку хана и Хабрау. В сводном тексте, как и здесь, он остается на Урале.

¹⁰ *Направился он к старику Хабрау.* — В журнальном варианте Идукай направляется к Тора-бию, желая сговориться с ним поднять народ против Туктамыш-хана.

¹¹ Загадать загадку с целью испытания сообразительности героя — традиционный эпизод в башкирском фольклоре. Так, в сказке «Балкантаз», записанной в нескольких вариантах, царевна испытывает таким образом женихов и, наконец, выходит замуж за отцовского работника Балкантаза, остроумно отгадавшего ее загадки (БНТ. Т. 5. № 49. Сказка относится к сюжету АТ 85 1А — «Руку царевны получит тот, кто отгадает ее загадки», который Томпсоном отмечен лишь в литовских и греческих вариантах). На тот же сюжетный тип построена другая башкирская сказка, названная «Двенадцать загадок красавицы» (БНТ. Т. 5. № 48). Такого рода развернутые загадки бытовали в народе и как самостоятельные поэтические произведения. В научном архиве, например, хранятся две записи, сделанные в 1925 и 1952 годах — Ф. з., оп. 12, д. 302. Л. 17 и оп. 12, д. 237, л. 84. По-видимому, на этом основании загадка Хабрау и отгадка ее Идукаем, извлеченные из настоящего сказания, опубликованы под названием «Два сэсна» — БХИ. 1954; БНЗ. 1968; БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 140.

¹² *Умар-батыр (Умэр батыр)* — в башкирском народном эпосе это имя встречается впервые. В казахском варианте «Идука-би», записанном Ч. Валихановым, он именуется святой Баба-Умэр (Баба Умэр), который был отцом Баба-Тукты-Чачты Азиз (см. след. примечание), дедом Идиге. В башкирском варианте Исанбета упоминается в ссоре Мурадыма с отцом почтительным именем «Баба Гумэр атай» (Баба-Гумер-отец).

¹³ *Газиз-Баба* — речь идет о том же святом старце, который в казахских вариантах именуется Баба-Тукты-Чачты-Азиз (см. предыдущее примечание).

¹⁴ *Тукляс (Төкләс)* — святой старец, фигурирующий в эпическом творчестве многих тюркских народов часто под именем Баба-Тукты-Чачты-Азиз.

¹⁵ *Тора-бий* — в историческом фольклоре именуется Тура-хан (Торахан). В «Шежере башкир племени бурзян, кыпсак, усерган и тамъян» говорится, что «он был самовластным ханом башкирского народа»; гора Тура-тау, что высится как огромный стог восточнее г. Стерлитамака, «была местом его ставки» (Башкирские шежере. С.80). Предания же называют его то башкирским, то ногайским ханом, утверждают, что Тура-хану подчинялась вся южная и центральная Башкирия. (Башкирские шежере. С. 199, 20-ое примечание).

В «Справочной книжке Уфимской губернии» (1883) опубликован рассказ некоторых преданий о Тура-хане: «...Тура-хан, рассказывают, был потомок Чингиза и был под властью Сибирского хана Кучума (в выше названном шежере говорится, что Кучум был сыном Тура-хана, Н. З.), но потом, поссорясь с Кучумом, со всей ордой, в числе 8000 кибиток, оточевал к г. Уфе, где простоял 4 месяца около горы, названной горою — «Тура-тау» («Тура» в древнетюркском языке означал крепость, — Н. З.). Недостаток в корме заставил хана удалиться западнее р. Слак, где, намереваясь остаться навсегда, он построил себе дворец и мечеть. Тура-хан пришел сюда с оружием и сделал башкир данниками, сам над собой признал власть царя Казанского. Когда русские покорили Казань... и стали посылать войско в Башкирию, тогда хан удалился к нынешнему г. Стерлитамаку. В 2,5 верстах от Стерлитамака ... близ горы «Тура-тау» виден остаток земляного вала, называемого «ногайским» ... Здесь Тура-хан простоял несколько месяцев, успев построить этот вал, — как новые тревожные слухи об успехах русского оружия заставили его бежать и отсюда куда-то на юг, где он основал свою самостоятельную орду» (С. 333—334, 343).

¹⁶ *Дамми-бий* — В варианте Мусина «О батырах Илукае, Келяйле и Янке» говорится, что он жил еще до наших предков в долинах р. Демы. Однако Дамми, как и Ыршак, что фигурирует дальше, — скорее нарицательные имена, символизирующие долины рек Дема (Дим) и Уршак (Өршәк), действительно в первую очередь попавшие под ордынское господство.

¹⁷ *Повод коня Идукая ... взял, за гостя батыра приняв* — башкирский национальный обычай, согласно которому в знак оказания высокого уважения приезжему гостю встречают его у ворот, взяв за поводья, помогают слезть с коня.

¹⁸ *Кутлу* — отец Идукая. В других национальных версиях эпоса птичник Туктамыш-хана. Именуется Кутлу-гая, Кутлу-кая, Кутлу-кия.

¹⁹ *Майки-бий (Майкы бей)* — см. 6-ое примечание к тексту «Муйтэн-бий».

²⁰ В шежере башкир племени табын сказано, что Чингиз-хан дал Майки-бию страну, уран* — Салават, дерево — лиственницу, птицу — карагущ (Башкирские шежере. С. 156).

²¹ Данный ответ Тора-бия Идукаю взят из журнальной публикации текста. В рукописи отсутствует.

²² Имеется в виду древний обычай, согласно которому в засушливый год люди семьями выходили к речке или озеру и в течение нескольких дней вымывали дождь, утопив казаны в воде.

²³ В журнальном варианте текста согласие Тора-бия выражено в стихах и мотивировано: если Идукай начнет войну против Туктамышя и потеряют они много сил в этой войне, то он, Тора-бий, поработит род Идукая и достигнет давно желанной цели.

²⁴ Здесь соединены VI и VII главы рукописи.

²⁵ *Корова ... со своей буренкой-телочкой ... вернулись на родину — Урал.* — Имеется в виду телочка от седьмого потомства той особо породы-

стой бурой коровы, которая была отдана в приданое девушке с Южного Урала, вышедшей замуж за парня на северной стороне. Об этом бытует у башкир эпическое сказание «Конгур-буга» (Куңыр буга). В нем говорится: «Седьмая телочка от седьмого потомства всем видом своим и нравом необыкновенно походила на саму бурую корову. Ее тоже стали называть Конгур-буга. Когда ей пришла пора телиться, она принесла двух телят... После этого Конгур-буга стала беспокойной, мычала и редела, а иногда не возвращалась с пастбища, подолгу где-то пропадала. Однажды Конгур-буга исчезла вместе со своими телятами. «Кабы с ними не ушло мое счастье», — опечаленно думала Тандыса. Она обошла все окрестные горы и леса, ... но скотину свою так и не смогла отыскать... «Погоди-ка, видно, неспроста это Конгур-буга была такой беспокойной», — и направилась к дороге, по которой когда-то в юности пришла сюда невесткой. Вдруг увидела она следы копыт, кучки навоза на тропе, пучки шерсти на коре шершавой березы, где чесалась ее скотина. «Ага, моя скотинушка, оказывается, направилась на мою родину. Уж на что животные, и те не забывают родную землю», — подумала она и пошла по их следам... Дорогу, по которой с севера на юг пришел скот, отданный в приданое для приплода, стали называть «Дорогой Конгур-буги». (БНТ. Т. I. С. 209, 227).

²⁶ *Акбузат* — мифический белый конь. В данном случае небесный конь, подаренный Урал-батыру небесной девушкой Хумай — дочерью повелителя птиц Самрау в эпосе «Урал-батыр».

²⁷ *Шулгэн* — подводный царь дэвов-змеев, расплодившихся в одноименном озере, что находится в Бурзянском р-не Башкортостана. Об этом «бездонном» озере бытует много легенд, а в эпических сказаниях «Урал-батыр» и «Акбузат» называется озером дэвов — крупных и мелких змеев, против которых воюют герои названных сказаний — Урал-батыр и Хаубан. В сказаниях «Ахкак-кола» и «Кара-юрга» (БНТ. Т. I) повествуется о том, что из этого озера вышли породистые саврасые кони. О том же рассказывается в преданиях, которые так и называются «Елгы сыккан куль» — Озеро, из которого вышли кони (БНТ. Т. 2 С. 72, 489-490).

²⁸ *Семи родов* — см. 3-е примечание.

²⁹ *Кто бы криком волос на части расщеплял* — перефраза идиоматического выражения «Теле менэн кылды кырка ярырзай» (букв. языком своим сможет расщеплять волос на 40), символизирующего сверхспособность человека.

³⁰ *Тукхан, Сафар, Азнай, Каскын, Биккул, Каныкай* — согласно сказанию, аулы нынешнего Бишбулякского и Миякинского районов Башкортостана, названные именами этих батыров (НА, ф. з., оп. 12, д. 230, л. 19).

³¹ *Ыньебика и Киньябика* — дочери Туктамыш-хана. В варианте Н. Исанбета — *Анакэ — (Энэкэ) и Канакэ (Кэнэкэ)*; в вариантах Ульябаева и Вильданова — *Ганакэ (Гэнэкэ) и Тутай*; в казахском варианте Валиханова — *Ханакэ и Танакэ*; в татарском варианте (1988) — *Ханакэ и Кюнакэ (Көнэкэ)*. В других вариантах их имена не названы.

³² *Белую ордой стала та, что была Золотой* — намек на распад Золотой Орды на две части Белую и Синюю, который произошел в начале XIV в.

³³ В опозитизированном отношении Идукая к родной земле отражаются отголоски древних верований башкир об одухотворенности всей окружающей природы. Человек считался частью природы, как и деревья, животные, птицы. Анимистическое представление об органической связи человека с природой, как источником вечной жизни, ярко выражены в мифологических сказаниях «Урал-батыр», «Узак-Тузак — последний из рода балабашняков» и др.

³⁴ Спор пяти братьев об оставшемся от отца животном имеет место и в других вариантах сказания — с той разницей, что в них спорят о хромой козе. Разрешение спора в основном одинаково. Определенный интерес представляет казахский вариант, опубликованный Г. Потаниным в 1897 г. В нем предыстория спора рассказана в сказочном стиле: «Жили пятеро братьев с одной хромой козой на всех. Решили разделить ее между собой. Закололи. Старшему досталась голова, следующим трем братьям — три ноги, а младшему — хромая нога. Из этих частей выросли пять коз. Каждый пас свою козу. Однажды козы старших братьев потравили у соседней нивы. Всю вину старшие братья свалили на младшего. Владелец нивы пошел с жалобой к хану. Старшие братья оправдались, а младший был осужден пойти на четыре года в работники к хозяину нивы».

Далее рассказывается о встрече младшего брата с Койчибаем (Идиге), который советует ему идти своей дорогой, распевая песню, а он, Койчибай, расскажет его братьям: их младший брат распевает песню потому, что он оправдан ханом. Те скажут, что не он, а они оправданы. Тогда все вместе с Койчибаем пойдут снова к хану Туктамышу.

Так и происходит. Далее следует справедливое решение спора с Койчибаем. Убедившись в справедливости решения Койчибая, хан «старших братьев отдал владельцу нивы в работники, а младшего освободил» (Живая старина. 1897. С. 299).

Сюжет о споре братьев об унаследованной от отца единственной козе распространен в различных жанрах фольклора тюркских народов. Справедливое решение спора всегда приписывается мудрому герою. См., например, башкирскую новеллистическую сказку «Приключения Ерэнсэ-сэсэна» (БНТ. Т. 5. С. 20).

³⁵ *Оан* — так в рукописи. Возможно, древнегреческий город Юнан?

³⁶ В казахском варианте, записанном Ч. Валихановым, спор происходит между Кен-Джанбаем и охотником Кукджалды. На своей земле на берегу р. Яик Джанбай увидел зайца и побежал домой за оружием. Но тем временем зайца подстрелил Кукджалды. Идиге велит одному из мальчиков, игравших здесь, в поле, держать зайца примерно на том расстоянии, на котором его увидел Джанбай, а Джанбаю — стрелять в зайца; если попадет в мальчика, будет платить «кун» (за кровь); если выстрелит мимо, заяц останется у охотника. Не согласившись с таким решением, спорщики идут к Туктамыш-хану, который признает решение Идиге справедливым (ЗИРГО. Т. XXIX. С. 236—237; текст на казах. яз. — ЗИРГО. Приложение к т. XXIX. С. 4—5).

Спор о зайце имеется также в первом и третьем вариантах, опубликованных Г. Потаниным. Здесь с решением семилетнего мальчика-пастуха козлов Койчибая (Идиге) согласился Джанбай (везир Туктамыш-хана) и метко выстрелил в убитого зайца, водруженного судьей на голову другого спорщика (в третьем варианте заяц положен на ребенка в люльке). Но тот, на чьей земле был подстрелен заяц, отказался показать свою меткость, этим и был разрешен спор. (Живая старина. 1897. С. 298).

В отличие от казахского варианта Ч. Валиханова в башкирском тексте боязни охотников исполнить решение судьи-мальчика противопоставлена смелость самого судьи и этим продемонстрирована его сказочно-богатырская меткость в стрельбе из лука. Однако кому же из спорщиков принадлежит птица? Вопрос оставлен без ответа.

³⁷ Сюжет о споре двух женщин из-за ребенка имеет место и в вариантах Потанина, а также во втором варианте Валиханова (решение однотипное). Он известен еще из библии, где мудрое решение приписывается царю Соломону, (у мусульман — Сулейману), а также по апокрифу, бытовавшему в древней Руси и имеющему варианты в восточнославянском фольклорном материале. Разновидностью этого сюжета является спор двух мужчин

о верблюжонке. У одного из спорщиков пропал верблюжонок, которого он нашел в стаде другого. Идиге велит мужчинам привести верблюдиц-маток и подвергает верблюжонка жестокому истязанию (или предлагает утопить его в реке). Когда верблюжонок поднимает рев, настоящая мать-верблюдица отвечает ему своим криком. — См. варианты, опубликованные Г. Потаниным, Н. И. Веселовским (второй вариант Ч. Валиханова) и вариант барабанских татар (Радлов. Образцы... Ч. IV. С. 27—45).

³⁸ О «судах» Идукая (Идиге) повествуется во многих версиях сказания. В некоторых вариантах Идиге мудро решает споры будучи еще мальчиком. Так и в башкирском варианте С. Мирасова — см. ниже 6-ой вариант. В записи Н. Исанбета (7-ой вариант) — в то время, когда Идукай жил «среди народа на берегу Дарьи» — там, где он нашел своего ребенка-сына от подводной девушки. Вести о необыкновенных способностях юноши доходят до Туктамыша, и хан призывает Идукаю ко двору и оказывает ему особое внимание: возвысив в ранг главного бия, поручает ему и «крымские споры и военные дела». «Он споры кончил, неприятелей побил, Тохтамыш-хан начал жить спокойно, управляя только своим народом», — говорится в первом варианте Ч. Валиханова (ЗИРГО. Т. XXIX. С. 239; Приложение. С. 9 на казах. яз.). По свидетельству варианта А. Диваева, Идиге решал и бытовые споры. Например, к Туктамышу пришли девушка и парень. Девушка обвиняла парня в том, что он насильно отнял у нее золотое кольцо и девичью честь. Идиге подкашивает хану решение: дать ей тюбетейку, а парень-насильник пусть вырвет ее из рук девушки. Сколько бы ни старался парень — не смог отнять тюбетейку. Девушка оказалась сильнее его. Это и решает спор.

Особое внимание со стороны Туктамыша к «безродному» Идукаю вызывает зависть других вельмож. Они начинают наговаривать на него. К тому же Идукай возбуждает к себе злобу ханши (или ханской дочери, отвергнув ее любовь (см. след. примечание). Все это впоследствии приводит к завязке конфликта между ханом и его любимцем. Однако в рукописи публикуемого текста «суды» Идукаия изложены после вешего сна ханши, являющегося по существу завязкой эпического конфликта, что не уместно в композиционном смысле, противоречит логике развития эпического сюжета. С учетом этого «суды» Идукаия перенесены нами вперед отдельной главой, как часть предысторий осложняющихся отношений хана и его приближенных к главному герою.

³⁹ О любви дочери Туктамыша к Идиге рассказывается в первом казахском варианте, опубликованном Г. Потаниным; во втором и третьем вариантах, а также в варианте А. Диваева в него влюбляется жена Туктамыша. Но Идиге отвергает их любовь (см. предыдущее примечание).

⁴⁰ Далее шли повествования о «судах» Идукаия, которые мы перенесли в предыдущую главу по соображениям, изложенным в 38-ом примечании. А толкование Хабрау сна ханши (следующие строфы), несмотря на малый объем (36 строк), выделено в рукописи в отдельную IX главу.

⁴¹ В рукописи эта глава (там X) изложена прозой, а в газетной публикации — стихами.

⁴² В размышлениях Ганаки отражается тот закон шариата (Свод мусульманского права), согласно которому внебрачное рождение дитя считалось большим грехом. Роженицу в Назидание другим жестоко наказывали: измазав лицо сажей, водили ее по улице, все должны были плевать ей в лицо, бросать всякий мусор. Этой теме посвящена повесть «Черноликые» классика башкирской и татарской литературы Мажита Гафури.

⁴³ ... на груди его — кинжал. По древнему поверью башкир, на грудь покойника клали нож или другое острое домашнее оружие, чтобы джинны-шайтаны не могли украсть душу умершего и обратить ее в им подобное существо, которое потом будет возвращаться к людям и вредить им.

⁴⁴ Здесь объединены XI и XII главы рукописи.

⁴⁵ Данный (второй) вымышленный сон Ханбики и толкование сна ею самой имеются также в варианте Н. Исанбета. Разница в том, что приснившиеся вещи перечисляются без развернутых эпитетов:

Ой великий хан,
Сегодня я сон видела,
Опасное для тебя дело видела:
На ребрах твоих кровь видела,
На шпорах твоих пот видела,
Широкий лоб и лицо твое
Сморщенными я видела,
Как чашки большие глаза твои
Закрытыми я видела,
Обгоревшую кожу, почерневшую
Голову твою я видела.

Толкование сна изложено прозой: «Идукай снесет твою голову. Придумай хитрость, чтобы изгнать или убить его. Иначе сам пропадешь (Запись Н. Исанбета. С. 42—43).

Этот же сон имеет место и в варианте С. Мирасова (см. 8-ой вариант). Он приведен также в статье Х. Габитова «Краткие образцы из народной литературы» (4-ый вариант). Здесь заслуживают внимания следующие отличия:

а) отрывок начинается без обращения к Туктамыш-хану со словами: «Ой, сон видела я, сон видела»;

б) каждая строка повторяется дважды;

в) не только по структуре, но и по содержанию сон значительно отличается от публикуемого:

Ой, сон видела я, сон видела. 2 (раза)
Во сне красный огонь видела. (2 раза)
На огне шампур видела. 2 (раза)
На шампуре мясо видела. 2 (раза)

г) толкование сна с гневом обращено на саму ханшу-старуху:

... Коль страшный сон видела ты,
Это на твою голову, старый упырь!
На высохшую голову, упырь!
(ж. «Яны юл». 1923. № 2—3. С. 61—62)

Выраженные особенности обусловлены самостоятельным бытованием сюжета о страшном сне и его толковании.

Характерно, что плохой сон снится и Акхак-коле в одноименном эпосе, толкование которого также обращено на самого коня, уведшего других лошадей вместе с собой от хозяина (БНТ. Т. 1. С. 191).

⁴⁶ Желание извести Идукаю, напоив его отравленным напитком,— общий для всех национальных версий мотив. Разница лишь в самом напитке. Так, в казахском варианте Ч. Валиханова Ханбика подает Идиге чашку катыка, смешав его со своей мочой. Схожее с этим встречается в третьем варианте Г. Потанина и башкирском К. Ульябаева (в описании — 11).

Своеобразно развивается этот мотив в казахском варианте А. Диваева. Здесь по совету жены Туктамыша Идиге подают протухшую печень овцы, надеясь на то, что, съев ее, он заболит и умрет. Идиге съедает ее, разрезав на мелкие куски, и остается живым. Тогда ханша предлагает мужу подать Идиге утром ее мочу, которую она заранее поставит в посуде. Идиге выплескивает из посуды жидкость влево и вправо, выпив остаток, молча уходит.

⁴⁷ В записи Ч. Валиханова (предыдущее примечание): Идиге пристально посмотрел на катык, вынув нож и разрезав застывший катык крест на крест, середину перемешал ножом, потом, подняв чашу, выпил. «Хорош ли

катык?» — спросила ханша. «Если бы посуда была не так стара, то был бы хорош», — отвечал Идиге и вышел из кибитки» (ЗИРГО. Т. XXIX. С. 240; Приложение. С. 9—10). Ср. сказочную версию «Изиге» и см. 3 и 4-ое примечания к ней.

Сцена, в которой герой гневно предсказывает своему противнику разрушение его страны, разрезав поданный ему отравленный напиток на части, — традиционный мотив в эпическом творчестве тюркских народов. Он встречается в варианте башкирского эпоса «Кусяк-бий», записанном А. Карнаем в 1939 г. в Бурзянском районе Башкирии (Научный архив. Ф. 3. Оп. 12. Д. 300).

⁴⁸ В казахских вариантах, а также в башкирском варианте Н. Исанбета поведение Идиге разъясняет ханша.

⁴⁹ В рукописи далее — XII глава.

⁵⁰ Далее излагается рассказ Ынъекай в кругу придворных девушек о меткости Идукая на охоте. Затем Киньябика песней намекает сестре о намерении отца и матери умертвить Идука на пиру. Ынъекай бежит туда, чтобы спасти своего возлюбленного... Однако этот сюжет отсутствует во всех версиях сказания и носит явно привнесенный литературный характер (очевидно, потому он не вошел и в сводный текст башкирских вариантов сказания). В силу этого нами сочтено возможным опустить данный эпизод, занимающий 1,5 страницы машинописи.

⁵¹ В казахских вариантах о грозящей опасности сообщает Идиге его друг Кек-Джанбай (варианты Г. Потанина), или шестилетний Ангысын (варианты Ч. Валиханова), Агисин (вариант А. Диваева). Собственно то же имя, отличающееся лишь фонетически — Ангыхын (Анғыһын), — носит персонаж-вестник и в башкирском варианте Ульябаева. В варианте Н. Исанбета — Ыласын.

⁵² Подрезание подпруги и левых стремян у седел коней охранников хана, подготовка хорошего коня-скакуна для побега Идиге — традиционный мотив в тюркском эпическом творчестве. Ср., например, подобный эпизод в романтическом дастане «Бузьегет» (БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 224).

⁵³ В рукописи эта часть вошла в XII главу.

⁵⁴ Обращение Туктамыш-хана к дворцовым батырам непременно вернуть Идукая-беглеца имеет место в большинстве версий сказания. В варианте Н. Исанбета хан обращается отдельно к семи батырам также с похвалой их богатырских способностей — сыну Муйтен-бия Бапсак-бию, сыну Юрматы (имя не названо), Ир Карабай-батыру, Кара-Кыпсаку, сыну Катая и сыну Табына, сыну Шагали Шакману. Однако ни один из батыров не выражает желания отправиться в погону за Идукаем. В казахском варианте Ч. Валиханова хан обращается к девяти батырам (сыну Исантая Кудайбирде, двум батырам из рода муйтанов, Кара-Кужаку — родоначальнику аргынцев, Кара-Кыпшаку, сыну Акбалтыра Уваку, сыну Мунжура Чуваку и сыну Кинкаса Джанбаю) с просьбой отгадать, кто такой Идыге, с каким намерением он ушел, и дать совет, что ему, хану, делать дальше. С такой же просьбой обращается Туктамыш-хан и в ногойском варианте Османова. Однако как в казахском, так и в ногойском варианте ни один из батыров не может дать ответ.

⁵⁵ *...Тесьмою шелковой укрепил.* — Важная деталь, повторяющаяся в изображении портрета Хабрау в ряде вариантов. В тексте Н. Исанбета:

Хабрау идет, сказали,
Большеротый, большеглазый,
Вислогубый, сказали...
С обветшавшей душой, костями,
С зубами, что все подряд
Подвязаны белым шелком...

(См. описание 7-го варианта).

В казахском варианте Ч. Валиханова:

Привели, наконец, старика тонконового, в высокой шапке, совсем высохшего по имени Суп-Джирау. Тридцать зубов у него уже выпали, подвязали ему отвисшую челюсть шелковыми нитками... (ЗИРГО. Т. XXIX. С. 244).

⁵⁶ Во второй половине строфы речь идет об основных героях эпоса «Кусяк-бий» (БНТ. Т. 1) по варианту, введенному в «Шежере башкир рода Карагай-кыпсак племени кыпсак» (Башкирские шежере. № XIV), в котором отразилась борьба древних башкирских племен бурзян и кыпсак, соперничество между вождями этих племен — в данном случае между Каракулумбетом и Бабсаком — за политическую власть, за ханство. По утверждению названного шежере, Каракулумбет вероломно убил Бабсака, выстрелив в него из лука, а затем и его сына Шакманая, опасаясь того, что «может потребовать возмездия за отца и отомстить за его кровь» (Башкирские шежере. С. 116). Но кровной мести ему все-таки не удалось избежать: оставшись от Бабсака во чреве матери, родился Кусяк-бий; он, узнав правду об отце, уничтожил Каракулумбета и весь его род, кроме одного пастуха и его возлюбленной, от которых, согласно эпосу и шежере, возродился затем род бурзян.

Утверждение о том, что «мурза Каракулумбет — Аккулумбета младший брат», а Бабсак-бий — «младший сын старшего брата», т. е. Аккулумбета, не соответствует эпическому сказанию о Бабсаке и Кусяке: его герои Бабсак и Каракулумбет являются представителями враждующих между собой племен кыпсак и бурзян. Здесь, по-видимому, перепутаны ногайские мурзы-братья Каркилмет и Аксак Килмет, предание о вражде которых отразилось в «Шежере башкир племени мин» (Башкирские шежере. С. 52. См. также коммент. к нему на С. 186—188).

⁵⁷ *Аблай-хан* — по-видимому, сибирский хан (царевич сибирский); в записи Н. Исанбета — *Абыл-хан*. Сибирское ханство возникло в 20-х годах XV в.

⁵⁸ *Карахан* — неясно, кто имеется в виду: то ли первый хан-основатель государства караханидов (умер в 955 или 956 г.), то ли хан с созвучным именем — Карай-хан, упоминаемый в «Шежере башкир рода кара-кыпсак племени кыпсак» (Башкирские шежере. № XII), к которому составителем сборника дано примечание: «Карай-хан был, видимо, одним из огузских ханов, живших в период начавшегося проникновения в Восточную Европу кыпчакских племен» (Башкирские шежере. С. 206, 2-ое примечание). В любом случае упоминание Карахана после Чингиз-хана, Аблай (или Абыл)-хана — до Карахана является анахронизмом.

⁵⁹ *Возраст мой шагнул за сто лет*. — Возраст Хабрау указан в вариантах по-разному: в варианте С. Мирасова ему — 185, Н. Исанбета — 195, в первом казахском варианте Ч. Валиханова — 185, во втором — 500 лет; а в варианте А. Диваева говорится, что он — «тысячелетний старец».

⁶⁰ *Семью батырами* — имеются в виду, пожалуй, семь башкирских родов на Южном Урале и возглавляющие их батыры.

⁶¹ *Вложить в рану конский волос* — жестокое наказание, применявшееся в старину.

⁶² В журнальной публикации в погоню за Идукаем отправляется лишь Янбай, а в вариантах С. Мирасова и Н. Исанбета — девять батыров, в т. ч. и Янбай. В вариантах Ч. Валиханова, В. Радлова — тоже девять батыров. А в вариантах Г. Потанина и А. Диваева — только Джанбай.

⁶³ Здесь объединены XIII—XIV главы рукописи.

⁶⁴ *На том берегу Идели с коня сошел*. — В записи Исанбета Н. Идукая застают тоже на том берегу Идели. В русском переводе текста С. Мирасова посыльные «догоняют, когда Идукай переправился через реку Белую». Видимо, здесь древнее название р. Волги «Идель» (Итиль, Идиль) принято за название р. Агидель (Белая). В третьем варианте Г. Потанина

Джанбай догнал беглеца, когда тот «ехал по другому берегу Эдели» (т. е. Идели). В четвертом варианте Г. Потанина из обращения Джанбая можно понять, что Эдиге (Идиге) также остановился на том берегу Идели. В татарском сводном тексте сказания та же мысль: «Переправившись через Идиль, лег Идегей на мягкой земле». Итак, все варианты утверждают, что преследователи застают Идукая на том берегу Идели в то время, когда он, Идукай, уже переправился через реку Идиль и остановился на отдых. Возникает вопрос: какая река и какой ее берег (левый или правый) имеются здесь в виду?

Известно, что на древнетюркском языке гидроним «Итиль» (Идиль, Идель) обозначал реку Волгу. (В переводе текста казахского варианта Ч. Валиханова река Идиль названа по-русски Волгой. — ЗИРГО. Т. 29). Название «Идель» употреблялось и в собирательном значении большой реки. Если учесть, что Идукай бежал из ставки Токтамыша, которая находилась в Сарай-Берке — новой столицы Золотой Орды, на левом берегу Волги, к Сатмыр-хану в Самарканд, то он не должен был переправиться через Идель-Волгу, чтобы остановиться на отдых на том (правом) ее берегу: это никак не согласуется с направлением его бегства.

В первом казахском варианте Ч. Валиханова есть указание, что, убежав от Туктамыша, Идыге «остановился в степи между Уралом и Волгою...» (ЗИРГО. Т. 29. С. 242). Далее, однако, говорится о том, что девять мужей (посланные за беглецом), «прибыв на берег Волги, увидели сидящего Идыге». Таким образом здесь мы видим то же противоречие: Джанбай обращается к Идыге с мольбой вернуться назад, «перейдя Волгу» (с. 247).

Следовательно, комментируемое выражение из публикуемого текста верно указывает направление побега Идукая: скрывшись от Туктамыша, он переправился через р. Яик (Урал) и остановился за рекой Идель, под которой можно подразумевать реку Агидель (Белая). В башкирском песенном фольклоре, как и в народной речи, Агидель нередко называется Идель.

⁶⁵ *Вот Янбай подъехал к нему.* — В других башкирских и иных вариантах Янбай обращается к Идукаю, оставаясь на противоположном берегу Идели.

⁶⁶ На этом в рукописи и газетной публикации кончается XIII глава, далее начинается XIV глава, содержание которой не отражается в других вариантах сказания.

⁶⁷ В рукописи это — XV глава. Ее эпизоды отсутствуют в других версиях сказания. Возможно, они были в рукописи 1762 года. Нами обнаружено девять страниц (50—58) неизвестного варианта сказания на оборотной стороне листов 45, 48—50, 58—60, 123—125 сводного текста (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 224). На этих страницах рассказывается о путешествии Идукая к озеру Сатки (оно находится в западной части современной Челябинской обл.), в котором, по утверждению старца Хабрау, спрятаны меч Урал-батыра и его конь Акбузат. Встретившись с дочерью подводного царя Хыхулы (хуьхулы — букв.: водяная красавица), Идукай спрашивает у нее о местонахождении Акбузата. Хыхулы говорит, что об этом знают только ее отец и охранник Акбузата. Когда Идукай растерялся, не зная, куда ему идти дальше, к нему подошла собака. Идукай ласково погладил собаку, и она повела его к пещере... Так названный отрывок соединяется с публикуемым текстом.

⁶⁸ *Пять волосков* — вырвать волоски из конского хвоста или гривы — традиционный сказочный мотив. В сказках это делается для того, чтобы в нужный момент вызвать коня, подпалив волосок или свистнув через него. В данном сказании, как увидим дальше, они нужны, чтобы мертвого оживить, заставить говорить, глухому восстановить слух.

⁶⁹ В образе сороки-оборотня отражается древнее верование в магическую силу этой птицы, ее способность вызвать большую беду для людей. У

башкир поныне существует поверье о том, что, если сорока затрещит на крыше сарая или на плетне, то это — непременно к беде: или скот сдохнет, или незванный «гость» явится и не ко времени скотину придется резать.

⁷⁰ Десять строк, что в квадратных скобках, в рукописи пропущены: восстановлены нами по найденному тексту, о котором сказано в 67-ом примечании.

⁷¹ ... *бродить, закрыв левый глаз.* — Левое и правое, по мусульманскому верованию, означают источники противоположных начал. Закрывать левый глаз значит смотреть на мир лишь одним (правым) глазом и видеть только положительное.

⁷² *Любит собак (эт һөйгән током)* — вероятно, имеется в виду древний тюркский (или монгольский) род, поклонявшийся собаке, как тотему.

⁷³ В эпическом сказании «Акбузат» повествуется о выходе благородных лошадей саврасой (или буланой) масти из озера Шульген-куль. О том же упоминается и в эпосе «Акхак-кола» (БНТ. Т.1).

⁷⁴ *Вновь в буланого он превратился* — намек на то, что конь Идукай из благородной породы лошадей, вышедших из озера «Шульген-куль» (см. предыдущее примечание).

Мотив чудесных превращений в сказках и сказаниях восходит к мифологическим воззрениям древнего человека, его верованиям в волшебные силы. В найденном на девяти страницах варианте (см. 67-ое примечание) после того, как герой был поражен, прочитав «таинственные слова, написанные кровью», старец велит Идукаю достать из сундука еще ключ. Достав «этот ключ, что было не под силу простому человеку», Идукай открывает им сарай и видит: «В сарае стоит Акбузат, громко ржет, из глаз огонь мечет». На этом кончается 58-ая страница (9-й лист найденного варианта). Если логически продолжить эпизод, то нетрудно вообразить, что Идукай выезжает из пещеры на Акбузате (см. 26-е примечание), который по одноименному сказанию был пленен после смерти Урал-батыра подводным царем Шульгеном (27-ое примечание). Такое предположение вполне соответствует сказочно-эпической традиции, согласно которой герой добывает себе богатырского коня, скрытого обычно в подземелье. Правомерность этого предположения подтверждается и тем, что далее Идукай добывает также зарытые доспехи Урал-батыра.

⁷⁵ *Каменный маяк.* — На правом скалистом берегу Агидели, ниже дер. Иргизла, высится утес, который, по поверьям местного населения, поставлен Урал-батыром (примечание М. Бурангулова). Однако ныне он называется «Муйнак таш» — Утес с белой шеей, о котором бытуют легендарные рассказы. В одном из них повествуется о собаке с белой шеей, сорвавшейся с этого утеса в погоне за оленем. (БНТ. Т. 2. № 25).

⁷⁶ В рукописи XVI глава.

⁷⁷ *Кабардин* фигурирует во многих версиях сказания под различными именами: в тексте А. Г. Бессонова — *Токту-Азе*; Н. Исанбета (7-ой вариант) — имя не названо; К. Ульябаева (9-ый вариант) — назван просто калмыцким батыром; в казахских вариантах Г. Потанина — *Чуюн-кулак-дэу* (Чугунное ухо великан), 2-ой вариант, а в третьем *Калмыцкий болван* (великан, силач) *Ир-Джако*; в первом варианте Ч. Валиханова — *Деу-Кабантин-Алл*, во втором — *Хабардин Алыб*; в ногайском варианте Османова — *Кабардин-алл*; в каракалпакском и татарском сводном варианте — *Кара-Тишн-Алып-баба*.

⁷⁸ *Фирдаус* — Во втором казахском варианте Ч. Валиханова — *Бердазиз*; в каракалпакском сводном варианте — *Акбеляк (Акбелак* — букв.: Белоручка или Белорукая). В других вариантах имя девушки не названо.

⁷⁹ Как в башкирских, так и в большинстве названных в предыдущем примечании иноязычных вариантов освобождение дочери Сатмырхана от великана-похитителя изображено в сказочном стиле (см. соответствующие

эпизоды в описании башкирских вариантов). Несколько иначе изложен данный сюжет в каракалпакской версии Эрполатажырау. В ней Едиге отправляется к Кара-Тиин-Алып по поручению Сатемира освободить его дочь Акбеляк от похитителя. Прибыв в город великана, герой нанимается к нему работником (куллікші). Однажды Кара-Тиин-Алып приглашает его на состязание в стрельбе из лука. Убедившись в богатырской меткости работника, скрывающего свое имя, Кара-Тиин подозревает в нем Едигея, от которого, как прорицала мать-пери, он получит свою смерть. Алып гонит Едигея прочь, но Едиге, узнав от Акбеляк уязвимое место великана, пускает стрелу прямо в его сердце, когда тот спал. Перед смертью Алып говорит Едигею, что они братья, рожденные от двух сестер-пери, и предсказывает, что он, Едиге, «окривеет на правый глаз» от своего сына, поссорившись с ним. Эта каракалпакская особенность сюжета достаточно полно отражена в татарском сводном тексте «Идегей» (Казань. 1990. С. 92—101).

⁸⁰ В рукописи — XVII глава.

⁸¹ Эпизод сновидения Идукай имеется и в записи Н. Исанбета, а также в казахском варианте Ч. Валиханова. Разница: 1. У Валиханова Идукай видит сон на пути к Са-Тимир-хану еще до встречи с Дэу Кабантин-алпом, а у Исанбета — после того, как Идукай получил подмогу у Сатмыр-хана и отправился вместе с сыном Мурадымом в поход против Туктамыша. 2. В тексте Валиханова Идукай взлетает на небо, обернувшись белым кречетом (ак шонкар); после разговора с ангелом ловит (подбивает) серого гуся и ест его грудинку на горе Тура-тау (Тор-горы). В записи Исанбета четвертая строка разделена на две: «Обернулся птицей, на небо взлетел я» (Оса торган кош булдым, Күккә табан остом мин); шестая строка (Грудь о грудь вместе с ним) отсутствует.

Особенность казахского варианта отражена в татарском сводном тексте (С. 85—86).

⁸² В варианте Валиханова истолкование сна Идуки дает «весьма старый бедняк, поумнее других» (из 17 спутников героя); в записи Исанбета — старик-толкователь снов. Толкование сна во всех трех вариантах имеет одинаковый смысл. Вот, например, толкование сна по записи Валиханова: «Ездил ты на белой лошади, значит, достигнешь своих желаний; был ты кречетом и летал в небе, разговаривал с ангелами, и оттуда спустясь, поймал ты серого гуся, которого клевал грудь на вершинах Тор-горы, значит, что ты разоришь и истребишь выжившего тебя из народа Токтамыш-хана» (ЗИРГО. Т. XXIX. С. 253).

В русском переводе татарского сводного текста «Идегей»:

Если ты сегодня во сне
Сидел на белом коне,
Под тобой — золотое седло, —
Значит, цели достигнешь ты,
Засияет оно светло!
Если на небо ты взлетел,
Если вышел к тебе серафим,
Если ты беседовал с ним
И была ясна его речь, —
Значит, будут с этой поры
Ирены тебя беречь!
Если гусь пролетел в вышине,
Если гуся поймал ты во сне,
Если сел на гору Синай,
Грудинкой насытил себя, —
Это значит: врагов победил,
Навеки прославишься ты.
С Токтамышем, изгнавшим тебя,

Навеки расправишься ты.
Ты сравнишь с долгом его,
Овладеешь престолом его
И его державой-ордой,—
Девяностоголовой ордой.
Мощь ее отнимешь ты,
И опять обнимешь ты
Красавицу Айтулы!
(С. 86—87).

⁸³ В толковании слуха о внебрачном рождении ребенка отражается поверие, согласно которому стихийные бедствия связывались с гневом духов природы на людей за греховные дела.

⁸⁴ Три строки, заключенные в квадратные скобки, в рукописи пропущены. Восстановлены по журнальной публикации.

⁸⁵ Пропущенные в рукописи строки (в квадратных скобках) восстановлены по журнальной публикации.

⁸⁶ В рукописи — XIX глава.

⁸⁷ В рукописи — XX глава.

⁸⁸ В записи Н. Исанбета, в примечании об именах дочерей Туктамыш-хана (л. 53—54) пересказывается легенда крымских татар о трагической смерти дочери Туктамыш-хана Ханаки (в записи Исанбета именуется двойко: Энкэжан — Анкеджан и Нэнкэжан — Нанкеджан): бросается, как в нашем тексте, с утеса после того, как была похищена военачальником отца Салахетдин-бием и привезена в город-крепость Чыгут-кала (в нашем тексте — Сагут) в Крыму.

⁸⁹ В других вариантах Туктамыш-хана преследует Мурадым.

⁹⁰ Рассказ о том, что Туктамыш-беглец скрывается от преследователя в озерных камышах и умоляет птицу, кружащую над головой, криком не выдавать его, повторяется и в других версиях, в том числе и в публикуемом сказочном варианте (след. текст). У башир это обращение записано отдельно и опубликовано в 1927 г. Г. Вильдановым, позднее К. Улъябаевым (см. описание вариантов).

⁹¹ Тайное желание поссорить отца с сыном — общий для вариантов мотив. Отличие только в том, что в некоторых вариантах, например, Ч. Валиханова, В. Радлова, это исходит от Джанбая, а у Исанбета — от Кадир-бирде.

⁹² В записи Исанбета от гневного крика «А!» (в одном из вариантов крымских татар — от удара плетью) Мурадыма вылетает глаз у Идукая. В казахском варианте Ч. Валиханова от первого крика (А!) у отца выскочил глаз. Затем «Ма!» сказал Нуралин — у Идыге переломилась рука (ЗИРГО. Т. XXIX. С. 262). Во втором случае яростный крик «Ма!» следует понять в значении возгласа на русс. яз. «На!» Значит, сын при этом ударил отца чем-то тяжелым.

⁹³ Имя Мурадым означает идеал, мечту о котором человек (в данном случае родители сына) лелеет.

⁹⁴ Соединены XXI и XXII главы рукописи.

⁹⁵ *Тому, кто от Баба-Тукляса рожден* — имеется в виду Тора-бий, который, как видели (гл. XIII), в рукописной книге, хранящейся в пещере, назван младшим сыном святого Баба-Тукляса.

⁹⁶ *Бросив в котел головы двух баранов* — перефраза народной пословицы: «Головы двух баранов не вмещаются в один котел».

⁹⁷ Согласно эпосу «Урал-батыр», там, где Урал-батыр проехал на Акбузате, возникли хребты Урала.

⁹⁸ *Чтобы жеребят-кобылиц вязать* — т. е. содержать дойных кобылиц для кумыса.

⁹⁹ *Хоть волосы длинные, видно, ума лишилась я.* — В глубокой древности волосы считались, по утверждению В. Я. Проппа, «местонахождением души или магической силы» (Истор. корни волшеб. ск. Л., 1986. С. 41). Много позже, в эпоху патриархальных отношений, появилась поговорка, унижающая достоинство женщин: «Волосы длинные, да ум короткий».

¹⁰⁰ *Я — Чингиз!* — На монгольском языке «чингиз» означает «великий».

¹⁰¹ *На гору Баба-Тукляса...* — вероятно, имеется в виду гора, на которой расположен город Уфа. По свидетельству П. И. Рычкова, в преданиях она называется «Тура-тау», т. е. гора, где зимовал последний ногайский хан Туря-Бабату-Клюсов (Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 373).

¹⁰² *Три етмештек* — в оригинале «*өс етмештек*», что можно перевести «три семидесятки». В Золотой Орде в XIV в. денежными единицами были *дирхам* (*дирһәм*) и *динар*. «Етмештек», как денежная единица, в литературе не упоминается, но сохранилась и в народной памяти. М. Бурангулов дал термину сноску «двадцать копеек» («егерме тин»).

¹⁰³ *Склоненную голову отрубил.* — В действиях Мурадыма усматривается нарушение поговорки («заповеди предков»): Эйелгән башты кылыс кишмәс» — «Склоненную голову меч не рубит».

¹⁰⁴ Подобный диалог между Идукаем и Мурадымом имеет место в версиях сказания и других народов. Во многих вариантах это происходит сразу после того, как Мурадым выбил отцу глаз (см. 92-ое примечание). Вероятно этот сюжет, отражающий культ отца, вообще предков, бытовал среди тюркских народов как самостоятельное произведение. Об этом свидетельствуют записи Мухаметсалима Уметбаева и Габделрауфа Вилданова (см. 1-ый и 5-ый варианты в описании). Отличие других вариантов заключается в способах искупления Мурадымом своей вины перед отцом. Так, в упомянутых записях М. Уметбаева и Г. Вилданова Мурадым искупит вину тем, что поедет в Мекку и семь (у Вилданова — шесть) раз обойдет Каабу — «великий дом Тенгри». То же самое в варианте Н. Исанбета. В казахском варианте Ч. Валиханова: «три раза обойдет храм Создателя» (ЗИРГО. Т. XXIX. С. 263).

¹⁰⁵ События, описанные в этой главе, соответствуют в основном легенде, записанной от Ч. Мусина (см. 8-ой вариант). Ниже указываются некоторые расхождения.

¹⁰⁶ *Мишенью для стрел их стал* — как выясняется далее, мать Тукбатыра — казахская женщина, которая вышла замуж за его отца-башкира без согласия родичей, за что преследовалась с их стороны.

¹⁰⁷ *Пустой кадкой мне дорогу пересечет* — по древнему поверью башкир, это считалось дурным знаком.

¹⁰⁸ *Для всех оказалась ты врагом* — см. 106-ое примечание.

¹⁰⁹ Обращение Тукбатыра к своей матери, восхваляющее ее героический характер в сопоставляемой легенде, состоит всего из тринадцати строк:

Казахскую землю оставив,
Родичам ты врагом стала;
Вместе с отцом моим
В войнах участвовала;
Много трудностей испытала,
Часто и голодала,
Вместо девяти месяцев
За семь (меня) родила;
Моей матерью ты стала,
Меня за спиной уложив,
Сама на войну ходила;
Называя «карагым мой»,
Меня всюду ласкала.

(Научный архив. Ф. 3. Оп. 12. Д. 230. Л. 22).

¹¹⁰ *Асылыкуль* — об этом озере бытуют легенды разного содержания. См.: БНТ. № 70; о вариантах — С. 490. Основные события эпического сказания «Зуятуляк-Хыухылыу» развертываются в подводном царстве этого озера. См. БНТ. Т. 1. № 3; о вариантах — с. 504—505.

¹¹¹ В эпосе «Урал-батыр» есть такой сюжет: когда людям и всему живому стало недоставать питьевой воды, сыновья Урал-батыра Идель, Яик, Сакмар и Нугуш мечом прорубили земную твердь, и оттуда потекли полноводные прозрачные реки, названные затем именами этих батыров (БНТ. Т. 1. С. 133—134).

¹¹² Исток реки Агидели прорубил старший сын Урал-батыра (см. предыдущее примечание). Далее течению реки преградила путь гора Яман-тау, что была сложена Уралом из туши побежденного им Азраки. Тогда эту гору Идель рассек мечом пополам, и река устремилась дальше.

¹¹³ Встреча во сне с умершим человеком, который открывает живому весьма важную тайну, или дает совет,— традиционный мотив в эпическом творчестве тюркских народов. Так в эпическом сказании «Ек Мэргэн» к будущему герою-юноше во сне приходит его умерший отец, нарекает именем «Ек» (хороший, благородный), указывает точное место, где он найдет себе боевого коня и снаряжение (БНТ. Т. 1); в романических дастанах «Юсуф и Зулейха», «Бузтегет» герой во сне влюбляется в царевен из дальних стран.

¹¹⁴ *Слезы многих своим булатом утирал* — образное выражение, означающее, что герой разгромил врагов, тем самым и прекратил проливание слез.

¹¹⁵ Говорят, что название деревни «Себенле» (Чебенле), что находится на берегу Демы в Альшеевском районе, осталось от этого. (Примечание М. Бургангулова). «Себенле» — значит место, где много мух.

ИЗИГЕ

Публикуемый текст записан в 1959 г. в дер. Байназарово Зианчуринского района Башкирии диалектологом Сарией Миржановой от Абдуллы Халиковича Сайфуллина, 1897 года рожд. О нем сказано, что он является пожарником колхоза, в зимние месяцы занимается охотой.— Научный архив. Ф. 3. Оп. 23. Д. 5. Л. 16—25. Данный сюжет вторично записан литературоведом Ануром Вахитовым (1932—1984) в той же деревне от Тутии Хасановой, тоже рожденной в 1897 г. — Научный архив. Ф. 3, оп. 65. Д. 2. Л. 13—18. Оба текста рассказаны в сказочном стиле, но полного совпадения в изложении сюжета нет. Вариант Т. Хасановой содержит детали, которых нет в первом. Они оговариваются ниже в примечаниях.

¹ В тексте Т. Хасановой настойчивого расспроса Изиге о его имени нет. Говорится лишь, что Изиге «скрыл свое имя, назвался Карабаем». Но далее указывается: «У Туктамыш-хана было девять сыновей и восемь работников, Изиге он нанял девятым работником, который должен был носить сыновьям хана продукты».

² Эпизода выбора казья пастухами из своей среды в варианте Т. Хасановой нет. Но имеется в первом казахском варианте, опубликованном Г. Потаниным. Там мальчики-пастухи избирают из своей среды хана, который прежде должен устроить угощение, зарезав одного теленка. На это осмелился только Эдиге (так зовется здесь Идиге), и он становится ханом мальчишек-пастухов (Живая старина. 1897. С. 307).

³ По рассказу Т. Хасановой, ханша ставит на полку чашку катыка, во что вначале помочилась (см. 46 примечание к предыдущему тексту).

⁴ В варианте Т. Хасановой, Изиге эту грязную жидкость не стал пить, а разрезав катык перочинным ножом, бросил чашку на пол (см. 47-ое примечание).

⁵ Во втором варианте Изиге приходит к своему другу Янбаю, который служил сторожем у ворот, и говорит ему, что он уйдет отсюда, и ему предлагает уйти. Затем уходит к пастухам, те, все восемь работников хана, соглашаются и, выбрав себе коней, уезжают вместе с Изиге. Такой коллективный уход встречается и в казахских версиях. Например, во втором варианте Ч. Валиханова Эдигэ уходит с девятью, а во втором варианте Г. Потанина — с семью «единцами».

⁶ Мальчика-доносчика в других вариантах нет, здесь он введен, очевидно, для связи последующих событий.

⁷ По рассказу Т. Хасановой, Туктамыш-хан пригласил старуху, чтобы толковать его сон. Старуха ставит условие: угостить ее, зарезав овцу, причем резать ту овечку, которая подойдет на зов. Отзывается честочная овечка, ее и режут. После угощения старуха открывает тайну об Изиге и дает советы (такие же, как и в публикуемом тексте), как вернуть Изиге.

⁸ *Сын-Тимирхан* — в варианте Хасановой зафиксировано двойко: «Сымырмыр-хан» и «Сынтырмыр-хан». То и другое является искаженным произношением фольклорного имени Аксак-Тимура «Сатмыр-хан».

⁹ В той записи строки «Если всевышний благословит» нет; а после пятой строки («Он вновь вернется назад»), вместо 6-ой, 7-ой, 8-ой строк, выказано более значительное предположение:

Эйлэнэ алмай яткан иленде
Эйлэндереп китэр ул,
Тулғана алмай яткан иленде
Тулғандырып китэр ул.
В изнуренную твою страну
Вдохновенье вольтет он,
Заснувшую твою страну
Ото сна пробудит он.

Последние две строки идентичны с публикуемым текстом.

¹⁰ ... *отправил девятерых своих сыновей вместе с Янбаем* — так и в второй записи. О других вариантах см. 62-ое примечание.

¹¹ Во втором варианте Янбай с сыновьями Туктамыша догоняет беглецов, когда те переправились на тот берег Идели. Так они и перекликаются через реку.

¹² Здесь и далее строки, заключенные в квадратные скобки (в данном тексте они пропущены), восстановлены по рассказу Т. Хасановой.

¹³ *Осторожней, чем Хэнэкэй, девушки любой красивой* — в тексте Хасановой: *Осторожней, чем Айхылу, Красивей, чем Кюнхылыу.*

¹⁴ *Какое-то войско* — по рассказу Хасановой: «один полк людей. Это был дэв. Он шел, говорят, к Чингиз-хану сватом».

¹⁵ В варианте Т. Хасановой эпическая характеристика богатырского стана Изиге умалена, сказано лишь о том, что «на голове была ямочка, в которую умещалось 40 зерен просы».

¹⁶ Испытание ловкости героя поручением резать и сварить мясо кобылы (это имеет место и в том тексте), — традиционный мотив богатырских сказок. См., например, БНТ. Т. 3, № 12, 43.

¹⁷ *Один сожрал две кобылы* — традиционный сказочный мотив. В том тексте: «Дэв сожрал мясо, сваренное Изиге, и лег».

¹⁸ В варианте Т. Хасановой говорится не о дочери Сын-Тимирхана, а о жене дэва, которая поглаживала по спине мужа.

¹⁹ В варианте Хасановой эпизод обрисован более подробно: в то время, когда дэв ел конину, сваренную героем, «Изиге вскочил на своего чубарого коня и приготовился застрелить дэва: натянул тетиву лука, а чубарый

конь его по колено погрузился в землю. Жена дэва жестом указывает, куда стрелять. Изиге отпустил тетиву, стрела воткнулась в поясницу дэва. Дэв вспрыгнул и схватил хвост коня Изиге. Жену дэва Изиге просит развернуть коня. Та развернула, — дэв повалился назад, переломившись в пояснице, но и у коня оторвался хвост. Оттого чубарые кони и стали куцехвостыми». Этот мотив, почему чубарые лошади стали куцехвостыми, отражается и во втором казахском варианте Г. Потанина (Живая старина, 1897. С. 303).

²⁰ *Насколько едим было это сало!* — Ближкий этому эпизод имеется в эпосе «Ак Кубяк», записанный от сибирских татар: Ак Кубяк (Ак Күбәк) намеревается отсечь голову спящего ханского батыра Мангышты, но удар меча лишь пробуждает того ото сна. «На, моим мечом руби, подняв его повыше!» — говорит Мангышты. В это время появляется пророк Хызыр и предупреждает батыра: «Не поднимай высоко — свою голову отсечешь. Руби снизу (букв.: двигая меч по земле)! — говорит. Подготовился батыр, а Мангышты говорит: «Постой! После того как отсечешь голову, проглоти мое сердце! Пехлеваном станешь. Разрежь затем мой живот и, вынув кишки, обвяжи себя в пояснице — тогда мой меч не будет рубить тебя», — говорит. Когда Ак Кубяк отсек голову Мангышты и готовился проглотить его сердце, снова появляется Хызыр-пророк и предлагает бросить сердце в «дарью» (т. е. в реку, или озеро). Ак Кубяк бросил сердце в дарью, и вода в ней вскипела как в казане. (Радлов. «Образцы...». Ч. IV. С. 145—146. Эпос перепечатан в ТХИ: Дастанлар, № 8).

Схожий с этим мотив содержится и в башкирских богатырских сказках «Тимирхан» и «Тимиршахи» (вариант) на сюжет АТ 650А (БНТ. Т. 3, № 28).

²¹ В варианте Хасановой эпизод состязания в силе отсутствует, имеется лишь констатация: «Изиге воспитывает сына сильным. Выдергивают деревья с корнями, устраивают борьбу».

²² Эпизод ссоры Альбака (Альбакмырды) с отцом здесь окрашен своеобразием. См. 91-ое и 92-ое примечания.

²³ Мотив искупления вины Альбака (Мурадыма) перед отцом, значительно отличаясь от других вариантов (см. 100-ое примечание), приближен здесь к «дополнению», данному в конце второго казахского варианта Г. Потанина: «У Нуралы, сына Эдыгея, родился сын Нурзеин. Мать мучила его, била. Нуралы стало жаль ребенка, он стал говорить, зачем она мучит ребенка. Она говорит ему, что она хочет, чтобы ребенок умер, потому что, если он вырастет, он будет поступать со своим отцом Нуралы так же, как Нуралы поступил со своим отцом Эдыгэ. Тогда Нуралы одумался, раскаялся в своем жестоком обращении с отцом и решил просить у него прощения. Он велел зашить себя в шкуру, навьючить на лошадь, вести к отцу и дорогой бить по шкуре палками. Нуралы привезли зашитого в шкуру к юрте Эдыгэ. Когда Эдыгэ вышел из юрты, Нуралы стал говорить ему: «Прости меня, отец, за то, что я обидел тебя». Отцу сделалось так жалко сына, что, несмотря на то, что у него не было уже глаз, он заплакал» (Живая старина. 1897. С. 304).

²⁴ *Садалинцы, ала-байталцы* — люди из аулов Садалы и Ала-Байтал.

²⁵ *И мы* — т. е. люди из дер. Байдавлетово.

ДРУГИЕ ВАРИАНТЫ

1. **Борынғы башкортларның өләңләре** — Песни древних башкир. Стихотворный отрывок, отражающий ссору Мурадыма с отцом из-за дочери Туктамыш-хана. Записано известным башкирским историком и писателем-просветителем Мухаметсалимом Уметбаевым от башкир-табынцев и опубликовано в 1912 г. в журнале «Башкирская жизнь».

ликовано в кн. «Ядкарь» («Память»). Казань, 1897. С. 83—94; новое издание — то же название, Уфа, 1984. С. 182—184.

2. То же с переводом на татарский язык опубликовано в сб. песен для литературных вечеров «Нардуган» Фазыла Туйкина (Уфа, 1915). Сведений об источнике нет.

3. **Богатырь Едиге.** Записано в конце XIX, или начале XX в. А. Г. Бессоновым. Фотокопия рукописи перевода на рус. яз. — Научная библиотека УНЦ Ф.-78389. 6 л.

Повествование ведется в сказочном стиле. Сокращенный пересказ содержания:

В старину жил хан по имени Темур-хан (Имена персонажей даются по записи Бессонова). У него сына не было, — была дочь. Однажды пастухи приносят ему ребенка, брошенного в степи. Усыновив мальчика, хан дает ему имя Едиге. Мальчик растет не по годам, а по дням, с шести лет садится на коня и выезжает на охоту. И лицом, и походкой своей он был так статен и неотразим, что при каждом его появлении хан вскакивал с места. Если спал в это время, — «начинал дрожать всем телом и пробуждался в испуге». Хан решил избавиться от него. Табунщики предупреждают Едигея о злом намерении хана и дают ему коня для побега. Собравшийся у хана народ «всей толпой» пускается в погоню за Едигеем. Беглец убивает большинство преследователей, к хану возвращаются только 40 человек. Отправившемуся дальше Едигею встречается вначале многочисленное войско, затем народ, позади которого на вороном коне ехала девушка. Приблизившись к ней, Едиге узнает, что богатырь по имени Токту-Азе* напал на Темур-хана и захватил его дочь. «Прежний лук у меня сломался, сейчас сделаю другой, потом убью Токту-Азе и спасу тебя; ты только отвори сизу кошмы в юрте, в которой будет он спать», — сказал Едиге и пошел мастерить лук. (Ср. эпизод встречи Идукая с Кабардином в других вариантах и см. примечание 77). Когда он гнул себе лук из лосиных рогов, появился Токту-Азе на пегой кобыле в шесть сажень.

«— Чего сидишь?

— Гну лук, чтобы тебя убить».

Не обратив внимания на эти слова, Токту-Азе продолжал свой путь. Согнув лук, выточив стрелу, Едиге вернулся в то время, когда Токту-Азе отдыхал, «согнувшись вдвое в шестирешеточной кибитке, похожей на ханскую». Девушка-пленница приподняла кошму кибитки, Едиге сильно натянул тетиву лука и выпустил стрелу. Токту-Азе «как лежал вдвое согнувшись, так и разорвался на три части». Но как-то сумел схватить и оторвать хвост коня Едиге. (Этот мотив встречается в вариантах, записанных Чоканом Валихановым, и говорится, будто оттуда и пошли куцые конские хвосты).

Так освободив дочь Темир-хана от плена, Едиге едет дальше и наталкивается на войско, которое преследовало Токту-Азе. Военачальник просит Едиге вернуться вместе с ними к хану, — тот отказывается. По пути домой на войско Темир-хана нападает «войско вражеского хана» и отбивает девушку. Прослышав об этом, Едиге разбивает войско вражеского хана и вновь спасает дочь Темир-хана. Вручив ее военачальнику, отправляется своим путем. (Эти эпизоды напоминают вторую часть сказки сюжетного типа АТ 532 — «Незнайка»: герой трижды тайно избавляет царя от врагов).

Темир-хан видит во сне, как некий человек спасает его дочь из вражеского плена. Утром получает от гонца радостную весть. Хан выезжает на-

---

* *Токту-Азе*: токту — барашек, к осени первого года питающийся уже травой; Азе — сокращение имени Азраиль — собственное имя немилостливого ангела, отнимающего души людей при смерти. (Примечание Бессонова).

встречу своему войску. Военачальник утверждает, что они сами спасли девушку. Темир-хан не верит: «Неправду говорите, веля всем вам снести головы». Военачальник открывает истину.

Темир-хан посылает гонцов с приглашением Едиге к себе,— батыр отказывается. Темир-хан едет сам. Едиге поет ему о своем сиротстве и безродстве (однако песни текстуально не приводятся).

Темир-хан выдает дочь за Едигея и «30 дней устраивает игры, 40 дней свадебный пир». «После сего Едиге совершил множество мужественных подвигов, только об этих подвигах я забыл, уж вы извините меня в этом», — такими словами завершается текст.

4. «Туктамыш бисәһенең төшө» — «Сон жены Туктамыш-хана» — отрывок приведен в числе кубаиров в статье Хабибуллы Габитова — «Габитов. «Краткие образцы...» / Сведений об информаторе, месте и дате записи нет. (См. 45-ое примечание).

5, 6, 7. В 1927 г. в научно-краеведческом журнале «Башкорт аймағы» (Башкирский край), № 4, фольклористом Г. Вильдановым опубликованы образцы кубаиров, записанные им в 20^е годы, в том числе три отрывка из эпоса «Идукай и Мурадым»: **первый** — диалог, отражающий ссору между Идукаем и Мурадымом из-за дочери Туктамыш-хана, записан от башкир тунгатарского рода; **второй** — диалог Идукая и Янбая на берегу р. Идель, записан под названием «Изеки менән Жанбай кобайырзлары» («Кубаиры Идеки и Жанбая») от башкир Тамьянского и Зилаирского кантонов Башкирии; **третий** — жалобное обращение Туктамыш-хана, скрывающегося от преследования Мурадыма в камышах озера, к летающей птице. По форме и содержанию не отличаются от публикуемого текста, кроме как диалектными особенностями языка.

8. **Идука и Мурадым**. Записано под таким названием в 20^е годы нашего столетия историком-краеведом Сагитом Мирасовым. Подстрочный перевод, сделанный Б. Уметбаевым на русс. яз., вошел в рукописный труд известного в 20-30ые годы музыковеда-фольклориста И. В. Салтыкова «История и анализ башкирских песен (при ближайшем участии С. Мирасова и Б. Уметбаева)». — Научный архив. Ф. 3, оп. 61, д. 25. Л. 17—24 (машинопись 1929 г. через один интервал); другой экземпляр — там же, д. 26, л. 31—43 (машинопись 1967 г. через два интервала).

Вариант начинается с рассказа о предках Идукая (здесь его имя в русской транскрипции написано Идюка): отец — Баба-Тукляс, дед — Баба Газиз; мать — дочь морского царя. С малых лет Идука занимался разрешением споров между людьми (примеры не изложены). Вскоре прославленного молодца призвал к себе Туктамыш-хан и назначил дворцовым судьей. Благодаря справедливости выносимых им решений по жалобам спорящих сторон (опять нет конкретного изложения споров и решений) Идука «приобрел большую любовь и уважение среди народа». Жена же Туктамыш-хана усмотрела в нем опасного претендента на ханский престол. И, желая возбудить у мужа отрицательное отношение к Идуке, рассказывает свой вымышленный сон Туктамышу:

Эй, великий хан, великий хан,
Сегодня я видела сон.
Видела вспотевшую лошадь —
Сначала пот, потом бежала кровь,
Как твое белое тело растерзали на клочки.
Видела, как чаши, большие очи
Закрыв ты.
Лоб стал неподвижным,
Почернели твои скулы.
Видела только один череп,
Ау, череп.

Туктамыш:

Если ты сегодня видела сон,
Видела на пастбище пот,
А после пота бежавшую кровь,
Если видела один череп,
Что же будет, моя старшая жена,
Ау, старшая жена?

Жена отвечает:

Если не прогонишь Идуку
Или хитростью не погубишь его,—
Он скоро погубит твою голову.

(Ср. варианты, приведенные в 45ом примечании).

Так под влиянием жены Туктамыш-хан решается избавиться от Идуки и созывает своих богатырей на совет. Предупрежденный о грозящей опасности другом Ласыном Идука вскакивает на коня и уезжает. Туктамыш-хан обращается к дворцовым батырам: Бабсак-бию, Карагыму, Карабай-батыру, Казанчи-бию, Куваку и Суваку, Шакману — к каждому отдельно — с приказом немедленно отправиться в погоню за Идукаем и доставить его голову. Однако ни один из богатырей не дает согласие, все отмалчиваются. Тогда Туктамыш обращается к стовосьмидесятипятилетнему Мангуту* (в публикуемом тексте и других вариантах эпоса — Хабрау с различным написанием имени) за советом:

Вдоль Урала тяжелый юрт
Обратился в недоуменьи,
Сын Урала, Мангут,
Последний совет к тебе.
Что же делать с врагом.
Последнее слово за тобой.

Отвечая хану, Мангут сначала перечисляет ханов, которых за долгую свою жизнь он видел. Называются безымянный «главный хан», затем Абдурьта-хан (непонятное написание имени, вероятно — Абыл-хан, как в следующем варианте сказания, или Аблай-хан, как в публикуемом тексте), Ала-хан, Кара-хан, Назар-хан, Чингиз-хан, наконец, молодой Кадыр-хан / по-видимому, сын Туктамыша Кадирбирде, как в других вариантах.

Далее говорит:

Вот мне уже 185 лет,
Когда от тридцати зубов помина нет,
Но не покидает еще меня душа,
Мой век уже прошел,
Когда пришел ваш век,
Сменяясь много ханов.
От тебя бежавший Идука —
Только один во всем мире.
Прожил до этих лет,
Но не видел подобного ему...
Он рожден для уничтожения своих врагов,
Но рожден неизвестно кем
(рожден как бы самой судьбой).

Он уехал, уедет еще дальше,
Доедет до Сатмыр-хана.

---

* *Мангут* — по-видимому, легендарный родоначальник племени Мангут, которое «смешалось с тюрками и полностью кыпчакизировалось» (Кузеев. 1974. С. 484).

Сатмыр подаст ему руку,
Исполнит все, что Муйтан* пожелает,
Заревет как голодный лев.
Запенится рот, как у тигра,
С угрозой будет он кричать.
Этот беспечный ногайский юрт,
Безоружный, бессильный народ,
Будет им завоеван, все сделает, чего
захочет.

Престолу твоему наденет петлю,—
Золотое твое государство
Серебряные ворота не спасут...
Постелит он перину у тебя в красном углу,
Твою любимую оторвет от (твоей) груди
И положит к себе.
Твои решетки кочевки
Превратит он в дрова.
Пятки твои разрежет,
В них вложит волосы**.
Он будет хозяином
Белой Орде с 90 биями.
Разный скот и коней
Он себе заберет всем стадом,
Красивую, как гурия,
Свободную, как соловей,
Твою дочь отберет
И увезет с собой на коне,
Она будет его добычей.
Он ведь далеко не уехал,
Дальше Белой (так в переводе. — Н. З.)
не проехал.
Пошли своих девять богатырей,
Обманом возьми его голову.

Туктамыш-хан снова обращается к своим девяти батырам, те, наконец, отправляются в погоню. Догоняют, когда Идука переправился через р. Белую (см. 64ое примечание). К нему на тот берег отправляют Янбая с Баргаем (?). Уговоры Янбая вернуться во дворец к Туктамыш-хану и отказ Идуки вернуться существенного различия от других вариантов не имеют.

О встречах Идукая в пути к Сатмыр-хану ничего не говорится. Далее кратко (схематично) повествуется о том, что Сатмыр-хан «с распростертыми объятиями» встретил Идукая и выдал за него свою дочь; у них родился сын Мурадым. Во время игры сверстники обидели Мурадыма, назвав его и отца «пришельцами» (килмешэк), что их «Туктамыш-хан изгнал». Жалоба сына напомнила Идуке о своем зле к Туктамыш-хану, и он «с войсками направился к Золотой Орде».

Далее дословно:

«Получив известие о приближении Идуки, Туктамыш-хан бежит из своего государства. Мурадым, получив обещание (отца) женить его на одной из дочерей хана, обратился в погоню за Туктамыш-ханом, желая отомстить за его поступок. Некоторое время спустя он его поймал и связанного доста-

---

* *Муйтан* — по-видимому, легендарный Муйтэн-бий, о котором повествуется в одноименном кубаире настоящего тома.

** См. 61ое примечание

вил к Идуке. В это время Идука держал в своих объятиях двух дочерей и успел уже пожениться. Мурадым, горько обиженный, крикнул: «А!» И от этого выскочили глаза у Идуки, и он стал слепым. Мурадым женился на младшей дочери Туктамыш-хана и отправился на Туяляс* и Кизил*, впадающие в р. Яик, где он правил народом.

У Мурадыма родился сын. Во время одной из ссор с сыном мать укоряет, говоря, что сын похож на него, «ведь ты ослепил отца». После этого Мурадым совершил паломничество в Мекку и по пути заехал к отцу и попросил у него прощения. Отец простил его.

Сейчас там имеется гора Мурадым, там же и его могила. Идука умер на р. Деме. Его могила — на горе Нарыс (Темясовская волость Зилаирского р-на)». Примечание, данное в скобке, о местоположении горы Нарыс не соответствует действительности. См. глоссарий.

9. Идукай и Мурадым. Записал Наки Исанбет в 1928 г. Рукопись на арабской графике с обстоятельной вступительной статьей и обширными постраничными комментариями хранится в Научном архиве: ф. 3, д. 232 (текст с комментариями — 36 листов, вступ. ст. — 24 листа; листы значительно больше стандартной бумаги: 35х22 см).

К этому же делу приложен перевод текста на татарский язык, сделанный поэтом Максудом Сундукле — 37 листов машинописи на стандартной бумаге. В архиве хранятся также три экземпляра машинописи, сделанной с рукописи Н. Исанбета: первый экземпляр — ф. 3, оп. 12, д. 223 (вступ. ст. — 34 листа; текст с комментариями — 42 листа); второй и третий экземпляры — д. 225 и 231. (ниже ссылки делаются на первый экземпляр машинописи, д. 223).

О месте записи и сказителях Н. Исанбет дал след. сведения:

«Легендарную часть этого сказания я записал в ауле Тамъянцев Кусем (ныне в Абзелиловском районе Башкирии — Н. З.), аулах бурзян Туркмен и Нугай (нынешнего Баймакского р-на Башкирии — Н. З.), 1928*. У меня накопилось несколько вариантов этого сказания». (Л. 33 машинописи).

Далее сказано:

«Я знакомился также с текстами, записанными Сагитом Мирасовым от старика Кадиргула в ауле Гадильша (см. выше вариант 6) и Даутом Юлтыем от кураиста Батырхана в [долине] Туксуране (ныне в Оренбургской обл. — Н. З.). Эти тексты не противоречили моим — наоборот, было видно, что они являются мало различающимися частями одного целого. В комментариях указаны места, которые мною использованы в настоящем тексте. Там же проведены текстуральные сопоставления опубликованных кубаиров. Чтобы читатели могли судить о том, в какой степени это башкирское сказание имеет сходство с эпосом того же названия у соседних (тюркоязычных) народов, проводил сопоставления и с ними. Причем я обращался с этими материалами не более как собиратель. Я ничего не изменял в текстах. Если есть варианты, я это отмечал. Насколько мне удалось — судить читателю» (машинопись, л. 33—34).

Выходит, настоящий вариант составлен из однотипных отрывков, записанных в Абзелиловском, Баймакском и Зилаирском районах Башкирии и в долине рек Тук и Суран (Уран) Оренбургской области. При этом составитель проявлял должную осторожность. Приведенные в комментариях текстологические сопоставления вариантов подтверждают достоверность утверждений Н. Исанбета.

---

* В рукописи после даты значилось: «В ауле Кусем — учитель Салим, в Туркмене Бикбулатов, в Нугае Гали Магадиев рассказали». Но все это зачеркнуто (Рукопись, л. 24).

Сокращенный пересказ содержания с сохранением своеобразных мест (эпизодов, мотивов, поэтических выражений) текста.

Вариант начинается с того, что Баба-Тукляс, чтобы испытать сметливость 16-летнего Идукая, задает ему развернутую загадку. «Отгадаешь, говорит, буду женить на ком сам пожелаешь». (В публикуемом тексте эту загадку задает Идукаю старец Хабрау. — 11ое примечание).

Точно отгадав загадку, Идукай просит у отца вместо обещанной девушки-красавицы разрешить ему постранствовать по свету. Согласившись с желанием сына, Баба-Тукляс дает ему коня и чудесное кольцо с напутствием: «Это держи всегда при себе — не пропадешь!»

В странствии Идукай встречает на берегу одной дарьи девушку бесподобной красоты, расчесывающую длинные волосы, и прямо на коне бросается за ней в воду. Открыл глаза, видит: на золотом троне сидит та самая девушка. Она говорит: «Ты видел мое обнаженное тело, я стала грешной перед богом. Теперь ты должен жениться на мне, чтобы смыть с меня грех» (л. 39).

Идукай согласен. Девушка-русалка ставит условие не смотреть на ее голову, когда она будет чесать волосы; не смотреть на тело, когда будет раздеваться; не смотреть на ноги, когда будет снимать сапожки. Загоревшись любопытством, Идукай нарушает запрет и видит: жена волосы расчесывает, сняв их (как парик) с головы; когда снимает платье, открываются дыры в подмышках, через которые видна внутренность; ноги с раздвоенными копытами, как козлиные. В ответ на нарушение уговора русалка говорит Идукаю: «Отныне мы не можем жить вместе. Наступит время, от тебя родится у меня ребенок, его найдешь ты на берегу дарьи, прощай!» — и исчезает (л. 39). (Условие, поставленное русалкой, и нарушение его героем — такие же, что и в ногайских, казахских, каракалпакских вариантах).

Далее сообщается, что Идукай на коне выскочил из подводного мира и после долгих поисков нашел ребенка (сына) в белой шелковой пеленке на берегу дарьи. Там среди народа и поселился жить. К нему обращались люди с различными тяжбами между собой. И о нем, как о мудром и справедливом судье, распространилась молва по всей стране*.

Прослышав «про мудрость, отвагу и острословие» Идукая, Туктамышхан призвал его к себе и назначил «старшим судьей» («өлкән хөкәмсө»). Дав ему боевого коня со всем снаряжением, охотничью птицу (ак шонкар — белого сокола) в золотой цепи, разрешил охотиться на дичь; «если со стороны Крыма враг нападет», поручил возглавить войско против него. Идукай принимает высокое назначение и проводит большой туй (пир), дает сыну имя Мурадым (л. 41).

Проходят годы. Жена Туктамыша, опасаясь того, что «Идукай своей известностью затмит хана, и однажды его посадят на ханский трон», начинает натравливать мужа на Идукая, чтобы уничтожить его. Дальнейшие эпизоды, а именно: вымышленный сон жены Туктамыша, пир, устроенный с умыслом убить Идукаю отравленным напитком, обращение хана к дворцовым батырам отправиться в погоню за Идукаем в основном идентичны с публикуемым текстом (см. примечания 45, 46, 51, 54). Несколько своеобразно

---

* Здесь в сноске Н. Исанбет сделал примечание о том, что до сих пор в основу положен текст Сагита Мирасова. Уточнил, что С. Мирасов свой вариант (в нашем описании — 6ой. — Н. З.) записал в ауле Гаделша от 73-летнего Кадиргула сына Биктимира, который ныне проживает в Баймаке.

Затем отмечено: «Далее до диалога Идукая и Янбая [на берегу Идели] использовал материалы Даута Юлтыя. Товарищ Юлтый записал их от стика-кураиста Батырхана Самбитова в ауле Абдул (Егянлек) на Туксурае. Выражаю этим товарищам большую благодарность за их помощь составить более полный вариант сказания» (л. 40).

батырами, умыкнувшими дочь Сатмыр-хана (угонщиков 41 человек, главарь не назван). Отбив у них дочь Сатмыр-хана, становится его зятем и везиром. Сатмыр-хан поручает ему возглавить также его войска, когда нападут на страну враги. Но, как утверждает сказитель, «в большинстве сражений во главе войск выступает Мурадым. Ему сопутствует почет и слава. Опираясь на них, Сатмыр-хан живет спокойно» (л. 62).

Однажды Мурадым напоминает Идукаю: «—Эй, отец, Туктамыш-хан и позорил, и поносил нас. Мы должны ему отомстить. Жить в стороне, боясь врага,— не мужское дело, не забудь обещания, которое ты дал гонцам Туктамыша» (л. 62).

Идукай «собрал большое войско, сам встав во главе одной орды*, во главе другой поставив Мурадыма», выступает против Туктамыша, в походе видит сон (см. 81 и 82ые примечания).

Туктамыш спасается бегством, Мурадым его преследует. Кадирбирде подстрекает Идукаю: «Эй, Идукай, зачем дожидаться сына, когда дворец в твоих руках? Возьми замуж мою сестру».

Убив Туктамыша (где и как — не сказано), Мурадым возвращается и видит: отец сидит, обняв дочь поверженного хана. Решив, что отец нарушил свое обещание, выкрикнул в сердцах и, размахнувшись, выбил ему глаза. Идукай с горечью высказывает глубокую обиду и обвиняет сына в больших грехах (предъявляются те же грехи, что и в публикуемом варианте). Мурадым, как и в тексте М. Бурангулова, убедительно отвергает предъявленные ему обвинения. Далее Идукай высказывает несколько развернутых поговорок, которые, однако, логически не связаны с контекстом и поэтически выражены нечетко. Ссора между отцом и сыном приобретает характер своеобразных взаимных обвинений. Эту часть диалога приводим полностью в подстрочном переводе. Мурадым:

— Не останусь я, не останусь,
Ни за что назад не повернусь.
Если с плохими не поведусь,
Не остановит меня бог
На намеченном пути.
Я в наивности пребывал,
Ты цену мне не знал,
Желаемого не давал,
Обещания своего не сдержал.
Прощай, старый мой отец,
Вновь не ступлю на порог твой:
Смех отца надо мной —
Мурадыма это смерть.

Идукай:

— Засияет луна после солнца,
Солнце взойдет после луны.
Луна станет грустной,
Если она покрыта мглой;
Солнце станет грустным,
Если покрыто облаком.
Высокой горы погибель —
Когда туман окутает вершину;
Луны и солнца погибель —
Когда они, побагровев, закатываются;

---

* Под ордой следует подразумевать войско (примечание Н. Исанбета).

Когда она под снегом остается;
Испытать позор от сына —
Это и есть смерть отца.
Не погибнут никогда
Имя хорошего человека
И добрые его дела.

Мурадым:

— Исполнилось мне десять лет,
Рванулся, как птица, в полет;
Исполнилось одиннадцать,
И встал я против врага;
Когда было двенадцать лет,
За мной пыльная буря стояла,
Передо мной враг плакал;
Когда было тринадцать лет,
С богатым трофеем возвращался;
Когда было четырнадцать лет,
Много батыров переборол;
Стало мне пятнадцать лет,—
Отец опозорил меня,
Отняв возлюбленную мою.
После того, как сломлен дух
У тюри* сына Тукляса,
У мурзы сына Идукая,
Вернуться он не думает.
Доброта мне твоя не нужна,
Жизнь райская не нужна.
Пусть гяуры* полонят страну твою,
Пусть враг захватит землю твою!
С уходом этим я уйду,
Вброд Идель я перейду,
До Нарыс-тау я дойду,
Там жизнь свою продолжу.

Идукай:

— Сокола белого птенец
Бьется на привязном шнуре.
Не бейся, как привязанный птенец,
Есть молодецкая удаля в тебе,
Возрастет и счастье твое.
Нет птицы проворней пустельги,
Что бьет лишь воробья, но не гуся.
Стремительна стрела оперенная,
А кольчугу не пробьет она.
Белый тулпар, неухоженный,
В скачках не раскочется.
От безродного родится безродный,
С копьем не бросится он на врага.
Отважные же батыры
Не уходят прочь от битвы;
Пока не схватились, как львы, с врагом,
Не раскраснеют у них глаза.
Не родившись от отца, сыном не будет,

Не родившись от матери, дочьрю не будет,
Бездарный умельца ненавидит.
Хоть промчишься (на коне) по странам,—
Этот мир не станет вечно твоим.

Мурадым:

— Узян, Узян, Узян-река —
Юрт, где прожил мой прадед;
Долины по Туялясу —
Юрт богатый верблюдами;
Отроги горы Ырыкты* —
Юрт богатый лошадьми,
Юрт молочный, где доят кобылиц,
Юрт добрый, где пьют кумыс;
Юрт из железа-стали
Мне ковал меч-кинжал;
Юрт, где вешал жемчуга,
Там оседлал Акбузата,—
Родина матери и отца.
Юрт, собрав 12 родов,
Устроивший великий пир.
Восседали мы тогда
С сородичами в кругу
С полной чашей кумыса,
Отняв жеребят от кобылиц.

Далее, высказав сожаление о том, что не могли прийти к согласию, Мурадым заявляет о своем уходе и обращается к своим нукерам: «Кто хочет быть с отцом, пусть остается здесь; кто хочет быть со мной, пусть едет со мной!» 17 батыров уезжает вместе с Мурадымом. Прибыв вначале к Кадирбирде — сыну Туктамыш-хана, разоряют его стан, затем едут на родину дедушки Баба-Тукляса. Здесь, в долинах бассейна р. Демы (Дим), о которых от имени Мурадыма воспевается ода, как о родине славных предков (л. 76—77; по демократическому идейному содержанию и по определяющим поэтическим выражениям близка к публикуемому тексту), они и останавливаются жить. Говорится, что Мурадым становится ханом «страны башкир и ногайцев», состоящей «из 12 юртов» («шул тирэлэге 12 йорт башкорт менэн нугай иленең ханы була». — л. 77).

У Мурадыма рос сын. Однажды мать избивает его до слез и тем самым вызывает гнев Мурадыма. Оправдываясь, она говорит мужу: «Что ты содела с отцом, то же сбудется с тобой!»

Мурадым вспомнил о своих грехах перед отцом и отправился в Мекку, семь раз обошел там Каабу, читая соответствующие молитвы. После этого приехал к отцу просить прощения. Грехи Мурадыму отпускаются, Идукай призывает. Мурадым забирает отца к себе, и они живут вместе. Идукай доволен сыном.

Вариант кончается с информацией о том, что «вскоре Идукай умер и был погребен на склоне Нарыс-тау, что находится вблизи аула Мияка на берегу р. Демы. Из могилы вытекает ручей, который, по поверью народа здешних мест, выбивается «из пуповины святого и лечит от многих болезней».

---

*Ырыкты — так в рукописи. По-видимому, ошибочное написание горного массива «Кыркты» в Абзелиловском р-не Башкирии.

После смерти отца Мурадым перекочевал в долину реки Туяляс. Там и скончался. Гора, на которой он захоронен, поныне называется «Мурадыма гора» («Мурадым тауы»), находится между аулами Туркмен и Тупен Зиларского кантона. Могилу на этой горе называют могилой Мурадым-хана. Башкиры, живущие в окрестностях, с большим почитанием относятся к этой горе» (л. 78).

10. **О батырах Илукае, Келяйле и Яике.** Записано М. Бурангуловым от 70-летнего муллы аула Абиш (Эбеш) Миякинского района Чахаръяра Мусина в конце 20-х — начале 30-х годов. Машинопись текста на латинском шрифте — Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 230. Л. 20—26.

Вариант содержит легендарную информацию о названных героях, их отношении к продажным башкирским биям и небольшие стихи-кубаиры, выражающие определенные чувства того или другого персонажа в драматических обстоятельствах.

Вначале говорится о том, что в давние времена на Деме жили Даммибий и Ыршак-бий (дано примечание, будто гидронимы Дим — Дема и Ёршак — Уршак остались от их имен). Против них с войском пришли Яик-батыр со стороны Яика, Илукай-батыр со стороны Идели и Кляйле-батыр с Урала и, завоевав земли тех биев, расселили свои сотни отдельными аулами. Перечисляются деревни, которые, якобы, названы именами сотников (30-ое примечание).

Затем рассказывается о ссорах и военных столкновениях между девятью сыновьями Яик-батыра из-за земли (сыновья от старшей жены — их восемь — обижают сына от младшей жены) и о том, как уладил их тяжбы Илукай. Перечисляются деревни в нынешних Альшеевском, Давлекановском и Чишминском районах, которые названы именами этих братьев.

Далее речь идет о неудачном походе Тук-батыра (младшего сына Яика) на калмыков, его просьбе о помощи к Илукаю, который, слегка пожурив молодого батыра за его опрометчивость, все же помогает ему изгнать калмыков из башкирской земли. Тук-батыр обосновывается на берегах р. Тук, а Илукай, погнавшись за калмыками, уходит в казахские степи, участвует в войнах в Средней Азии, женится на дочери одного хана, и, услышав о грабежах на родине, вновь возвращается на Урал, громит пришлых ханов. Изначальный в сражениях Илукай обращается к сыну Мурадыму с завещанием: «Как умру, привяжи меня к горбу моего белого верблюда; где он присядет, там меня и похоронишь. Скот, отобранный у ханов, раздари батырам, приехавшим со мной из страны кыпсаков; там, где скотина найдет пристанище, пусть строят жилище. А себе место выбери, сынок, весной: где над твоей головой запоет жаворонок, там и обосновывайся; если, встав на отдых, услышишь где голос совы, там наметь себе место для могилы».

Белый верблюд с трупом на горбу приходит к подножью Нарыс-тау, там и хоронят Илукаю; скотина, отобранная у ханов, переправившись за Дему, останавливается у нынешней деревни Кыпсак (ныне — Кипчак-Аскарво Альшеевского р-на). Мурадым же, находясь на коне, слышит над собой жаворонка на лужайке недалеко от пещеры, что находится на берегу речки Биллегылыс возле дер. Мурадымово Аургазинского района. Сказание кончается словами: «Мурадым участвовал во многих сражениях, деды-прадеды не знают, где он был убит».

Настоящий вариант достаточно полно отражается в XX главе публикуемого текста М. Бурангулова.

11. **История о Туктамыш-хане и Идукае («Изеүкэй менән Моразым вакиғаһы», әкият).** Записана Салимом Даутовым в ауле Баймырза Баймакского р-на у учителя Кутлуюла Уल्याбаева и 9 января 1940 г. передана в Институт языка и литературы. Под названием в скобках сказано: «Идукай и Мурадым. Сказка». Машинопись в двух экземплярах — Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 230. Л. 2—10, 11—19. Текст состоит из прозы и стихов.

Начинается: «Был хан Туктамыш. У него был раб по имени Идукай (в конце текста он называется бием). Идукай был богатырем, очень сильным батыром. Туктамыш всегда боялся его отваги. Когда входил Идукай, Туктамыш в страхе вскакивал с места. Сам он этого не замечал, замечала его жена. Она говорит мужу: «Ведь ты боишься раба Идукая». Хан отрицает. Чтобы подтвердить свое слово, жена пришивает одежду хана к постели. Заходит очередной раз Идукай, хан опять безвольно вскакивает с трона и иголка, отломившись, отскакивает в сторону. Теперь невозможно отнекиваться, надо принять решение.

В отличие от других вариантов, здесь совет, как избавиться от Идукая, дает везир: разбавить медовку мочой дочерей хана Ганакэ и Тутай и напоить ею Идукаю. Тогда, мол, оскорбившись, он сам уйдет. Идукай все же выпивает грязную жидкость, но заявляет, что уйдет к Са-Тимир-хану и, вернувшись от него с войском, отомстит за оскорбление.

Следом за Идукаем отправляют Янбая, который, как и в других вариантах, застав Идукаю на том берегу Идели, правдами и неправдами возвращает Идукаю обратно.

Туктамыш устраивает ложный пир под видом выдачи своей дочери за Идукаю. Идукай напивается допьяна. Друг его Ангыхын подтягивает подпруги седла на коне Идукаю, а у остальных коней обрезает стремяна. Заходит в юрту и запекает:

Мое имя — Ангыхын,

Пей последнюю и оглянись.

Идукай понял намек и встал, чтобы уйти. Говоря «Зятек, зятек!», жена хана подходит к Идукаю с чашей в руках. Идукай выплескивает чашу и устремляется к двери. Люди хана пытаются его задержать, но Идукай, не поддавшись им, выволакивает их вместе с кибиткой и вскакивает на коня. Вновь высказав свое грозное предупреждение, уезжает к Са-Тимир-хану. Везиры не могут сесть на коней (стремена отрезаны).

По дороге Идукай встречается с калмыцким батыром, который лежал под шелковым навесом («сатыр») на горе. Рядом сидела девушка, отпугивая мух шелковым платком с лица спящего мужчины. Подъехав, Идукай спрашивает:

«— Кто это?»

— Это — калмыцкий батыр, а я — дочь Са-Тимир-хана, — отвечает девушка.

— Чего здесь сидишь?

Девушка отвечает:

— Этот калмыцкий батыр, напав на моего отца, увел меня насильно.

— Если я убью его, то согласна ли ты вернуться к отцовскому дому и выйти за меня замуж?

— Если сможешь убить, я, конечно, согласна. Но он — чрезмерно сильный батыр, ты не сможешь его убить.

Идукай говорит:

— Как убить: пока спит, или вначале разбудить его?

— Не буди, а то не сможешь, убей, пока спит.

Идукай, привстав на коне, пускает в шею калмыцкого батыра стрелу с плоским наконечником. Тот, вспрыгнув с места, схватил Идукаю и стащил его с коня. Началась схватка. Из шеи кровь брызжет, все же не поддается калмыцкий батыр, продолжает бороться. Тогда Идукай говорит девушке:

— Если ты за меня, хватай за волосы калмыка и оттяни его голову назад!

Девушка так и делает: хватает за волосы калмыцкого батыра и оттягивает голову назад. Голова, наконец, отвалилась на спину батыра, и он испустил дух».

Так, освободив дочь Са-Тимир-хана от жениха-насильника, Идукай привозит ее к отцу. Благодарный Са-Тимир-хан отдает дочь ее освободителю. Со временем у них рождается сын Мурадym.

Мурадym с войском отправляется к Туктамыш-хану; возле озера «Камкалы-куль» (90^е примеч.) убивает Туктамыш-хана и привозит его отрубленную голову.

«Увидев голову Туктамыш-хана, Идукай спрашивает Мурадymа:

— Не склонил головы?

— Склонил.

— Склоненную голову меч рубит? Почему отрубил? Разве нельзя было привезти живьем? — Сказав так, наотмашь хлещет плеткой Мурадymа и выбивает ему один глаз». (Так переосмыслен факт стычки отца с сыном в данном варианте).

«Сказывают, с тех пор бытует пословица: «Склоненную голову меч не рубит», — так завершается вариант.

12. Идукай и Мурадym. Сводный текст. Составлен башкирскими поэтами Рашифом Нигмати и Баязитом Бикбаем при участии Мухаметши Бурангулова и историка Абубакира Усманова. За основу принят публикуемый текст М. Бурангулова. В поэтическом отношении текст выдержан строго в стиле кубаира.

В научном архиве хранятся два варианта свода:

1) Ф. 3, оп. 12, д. 224. 166 стандартных листов машинописи, на многих листах имеются правки. На титульном листе под заголовком — «Башкирский народный героический эпос», на последнем листе указаны составители и дата: 23 октября 1940 года, г. Уфа. Третий экземпляр машинописи этого же правленного текста — д. 222 той же описи. 145 л.

2) Ф. 3, оп. 12, д. 229 — два варианта подшитых вместе, 394 л. машинописи на русской графике. Первые 158 л. (в том числе — 6 л. словаря) — тот же, что и выше, текст, подготовленный в Институте языка и литературы им. Мажита Гафури (ныне ИИЯЛ РАН) теми же составителями для издания в 1941 г. Сопоставления, проведенные в примечаниях к публикуемому варианту М. Бурангулова, цитируется по этому тексту. Последующие 236 листов представляют значительно расширенный, литературно обработанный вариант, который, по-видимому, был представлен в Башкирское государственное издательство для выпуска в 1941 г. с предисловием А. Усманова. Но книгу не успели издать, началась война. В деле предисловия нет, нет также словаря и нескольких последних листов.

Текст состоит из эпиграфа (известный кубаир «Гибель высокой горы» о долге защиты родины), посвящения и 15 кубаиров вместо 26 глав в рукописном тексте М. Бурангулова.

В научном архиве сохранена рукопись подстрочного перевода сводного (литературного) текста, сделанного М. Галиевым (ф. 3, оп. 12, д. 227, 213 л. стандартного формата) для русского поэта Александра Ромма, увлеченно работавшего в те годы над переводами фольклорных произведений башкирского народа, в том числе эпоса об Идукае и Мурадymе. В личном фонде А. Ромма в ЦГАЛИ хранится машинопись названного подстрочного перевода: ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 183, 152 листа большого формата (на листах 34 строки через 2 интервала). В письмах в Уфу руководителям Института языка и литературы А. Ромм сообщал, что подстрочный перевод М. Галиева его удовлетворяет, по нему он и начал свой перевод эпоса «Идукай и Мурадym». Но началась Великая Отечественная война, Александр Ромм погиб на фронте, работа осталась незавершенной.

В 1940 г. в республиканской газете «Красная Башкирия» от 29 сентября опубликован отрывок в переводе с башкирского А. Новикова.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ ВАРИАНТЫ

А. Казахские

1. Версия, опубликованная в «Сибирском вестнике», 1820, ч. X. С. 189—204. Прозаическое переложение варианта, сделанное писателем и исследователем Сибири Г. И. Спасским. По оценке П. М. Мелиоранского, «неполная и спутанная версия, вместо Токтамыша — Са-Тимир и т. д.» (ЗИРГО. Приложение к т. XXIX. С. 17).

2. **Идука-бий.** Свод, составленный Чоканом Валихановым и его отцом Султаном Чингизом в 1842 г. из трех списков, сделанных Чингизом Валихановым: первый — со слов акына Джумагула из рода кыпчаков в 1841 г.; второй с добавлениями изустных преданий от разных лиц; третий — со слов Арслан-бая. Оригинал рукописи «Идукаби» — ЗИРГО. Приложение к тому XXIX. Русский перевод Чокана Валиханова «Идыге» — ЗИРГО. Т. XXIX. С. 233—264.

3. **Эдигей.** Перевод на русск. яз. Чокана Валиханова. — ЗИРГО. Т. XXIX. С. 265—273. Когда и от кого записан, не указано. Текст представляет собой сокращенный пересказ варианта. Общие с предыдущим текстом места пропущены с оговоркой: «Далее что в киргизской редакции». В конце, на с. 272 и 273, даны сведения о потомках Идиге (Эдигея) и предание ногайцев о происхождении Баба-Тукляса.

С учетом содержания и замечаний Ч. Валиханова П. М. Мелиоранский полагал, что «это — одна из ногайских версий» (ЗИРГО. Приложение к т. XXIX. С. 17). Более определенно высказался по этому поводу современный ногайский фольклорист Ашим Сикалиев: «Валиханов записал у ногайцев песню «Эдигей», которую перевел на русск. яз. и сравнил с казахскими версиями» / История собирания и публикации ногайского фольклора // Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы. Труды, серия филологическая. Черкесск, 1970. Вып. VI. С. 11).

4—7. **Четыре варианта**, опубликованные Г. Н. Потаниным в пересказе или переводе на рус. яз. под общим заглавием «Тюркская сказка о Идыге» в «Живой старине». 1897.

I — вариант — с. 294 —301. Записан миссионером О. Ивановским от киргиз (т. е. казах — Н. З.), кочующих в горах Тарбагатай в Семипалатинской области (сведения — по Потанину).

II — вариант — с. 301—304. Записан самим Г. Н. Потаниным со слов киргизского султана Д. Х. Султан-Газина, который слышал сказку на своей родине, в Семипалатинской обл. на реке Токтау и рассказал ее по воспоминаниям своего детства. В конце пересказа варианта дано «дополнение, записанное при содействии Г. Султан-Газина от киргиз в урочище Серембет».

III — вариант — с. 304—312. Записан также самим Г. Потаниным от киргиза Бийсенбе в урочище Серембет в Кокчетавском уезде Акмолинской обл. при содействии Г. Султан-Газина, который перевел сказку с киргизского на рус. яз.

Вариант представляет собой также пересказ содержания, но более детальный, чем предыдущая запись. Есть и один стихотворный «кусоч» (шесть строк) в оригинале и переводе на рус. яз., который относится к диалогу Идиге и Джанбая на берегу р. Эдиль (Идель).

IV — вариант — с. 312—313. Записан А. А. Калачовым от киргизки в Алтайской станице, в долине Бухтармы (на Алтае).

8. **Идига-батыр.** Запись известного этнографа и собирателя казахского фольклора Абубакира Диваева // В переводе на татар. яз. в журнале «Шура» (Оренбург), 1917, № 15 и 16; на казах. яз. «Мирза Едиге» // Диваев А. А. Батырлар. Ташкент, 1922. Т. 5.

Б. Каракалпакские

1. **Сказание об Едиге и Тохтамыше.** Каракалпакская народная поэма. Запись И. А. Беляева // Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Ашхабад, 1917. Вып. 3.

2. **Едиге.** Записал фольклорист Каллы Аимбетов от Эрполат-жырау дважды — в 1929 г. (запись утеряна) и 1934 г. Вторая запись опубликована в 1937 г. в Москве на каракалпакском яз. отдельной книгой (150 с.).

В. Ногайские

1. Запись Али-бека Шарарова в 1830 г. от астраханских ногайцев. Опубликовано в переводе на английский яз. А. Ходзько в его книге «Specimens of the Popular Poetry of Persia» (Образцы народной поэзии Персии). London, 1842. Перепечатана в газ. «Кавказ» (Тифлис), 1885, № 287.

2. **Предание о Тохтамыш-хане** (Туктамыш кандың хикайэте) // Ногайская хрестоматия. С. 32—49.

3. **Эдиге-Кубугул.** Запись Н. Семенова от дагестанских ногайцев в начале 1880-х годов. Прозаический перевод на рус. яз. // Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 418—454.

4. Совершенно отличная версия сюжета обнародована в статье М. Алейникова «Поверья ногайцев» — отрывок легенды в переводе на русс. яз. о том, как заблудившийся в лесу охотник Кутлукая встретился с лесной женщиной «албаслы» и, убив ее мужа, женился на ней; у них родился сын Эдиге, который рос батыром // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. XIII.

5. **Адига.** Запись В. В. Радлова от ногайцев в Крымском полуострове // Радлов. Образцы... Ч. УП. С. 198—201. Прозаический пересказ.

6. **Токтамыш-хан.** Подстрочный перевод на рус. яз. учителя Кизлярского городского училища Герасима Ананьева // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. XXVII.

7. **Кубугул.** Сказочный вариант. Паспортчики нет // Ногайские народные сказки / Сост. С. А. Калмыкова. Черкесск, 1967. С. 124—133 (на ногай. яз.).

8. **Эдиге.** Записано А. Сикалиевым от йырав (сказителя) Ажи-Исхака Кумукова // Сорок ногайских богатырей. Сб. ногайских народных дастанов на ногайском языке / Запись, подготовка текстов, составление, предисловие и словарь Ашима Сикалиева. Махачкала, 1991. С. 17—52.

9. **Эдиге. Ногайская народная поэма** (Перевод с ногайского Ф. Сидихметовой) / ж. «Половецкая луна», 1991, № 1. С. 38—64. О сказителе сведений нет.

Г. Сибирско-татарские

(Записи В. В. Радлова)

1. **Мырат пи.** Запись от телеутов (горных алтайцев) // Радлов. Образцы... Ч. I. С. 200—204.

Небольшой отрывок (21 строфа из пяти строк каждая), относящийся к ссоре Мурадыма с отцом (здесь с матерью).

2. **Идага пи.** Запись от барабанских татар // Радлов. Образцы... Ч. IV. С. 27—45. В переводе на современный татар. яз // ж. «Совет эдэбияты». 1940, № 5—6.

3. **Токтамыш хан.** Записано в ауле Улу Кау // Радлов. Образцы... Ч. IV. С. 128—136.

4. **Токтамыш кан.** Записано в устье р. Ишим // Радлов. Образцы... Ч. IV. С. 195—204.

Соединения разных стихотворных кусков, отражающих то жалобу Токтамыш-хана, то ссору Мурадыма с отцом.

5. **Идегей.** Записано в 1919 г. татарским педагогом и журналистом Нигматом Хакимовым в Сибири, в селе Яланькуль Тарского уезда, от народного сказителя Ситдика-бабая Зайнетдинова. Достаточно полный анализ дан в статье А. Н. Самойловича «Вариант сказания о Едигее и Токтамыше, записанный Н. Хакимовым» // Тюркологический сборник, 1972. М.: Наука, 1973. С. 186—211. О сказителе — С. 212—213.

Д. Крымско-татарские

(Записи В. В. Радлова)

1. **Идгәй би.** — Радлов. Образцы... Ч. VII. С. 99 — 122. Проза и стих, достаточно полный.

2. **Адигәй.** — Там же. С. 146—149. Проза.

3. **Адигәй.** — Там же. С. 154—166. Проза и стих.

4. Текст, записанный в Анкаре турецким ученым Саадетом Чагатаем (занимался изучением сказания об Идиге) от старика, переселившегося в молодые годы в Турцию из Крымских степей. — Çagatay S. Die Ädigä-Saga // Ural-Altäische Jahrbücher. 1953. В. 25. № 3—4. Текст на турецком и в переводе на немецкий язык.

Е. Татарские

1. **Идгей и Нуреддин (Идгәй белән Нуреддин).** Исторический рассказ. На татарском яз. Казань, 1914. 32 с.

Литературный пересказ опубликованного в «Ногайско-кумыкской хрестоматии» списка М. Османова.

2. **Татарский народный дастан Идегей (Татар халык дастаны Идегәй).** Сводный текст на татарском языке, составленный Наки Исанбетом на основе известных ему татарских, башкирских, казахских и других национальных версий и вариантов. Всего 6974 стиха. — «Совет эдэбияте». 1940. № 11, 12.

3. **Идегей (Идегәй).** Новый научно-критический текст / Составитель Н. Исанбет, редакторы Х. Ярми и Ш. Маннур. Предисловие на татарском, послесловие на русском языке Ильбариса Надирова. Казань, 1988. 254 с.

То же в русском переводе Семена Липкина с послесловием Миркасыма Усманова «О трагедии эпоса и трагедиях людских». Казань, 1990. 256 с.

По оценке М. Усманова, «Н. Исанбетом выполнена поистине титаническая работа. Им были учтены и изучены известные отрывки произведения, собраны среди населения десятки новых версий и вариантов и был воссоздан реконструированный сводный текст эпоса» (с. 248).

4. **Аерылу жыры — Песнь расставания.** Список, сделанный со «старой» («иске»). Может, древней?) рукописи, сохранившейся в семье Тимиржана (1906 года рожд.) и Минзады (1902 г. р.) Нигматжановых, жителей д. Ахманово в Тюменской области // ТХИ: Дастаннар. Казань, 1984. № 17. Нет начала и конца. В тексте герой не назван. Сопоставление приводит к заключению, что это является одним из вариантов жалобно-прощальных песен Токтамыша, низверженного с трона Золотой Орды, перед смертью. По содержанию близок к варианту «Токтамыш кан» В. В. Радлова.

Ж. Узбекский

Тулумбий. Озаглавлен по имени отца героя. Запись 1920—1930 годов. // Узбекский фольклор. Хрестоматия для пединститутов. Т. 1 / Сост. Х. Зарифов. Ташкент, 1939 (на узбекском яз.).

МУЙТЭН-БИЙ

Публикуются два варианта, извлеченных из статьи музыковеда И. В. Салтыкова «История и анализ башкирских песен» (При ближайшем участии С. Мирасова и Б. Уметбаева). Машинопись статьи — Научный архив. Ф. 3, оп. 61, д. 25, на 67 листах, 1929 год. Публикуемые тексты — л. 14—17. Машинописная копия, представленная в 1967 г., — там же, д. 26, на 101 л., тексты — л. 26—27, 28—31. Статья и часть первого варианта кубайра опубликованы А. Н. Киреевым в сб.: «Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала». Уфа: БГУ, 1974. Вып. 1. С. 253—279.

Построчный смысловой перевод песен осуществлен Б. Уметбаевым, работавшим в 20-е годы в Научном обществе по изучению Башкирии. Нами публикуется с небольшими стилистическими правками.

О Муйтэн-бие, о его предках и потомках повествуется (также в стихах) и в «Шежере башкир племени усерган». — Башкирские шежере. С. 81—87. Предание о нем с хвалебными песнями бытовало среди башкир южных районов до наших времен. Одно из них опубликовано в БНТ. Т. 2. № 193.

¹ *Третий род был тангаурский* — в подлиннике «тунгаурский» неправильная транскрипция башкирского «тэнгәүер». В отличие от племен бурзян, кыпсак и тамъян, тангаур — небольшое племя.

² ... *Котлы-Тимир обладал могущественной силой* — по-видимому, анахронизм. Во-первых, по утверждению Р. Г. Кузеева, «тангауры никогда самостоятельно не выступали и всегда состояли в тесном союзе (или в зависимости) с племенем усерган» (Башкирские шежере. С. 195). Во-вторых, в роду башкирских племен вождь по имени Котлы-Тимир не известен. Возможно, здесь вплелось имя Кутлуг-Тимура, известного наместника Хорезма при Узбек-хане (XIV в.), который играл большую роль в государственной жизни страны и, действительно, обладал могущественной силой (см. Греков, Якубовский. С. 90—92, 105, 124, 129 и др.).

³ *Тугазак* — в сноске назван калмыцким ханом.

⁴ Строфа представляет собой традиционную форму обращения сээнсказителя к слушателям, психологической подготовки их к восприятию важного поэтического сообщения.

⁵ *Землю тоже никто не варил* — так в источниках.

⁶ *Сын Тумена Майки-бий* — в «Шежере башкир племени табын» Майки-бий назван сыном Тумен-бия (Башкирские шежере. С. 158). Однако, «Тумен» — не антропоним, а термин, которым у чингисидов обозначалось войско из десяти тысяч воинов. Следовательно, можно полагать, что отцом или предком Майки-бия был военачальник, стоявший во главе крупного войска монголов. Что касается самого Майки-бия, то он, по утверждению Р. Г. Кузеева, «довольно известная личность в истории монголов. Уйшин-Майки-бий был одним из военачальников в XIII—XIV вв». «Все табынские роды считают себя потомками Майки-бия» (Башкирские шежере. С. 213, 215).

⁷ *Булгар* — имеется в виду Волжская Булгария — государство древних тюркских племен Поволжья, которое было завоевано Батый-ханом.

⁸ *Он* — здесь и дальше не ясно, кто имеется в виду, Муйтэн или Майки-бий.

⁹ *Разорив и разогнав булгар, калмыков, киргиз и ногайцев, он подчинил себе побережье всей Сакмары.* — Явная модернизация исторических событий совершенно разных эпох в целях героической идеализации легендарного родоначальника башкир-усерганцев. Булгарское государство Поволжья, в полиэтничный состав населения которого входили и башкирские племена, обитавшие на его восточной части, было разгромлено Батый-ханом в 1229 г. Калмыки появились в степях, прилегающих к южному Ура-

у, в первой половине XVII в. Распад ногайского единства происходил также в XVII столетии.

¹⁰ *Родился Алдар*. — В названиях родословных башкир ни от Муйтэна, ни от Майки потомок по имени Алдар не зафиксирован. Возможно, здесь меегся в виду Алдар Исякаев, один из предводителей башкирского восстания 1705—1711 гг.

¹¹ *Десятитамговые ногайцы* — т. е. ногайцы десяти родов, каждый из которых имел свою тамгу (см. Глоссарий).

¹² *Пошел со злости снег от его мужества* — так в источниках.

¹³ *Стотамговые башкиры* — выражение обозначает, по-видимому, не родовые подразделения, а многочисленность башкир вообще.

ИДЕЛЬ-ЮРТ

Известно по двум печатным источникам. Первый — сборник «Әдәби ярдәм мәжмугәсе» («Сборник в литературную помощь»). 2-я книга. Казань, 1922 (на татар. яз.). Записано татарским фольклористом Хужой Бадигом от башкир (конкретной паспортички нет). Орфографические и некоторые лексические особенности башкирского языка не сохранены. Второй — Габитов. Краткие образцы... Паспортички нет. В конце текста сказано: «Когда казахи нападали, башкиры убегали к Идели. Кубаир посвящен этому событию».

Перевод на русский язык сделан по тексту Х. Габитова, перепечатанному в многотомном научном своде башкирского фольклора — БХИ: Эпос. Кн.3. С. 41—44. Данный текст отличается от первого двухкратным повторением строк. Этот принцип не выдержан только в ответе дочери на просьбы матери (3-й раздел).

Произведение отражает лишь отдельные драматические эпизоды неизвестного полностью эпического сюжета. Эти эпизоды нами пронумерованы в квадратных скобках. Причем, 3-й эпизод в обеих записях дан в конце, что противоречит логике развития фабулы.

¹ *Вновь на Идель вернемся домой* — в первом источнике «Остановимся за Яиком». В эпосе река представляется большой преградой на пути неприятеля.

² В записи Х. Бадига строк о выжженной голове нет.

³ *Алимтай и Коломтай* — по примечанию Х. Габитова это «казахские имена», а по Х. Бадигу — «калмыцкие имена».

СКАЗАНИЕ О МАМАЙ-ХАНЕ.

Записано в 1970 г. А. И. Харисовым от Хадисы Кусябаевой (1901г. р.) в г. Миасс Челябинской обл. Научный архив. Ф. 3, оп 63, д. 13. Л. 19—20; журн. «Агидель», 1972, № 5; БНТ: Эпос. Кн. 3. С. 44—45.

Другой башкирский вариант — 40 нугай батыры — (40 ногайских батыров. Легенда). Записан в 1981 г. Г. Б. Хусаиновым в Уфе от Фасхетдина Илбулдина, 1924 года рожд., уроженца Зианчуринского района.— Рукописный фонд ИИЯЛ. Археографические и фольклорные собрания, 1982. Л. 32—33.

В легенде среди 40 батыров указывается также Идукай-батыр, говорится, что они вышли из простого люда, стали военачальниками; их могилы находятся на горе около аула Буранлы Оренбургской обл. Упоминается также и Хабрау-ерау.

Ногайские варианты

1. **Мирза Мамайдың хикайәте** (Предание о Мирзе Мамае) // Ногайская хрестоматия С. 50—70.

2. **Мамай.** Запись А. Сикалиева от Юманбета Койбакова // Сорок ногайских богатырей. С. 53—109.

Казахский вариант: **Орак мен Мамайдың хикаясы** (Повесть об Ораке и Мамае). Казань, 1908. По свидетельству В. М. Жирмунского, в фольклорном архиве АН Казахстана имеется восемь фольклорных записей, из которых наиболее полное изложение исторического сказания о семейных распрах Мусы дает обширная эпическая поэма «Орак и Мамай», записанная со слов известного акына недавнего времени Нуртугана, прозванного Казан-кап, из местности Миржас, Аральского р-на, Кызыл-Ордынской обл. (Западный Казахстан). — Жирмунский. Тюркский эпос. С. 400.

Татарский вариант: **Урак белән Мамай** (Урак и Мамай). Записан в 1940 г. в Новосибирской обл. от Нурмухамета Ибрагимова, 1865 года рожд. // ТХИ: Дастаннар. С. 99—101. По примечанию составителя тома Ф. В. Ахметовой, « Это отрывок опубликованной в 1908 г. в Казани народной книги «Повесть об Ораке и Мамае».

¹ *Мамай-хан* — Ших-Мамай, как и его отец Муса, в эпосе именуются ханами. В монгольских и тюркских государствах, возникших на развалинах империи Чингизидов, ханами могли быть только потомки Чингиз-хана.

² *Мамай был пятым ребенком от второй жены, младшим сыном Мусы-хана.* — В ногайских и казахских вариантах Муса имел тоже двенадцать сыновей от двух жен. Но в действительности у Мусы «было пять жен и едва ли не 30 детей» (Жирмунский. Тюркский эпос. С. 422).

³ *Урак* — в ногайских вариантах внук Мусы-хана, после смерти отца Алшагира воспитывался у Мамае, участвовал в его походах.

⁴ *До города Каф (Каф иленә)* — так называется в фольклоре тюркских народов местность, где расположен г. Феодосия.

⁵ Эти шесть строк о летних кочевьях и зимовках Мусы-хана повторяются и в ногайских вариантах с той лишь разницей, что там гора Иремель названа «Ирэмән» и «Элемен».

МЭРГЭН И МАЯНХЫЛУ

Записано в 1917 г. М. Бурангуловым от сэсэна Гинията Бикмурзина в ауле Бабалар Куюргазинского р-на Башкирии. Машинописный текст — Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 226 — «Башкорт халык батырлары тураһында кобайырҙар» («Кубаиры о башкирских народных батырах») Л. 2—22. Опубликовано: Бурангулов, 1943. С. 82—102; БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 45-57 (с небольшим сокращением).

¹ *Нугай-хан* — речь идет не об известном золотоордынском темнике, правнучке хана Джучи — Ногае (1-ая пол. XIII в. — 1300), именем которого позднее стали называть народ ногайцев и государственное образование кочевников Ногайская Орда, а ногайском хане в нарицательном смысле.

² *Волос мой длинен, но не считай, что в сердце отваги нет у меня.* — В эпоху господства патриархальных отношений, вопреки древним верованиям о смысле длинных волос (см. 99-е примечание к тексту «Идукай и Мурадым»), утвердился обычай унижения женщин во всех правах.

³ *...Нэркэс в схватке Яика превзошла* — об этом говорит сама Нэркэс Хаубану в эпосе «Акбузат».

⁴ Яик, Кыпсак и Бурзян, Ашкадар, Дим и Тамьян — гидронимы Яик, Ашкадар и Дим — перечислены в ряду с родоплеменными названиями башкир кыпсак, бурзян и тамьян, что создает стилистическую шерехова-

тость, но смысл понятен: башкиры, населяющие долины названных рек, и башкиры названных племен.

⁵ *Ишми* — мужское имя, под которым Мэргэн представляется ногайскому хану.

ТАРГЫН-БАТЫР

Записано в 1938 г. поэтом Гайнаном Амири от шестидесятилетнего Га-тиата Хисамова в дер. 2-е Иткулово Баймакского р-на Башкирии. — Научный архив. Ф. 3, оп. 10, д. 38. Л. 153—157; БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 57—60. Ср. ниже вариант «Таргын и Кужак».

¹ *Стрела Таргына «насквозь пронзает толстый тополь», у калмыцких воинов «ни одна стрела не доходит даже до середины ствола дерева»* — традиционный сказочно-эпический мотив испытания силы батыров перед началом единоборства. Ср. богатырскую сказку «Алюкей» — БНТ. Т. 3, № 50; казахский вариант «Алеуко-батыр, сын Алеке» — Живая старина. 1916. Вып II—III.

¹ *Горы Булгар* — на башк. яз.: «Болгар тауы тигән бер тауға менгәндәр» что можно понять и в смысле: «Взобрались они на одну высокую гору булгар», т. е. Волжской Булгарии.

³ *Пес ногайский* — в средневековье и позже до Октябрьской революции этнонимы «татар» и «ногай» часто не различались.

⁴ *Масы* — деревня вблизи города Троицка (*примечание сказителя*).

ТАРГЫН И КУЖАК

Записано в 1959 г. Киреем Мэргэном от Рахимьяна Саттарова и Муллагали Баширова (возраст сказителей не отмечен) в дер. Аскарново Альменевского р-на Курганской обл. — Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 1. Л. 21—26; вариант Р. Саттарова — БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 60—62. Нами публикуется этот вариант.

¹ *Аксахан* — неизвестно, чтобы «в стране башкир» (т. е. на Южном Урале) некогда жил хан с таким именем. В казахских вариантах сказания он (по-казахски *Акшахан*) называется старшим из сорока крымских ханов.

² В варианте М. Баширова эти слова Акъюндуз говорит Кужаку в свадебном пиру перед тем, как подать ему отравленную медовку.

³ В варианте М. Баширова этого диалога нет. После взаимных оскорблений стихами батыры начинают поединок. Во всех видах богатырского состязания (схватка, борьба и стрельба) победителем выходит Кужак.

⁴ В этом варианте после стрельбы Кужак отнимает Акъюндуз у Таргына и отправляется домой.

⁵ В варианте М. Баширова Акъюндуз убивает подвыпившего на свадьбе Кужака, подав ему отравленную медовку, затем подходит к отцу и, сказав: «Ты погубил мою голову», — выпивает отраву, падает замертво. Этот эпизод напоминает трагический исход любовных отношений Кузыкүрпеса и Маянхылу в одноименном эпосе (БНТ. Т. 1, № 9 и 10), героев романтических дастанов «Тахир и Зухра», «Бузьегет» и др. (БХИ: Эпос. Кн. 3).

⁶ Концовка в дословном переводе: «Иртяк кончился, я остался, уши в вату сторону навострил».

М. Баширов закончил более мелодично:

Иртэгем бөттө иртэрэк,
Тағын бер-ике кэрэк,
Ишеткәнде һөйләп ебәр,
Һөйләгәндә көйләп ебәр.

Дословный перевод:

Мой иртык закончился скоро,
Еще надо бы несколько.
Расскажи (теперь ты) о том, что слышал,
Расскажи распевая.

А. Казахские варианты:

1. **Ир Таргын.** Записано в 1859 г. Н. И. Ильминским от Марабай-акына из рода табын. Казань: Изд-во университета, 1862 (на казах. яз.); 14-е издание — 1913. После Октябрьской революции перепечатано также многократно в различных изданиях, в том числе в многотомном фольклорном своде «Казахское народное творчество» — Батырлар жыры. 1987. С. 107—142. В переводе на рус. яз. Л. Пенковского — Антология казахской литературы. М.: ГИХЛ, 1958. С. 34—39 (отрывки); перевод М. Тарловского — Хрестоматия по литературе народов СССР. М., 1947. С. 589—600.

2. Ир Таргын.— Радлов. Образцы... Ч. III. С. 119—166.

3. **Ир Таргын.** Перевод на русск. яз. и публикация Д. Н. Саркина. Оренбург, 1904.

4. **Таргын батыр жыры** (Песнь о Таргын-батыре) // Батырлар жыры. 1987. С. 145—160.

Б. Ногайские варианты:

По данным Ашима Сикалиева, в фольклорном фонде Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы имеется несколько неопубликованных вариантов сказания, в том числе:

1. **Эр Таргыл.** — Сокровищница слов (Соз казнасы), рукописный четырехтомник ногайских песен, сказок, поговорок, пословиц и загадок / Сост. А. Джанибеков.

2. **Эр Таргун.** Запись А. Сикалиева в 1967 г. в Нефтекумском р-не Ставропольского края.

3. **Эр Таргун.** Запись А. Сикалиева в 1967 г. в Дагестане.— (Сикалиев А. История собирания и публикации ногайского фольклора // Труды КЧНИИ, серия филологическая. Черкесск, 1970. Вып. VI. С. 18 и 20).

В. Крымско-татарский вариант — Радлов. Образцы... Ч. III. С. 119—166.

ЕГЕТ-КЫПСАК И ДЕВУШКА-БАШКИРКА

Записано в 1974 г. Г. Б. Хусанновым от Назима Муратова (1906 г. рожд.) — уроженца дер. Имянлекулово Чекмагушевского р-на. По утверждению информатора, это — лишь сохранившийся в памяти отрывок того, что он слышал от своей бабушки в юности.— БХИ: Эпос, кн. 3. С. 66—67.

¹ **Страна Кыпсак** — оставшийся в памяти народа отголосок о Дешт-и-Кипчак — обширных степях, простиравшихся от верховий Сыр-Дарьи и зап. отрогов Тянь-Шаня до устья Дуная, на которых кочевали еще до Золотой Орды многочисленные кипчакские роды.

Они, кипчаки (по-башк., кыпсак), смешались и вошли впоследствии в состав башкирских, казахских, каракалпакских племен.

СУКЕМ-БАТЫР

Записано в 1936 г. от старика Аскара Янмурзина, члена колхоза «Янги юл» Челябинской обл. Он запомнил это по рассказу «Историка дер. Кулумбетово по имени Барый» (других данных нет). По утверждению Аскар-бабая, «у Барыя хранилась рукописная книга, написанная в 1600 году на брющине (? Вероятно, на шкуре? — Н. З.). Каждый из этого рода, кто имел грамоту, подробно описывал в этой книге то, что происходило в его время. Там была написана долгая история Башкортостана. Кубаир о Сукем-батыре извлечен тоже из этой книги. Барый живет в Свердловске». Машинописный текст на латинском шрифте — Научный архив. Ф. 3, оп. 73, д. 24. Л. 1—3.

В конце текста кубаира изложено предание о Сукем-батыре: «Говорят, что Сукем-батыр жил во время Русско-польской войны. Нападая на башкир, живущих по долинам рек Дулмат, Каирды и Миасс (Челябинской обл.), войска Масим-хана грабили их скот, отбирали земли. Издевались над башкирами, как хотели, убивали их. Доведенные до предела башкиры восставали против грабителей. Предводителем башкир был Сукем-батыр (он с Гулюк-батыром были близнецами). Противостояние длилось три года. Башкирские стрелки в течение трех лет истребляли солдат врагов. Разрушили Долматовскую крепость. Вконец (однако) армия Сукем-батыра начала распадаться. Оставшись один, он был убит в бою на р. Миасс.

Деревня, в которой родился Сукем, — Тэрхэн (Тэрһэн), что находится в четырех километрах от колхоза «Янги юл».

Другой вариант того же названия записан в 1962 г. С. Галиным от Сафаргалия Султанбекова (1905 г. р.) в д. Нуркино Аргаяшского р-на Челябинской обл. — Научный архив. Ф. 3, оп. 21, д. 8. Том 1. Л. 53. Текст состоит лишь из традиционного эпического клише (12 строк).

БАЯЗИТ-БАТЫР

Записано под названием «Баяс-батыр» в 1961 г. Киреем Мэргэном от 69-летнего Гатаулы Загидуллина в дер. Таллы Больше-Черниговского р-на Куйбышевской обл. Но в тексте имя Баяс-батыра ни разу не упоминается, речь идет о батыре по имени Баязит. — Научный архив. Ф. 3, оп. 21, д. 6. Л. 52—53.

Предание о Баяс-батыре, записанное в 1971 г. от башкир Саратовской обл. — БНТ. Т. 2, № 212. По содержанию напоминает публикуемое ниже сказание «Карас и Акша».

КАРАС И АКША

Записано, по-видимому, в 30-е годы (вероятно и раньше, но не позднее 1940 г.). Машинописный текст на латинском шрифте. — Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 307. Л. 50—56; БХИ: Эпос, кн. 3. С. 75—78.

¹ У изголовья ... стрелу вонзил. — У башкир и казахов существовал обычай, согласно которому в могилу погибшего в бою батыра вонзали стрелу или копьё в знак памяти о нем, о его воинской доблести. Известный русский путешественник-этнограф Николай Рычков оставил свидетельство о том, что он, путешествуя из Оренбурга в Казахстан, встречал могилы с воткнутыми у изголовья стрелами или копьями. Одну из таких могил он встретил в долине реки Ирғиз — левого притока Волги, истоки которого находятся в современной Оренбургской области (см. «Дневные записки путешественника капитана Николая Рычкова в Киргис-кайсацкую степь в 1771 году». СПб., 1772. С. 16).

Варианты:

1. **Карас-сэсэн** — под таким названием приведен без паспорттики в рукописном труде «Творцы фольклора» («Фольклор ижадсылары») М. Бурангулова. — Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 445. Л. 17—22. От нашей публикации существенно не отличается, несколько сокращена лишь вступительная часть.

2. **Башкирские батыры** (Башкорт кашкалары). Рукопись Ахметши Султанова из дер. Наурузово Тамъян-Катайского кантона (ныне Учалинский р-н Башкортостана), хранившаяся у Гали Байгизина, опубликована Г. Вильдановым в жур. «Башкорт аймагы». 1925 г., № 1. С. 78—86. К сказанию предпосланы исторические сведения о том, что событие произошло в 1750-х годах в дер. Наурузово. Дедами башкир этой деревни (в тексте — «төп аталары», что букв. означает «основные отцы») были два брата по имени Айбагыш и Кюньбагыш. У Айбагыша был сын Килдеш, равного которому мэргэна* не было во всей округе. Кюньбагыш имел сына, также меткого стрелка, которого звали Кушкилде. От Кушкилде родился Карас. Он, как и отец, с малых лет увлекался стрельбой из лука, вскоре стал признанным батыром-мэргэном. В состязаниях между родовыми батырами-мэргэнами никто не мог превосходить двоюродных братьев Килдеша и Караса.

Говорится, что в то время был город Верхнеуральск, но «лишь с несколькими домами и земляной сторожевой башней-часовой, воздвигнутой наподобие ветряной мельницы». Называются озера Бугадак и Сабакты за р. Яик к востоку (западная часть нынешней Челябинской обл.), куда башкиры (в частности из дер. Наурузово) выезжали на летние пастбища. А озеро Исле служило границей между башкирскими и казахскими кочевьями.

Это было время, когда действовали обычаи барымты и карымты. Башкиры с казахами тоже не всегда жили мирно и спокойно. Угон скота соседей считался молодецеством. Но набеги не всегда увенчивались удачей, а часто кончались кровавой схваткой хозяев с угонщиками скота. О такой схватке между башкирским батыром Карасом и казахским батыром Акшой свидетельствует данное сказание.

Вступительная часть сказания содержит подробности обстоятельств, при которых казахи численностью около ста человек угнали табун лошадей дер. Наурузово. Это произошло в конце мая, когда родичи наслаждались свежим кумысом у старика Айбагыша, а его сын Килдеш-мэргэн находился в отъезде. Описывается, как Карас-батыр, услышав весть от прибежавшего табунщика об угоне лошадей, вскочил с места, надел на себя кольчугу, навесил колчан со стрелами, лук и, получив благословение матери, сел на оседланного Бузкашку — коня со звездочкой на лбу. В это время к нему обращается старшая мать рода со следующими словами:

— Батыр! Если угнали не весь скот, не отправляйтесь в погоню: и Килдеша нет дома, как бы беда не случилась с вами; если же больше половины скота угнали, попробуйте до Яика погнаться, но коли угонщиков много, возвращайтесь обратно.

Карас-батыр отвечает:

— Эсяй-мать! Я не возвращусь, пока не возверну скот. Пока у меня есть лук и стрелы, ни одного не пощажу! Вы оставайтесь в благословении. Да, отправляйте, — говорит, — кого-нибудь за Килдешем, пусть торопится за нами. Видать, его сиво-пегий конь угнан, пусть оседлает буланого коня с желтыми ногами!

Так сказав, Карас-батыр хлещет Бузкашку камчой и примерно с тридцатью егетами скачет в погоню за угонщиками. Догоняют в то время, когда угонщики уже переправились через Яик. Увидев их, примерно сто человек казахов, Карас предлагает своим спутникам остаться на расстоянии

примерно полутора верст от него; он поедет один, узнает, из каких мест эти казахи, кто их предводитель. И говорит: «Если между нами начнется стрельба и я потерплю поражение, то постарайтесь, чтобы мое тело не попало в руки недругов».

Так Карас поскакал далее один. Заметив за собой погоню, трое казахов остановились, другие погнали скот дальше. Пришпорив коня, с расстояния, откуда можно разговаривать, Карас обращается к предводителю казахов-угонщиков.

Диалог-выяснение отношений между батырами Карасом и Акшой, заклинание стрел перед пуском из лука и очередность стрельбы не имеют существенного отличия от публикуемого текста. Разница в следующем:

а) Автор списка неоправданно старался передать слова казахского батыра на его родном языке.

б) После убийства Акша-батыра первой же стрелой Караса имеется несколько драматичных эпизодов: в тот момент, когда к свалившемуся с коня Акша-батыру подбегают двое его товарищей и пытаются с него снять колычугу, башкирский мэргэн и в них пускает две стрелы, обоих на месте убивает. В это время на Караса налетает третий казах по имени Зайдагирсулак, оставленный за кустом в засаде, яростно кричит: «Ах, оборванец ты, истяк, оборванец! Убил же ты, убил, теперь как же появлюсь дома! Неужели нельзя было оставить в живых одного Акшу, хоть убив нас всех... Если я не отомщу тебе за Акшу, какая же польза от меня на этой земле?!» Карас вовремя замечает его приближение и пускает стрелу с плоским наконечником. Стрела отрубает ногу Сулака в бедре, да вырывает еще ребра коня. Карас торопится за скотом. Из-за засады появляется еще один казах и пускает в спину Караса стрелу. Обернувшись назад от слабого стука стрелы, Карас увидел приближающегося к нему стрелка и, быстро наложив на лук стрелу, пускает ее в наглеца. Тот падает с седла.

В то время, когда Карас уже достигал угоняемый скот, прибывает Килдеш. Налуганные казахи удирают, оставив добычу. Два брата преследуют их до согласованной между родами границы.

в) В конце текста говорится о местах, которые названы именами погибших в этой стычке казахских батыров.

3. **Карас-батыр.** Записано в 1969 г. в Уфе А. М. Сулеймановым от Ишмухамета Галаяутдинова, уроженца дер. Сураманово Учалинского р-на.— Фольклорный фонд БГУ.

Отличия:

а) Скот угнали, когда Карас находился на охоте. Нападение врага в то время, когда главного героя нет дома,— традиционный мотив в сказочно-эпическом творчестве.

б) В погоню за угонщиками скота отправляется Карас-батыр один.

в) Диалог-выяснение отношений между батырами-противниками происходит в обычной прозаической форме: На вопрос Караса «Кто ваш предводитель, пусть выйдет вперед. Как тебя зовут батыр, зачем пришел на землю башкир?» Акса (так именуется здесь казахский батыр) отвечает: «Зовут меня Акса, ста казахов я стою». На предложение Караса оставить скот без кровопролития, тот отвечает высокомерно:

Чтоб перед родом осрамиться,
Оставив угнанный скот,
Побоявшись одного истяка,
Невестка ли тут стоит твоя,
Укрывшись красным платком!

г) Заклинание стрел сохранено неполно. Карас-батыр первую стрелу пускает в седло Акса-батыра, а его ответную стрелу ловит и ломает пополам.

д) Вариант кончается, как и предыдущий, объяснением местных топонимов в связи с именами погибших казахских батыров.

БИЛАЛ И ДУСЯН

Записано в 1925 г. Г. Вильдановым в дер. Тунгатарово Тамьян-Катайского кантона (ныне Учалинский р-н Башкирии) от 75-летнего башкира Халила Аккужина.— Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 302. Л. 22; БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 78—79.

КУБЯК-БАТЫР

Записано Х. Габитовым «из уст одного башкира» (имя и место записи не названы) и опубликовано в его статье «Краткие образцы...». Перепечатано — БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 73.

АКШАМ-БАТЫР

Записано в 1960 г. Киреем Мэргэном от 93-летнего старика Аллабирде Юлтыева в дер. Юлтыево Оренбургской обл.— Научный архив. Ф. 3, оп. 21, д. 6. Л. 52—53; БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 72.

ЕРЭНСЭ-СЭСЭН

Записано в 1911 г. М. Бурангуловым от Минлебая Мамбетовича Саитова в дер. Каныкулово Оренбургской губернии.— Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 445. Л. 162—165.

¹ *Тот из прежних был хан.*— Возможно, имеется в виду узбекский хан Абул-хайр, живший в первой половине XV в.

КАРАСАКАЛ

Записано в 1907 г. М. Бурангуловым от Габит-сэсэна Аргынбаева (1856—1921) из дер. Идрисово нынешнего Баймакского р-на Башкортостана.— Научный архив. Ф. 25, оп. 1, д. 7. Л. 24—69 (машинопись); опубликовано с сокращениями — Бурангулов, 1943. С. 103—142. Текст разделен на одиннадцать глав.

Идентичный список данного кубайра за исключением I главы, представленный в 50-е годы Г. Сулеймановым, хранится в фольклорном кабинете Уфимского государственного института искусств: Сборник № 27. 1958 (машинопись, на башк. яз.). Л. 41—89. В 1988 г. опубликован Д. Валеевым в журнале «Агидель» (№ 5).

Перевод осуществлен с архивного текста.

Вариант: «**Кара ат тарихы**» — «**Легенда о Вороном**», запись М. Бурангулова. Машинописный текст на латинском шрифте хранится в фольклорном кабинете Уфимского института искусств: М. Бурангулов. Атты мактауга кайтып калган йырҙар һәм уларҙың тарихи легендалары (Песни, восхваляющие коня, и их исторические легенды). 1912—1938 гг. Л. 1—17. Под названием «**Караһакал һәм кара ат көйөнөң тарихы һәм йырҙары**» («**Карасакал и история возникновения песни о Караковом коне**») опубликовано в башкирском лит. журн. «Октябрь», 1939, № 8—9; то же повторно —

под названием «Кара ат» («Вороной») Д. Валиевым в ж. «Агидель», 1987, № 6.

Вариант представляет собой соединение самостоятельно бытующей легенды «Вороной» (см. БНТ. Т. 2. № 339) с кубаиром «Карасакал».

¹ *Родители решили Минлигул его назвать.* — В прошлом у башкир существовал (кое-где и ныне бытует) такой обычай: если ребенок родился с родинкой на лице или на другом месте, то его нарекали высоким именем с приставкой слова **миңле** — с **родинкой**: Миңле + Ғәли: Гәли — великий + с родинкой; Миңле + бай: бай (богатый) с родинкой; Миңле + бикә: богатая властная хозяйка с родинкой и т. д.

² *След Конгур-буги* — см. 25-е примечание к тексту «Идукай и Мурадым».

³ *Кипчакский край* — имеется в виду территория (в основном южная часть Башкирии от реки Нугуш до реки Сакмара), где обитали кипчаки в XVII—XIX вв. (см. Кузеев, 1974. С. 514 — карта № 2).

⁴ *Тамъян и Катый* — название башкирских родов, обитавших больше в Зауралье (р. Бол. Кизил), в нынешней Челябинской обл. между реками Миасс и Уй, а также в нынешних Сафакулевском и Альменевском районах Курганской обл.

⁵ *Прикусить ушко девицы* — имеется в виду древний обычай башкир и других тюркских народов, согласно которому два семейства, желая закрепить свои дружественные отношения, дают новорожденным сыну и девочке прикусить ушко друг у друга (по-старинному это означает наложить мету) и таким образом предварительно заключают брачный союз своих детей. Трагические последствия такого союза изображаются в эпическом сказании «Кузукурпяс и Маянхылу» (БНТ. Т. 1. № 9, 19).

⁶ *Уйын* (башк.) — игра. Имеется в виду традиционная игра молодежи, которая проводится весной на природе.

⁷ У мусульманских народов обряд поминок умершего устраивается на третий, седьмой и сороковой день смерти ближнего (өсөн, етеһен, кыркын укытыу).

⁸ *Первого среди батыров.* — В прошлом у тюркских народов, в том числе и у башкир, существовал обычай проведения специального йыйынбайги, посвященного годовщине исторического события или памяти выдающейся личности. Такого рода байги организовывала аристократическая верхушка и на поминках близкого в честь его духа на седьмой и сороковой день или в годовщину смерти. Наиболее яркое отражение получило это в эпосе «Куз-Курпяч» (БНТ. Т. 1. № 10).

⁹ *Как обрел у вас я кров.* — Известно, что Минлигул (Карасакал) зрелую свою молодость проводил в скитании по Средней Азии и Казахстану.

¹⁰ *...башкир к рукам прибрать* — по некоторым историко-архивным и фольклорным источникам известно, что у башкир, находившихся под усилившимся в XVIII в. колониальным гнетом русского самодержавия, возникло намерение иметь своего хана, чтобы обрести желанную свободу. Узнав об этом, Абулхайр-хан известил башкир о том, что «если они изберут себе ханом одного из его сыновей, то он им даст помощь отбиться от русских и ... основать свое царство, ни от кого независимое» (Игнатьев Г. С. 41). Затаенные помыслы казахского хана разоблачаются в кубаире «Ерэнсэ-сээн».

¹¹ *Я — Зунгар-хана младший сын Султангарей.* — По некоторым историческим данным, в Башкирии Карасакал объявился под именем младшего сына хана Джунгарии Султан-Гирей. В начале 1740 г. он был провозглашен башкирским ханом (см. Акманов. С. 42).

¹² *Принял решение дать батыру подкрепление и везира с ним послал* — по-видимому, здесь отражаются слухи о том, что у Карасакала много приверженцев не только в Джунгарии (или Зунгарии), но и в казах-

ских степях, что его 82-тысячное войско находится у Астраханского моря (см. Акманов. С. 42).

¹³ *В пещере укрываясь* — имеется в виду пещера в скале, которая находится на берегу р. Агидель (Белой) ниже дер. Котан Бурзянского р-на Башкирии (см. **Антон** в именном указателе).

¹⁴ ... *Безвозмездно землю, скот.* — Имеется в виду царский указ от 11 февраля 1736 г., по которому разрешалась не только продажа земель в Башкирии дворянам, офицерам и другим, но и безвозмездная передача башкирских земель тем, кто усердно служил в карательных отрядах (ПСЗ. Т. 9. № 6890).

¹⁵ ... *браки между ними.* — По тому же указу от 11 февраля 1736 г. запрещались браки башкир с казанскими татарами.

¹⁶ *Около Девичьих гор* — форма множественного числа взята ради рифмы. Так называемая Девичья гора имеется у многих населенных пунктов Башкортостана. Там молодежь устраивала традиционные игры обычно в честь наступления весны.

¹⁷ В строфе повествуется о легендарном Караате (Вороном скакуне), который якобы был отдан оренбургскому генерал-майору взамен 120 арестованных башкир-мятежников (см. Предание — БНТ. Т. 2. № 339).

¹⁸ *Абель* (Эбел) — сокращенное название имени Абулхаир-хана.

¹⁹ Восстание Акая — башкирское восстание 1735—1736 гг. под предводительством башкирского старшины Акая Кусимова.

²⁰ *Каратулпар* — вороной тулпар (крылатый конь), т. е. вороной конь, который был подарен Карасакалу.

ЮЛАЙ И САЛАВАТ

Согласно архивному источнику, записано М. Бурангуловым от Габитсэсна Аргынбаева (Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 445. Л. 268). Рукопись не сохранилась. В машинописном тексте 1939 г. сказано, что написано М. Бурангуловым (Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 226. Л. 98—162). Первые опубликованы в сб. Бурангулов, 1943. Там паспортчика отсутствует. Научная публикация — БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 92—124.

¹ *Шагали Шакман* — о деде Азналы (прадеде Салавата Юлаева) в исторических источниках сведений нет. Возможно, сказитель пользовался здесь каким-либо фольклорным источником-преданием о родословной Юлая Азналина. О том можно предположить хотя бы по рассказу Юлая о своем детстве в прологе исторического романа «Салават Юлаев» Степана Злобина, многократно переиздававшегося в Москве, Уфе и других городах. Там упоминается о Салтан-Гирее (так в романе; правильное — Султан-Гарей, т. е. Карасакал), который, находясь в гостях у Азналы (отца Юлая), «натянул богатырский лук Ш'гали=Ш'кмана». В конце рассказа Юлай, обращаясь к молодежи, слушателем его, говорит: «Лук Ш'гали-Ш'кмана лежит на дне сундука, и кто из вас натянет его?! Кто избавит народ от беды и неволи!?» Во всяком случае это не тот Шагали Шакман, который в числе четырех биев ездил в 1552 г. к царю Ивану Грозному от башкир племени тамьян с просьбой принять их племена в русское подданство. (Башкирские шежере. С. 71—74).

² *Сибирская дорога.* — После присоединения к Русскому государству (1552—1556) Башкирия делилась на четыре дороги — в смысле монгольского слова «даруга»: так назывались административные округа в Монгольской империи и ее части — в Золотой Орде. В названиях башкирских дорог сохранились следы былой раздробленности Башкирии, когда она после распада Золотой Орды была подчинена различным ханствам. Западная часть Башкирии называлась Казанской дорогой, центр и южная часть —

Ногайской, восточная — Сибирской. Четвертая дорога — Осинская — тянулась узкой полосой к северу от Уфы. Такое деление оставалось до конца XVIII в. (См. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. I. Уфа, 1956. С. 82—83).

³ Вся эта часть, по-видимому, в силу отмеченной нами исторической неподтвержденности родственной связи героев сказания с известным по шежере башкир племени тамъян бием Шагали Шакманом, противоречивости характеристики деятельности как Шагали, так и Азналы, опущена в предыдущих изданиях.

⁴ *Сняли с должности Азнали* — биографические сведения об Азнали, в т. ч. и о должности, какую он занимал, в исторических документах отсутствуют.

⁵ *И дела свои, и власть.* — По документам Оренбургской канцелярии в 1762 г. Юлай был сотником, а в 1766 г. — волостным старшиной (Гвоздикова. С. 183).

⁶ Речь идет о телке из потомства Конгур-буги, нашедшей дорогу на родину праматери. См. 25-е примечание к «Идукай и Мурадым».

⁷ *Все мятежники... решили возвращаться по домам.* — Вполне допустимо участие Юлая Азналина в восстании 1755 г., но документальными данными это пока не подтверждено (Гвоздикова. С. 187).

⁸ *... еще один, уже третий сын.* — Из показаний Юлая известно, что в 1774 г. у него было три жены. Одна из них была матерью Салавата. Кроме старшего сына Салавата, Юлай имел еще десятилетнего сына (Гвоздикова. С. 188).

⁹ *Вместе с Юлаем на ту царскую войну отправилось еще очень много мужчин.* — В предыдущих изданиях сказания полагалось, что здесь имеется в виду Семилетняя война 1756—1763 г., в которой участвовали и башкирские отряды. Но участие в ней Юлая Азналина не известно. В допросах после поражения Крестьянской войны 1773—1775 гг. Юлай говорил о своем участии «в походе для поимки Калмык... и в походе же в Польше». Документально подтверждено, что он был призван в ноябре 1771 г., чтобы «возглавить трехсотенную партию в составе 3000 отряда башкирской кавалерии, направляемого в Польшу в помощь русской армии, ведущей бой с польскими конфедератами. Юлай Азналин прибыл в Уфу с 8 лошадьми, вооруженный винтовкой (туркой), луком, саблей и копьем. Отряд выступил из Уфы в середине января 1772 г. Башкирские воины принимали участие в сражениях под Варшавой, Вильно и в других местах ... Мужество и отвага Юлая Азналина на полях сражений были отмечены специальной наградой» (Гвоздикова. С. 184).

Должны отметить здесь также тот анахронизм, который допущен в начале эпизода. Известно, что по фольклорным источникам Салават Юлаев родился в 1752 г., а по документальным данным — в 1754 г. (Гвоздикова. С. 181). Следовательно, утверждение о том, что «во время пира в честь рождения сына появился генерал» с царским предписанием к башкирам, не соответствует исторической действительности.

¹⁰ *Медаль получил из рук царя.* — См. предыдущее примечание.

¹¹ См. 5-е примечание.

¹² *Слова выговаривать стал, говорят.* — Опять же часто допускаемое в фольклоре временное смещение. К возвращению отца из Польского похода Салават был уже вполне сложившимся (восемнадцати или двадцатилетним) егетом, который, во время нахождения отца в Польском походе (1772 г.), исполнял его старшинские обязанности в Шайтан-Кудейской волости (Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. IV, ч. I. С. 399).

¹³ В строфе отражается обычай «урын ашы» (букв.: еда за место) — игра молодежи в свободном от родителей доме, куда каждый приносил определенный продукт (кто что смог), чтобы после игр вместе покушать.

¹⁴ В башкирской народной памяти сохранилось много стихов и песен, приписываемых импровизаторскому творчеству Салавата Юлаева. Первые на них обратил внимание известный русский писатель Филипп Нефедов (1838—1902), не раз побывавший в Башкирии, и пересказал некоторые в очерке «Движение среди башкир перед пугачевским бунтом; Салават, башкирский батыр» // Журн. «Русское богатство». 1880, № 10; перепечатан в сб.: Башкирия в русской литературе / Сост., предисловие, биографические справки, коммент. и библиография М. Г. Рахимкулова. Уфа, 1990. Т. 2. С. 77—94; семь стихов и песен записал также Р. Г. Игнатъев (1818—1886) и опубликовал в переводе на рус. яз. Давлетчина в статье «Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор», которая опубликована после смерти автора // Ученые записки Казанского университета. 1893; отдельное издание — Казань, 1894. Перепечатана в сб.: Башкирия в русской литературе. Т. 2. С. 281—300. В переводе Б. Турганова — в кн.: Поэзия народов СССР IV—XVIII веков // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1972. Т. 55. С. 543-547; а также в приложении к кн.: Сидоров В. В. О башкире-певце и бесстрашном бойце. Уфа, 1986. С. 158—163.

¹⁵ *Кто бы читал и писал.* — Салават был достаточно грамотным человеком на языке тюрки, о чем свидетельствуют его письменные приказы и письма из тюрьмы к близким. Должно быть, владел и русским языком, иначе он не смог бы командовать многонациональными повстанческими отрядами.

¹⁶ См. 7-ое и 8-ое примечания.

¹⁷ ... *имя старик свое скрыл.* — По общности ряда мотивов под образом старика подразумевается старец Баик Айдар-сэсэн, главный герой следующего сказания.

¹⁸ *Дал цыко ее укусить* — см. 5-ое примечание к «Карасакал».

¹⁹ По документальным источникам, у Юлая было два сына, старший — Салават (см. 8-ое примечание). У Салавата было три жены (Гвоздикова. С. 189), старшая из которых, согласно преданиям, — Амина, вдова его старшего брата.

²⁰ *В войне против немцев лет семь я ходил... Лишь затем стал главой у себя.* — Участие Юлая в Семилетней войне 1756—1762 гг. документально не подтверждено. См. 9-ое и 5-ое примечания.

²¹ *Когда огонь глотает народ...* — **Огонь глотать (ут йтоу)** — идиоматическое выражение, означающее «сильно, безысходно горевать».

²² *Всюду встречались такие сму.* — Имѣются в виду башкирские народные восстания XVII—XVIII вв., которые жестоко подавлялись царской армией, участники карались неслыханными способами: отрубали им руки, отрезали уши и языки, сажали на колья, подвешивали за ребро на «глаголе»... (См. гравюры XVIII в. в кн. Гвоздиковой. С. 210—212). О расправе над башкирскими повстанцами 40-х годов XVIII в. писал А. С. Пушкин в «Истории Пугачева»: «Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. «Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков), простили, отрезав им носы и уши». Многие из сих прощенных должны были быть живы во время Пугачевского бунта» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 томах. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 252). Как бы подтверждая это, Пушкин обрисовал в романе «Капитанская дочка» запоминающийся по страшным приметам образ безымянного «башкирца», схваченного с «возмутительными» листами Пугачева: «Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую шапку, остановился у дверей... Ему

казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году.— Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка». Далее, когда по приказу коменданта башкирца, все молчавшего «с видом совершенного бессмыслия», раздели и замахнулись плетью, он «застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок».

²³ На допросе в Москве Салават дал показание о том, что в октябре 1773 г. отец как дорожку семейную реликвию вручил ему «заслуженный... в Польше знак» (Гвоздикова. С. 185).

²⁴ Настоящее обращение Салавата Юлаева к народу так запало в душу слушателей, что, передаваясь из уст в уста как заветное слово национального героя и поэта, стало достоянием ныне живущих поколений благодаря трем записям, сделанным в разное время со слов людей нашего столетия.

Первая запись под названием «Башкорттар араһында колактан колакка кала килгән Салауаттың нотоғо» («Речь Салавата, передававшаяся из уст в уста среди башкир») опубликовано в 1922 г. С. Мирасовым в первой части «Труда научно-исторического органа при Комиссариате просвещения Башкирской советской республики» (Башкортостан шуралар йомһуриәте мәғәриф комиссариаты янындағы филми-фәнни вә тарихи ойошманың хезмәте»), с. 29—31. Перепечатано под названием «Салават телмәре» («Речь Салавата») в сб.: «Салауат батыр» (Сост. А. Усманов. Уфа, 1945. С. 43—45. Текст в основном в прозаической форме, лишь в конце имеется три строфы из 16 строк. В содержании существенной разницы нет. В русском пересказе, сделанном сотрудником Историко-археографического института АН СССР В. А. Забириным (текст без заглавия) — в сб.: «Песни и сказания о Разине и Пугачеве» / Сост. А. Н. Лозанова. М.: Academia, 1935. С. 212—215; с сокращениями под заглавием «Речь Салавата к башкирскому войску» — в сб.: «Пугачев в Среднем Поволжье и Заповолжье. Народное творчество, отрывки из литературных произведений, исторические документы / Сост. А. Н. Лозанова. Куйбышевское областное издательство, 1947. С. 43—44.

Вторая запись, по-видимому, сделана М. Бурангуловым (не известно от кого), приведена в его рукописном труде «Башкирская народная поэзия». — Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 445. Л. 204—205. Стихи, всего 20 строк.

Третья запись представлена в 1945 г. Вали Кулумбетовым и опубликована в № 6 журнала «Эдәби Башкортостан» 1952 г. в художественной обработке башкирского народного поэта Рашита Нигмати под названием «Бугәсәүгә кушылып, ир-батырға куш булып...» («Соединившись с Пугачевым, став его сподвижником»). Перепечатана в антологии «Башкирская поэзия». Уфа, 1953. С. 88—90.

²⁵ *Триста человек уложил, двадцать ран от них получил.* — В статье «Песня о батыре Салавате» Р. Г. Игнатъев, основываясь на предании, писал: «Салават в одном бою собственными руками положил более ста человек; в другой раз один отбил от целого полка... (Башкирия в русской литературе. Т. 2. С. 280). Собственно о том же говорится в одной из песен, приписываемых самому Салавату:

Я сразился со врагами
И врагов разил,
На меня напало разом
Триста человек.
Я от всех трехсот отбился,

Вынес конь меня
На широкую долину
К светлому ручью...
(Там же. С. 284—285)

БАИК И АЙДАР-СЭСЭН

Записано М. Бурангуловым в 1920 г. от Габит-сэсэна Аргынбаева.— Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 445. Л. 41—54 (первые три главы) и 177—192 (послед. глава). Впервые опубликовано с послесловием Нура Зарипова «Халык ижадының асыл өлгөһө» («Замечательный образец народного творчества») в журн. «Агидель», 1970, № 9; БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 82—91. Перевод осуществлен по этим изданиям, в которых главы озаглавлены, исходя из содержания.

По утверждению М. Бурангулова, Габит-сэсэн усвоил этот кубаир в 20-летнем возрасте (в 1876 г.) со слов сэсэна и кураиста Ишмухамета Мырзакаева (1781—1878).— Научный архив. Ф. 3, оп. 12, л. 445. Л. 192.

¹ *Казахские сэсэнны* — в примечании Бурангулова названо имя казахского акына (жырау) Бухара.

² *Бодаются в котле* — перефраз пословицы «Головы двух баранов не умещаются в одном котле».

³ *Дедушка твой Шагали* — см. 1-ое примечание к кубаиру «Юлай и Салават».

⁴ *Бараньей одарен был головой.* — По древнему обычаю тюркских народов, в т. ч. и у башкир, в большом пиру самым почетным гостям в знак уважения дают откусить мясо от бараньей головы.

⁵ *Белого царя признали власть они...* — Имеется в виду обращение вначале четырех, а затем и других башкирских племен к царю Ивану Грозному с просьбой принять их в русское подданство (1552—1556). Об этом свидетельствуют шежере башкирских племен (Башкирские шежере, № VI, VII, XI, XIII и др.).

⁶ Эта глава бытовала в прошлом как самостоятельное произведение — песня-предание под названием «Икенсе эрме» («Вторая армия»), близкое по поэтическому содержанию и музыкальной форме к публикуемому тексту. Впервые записано М. Бурангуловым в 1911 г. от кураиста Шаиха в дер. Мрясово Оренбургской обл.— Научный архив. Ф. 3, оп. 12, д. 219. Л. 31—38. Им же затем соединено со сказанием о Баик-сэсэне. Отдельно опубликовано — «Башкирские конники в Отечественной войне 1812 г. Легенды и песни» / Сост. А. Усманова. Уфа, 1944 (на башк. яз); в русск. переводе — БНТ. Т. 2. № 330.

⁷ *Играя на курае песню «Баик», встречал он батыров.* — Согласно преданию, песня названа именем автора, который, исполняя ее на курае, встречал башкирских конников, вернувшихся из «французской войны». Текст песни с нотной записью мелодии публиковался неоднократно: Любачев Л. Татарские и башкирские песни. М.: 1934; Башкирские народные песни / Сост., вступ. ст. и коммент. Х. Ахметова, Л. Лебединского и А. Харисова. Уфа, 1954 и др.

ГЛОССАРИЙ

В скобках — башкирское написание слова, когда оно отличается от русской транскрипции.

Агидель (Ағизел) — букв.: (ак) река (идель), отсюда общепринятое название на рус. яз. «Белая». Самая большая река Башкортостана, левый приток Камы.

Аждаха (аждаһа) — чудовищный змей-дракон. Согласно мифическим представлениям башкир и других тюркских народов змей, достигший двухсот- (300, 500) летнего возраста, превращается в аждаху, который обитает в водоемах.

Азамат (Азамат) — авторитетный мужчина; уважаемый.

Ай (Әй) — река, левый приток Караидели (Уфимки).

Айдар — оставленные при бритье длинные волосы на макушке, как символ особого положения мужчины в обществе.

Аймак — родовое подразделение в северо-восточной Башкирии; после разложения кровно-родственных связей — территориальное объединение семей на базе коллективного пользования общими пастбищами.

Айтас — гора, см. Аташ.

Ак — букв.: белое; чистое, доброе.

Алатау — гора на востоке Казахстана.

Алаш (Казах) — родовое территориальное деление, улус.

Алтай — горный хребет.

Алуш — гора вблизи г. Алушта в Крыму.

Аму — Аму-Дарья, река в Средней Азии.

Ант — клятва.

Арал — озеро в Средней Азии.

Аргамак (арғымак) — порода рослых быстрых и легких верховых лошадей, боевой конь.

Асылыкуль — букв.: Кислое или Сердитое озеро. В Давлекановском р-не Башкортостана.

Атай — отец.

Аташ (казах. Отас) — гора около г. Магнитогорска. Название образовано от «ут ташы» (казах. «от тасы»), что означает огненный или искрометный камень.

Аулия (әулиә) — святой.

Ашкадар — левый приток р. Белой. Там, где р. Стерля впадает в Ашкадар, основан г. Стерлитамак.

Бабай — почтительное обращение к пожилому мужчине, дедушке.

Бабуган (Бабуган-Яйла) — Горный хребет в Крыму.

Баг — сад, место блаженства.

Байга (бәйге) — состязание батыров в скачке на лошадях.

Байкыш — драгоценности.

Балкан-тау (Балкантау) — гора в Давлекановском р-не Башкирии. Одноименная гора имеется в Федоровском р-не Башкортостана и в Кунашакском р-не Челябинской обл.

Баля-тау (Бәләтау) — букв.: Беда-гора. Находится на берегу р. Нугуш у дер. Смаково Мелеузовского р-на Башкортостана.

Барымта — набег на территорию иноплеменников с целью угона скота и ответное нападение на грабителей.

Башкуняк (башкүнәк) — сосуд, изготовленный из кожи головы или шеи лошади, коровы.

Бий (бей) — знатный, богатый человек; предводитель племени, рода; административное лицо, приближенный к хану человек; бек.

Бика (бикә) — знатная или властная женщина, жена бия (бека).

Биштамак — букв.: устье пяти рек. Название возвышенности выше устья р. Яик (Урал).

Буз (Буз) — серый. В эпосе и сказках является традиционным определением масти крылатого коня-тулпара. Например: Акбузат, Бузтулпар, Бузтарлан или Тарлан-буз.

Газраил (Ғазраил) — ангел смерти, азраил.

Гяур (гәүер) — иноверец, немусульманин.

Дарья — большая река. В башкирском фольклоре употребляется и в смысле моря.

Джин — см. йыйын.

Дим — левый приток Агидели у г. Уфы, на рус. яз. принято «Дема».

Дулмат (Долмат) — река на территории нынешней Челябинской обл.

Дюльдюль (Дөлдөл) — мифический крылатый конь Гали-батыра, зятя пророка Мухаммада (Магомета).

Дью-пярий (Дейеү пәрейе) — злое демоническое существо, традиционный (больше сказочный) персонаж в фольклоре народов Ближнего Востока и Средней Азии. Часто не различается с дэвом (дива).

Дэв (дәйәү) — враждебное людям демоническое, часто многоголовое существо, традиционный (больше сказочный) персонаж в фольклоре народов Ближнего Востока и Средней Азии.

Еле — жерди, прибитые на столбах для привязи коней.

Елян (елән) — верхняя легкая одежда типа кафтана без воротника.

Ерау, ераусы (йырау) — толкователь, предсказатель; сэсэн высокого таланта. У казахов и каракалпаков — жырау.

Зунгария — Джунгария. Ойратское ханство, сложившееся в 30-х гг. XVII в.

Идель — Волга. Часто так сокращенно называется Агидель — Белая.

Изгелек — благоденствие, милость.

Ик (Эйек) — правый приток р. Сакмара в среднем ее течении (Большой Ик).

Илик — река на северо-западе Казахстана.

Иргизли (Ырғызлы) — река, левый приток Агидели в Бурзянском р-не Башкортостана.

Иремель (Ирэмәл) — горный хребет в верховьях р. Белой в Учалинском, Белорецком р-нах Башкортостана.

Ирендык (Ирәндек) — горный хребет, один из южных отрогов Уральских гор.

Истяк (истәк) — так в старину казахи пренебрежительно называли башкир.

Йыйын — общеродовой (общенародный) сход, съезд, где обсуждался важный для рода (страны) вопрос. А после обычно проводились традиционные спортивные соревнования и поэтические состязания сэсэнов, певцов, кураистов, танцоров.

Кааба — храм в священном городе мусульман Мекке, куда правоверные мусульмане совершают паломничество — хадж.

Кабды — река на северо-западе Казахстана.

Кадир-тюн (кәзер төн, кәзер кисәһе) — 26-ое число месяца рамазан. По учению ислама, в эту ночь открывается небосвод и ангелы спускаются на землю. Тот, кто в этот момент успеет загадать себе желание, оно, якобы, непременно сбудется.

Казы (казы) — колбаса, приготовленная из цельной полосы конского сала.

Каирды (Кайырзы) — река на территории Челябинской обл.

Казый (араб.) — букв.: тот, кто решает. Мусульманский судья, являющийся духовным лицом.

Камар (кәмәр) — пояс, украшенный драгоценными камнями.

Караби (Караби-яйла) — горный хребет на южном побережье Крыма, восточнее г. Ялты.

Карагуш (карағош) — букв.: черная птица. Большой подорлик.

Карагым (каз. карағым) — любимый, лучи глаз моих.

Караидель (Қаризел) — р. Уфимка, большой правый приток Агидели.

Карымта — обычай кровной мести.

Касмарт (Қасмарт) — правый приток р. Сакмара в среднем ее течении (Касмарка).

Катык (катык) — квашенное по особому рецепту молоко.

Кафтау — сказочная высокая гора, за которой живут дэвы и другие демонические существа.

Кашка (кашка) — батыр, выделяющийся среди других своей силой и сметливостью.

Кибла (араб.) — направление на Каабу в Мекке.

Кизил (Қызыл) — левый приток р. Урал.

Кужа (казах.— коже) — напиток, изготовленный из отвара проса или ячменя, пшеницы.

Кузы ярун (кузы ярун) — букв.: баранья лопатка. Стрела с плоским режущим наконечником.

Куксятау (Қүкәтау, по казах.— Кокшетау) — букв.: голубая гора. На этой горе расположен город Кокчетав в Казахстане.

Курай — башкирский народный духовой музыкальный инструмент из тростника.

Курбаши (Қор башы, корбаш) — начальник определенной войсковой части или войска в целом.

Кускян (Қүскән) — речка.

Кусэм (қусәм) — предводитель.

Курут (корот) — высушенный на солнце сыр из вываренного кислого молока.

Куфия — куфический почерк VII—XI вв., коим был написан Коран.

Кызгатау (қызғатау) — болотная птица, большой веретенник.

Кылыс-тау — букв.: Гора-меч.

Мал — скот, добро.

Мекка — город в Саудовской Аравии, где Магомет (Мухаммад) объявил себя пророком.

Миасс (Миәс) — правый приток р. Исети, бассейна Тобола, на территории Челябинской области.

Мосэл (Мәсәл) — двенадцатигодичный цикл лунно-солнечного календаря, применявшегося восточными народами, в т. ч. мусульманами. Каждый год повторяющегося цикла имел животное название: год быка (коровы), год барса (тигра), год Зайца, год лу (дракона, рыбы), год змеи, год лошади, год овцы, год обезьяны, год курицы (петуха), год собаки, год свиньи.

Мугур-мугур (мөгөр-мөгөр) — междометие, обозначающее мычание скота.

Мэргэн (мэргэн) — меткий стрелок.

Намаз (намаз) — молитвенный обряд мусульман, совершаемый пять раз в день: утром (иртэнге намаз), в полдень (өйлә намазы), вечером до заката солнца (икенде намаз), после захода солнца (акшам намаз) и перед сном (йәстиг намаз).

Нарыс (Нарыстау) — гора в Альшеевском р-не (на запад от г. Стерлитамака).

Науруз (Наурыз, Науырзы, Науырза) — башкирская деревня Наурузово в Учалинском р-не Башкортостана.

Нугуш (Нөгөш) — правый приток Агидели в среднем ее течении.

Нукер (Нөгөр, нөгәр, нөкәр) — воин отряда охраны при хане или военачальнике; батыр-единомышленник, сотоварищ.

Ойсук (Өйсүк, Өйшөк, Үйшүк) — местность, на которой расположен г. Гурьев в Казахстане.

Рәжем (рәжем) — вид религиозного наказания: провинившегося человека зарывают по пояс в землю и забивают камнями.

Сагут — древний город-крепость в Крыму на крутом горном побережье.

Сакмар, Сакмара (Һакмар) — река в Южной Башкирии и Оренбургской обл., самый большой правый приток Урала.

Сальют (Һалйот) — название башкирского рода на северо-востоке Башкортостана.

Сарай — город, в котором находилась ставка хана Золотой Орды.

Селеук (Һәләүек) — правый приток Агидели, впадает около г. Стерлитамака.

Сим (Әсем) — правый приток Агидели в среднем ее течении.

Сина или Син, Цин, Чин — Китай.

Сукмар — палица, дубинка.

Сулпан — утренняя звезда, Венера.

Суюнсе (Һөйөнсө) — вознаграждение за радостную весть.

Сэмсә (сәмсә) — кожаная вышитая женская обувь.

Сәсэн (сәсэн) — сказитель-импровизатор, создатель и исполнитель эпических сказаний; острослов, борец за справедливость.

Табантал — река в Западном Казахстане.

Такмаки (такмак) — название башкирского песенно-плясового жанра, чашушки.

Такыя — тубетейка.

Тамга — родо-племенной атрибут, клеймо в виде определенных знаков-очертаний, которым метили владения, скот и хозяйственный инвентарь данного племени, рода и родовых подразделений.

Танып — правый приток Агидели в нижнем ее течении.

Тараул — поляна в Бурзянском р-не Башкортостана.

Тархан — крупный землевладелец.

Темник — начальник десятитысячного войска, полководец.

Тенгри, тэнгри (тәнре) — верховный бог неба древних тюрков и монголов.

Тунле — река на южном побережье Крыма.

Туй — свадьба, пир.

Тук — река на территории нынешней Оренбургской обл.

Тулпар — сказочный крылатый конь.

Турсук (турһык) — бурдюк.

Тур-тау — священная гора Турсина на Синайском полуострове. В религиозной литературе ислама (в т. ч. и в Коране) говорится, что на нее поднялся пророк Муса (по Библии — Моисей), чтобы повидаться с Аллахом.

Тура (түрә) — должностное лицо, начальник.

Туяляс (Төйәләс) — река в Баймакском р-не Башкортостана, приток р. Кизил.

Уган (уған) — др. тюрк. бог.

Узаман (узаман) — передовой, почетный; старейший; почтенный (в обращении).

Узян (Үзән) — левый приток Агидели в верхнем ее течении.

Уил (Уйыл) — река в Челябинской обл. Современное русское название — Уй.

Уйташ (Өйташ) — букв.: каменный дом. По-видимому, пещера или гора с пещерой.

Улюш (өлөш) — доля, участь; часть власти или владения.

Урал-тау — Урал-гора.

Уран (оран) — родовой боевой клич. Башкирские племена и роды имели свои родовые (племенные) атрибуты, коими являлись определенное слово-ключ, дерево и птица. Уран являлся секретным зовом (откликом), паролем.

Ургенистан — узбекское ханство на Ургане.

Уф — междометие сожаления, соответствует вздоху «Ох».

Фарман — приказ, указ.

Хылуу (һылуу) — красавица. Так обращаются часто башкиры к девушкам.

Черная вода — стоячая вода, озерная вода.

Шежере (шәжэрә) — родословная племени или рода.

Шихан — гора среди степи, имеется в виду гора на правом берегу р. Селеук около г. Стерлитамака.

Шульген-куль (Шүлгән) — озеро в Бурзянском р-не Башкирии.

Ырыу — род. Нередко так называются и племя, и родовые подразделения.

Эйтеш (эйтеш) — поэтическое состязание сэсэн-импровизаторов, показавших «айтыс».

Эмба — река в Западном Казахстане.

Юрматинцы — башкиры племени юрматы.

Юрт (йорт) — поселения определенного рода или племени, родимое место, отчий край. Часто употребляется в сочетании с «иль» (страна) — «иль-юрт».

Юрта — войлочное жилище круглой формы, кибитка.

Юшатырь — небольшая река на юге Башкортостана (Кумертауский р-н).

Яик (Яйык) — прежнее (до 1775 г.) название реки Урал.

Яйлау — джайлау, летние кочевки.

Яман-тау — букв.: плохая, злая гора. Самая высокая гора на Южном Урале (в Белорецком р-не Башкортостана), высота вершины — 1640 м. Согласно эпосу «Урал-батыр», она сложена из туши Азраки — царя дэвов и хозяина живой воды, которого в единоборстве победил Урал-батыр.

Янсык — кошелек для денег и других драгоценностей, обычный в прошлом подарок башкирской девушки своему жениху после венчания.

Яса Чингизхана (яса — букв. закон) — свод постановлений, обнаруженный Чингисханом при избрании его великим ханом на Курултае в 1206 г., памятник права монгольского средневековья.

Ясак (яһак) — дань, уплачиваемая хану, государству натурой.

Яубаши (Яу башы, яубаш) — букв. глава войска, военачальник.

УКАЗАТЕЛЬ

эпических персонажей и упомянутых легендарных и исторических личностей.

Цифры после разъяснений означают порядковые номера произведений в томе, в которых действует данный персонаж или встречается собственное имя.

- Абдулла — сын Акай-батыра, прислужник царских властей.— 18.
Аблай-хан (1710—1781) — хан Киргиз-Кайсакского ханства.— 18, 20.
Абулхаир (1693—1748) — казахский хан Младшего жуза.— 17, 18.
Азнай (Азнай) — легендарный батыр-сотник.— 1.
Азналы (Азналы) — дед Салавата Юлаева.— 19, 20.
Ай (Эй батыр) — легендарный батыр племени Ай (Эй).— 19.
Акай-батыр — башкирский старшина Акай Кусимов (Кусимов), один из предводителей башкирского восстания 1735—1740 гг. Память о нем сохранилась в одноименной легенде — БНТ, т. 2, № 236. — 18, 19.
Акмамбет (Акмәмбәт) — башкирский тархан (крупный феодал), годы жизни неизвестны.— 17.
Аксахан — согласно казахскому варианту эпоса «Ир Таргын», старший из сорока крымских ханов.— 8, 9.
Акша-батыр — казахский батыр.— 15.
Акшам-батыр — местный легендарный батыр.— 14.
Акъюнус или Акъюндуз — дочь Аксахана, возлюбленная Таргын-батыра.— 8, 9.
Алдар — Алдар Исякаев, один из предводителей башкирского восстания 1705—1711 гг.— 4, 18.
Алпамыша — эпический герой общетюркского героического сказания.— 7.
Альбакмырда (Элбәкмырза) — одно из фольклорных имен сына Идиге (Идукая).— 2.
Амекия — местный батыр, хозяин легендарного вороного коня.— 18.
Антон — русский беглец. О нем сложилась и до сих пор бытует в Бурзянском р-не Башкортостана легенда «Скала Антона» (БНТ. Т. 2. № 46).— 18.
Баба-Газиз (Ғәзиз баба) — Легендарный святой старец (аулия), отец Баба-Тукляса.— 1.
Баба-Тукляс (Төклөс баба) — легендарный святой старец.— 1.
Бабсак-бий — легендарный родоначальник башкир племени Кыпсак, эпический батыр, действующий в сказании «Кусяк-бий».— 1, 4, 7.
Баик Айдар — башкирский сэсэн, который, согласно фольклорным источникам, родился в 1710 г. и жил более ста лет.— 19, 20.
Байназар-тархан — по фольклорным источникам, отец Баик-сэсэна.— 20.
Бану — эпический персонаж, возлюбленная Карасакала, героя одноименного кубaira.— 18.
Барсын, Барсынхылу (Барһынһылыу) — девушка-богатырка, вышедшая замуж за Алпамышу в эпосе «Алпамыша» (БНТ. Т. 1).— 7.
Бату или Батый-хан — старший сын Джучи, внук Чингиз-хана, завоеватель юго-восточной Европы до Дуная и основатель государства «Золотая Орда».— 7, 19.
Батырша — идеолог башкирского восстания 1755—1756 гг. Абдулла Алев.— 18, 19.
Баязит-батыр — местный легендарный батыр.— 12.
Биккул (Биккол) — местный легендарный батыр-сотник.— 1.

- Билал — 16.
- Борзой пес (кук бурзай) — спутник Идукая.—1.
- Буланый или Саврасый — боевой конь Идукая.—1.
- Булат — местный батыр.—18.
- Бухар (Бохар) — известный казахский акын-жырау Бухар Қалкамана сын (1693—1787).—20.
- Вороной — легендарный конь (Қарат), подаренный народом Қарасакала. См. 17-ое примечание к тексту «Қарасакал» —18.
- Гайса (Ғайса) — мусульманский пророк. У христиан — Иисус Христос.—18.
- Гали-батыр — зять пророка Мухаммада (Магомета), в религиозных сказаниях богатырь-проповедник Ислама.—1.
- Ганака (Ғәнәкә) — рабыня Туктамыш-хана, внебрачная жена Идукая, мать Мурадыма.—1.
- Гюльбазир (Гөлбәзир) — по фольклорным источникам, одна из жен Салавата Юлаева, дочь Тархана Сагынбая.—19.
- Гулюк-батыр — брат Сукем-батыра.—11.
- Дамми-бий — легендарный злой башкирский бий.—1.
- Девушка-башкирка — безымянный персонаж.—10.
- Дусян (Дусән).—16.
- Дэв, похитивший дочь Сатмыр-хана.—2.
- Егет-кыпсак — безымянный герой.—10.
- Емелька Пугач, или, по-башкирски, Бугасау (Йәмәлкә Бугәсәу) — донской казак Емельян Пугачев, вождь Крестьянской войны 1773—1775 гг.—19.
- Ерэнсә (Ерәнсә) — легендарный сәсэн-мудрец, встречающийся также в казахском, каракалпакском, ногайском (Жиренше) и татарском (Жирәнчә) фольклорах.—17.
- Ибрак — сибирский хан Ибрагим, известный под именем Ибрак, жил во второй половине XV в.—17.
- Иван-царь — русский царь Иван Грозный.—19.
- Идель (Изел) — сын Урал-батыра в одноименном эпосе.—1, 7, 18.
- Идукай(Изеүкәй) — башкирское фольклорное название имени золотоордынского темника Едигея (1352—1419), сыгравшего большую роль в междоусобной борьбе чингизидов за центральную власть, приведшей к распаду Золотой Орды в конце XIV века. В исторической литературе его происхождение окрашено легендарными красками, почерпнутыми из преданий о нем. В эпосе именуется: Идиге, Изиге, Идыге, Идегэ, Эдигэ, Едиге, Идегей, что во всех случаях означает добрый, заботливый или заботящийся о всех.—1, 2.
- Исян, Исянбай (Иҫән, Иҫәнбай) — приемный отец Мурадыма.—1.
- Ишмихан — сын хана Джунгарии.—18.
- Қабардин — сказочный калмыцкий хан или батыр, похитивший дочь Сатмыр-хана. О вариантах см. 77-ое примечание к тексту «Идукай и Мурадым».—1.
- Қаип (Қайып) — по фольклорным источникам, четвертый сын Байназар-тархана (отца Баик-сәсәна).—20.
- Қанықай (Қанықай) — местный легендарный батыр-сотник.—1.
- Қарабай-батыр — один из легендарных батыров при Туктамыш-хане.—1.
- Қарас — башкирский батыр и сәсэн в Тамьян-Қатайском кантоне (ныне Учалинский р-н Башкортостана), живший в XVII в. Предание о нем см. БНТ. Т. 2. № 236.—15.
- Қарасакал (Қараһакал) — букв.: Черная борода; прозвище предводителя башкирского восстания 1735—1740 гг. Минлигула (Миндигул) Юлаева.—18, 19, 20.

Картан (Картан) — легендарный калмыцкий хан, младший брат Суна-батыра.—18.

Каскын (Каскын) — местный легендарный батыр.—1.

Катай — легендарный родоначальник одноименного башкирского племени.—1, 19.

Келяйле батыр (Келэйле) — легендарно-эпический персонаж, сподвижник Идукая.—1.

Кильмят (Килмэт) — вероятно, ошибочное название имени Килмяк-батыра (Килмяк-абыза) Нурушева, старшины Юрматинской волости, активного участника башкирского восстания 1704—1711 гг. и ставшего затем одним из предводителей восстания 1735—1740 гг.—18.

Киньябика (Кинйэбикэ) — младшая дочь Туктамыш-хана.—1.

Котлы-Тимир — см. 2-ое примечание к тексту «Муйтэн-бий».—3.

Кубяк-батыр (Көбәк батыр) — герой одноименного кубаира.—13.

Кужак (Кужак) — пожилой батыр, эпический персонаж.—8, 9.

Кусюм-батыр — Кусюм Тулякаев (Көсөм Туләкәев), один из предводителей башкирского восстания 1705—1711 гг.—18, 19.

Кусяк (Кусәк) — герой эпоса «Кусяк-бий» (БНТ. Т. 1).—7.

Кутлу (Котло) — усеченное имя отца Идукая. Полное — Кутлукая, Кутлукая.—1.

Кыпсак — легендарно-эпический батыр-родоначальник одноименного башкирского племени.—1.

Майки-бий — полуполюгендарная личность.—3.

Мамай-хан — Хан Ногайской орды Ших-Мамай, сын Мусы-хана, праправнук Едигея (Идиге).—6.

Масгут, Масгут (Мәсәгут, Мәсгут) — легендарный старшина, которому посвящен кубаир «Старшина Масагут», бытующий в устной традиции и поныне в Абзелиловском и Баймакском р-нах Башкортостана (БХИ: Эпос. Кн. 3. С. 74 и 304—305).—18.

Масем (Мәсем) — персонаж, в образе которого воплощен в эпическом сказании «Акбузат» враждебный людям хан-тиран.—7, 18, 19.

Матый — дочь Картан-хана.—18.

Маулитбай —18.

Маянхылу (Маянһылыу), в усеченной форме Маян — возлюбленная эпического героя Мэргэн.—7.

Минлигул (Миңлегол) — букв.: раб с родинкой. См. Карасакал.—18.

Муйтэн-бий (Мөйтән бей) — легендарный родоначальник башкир племени усерган, обитавших на Южном Урале до Золотой Орды.—3, 4.

Мурадым (Моразым) — башкирский вариант имени младшего сына Едигея — Нуретдина. С его деятельностью связано возрождение Мангытского юрта в первой трети XV в.— впоследствии Ногайской Орды. В вариантах эпоса: Мурадым, Мырат-бий, Нуретдин, Нураддин, Нуралин).—1.

Мурат — мулла.—18.

Муса-хан — хан Ногайской орды в XVI в. (умер ок. 1509 г.), правнук Едигея (Идиге), отец Мамай-хана.—6.

Мэргэн (Мәргән) — букв.: меткий стрелок. Эпический герой.—7.

Надырша (Нәзәршә) — легендарный батыр, борец против ногайских ханов.—7.

Нияз-батыр — по фольклорным источникам, отец Карасакала.—18.

Ногос (Нөгос) — местный батыр.—18.

Нугай-хан — ногайский хан (нарицательное имя).—7.

Нэркэс (Нәркәс) — от персидского «нарцисс», русалка; дочь водяного царя в эпическом сказании «Акбузат» (БНТ. Т. 1. № 2).—7.

Сагынбай (Һағынбай) — тархан, тесть Салавата Юлаева.—19.

Саит-батыр (Сәйет, Һәйет) — башкирский старшина — предводитель восстания башкир, мещеряков, казанских татар и калмыков Приуралья в 1681—1683 гг.—18, 19.

Салават — национальный герой башкирского народа Салават Юлаев (1754—1800).—17.

Салахи (Сәләхи, Сәләхетдин) — военачальник при Туктамыш-хане.—1.

Сатмыр-хан — одно из фольклорных имен среднеазиатского правителя Тамерлана (1336—1405), прозванного на тюркских языках «Аксак Тимир» — Хромой Тимир. Другие варианты: Са-Тимир-хан, Сын-Тимир-хан. Имя «Сатмыр» образовано от фарсидского префикса «са» означающего «превосходный», «самый высокий» и тюркского слова «тимир» («темир», «тимир»), т. е. железо.— 1, 2.

Сафар (Сәфәр) — местный легендарный батыр-сотник —1.

Сергеев — казанский комиссар Александр Сергеев, который был направлен в начале 1705 г. в Башкирию с задачей собрать лошадей и ликвидировать возмущение башкир, имевшее место в 1704 г. А он для устрашения населения палил деревни, проявлял неслыханную жестокость, чтобы подавить волю башкир к сопротивлению, и тем самым вызвал новое, более сильное возмущение — башкирское восстание 1705—1711 гг.—18.

Сукем-батыр — легендарный батыр-предводитель башкир в борьбе против Сибирского ханства.—11.

Султангарей (Солтангәрәй) — подложное имя исторического Карасакала, с которым он появляется в Башкирии перед восстанием 1735—1740 гг. См. примечание 11 к тексту «Карасакал».—18.

Султан-хан (Солтан хан) — хан узбекского ханства Ургенистана.—18.

Суна-батыр — легендарный калмыцкий батыр.—18.

Сура-батыр — потомок Урал-батыра, отец Хаубана (см.).—18, 19.

Сыгтай, Чагатай, Чегатай — второй сын Чингизхана от главной жены.—1.

Сын-Тимир-хан — другое фольклорное имя Тамерлана (см. Сатмыр-хан).—2.

Табын — легендарный родоначальник одноименного башкирского племени.—1.

Таип (Тайып) — по фольклорным источникам, третий сын Байназар-тархана, второй брат Банк-сэсэна.—20.

Таймас (Таймаҫ) — башкирский тархан. В легенде «Как Таймас Шаимов стал тарханом» (БНТ. Т. 2. № 242) фигурирует как прислужник царской власти, принимавший участие в подавлении восстания 1735—1740 гг.—18.

Талай-хан —3.

Тамъян — легендарный родоначальник одноименного башкирского племени.—1, 19.

Танып — по фольклорным источникам, второй сын Байназар-тархана, брат Банк-сэсэна.—20.

Танхык (Танһык) — по фольклорным источникам, пятый сын Байназар-тархана, младший брат Банк-сэсэна.—20.

Таргын-батыр — герой одноименного эпического сказания.—8, 9.

Тевкелев (Тәфкиләу) — полковник Кутлумухамет Тевкелев, который выделялся особой жестокостью в подавлении башкирского восстания 1735—1740 гг. Имя его проклинается в песне «Тафкиляу» (БХИ: Песни. Кн. 1. С. 54—57).—18, 19, 20.

Теляукай (Теләукәй) — местный батыр.—18.

Токорак (Токорак) — местный батыр.—18.

Тора-бий — в башкирских шежере, легендах и преданиях фигурирует под именем Торахан (Турахан). См. примечание 15 к тексту «Идукай и Мурадым».—1.

- Тугазак — см. 3-е примечание к тексту «Муйтэн-бий».—3.
- Тук-батыр — эпический персонаж, младший сын Яик-батыра.—1.
- Туктамыш — хан Золотой Орды Токтамыш или Тохтамыш (? —1406).—1, 2, 7.
- Тукхан (Тукхан) — местный легендарный батыр-сотник.—1.
- Тукян (Тукән) — местный батыр.—18.
- Тура-хан — см. Тора-бий.—1.
- Угедей (Угәдәй) — третий сын Чингизхана от главной жены.—1.
- Умар-батыр (Умәр батыр) — легендарный батыр-аулия.—1.
- Ураз-хан — ? —1.
- Урак (каз. Орак) — внук Мусы-хана, сын Алшагыра (умер в 1548 г.).—6.
- Урал-батыр — эпический герой одноименного кубaira.—1, 18, 19.
- Фирдаус (Фирзәуес) — дочь Сатмыр-хана.—1.
- Хабрау (Һабрау) — много повидавший старец, легендарный ерау, сээн. В вариантах эпоса об Идиге: Сыпра-жырау, Сафардау.—1.
- Ханбика — жена Туктамыш-хана.—1.
- Хаубан (Һәүбән) — главный герой эпического сказания «Акбузат», сын Сура-батыра.—1, 7, 18, 19.
- Хызыр — от арабского слова «хидр» (зеленый). Легендарный пророк, святой старик (аулия), который помогает заблудившимся путникам. Фигурирует в эпосе и сказках тюркских народов (особенно часто в фольклоре народов Средней Азии и Ближнего Востока), изображается обычно в белой чалме и с длинным зеленым посохом в руке. Нередко называется «Хызыр-Ильяс», является покровителем героя, обездоленных сирот, оказывает чудесную помощь и влюбленным. Соответствует Илье-пророку у христиан.—1.
- Чингиз-хан или Чингисхан (Сынғыз хан). Собственное имя — Тэмуджин, Темучин (ок. 1155—25.08.1227) — основатель первого в истории единого монгольского государства, полководец.—1, 4, 6, 7, 19, 20.
- Шагали (Шәғәли) — сторонник Туктамыша. См. 4-ое примечание к «Идукай и Мурадым» и примечание к «Юлай и Салават».—1, 19.
- Шакман сын Шагалия — один из батыров при Туктамыш-хане.—1.
- Шиган (Шиган) — местный батыр.—18.
- Шульген (Шүлгән) — подводный царь дэвов-змеев в одноименном озере.—1, 7.
- Ыньбика (Эңйебикә) — старшая дочь Туктамыш-хана, жена Мурадыма.—1.
- Ыршак-бий — в исторических источниках не обнаружен. Возможно нарицательное имя от гидронима реки Уршак (Өршәк) — левого притока Агидели в среднем ее течении.—1.
- Юлай — отец Салавата Юлаева, старшина Шайтан-Кудейской волости, активный участник Крестьянской войны 1773—1775 гг. Юлай Азналин (1729 или 1730—1797).—19.
- Юлдаш — возможно, Юлыш-батыр, участник башкирского восстания 1705—1711 гг.—18.
- Юрматы — легендарно-эпический батыр, родоначальник одноименного башкирского племени.—1.
- Ябраил — один из приближенных к богу (Аллаху) ангелов — Джибраиль, у христиан Гавриил. Бог сделал его своим посланником-посредником к людям.
- Яик (Яйык) — сын Урал-батыра в одноименном героическом эпосе.—1, 7, 18.
- Яик-батыр — легендарно-эпический герой, сподвижник Идукай.—1.
- Якшигул (Якшығол) — местный батыр.—18.
- Янбай — эпический персонаж, один из приближенных батыров Туктамыш-хана. В вариантах — Кек или Кен-Джанбай, Жанбай.—1.

СОДЕРЖАНИЕ

текст коммент.

Исторические сказания (<i>Вступительная статья</i>)	5	
Идукай и Мурадым. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	45	333
Изиге (<i>Сказочная версия</i>). <i>Перевод Г. Шафикова</i>	188	348
Муйтэн-бий. <i>Перевод Б. Умитбаева</i>	196	367
Муйтэн-бий (<i>Вариант</i>)	198	
Идель-юрт. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	200	368
Сказание о Мамай-хане. <i>Перевод Р. Зариповой</i>	204	368
Мэргэн и Маянхылу. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	206	369
Таргын-батыр. <i>Перевод А. Майорова</i>	219	370
Таргын и Кужак. <i>Перевод А. Майорова</i>	223	370
Егет-кыпсак и девушка-башкирка. <i>Перевод А. Майорова</i>	227	371
Сукем-батыр. <i>Перевод А. Майорова</i>	229	372
Баязит-батыр. <i>Перевод А. Майорова</i>	231	372
Кубяк-батыр. <i>Перевод А. Майорова</i>	233	375
Акшам-батыр. <i>Перевод А. Майорова</i>	235	375
Карас и Акша. <i>Перевод А. Майорова</i>	236	372
Билал и Дусян. <i>Перевод А. Майорова</i>	240	375
Ерэнсэ-сэсэн. <i>Перевод А. Майорова</i>	242	375
Карасакал. <i>Перевод А. Майорова</i>	245	375
Юлай и Салават. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	278	377
Банк и Айдар-сэсэн. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	320	381
Комментарии	332	
Глоссарий	608	
Указатель эпических персонажей и упомянутых легендарных и исторических личностей	617	

Печатается по решению
ученого совета Института истории,
языка и литературы
Уфимского научного центра
Российской Академии наук

БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО Т. 10

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭПОС

Редактор *Ю. Андрианов*
Художник *А. Костин*
Художественный редактор *А. Мухтаруллин*
Технический редактор *Н. Зарипова*
Корректоры *Ниязова А. В., Пастушкова И. П.*

Лицензия № 0168, 10.04.96.

Сдано в набор 28.05.97. Подписано к печати 29.07.98. Формат бумаги 84X108^{1/32}. Бумага офс. № 1
Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 20,58+0,21 форз.+0,42 вкл. Усл. кр.-отт
22,68. Учетн.-издат. л. 23,82+0,38 форз.+0,37 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 446. Цена свободная

Башкирское издательство «Китап». 450001, Уфа-1, ул. Левченко, 4а.
Уфимский полиграфкомбинат. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

Scan Kreyder - 17.03.2019 - STERLITAMAK

